

**Алекс
Шу**

Последний солдат СССР

2018

Annotation

Альтернативная история... Герой был убит в 1993 году при штурме Белого Дома в Москве, после чего попал в свое детское тело, в 1978 год. ... У меня появилась возможность попробовать что-то изменить. И я сделаю все, чтобы сохранить Родину, и избавить людей от будущих потрясений, войн и катаклизмов. Не знаю, получится ли у меня предотвратить падение страны в пропасть? «Озарение» в первый день, помогло мне увидеть цельную картину происходящего. Закостенелая и уже порядком надоевшая партийная пропаганда, вызывающая уже не столько смех, сколько раздражение у значительной части населения, зажавшаяся партийная верхушка из глубоких старцев, постепенно впадающих в маразм. А еще есть теневые дельцы в некоторых регионах уже крепко слившиеся с властью, мощная пропагандистская машина и спецслужбы Запада, работающие на развал своего идеологического противника, диссиденты, расшатывающие систему изнутри. Слишком много факторов против одиночки, желающего остановить разрушение государства, обусловленное определенными общественными процессами и ходом истории. Но я – последний солдат СССР, имеющий шанс повернуть в обратную сторону Маховик Истории.

-
- [Алекс Шу](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Алекс Шу

Последний солдат С.С.С.Р. Книга 1.

Начало пути

Моим покойным родителям Александру Николаевичу и Асе Дмитриевне, Леониду Романовичу – ветерану ВОВ, бывшему офицеру СМЕРШ и просто очень хорошему человеку, а также всем советским людям, погибшим в результате октябрьских событий 1993-его года в Москве, и не пережившим лихие 90-ые посвящается...

ПРОЛОГ

27 декабря, 1991-ого года. Приволжско-Уральский военный округ. Штаб полка.

– Ну и куда ты собрался? – полковник, насупившись, сверлил меня тяжелым взглядом, – Ты думаешь, я тебя отпущу? Ошибаешься. Шаркунов паркетных у меня хватает, а вот каждый боевой офицер на вес золота. Ты нужен армии и стране. Понимаешь?

– Так точно, – сухо отвечаю начальству. Мое лицо полностью невозмутимо.

– Да расслабься ты, вольно, – досадливо машет рукой начальник, – вот скажи мне Шелестов, что за дурь тебе в башку стукнула? Ты же из военной династии, у тебя и дед и отец служили всю жизнь, а ты вот уходить из армии собрался.

– Вам честно ответить? – уточняю я. Мои кулаки непроизвольно сжимаются, лицо каменеет.

– Говори, как есть, – устало бросает полковник, – мог бы и не спрашивать, сколько лет друг друга знаем...

– И отец, и дед служили Союзу. Они защищали эту страну и присягали ей. Я тоже клялся «защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни».

Это обещание я не сдержал. Неважно, по каким причинам. СССР больше нет. Мне нечего защищать. СНГ, – выплёвываю это слово, – я присяги не давал. Считаю, что после этого я не имею права носить погоны. Офицер дает присягу один раз и если она нарушена, никакого морального права продолжать службу не имеет.

– Ты на что это намекаешь? Может мне тоже из армии уйти? Что-то ты много себе позволяешь капитан, – лицо полковника наливается кровью.

– Я Вам высказал свои мысли. Честно, как договорились. Не считаю возможным дальше продолжать службу, – отвечаю бесстрастно. Стиснутые кулаки нехотя разжимаются.

– Ладно, – полковник обессилено откидывается на спинку кресла, – подавай рапорт, я подпишу.

4 октября 1993-его года. Белый Дом. Москва.

Удушливый черный дым разъедает легкие и режет глаза. Под ногами хрустят осколки стекол, обломки мебели и кусочки кирпичей. Горят обстрелянные танками этажи Верховного Совета. Я стою, прижавшись к стене, и держа в согнутой руке «стечкин».

– Алексей, сейчас сюда зайдет «Альфа», положат всех. Нужно сдаваться, мы проиграли, сопротивляться дальше бессмысленно, нужно сохранить людей живыми, – дергает меня за плечо Рудаков. Лицо бывшего майора черно от дыма и лоснится потом.

– Сдавайся, – равнодушно пожимаю плечами, – я останусь здесь.

– Это никому не нужный героизм, – продолжает настаивать активист «Союза Советских офицеров» – пока мы живы, есть надежда.

Раздается грохот взрыва этажом выше. Здание содрогается. На наши головы сыпется штукатурка. Мы непроизвольно пригибаемся. Страхнув с лица белую пыль, поворачиваюсь к Рудакову.

– Не обманывай себя, – пристально смотрю в глаза товарищу – у нас был шанс. Мы его упустили. Мы просрали страну. Сидеть в тюрьме я не буду. Пошли они все...

– Ладно, – тяжелая рука майора вкладывает мне ладонь второй «стечкин», – возьми, он тебе понадобится. Прощай брат.

Рудаков на мгновение притискивает меня к себе и, смутившись, резко отталкивает. Он дает знак двоим оставшимся в живых бойцам, находившимся сзади и вся тройка, перебегая от стены к стене, двигается к выходу.

Я переставляю переводчики-предохранители пистолетов на автоматический огонь, медленно иду по коридору, вытянув руки. Прохожу мимо одной из комнат и останавливаюсь. В помещении, раскинув руки, лежит молодая девушка. На фоне искореженного осколками тела её бледное лицо осталось нетронутым.

Русые волосы покраснели и слиплись от расплывшейся под ней лужи крови. Мертвые глаза на восковом лице уставились в потолок. Только рука еще сжимает разорванное в нескольких местах красное знамя.

Пару минут назад на моих глазах, этажом выше пуля снайпера убила старика. Он пришел «защищать» Белый дом на костылях. На потертом сером пиджаке, вместе с рядом наград блестяли медаль «За Отвагу» и орден «Красного Знамени». Уходить старик отказался. Сказал, его место здесь, в здании Верховного Совета. Деда положили, когда он подошел к окну, где толпились возбужденные московские зеваки, глазающие, как из танков расстреливают их соотечественников, защищавших законный парламент и социалистическую конституцию РФ. Старик начал им что-то

кричать о совести и стыде, призывать армию не стрелять в свой народ. Через несколько секунд ему в лоб всадили пулю. Деда откинуло назад, костыли разлетелись в стороны. Осталась только жирная кровавая клякса на стенке. Сволочи... Народная армия, называется. Фашисты не смогли, так свои добили. Будьте вы прокляты, Иуды.

Я отвлекаюсь от невеселых мыслей, кладу пистолеты на пол. Аккуратно, вытягиваю флаг из маленькой ладошки и накрываю им убитую девушку. Нереальность происходящего сжигает мозг. Кажется, что это дурной сон, который сейчас закончится. На мгновение закрываю глаза. Жалость к убитым душит горло спазмом. Секундная слабость проходит. Медленно подбираю «стечкины» и встаю. Чувствую полную опустошенность и невероятную усталость. Кажется, пистолеты весят невероятно много. Усилием воли заставляю себя собраться. Стечкин в левой ладони отправляется за пояс. Извлекаю из кармана яйцеобразную РГД-5. Разгибаю усики. Выдергиваю чеку. Левая рука надежно фиксирует рычаг прижатым к темно-зеленому корпусу. Пока я его не отпущу, граната не взорвется. Живым я сдаваться точно не собираюсь.

Выхожу на лестницу. Гремят взрывы. Трещат автоматные очереди. Спускаюсь вниз. Мимо меня вверх по лестнице пробегает группа мужчин. Один из них в милицейском кителе и с окровавленной повязкой на голове, хватая меня за рукав и кричит:

– Куда? Нижние этажи уже штурмуют! Скоро они будут здесь! Давай наверх.

Освобождаюсь рывком, и молча, продолжаю движение. Захожу на нижний этаж. Весь коридор в клочьях каких-то бумаг. В комнатах попадаются трупы. Пара помещений чадит черным дымом, кое-где видны языки пламени. Всюду обрывки одежды и окровавленные куски человеческих тел. Афган все-таки меня хорошо закалил, первый шок прошел, и сейчас я наблюдаю за этим, как со стороны, отстраненно и холодно. Все эмоции заморозились и застыли где-то в глубине моего мозга.

Краем глаза улавливаю какое-то движение в проеме. Время замедляется, и я отчетливо вижу как в коридор, тускло блестя ребристыми боками, влетает Ф-1. Это кажется невероятным, но за долю секунды, я успеваю рассмотреть даже миниатюрную царапинку на одной из граней. Натренированное тело реагирует само. Прыгаю «рыбкой» под укрытие несущей стены одного из помещений. В замкнутом пространстве взрыв этой гранаты – верная смерть. В помещениях до 30-ти квадратных метров не остается ни одного «живого» места, все окружающее пространство иссекается осколками. Радиус поражения до 200 метров. Количество

осколков – до 300. И это еще не считая мощное фугасное действие «эфки», которое может вызвать контузию. К счастью, до меня и стены, за которой я спрятался, она не долетела пару метров, упав в коридоре.

Взрыв сотрясает пространство. Прижавшись к стене, переживаю секунду. Стандартная схема зачистки помещений от противника. Сначала бросается граната. Потом заходят вооруженные бойцы и добивают, тех, кто выжил после её взрыва.

Посмотрим еще, кто кого «зачистит». Отпускаю рычаг РГДшки. Пружина разворачивает и отбрасывает его. Освобожденный ударник протыкает капсюль. Отсчитываю две секунды и отправляю гранату по направлению к проему входа. Там уже появились две фигуры в темно-зеленом камуфляже и бронированных шлемах PSH-77 «TIG». Увидев мой бросок, они реагируют моментально. «Калашниковы» в руках спецназовцев кашляют злыми сухими очередями. Но я уже под укрытием стены. Уйти от гранаты «чистильщики» не успевают. Она взрывается у них в ногах. В следующее мгновение я выкатываюсь из помещения, стреляя сразу из двух пистолетов. В бронежилет лупить очередями из «стечкиных» бессмысленно, в каску из титана – тоже. Мощное забрало TIG, оснащенное узким просветом бронированного стекла, похоже на рыцарское. Оно отлично закрывает лицо. Но остается незащищенной узкая полоска шеи.

Именно туда я и целю, добивая покалеченных бойцов с изорванными осколками ногами. Минус два. Один спецназовец лежит неподвижно, второй дергается в судорогах, стараясь прикрыть рукой бьющий из шеи ярко-алый фонтанчик крови. Точно задета сонная артерия. Ему осталось жить считанные секунды. Это вам не безоружных расстреливать. Я умею воевать. Два с половиной года командовал разведвзводом в Афгане, лично водил ДРГ в рейды. Моджахеды даже за мою голову награду назначили. Двести тысяч долларов. Но она осталась при мне.

Подхватываю на плечо автомат. Снимаю с одного трупа подсумок с запасными магазинами. К счастью, их осколки не повредили. Бронежилеты не трогаю. Они сильно ограничивают подвижность, и усталость наступает быстрее. А мне нужно перемещаться резво и возможно долго, хотя разумом понимаю, что шансов выжить и отбиться нет.

Шум канонады нарастает. Похоже, штурм Белого Дома вступает в завершающую стадию. Перебежками ухожу к черному входу. Под ногами мелькают ступеньки лестничного пролета. Через минуту я уже нахожусь на другом этаже. Забегаю в одно из помещений. Аккуратно выглядываю в окно. Прямо перед Верховным Советом стоят Т-72 и 80, несколько БМП и БТР. Из танковых дул и пулеметов вылетает смерть, разнося оконные

проемы вдребезги. Вижу, как из Т-72, открывается люк и появляется голова в шлемофоне. Танкист улыбается и позирует зевакам с фотоаппаратами. Стараясь не особо высовываться из проема, быстро прицеливаюсь, и спускаю курок. Голова танкиста дергается, и он заваливается на башню. Сразу же ухожу в сторону под прикрытие стены. На окно обрушивается шквал пуль. Пригнувшись, покидаю помещение. На выходе из этажа сталкиваюсь с очередной группой защитников Белого дома. Они, держа раненых под руки, перемещаются на верхние этажи. Подхватываю пожилую женщину с перебинтованной ногой, пыхтя от натуги, тащу её наверх. Этажом выше её перехватывают у меня два человека в белых халатах. Игнорируя очередные призывы идти наверх, опять спускаюсь на нижние этажи. На лестничной клетке вижу мелькающие фигуры в камуфляже. Судя по экипировке, это штурмовики элитных спецподразделений, возможно даже «Вымпела» или «Альфы». «Калашников» дергается в моих руках, злобно выплевывая патроны. Движение бойцов прекращается. Раздаются ответные очереди. Отступаю вверх и заскакиваю на этаж. Сталкиваюсь в проеме еще с одним штурмовиком. Стреляем мы одновременно. Нас отбрасывает в разные стороны. Боли не ощущаю, но чувствую неприятный холод в груди. Трогаю её рукой и вижу, как ладонь окрашивается в красный цвет. Рубиновые капли стекают с пальцев.

Штурмовики уже недалеко от меня. В коридоре стонет и ворочается столкнувшийся со мной боец. Мощный бронежилет 4-класса выдержал очередь «Калашникова» 5.45 в упор. Но внутренности все равно превратились в кровавую кашу. Долго штурмовик не протянет, а если и выживет, останется инвалидом.

Все это мелькает в моей голове за какую-то долю секунды. Уже в полубессознательном состоянии, уплывая «за горизонт», отстраненно замечаю, как один из вбежавших на лестничную клетку бойцов поднимает забрало каски. Вижу перекошенное ненавистью лицо.

– Сдохни сука, – с ненавистью цедит он, и опускает автомат. Звучит сухая очередь. Напоследок, от души пнув меня ногой, «спецназовец» убегает за своими товарищами в коридор.

Проваливаюсь в забытие, руки и ноги немеют, свет медленно гаснет в глазах. В последний миг, возникает родное лицо мамы. Её глаза смотрят на меня с укоризной, а губы шепчут «Алеша». Я хочу ответить, но проваливаюсь во тьму.

8 сентября 1978-ого года. Пятница.

– Алеша, вставай. Хватит спать! В школу опоздаешь, – раздается сердитый мамин голос.

Я медленно открываю глаза. Секунду смотрю на подлокотник потертого старого дивана, белый потолок комнаты, советские обои с золотистыми узорами и подскакиваю как ударенный током.

«Что это, черт подери, такое? Предсмертные галлюцинации? Как я мог оказаться в своей детской квартире? Дьявольщина какая-то», – судорожно мечутся в голове панические мысли.

– Леша, сколько можно валяться? – в комнату заглядывает статная женщина лет 35-ти. С ужасом узнаю в ней свою маму, скинувшую лет 15 возраста. Жадно смотрю на родные черты лица. Русые длинные волосы, забранные в хвост, белозубая улыбка, маленький задорно вздернутый носик, яркие синие глаза. Папа рассказывал, что в молодости у неё отбоя от женихов не было, а выбрала его, и уехала с молодым лейтенантом в далекий сибирский гарнизон.

«Мамуль, какая же ты у меня красивая и совсем молодая», – думаю я. Глаза непроизвольно увлажняются, к горлу подступает большой ком.

– Лешенька с тобой все в порядке? – встревожено спрашивает мама, моментально уловив мое состояние.

– Конечно, мам, – автоматически отвечаю я.

– Тогда иди мыть лицо и чистить зубы. Времени совсем нет, в школу опоздаешь.

– Хорошо, – покорно соглашаюсь я и бреду в ванную. В зеркале вместо моего крепкого тренированного тела, рельефных сухих мышц, перевитых тугими узорами жил, отражается худосочная фигура подростка с тонкими руками-веточками и только начинающей прорисовываться мускулатурой. Детское лицо с зачатками растительности над верхней губой недоуменно смотрит на свое отражение.

«Обалдеть», – в изумлении трясую головой. Всматриваюсь в зеркало. Те же внимательные голубые глаза, русая челка, высокий лоб, тонкий нос с едва заметной горбинкой. Да, это я. Но только лет моему двойнику, отражающемуся в зеркале, не больше пятнадцати-шестнадцати. Стряхиваю наваждение, быстро чищу зубы, старательно елозя по ним своей «детской» зубной щеткой и, ополоснув лицо, иду на кухню.

Холодильник «Зил», купленный отцом, после командировки в Анголу,

притулившийся сбоку раскладной чешский стол, сияющий белизной кухонный гарнитур и советская плитка с голубыми цветочками, усиливают ощущение нереальности происходящего. В этой квартире я провел несколько лет, до своего выпуска из школы.

– Леш, чего на пороге застыл? – раздается опять мамин голос, – Странный ты сегодня какой-то. Проходи, садись. Я тебе уже завтрак положила.

Присаживаюсь на табуретку, аромат котлеты по-киевски и горячая картошка пюре, вызывают зверский аппетит.

Начинаю ожесточенно работать вилкой. Кусочки котлеты и картошка с энтузиазмом перемалываются мною. Ммм, как вкусно. Домашняя советская еда из натуральных продуктов. Как же я по ней соскучился. Еще и мама рядом, молодая, красивая, сидит сбоку, и смотрит на меня, задумчиво подперев ладошкой щеку. От нахлынувших чувств, опускаю вилку и набираю в грудь воздух.

– Леш, ну что с тобой опять? – голубые мамины глаза озабоченно смотрят на меня, – Ты сегодня какой-то не такой. Может тебе нездоровится?

Я с шумом выдыхаю, сдерживая себя.

– Нет мамуль, все в порядке, – после небольшой паузы, отвечаю немного хриплым от волнения голосом, – просто я тебя люблю, очень-очень.

– Я тебя тоже люблю Лешенька, – у мамы влажнеют глаза. Она встает и прижимает меня к груди. Я чувствую на своей голове нежные материнские руки, и тихо млею.

– Ладно, иди, собирайся в школу, понежничали, и хватит, – мама шутливо отталкивает меня и отворачивается, вытирая ладошкой глаза. Я деликатно делаю вид, что ничего не замечаю и шагаю в свою комнату. На «моей» полочке в шкафу стоят учебники 10-ого класса. Так, по крайней мере, понятно, что я доучиваюсь последний год. Открываю дневник, с интересом рассматриваю расписание. Алгебра, русский, физика, НВП, химия, история – господи, как давно это было и вот сейчас опять топать в школу, в свой десятый А. Меня просто распирает от нахлынувших чувств. Это невероятно! Хочется прыгать от переполняющей душу радости и танцевать лезгинку.

Черт, а какой сегодня день недели? Какие учебники собирать в лежащую у стенки сумку?

– Мам, а что у нас сегодня? А то я уже в днях недели запутался, – взываю к родительнице.

– Сына, сегодня пятница. Что-то сегодня все-таки с тобой не то, – появившаяся на пороге мама шутливо грозит мне пальцем, – склероз в 16 лет? Рановато.

Собираю сумку. Достāju плечики с выглаженной школьной формой. Спустя пару минут я уже одет. Темно-синий пиджак сидит на мне относительно свободно, только рукава смешно топорщатся на локтях и значок «ВЛКСМ» задорно поблескивает на лацкане.

«Настоящий комсомолец», – ирония просто переполняет меня. Еще ощущаю себя 31-летним мужиком, по недоразумению попавшим в детский сад. В прихожей обуваю туфли, хватаю с тумбочки ключи, и прощаюсь с мамой. Выхожу на улицу, и мое настроение поднимается.

Знакомые с детства силуэты домов, простые и открытые лица людей, спешащих на работу, приветливое солнце, игриво стреляющее теплыми лучиками мне в лицо, деревья еще с распущенными листьями, наполненными сочной зеленью, – ощущение счастья теплой волной окатывает мою душу.

Останавливаюсь и задумчиво смотрю на небо.

«Я снова в СССР. Никаких конфликтов, путчей, безработицы, инфляции, войны в Приднестровье, горящего Белого Дома, трупов. Я молод, и со мной мои родители. Спасибо Господи, или кто там, что дал мне второй шанс. Клянусь, я использую его лучше, чем в прошлый раз».

– Лешка, ты чего стал? – увесистый предмет хлопает меня по спине.

Разворачиваюсь. Вижу россыпь веснушек, которую природа щедрой рукой бросила на лицо Паши Амосова. Одноклассник, улыбаясь и покачивая на плече портфелем, смотрит на меня.

Не удерживаюсь, и от избытка чувств отпускаю ему сочный щелчок по большому лбу.

– За что? – бурчит Паша, потирая голову.

– В следующий раз не будешь портфелем по чужим спинам бить, – наставительно объясняю товарищу.

Мы идем в школу. Паша что-то рассказывает мне о Малышевой из «десятого Б», закатившей истерику из-за четверки по самостоятельной, нашей классной, обещавшей свозить желающих на осенние каникулы в Тбилиси, трудовике, за шиворот выкинувшем из класса «Бидона» – известного хулигана из 9 Б. Слушаю его вполуха.

Вместе доходим до школы. У ворот уже бурлит поток гомонящей детворы. Толкаясь в переполненной раздевалке, освобождаемся от туфель, и натягиваем на ноги сменную обувь.

Первый урок у нас история. Поднимаемся по широкой лестнице на

второй этаж и останавливаемся перед приоткрытой дверью с большой табличкой. На ней крупными черными буквами выведено «Кабинет Истории». Из класса доносится веселый смех, шум и крики.

– Чего застыл? Пошли, – Паша решительно проходит в класс.

Следую за ним. Разглядываю своих одноклассников. В компании девочек заразительно хохочет, демонстрируя красивые белые зубки, смуглая Инга Писарская. Сосредоточенно зубрит параграф в учебнике, шевеля губами Наташа Бойко. Что-то рассказывает, цедя слова сквозь зубы, угодливо хихикающим Полякову и Лесенко Антон Недельский – любитель блатной романтики, чудом оказавшийся после 8 класса не в ПТУ, а в школе.

Раздается пронзительная трель звонка. Одноклассники, не торопясь, рассаживаются по местам. Присаживаюсь на предпоследнюю парту, рядом с Аней Николаенко. Девочка бросает на меня удивленный взгляд из-под длинных ресниц. Видимо, не туда сел. Ну и плевать. Замечаю пару любопытных взглядов одноклассников, переглядывание и хихиканье девочек. Показательно их игнорирую.

В класс заходит «историчка» Вера Ивановна. Класс дружно встает, приветствуя учителя.

– Садитесь, – командует Вера, и мы послушно плюхаемся задницами на стулья. «Историчку» мы уважаем. Полная женщина лет 50-ти, всегда серьезная и сосредоточенная. Свой предмет она обожает и искренне старается привить любовь к нему ученикам.

– Открываем третий параграф, – раздается в тишине голос учительницы.

Я раскрываю «Историю СССР 10 класс», нахожу указанное место, и читаю:

«Расширение братской семьи советских республик. С победой социализма в нашей стране был успешно решен национальный вопрос. Преодолена экономическая отсталость национальных республик, обеспечено фактическое равенство всех народов, населяющих Советский Союз в политическом, экономическом и культурном отношении. Укрепилось социалистическое братство и единство всех народов Советского Союза».

И тут меня накрывает. Вспышка в мозгу подобна ослепляющему взрыву. Поток хлынувшей на меня информации оглушает и ошеломяет. Пенсионеры, энергично копающиеся в мусорных ящиках. Изнеможенные лица беженцев, покидающих азиатские республики. Поток наркотиков, хлынувший из Афганистана. Вайнахи, деловито отрезающие головы живым русским солдатам. Бандиты, деловито избивающие ногами

непослушных коммерсантов. Взрывы в метро и разбросанные по подземному переходу куски окровавленного человеческого мяса. Захваченный роддом в Буденновске, и почти две сотни расстрелянных детей Беслана. Упыриное лицо Березовского с алчным блеском в глазах, дирижирующий оркестром пьяный Ельцин, сытые довольные рожи олигархов, за бесценок приватизировавших советскую промышленность, пронзительные взгляды маленьких голодных попрошайек – я нахожусь в состоянии «гrogги», как после тяжелого нокдауна. Это непостижимо и невероятно, но я вижу и знаю, что произойдет в ближайшие два десятка лет после распада Союза.

Чувствую, что шок от обрушившейся на меня информации может привести к потере сознания. Меня мутит. Кровавая капля летит из носа, расплываясь на учебнике уродливой бесформенной кляксой.

– Шелестов, тебе плохо? – краем сознания замечаю встревоженный взгляд «исторички», – Немедленно к врачу. Амосов, проводи его до медкабинета.

Под сочувствующими взглядами одноклассников, поддерживаемый Пашей за руку, медленно выхожу из класса. Амосов судорожно вцепился в мой локоть. Боится, наверно, что грохнусь в обморок. Раздается негромкий хлопок закрывающейся за нами двери. В оглушительной тишине он звучит как выстрел, и заставляет меня вздрогнуть.

«Совсем нервы ни к черту стали», – констатирую факт. Последние события в Белом Доме, моя смерть, и этот перенос в детство все-таки немного выбили меня из колеи.

– Да отпусти ты меня, – злобно выдергиваю свой локоть из Пашкиной ладошки, – сам дойду, не калека.

Бодро шагаю в медкабинет. Слава богу, помню еще, где он находится. Чуть сзади плетется Паша.

Через пару минут, после небольшого осмотра, я уже лежу в медицинском школьном кабинете с градусником под мышкой. Здесь все стерильно, и сверкает белизной. Моя тушка вольготно развалилась на крахмаленной простыне, наброшенной на белоснежный топчан, готова удобно устроилась на подушке, похожей на большой ком снега, глаза невольно устремлены на меловой потолок. Недалеко, в хрустящем новеньком халате ослепительно молочного света за коричневым столом (единственный предмет мебели другой расцветки, слава богу) сидит и что-то сосредоточено пишет на листке полная женщина лет 35-ти. Это Зинаида Павловна – наша школьная медсестра. Она откладывает ручку, и прикладывает к поверхности бумаги печать.

Заметив мой взгляд, она поворачивается ко мне.

– Ну что Шелестов, как самочувствие? – интересуется медсестра.

– Нормально, – отвечаю я. Я действительно в порядке. От шока, вызванного неожиданным информационным ударом, оправился полностью. Но идти обратно на уроки я не хочу. После всего произошедшего нет желания сегодня сидеть за партой, и отвечать на глупые вопросы одноклассников. Лучше домой пойду. Мне есть о чем поразмыслить. Поэтому страдальческая гримаса лица просто вопиет, что я нагло обманываю простодушную добрую женщину, и мне на самом деле ужасно плохо.

Медсестра берет у меня градусник и задумчиво его рассматривает. 36 и 6. Норма.

– Ладно, Алексей, – в глазах Зинаиды Павловны мне чудится огонек усмешки, – я тебя освобождаю от занятий на день. Можешь сказать классному руководителю, что я тебя отпустила. Полежи дома, восстановись. Но завтра, чтобы был в школе как штык. Договорились?

– Договорились, – вздыхаю я.

– Вот и хорошо, – кивает медсестра, – всего доброго.

Она отворачивается, кладет градусник в картонный футляр и прячет его в ящик стола.

Я поднимаюсь, застегиваю рубашку, бормочу «до свидания», и шагаю обратно.

Когда захожу в кабинет, что-то вдохновенно рассказывающая Вера замолкает. Весь 10 А с любопытством таращится на меня. Это немного раздражает.

Информирую историчку, что меня отпустили с уроков. После утвердительного кивка, иду к своей парте. Начинаю складывать учебник и тетрадки в сумку, и ловлю на себе сочувствующий взгляд своей соседки по парте. Аня хочет что-то мне сказать, но не решается.

«А девчонка, настоящая красавица», – мысленно отмечаю про себя. Тонкие черты лица, большие зеленые глаза, черные волосы цвета воронова крыла, в сочетании с белоснежной кожей производят потрясающее впечатление. Через пару лет мужики будут падать к её ногам штабелями. Да и сейчас девушка выглядит великолепно. Изысканные руки с длинными пальчиками и стройная фигура с высокой грудью, которую обтягивает школьный белый фартук, завершают соблазнительный образ.

Чувствую возбуждение. Проклятые подростковые гормоны! Чтобы спастись от наваждения приходится срочно переключаться. Герой Челентано в «Укрощении Строптивного» в таких случаях увлеченно рубил

дрова. У меня поблизости топора и дров нет, поэтому быстро прогоняю в уме текст присяги, выученный наизусть. «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников». Фуххх, помогло. Все-таки подростковая гиперсексуальность в сочетании с сознанием взрослого мужика страшная вещь.

Уже выходя из класса, краем глаза фиксирую злорадную насмешку Недельского. Интересно, чего этот поклонник блатной романтики так перевозбудился?

До дома я дошел быстро. Ввалился в прихожую. Мама уже убежала на работу в свой НИИ.

На тумбочке лежит записка. «Сына, в холодильнике борщ, гречка и котлеты. Звонил Игорь Семенович. Просил сказать, что тренировка переносится на 18.00. Не забудь!». Забудешь тут, когда об этом постоянно напоминают.

Интересно, а где отец? Наверно, в очередной командировке. Я аккуратно ставлю сумку в коридоре, избавляюсь от школьной формы, и с размаху плюхаюсь на жалобно скрипнувший диван.

«Итак, что мы имеем? Каким-то чудом, волею Божьей или с помощью других высших сил, я перенесся в свое же тело на пятнадцать лет назад. Теперь есть два варианта. Первый: построить свою жизнь по-другому, опять упиваясь молодостью, и используя все представившиеся возможности. Второй: попытаться спасти Родину от развала, а людей от грядущих испытаний. Наслаждаться жизнью, зная о том, что готовит нам будущее, я просто не смогу. Буду чувствовать себя гнидой и предателем, зная о многих тысячах убитых в межнациональных конфликтах, изгнанных из своего дома, лишенных последних сбережений и умирающих в нищете ветеранах.

Но что я могу сделать один? Ничего. И вообще это смешно, шестнадцатилетний пацан против партийной мафии, пятнистой иуды и всех сил, уничтожающих СССР. Просто сюжет для американских комиксов. Бэтмен, Супермен и Леша Шелестов – три великих героя. Где мой черный костюм и супероружие? Ха, ха, ха – три раза. Бред какой-то.

Но сидеть и наблюдать, как уничтожают Родину тоже не выход. Значит, впрягаться все-таки придется. Что у меня есть? Мозги, и знания 31-летнего мужика, навыки рукопашного боя и стрельбы, опыт боестолкновений с

моджахедами в гористой местности, руководство разведгруппами, офицерская подготовка. Не так уж и мало. Получается, у меня имеется лет 10–12, чтобы разработать и реализовать план по спасению СССР. Вот от этого и будем отталкиваться».

Охваченный раздумьями, я сам не заметил, как задремал, а потом провалился в тяжелый беспокойный сон.

Из забытья меня вырывает пронзительная трель звонка. Умели их делать в СССР, ничего не скажешь. Такой визг и мертвого с могилы поднимет. Встаю с дивана, обуваю тапки, и плетусь в прихожую. В глазке отражается серьезное лицо Вани Волкова, и довольная мордаха Паши, выглядывающая из-под его широченных плеч. Щелкает поворачиваемый замок, и парни проходят в прихожую.

– Как ты Лех? Нормально? – обеспокоенно спрашивает Амосов.

Молча киваю.

Лицо Паши разглаживается

– Ну и отлично, – радуется он, – а мы проведать тебя пришли. Пожрать чего-то есть?

Ваня осуждающе смотрит на товарища, но Амосову все нипочем.

– Чего-то есть, – подтверждаю его предположения. Паха просто сияет. Вот обжора! В школьной столовой всегда двойные порции хомячит. И ведь не толстеет же. Как такая прорва еды в нем помещается?

Волков кипит от негодования, но вслух его не высказывает.

– Проходите на кухню, присаживайтесь, – театральным движением руки указываю им путь. Довольный Пашка скачет, чуть ли не в припрыжку. Следом за ним идет насупленный Волков.

– Чай будете? – спрашиваю, поворачиваясь к плите.

– Будем, будем, и не только чай, – энергично подтверждает Амосов. Сзади слышится глухой стук затрецины и обиженный вой Пашки: – За что? Ты чего Ванька, совсем сдурел?

– За дело, – отрезает Волков. Он паренек крепкий, имеет разряд по спортивной гребле, поэтому жертва агрессии предпочитает промолчать и обиженно надуться.

– Леш, чай мы попьем, а готовить ничего не надо, этот проглот перебьется, – слышится Ванин голос.

– Да я все равно есть собирался, – возражаю я, – сейчас чай поставлю, а потом что-то соображу.

Паша опять веселеет. Нет, этого точно ничего не прошибет. Главное, чтобы было чем брюхо набить и побольше.

Ваня не спорит. Он вообще очень спокойный и уверенный в себе

парень. Просто не любит проявлений наглости и навязчивости.

Я подношу горящую спичку к конфорке и поворачиваю ручку горелки. Вспыхивают синие огоньки. Беру чайник. Он полон еще с утра. Ставлю его на плиту. Потом начинаю копаться в холодильнике. Нахожу полбанки майонеза, несколько сосисок и котлет, кусок сыра грамм на триста, сливочное масло и яйца. Все это перемещаю на кухонную столешницу вместе с парой помидоров и пучком зелени, найденных в нижнем отсеке. Беру вчерашнюю, уже немного подсохшую половинку батона. Нарезаю несколько ломтей. Вообще-то лучше бы разделить его на тонкие кусочки, но не получается, хлеб сильно крошится. Забираю со шкафа и всполаскиваю чистую тарелку. Разбиваю над ней яйцо. Сыплю туда щепоть перца из перечницы на столе.

Паша жадно наблюдает за мной. Он явно в предвкушении гастрономического пира. Ваня сидит и думает о чем-то своем.

Включаю огонь, и ставлю на него сковородку. Бросаю на неё толстый ломоть желтого сливочного масла, который сразу же начинает таять, растекаясь по поверхности пузырящимся озером.

Поочередно макаю в яйцо кусочки батона и выкладываю их на сковороду. Пока они там жарятся, строгаю сыр ломтями, а потом измельчаю его быстрыми движениями ножа. Та же участь постигает сосиски, котлеты, и зелень. Мою помидоры, и рублю их аппетитные алые бока с оставшимися на поверхности прозрачными капельками.

Переворачиваю прожарившиеся с одной стороны гренки. Кладу на каждую половину чайной ложки майонеза, и размазываю его по поверхности тонким слоем. Затем на хлебе появляются кусочки котлет и сосисок. Все это великолепие увенчивается ломтиками сыра, и накрывается крышкой. Я такое часто готовил во время своей службы, когда не хотелось тратить время на что-то серьезное.

Смотрю на Пашу. У него явно началось обильное слюновыделение. Он периодически сглатывает, заворочено смотря на сковородку, как кролик на удава. Даже Ваня очнулся от своих дум и с интересом смотрит на мои манипуляции с едой.

Через три минуты открываю крышку. Вверх взлетает большой клуб пара. Сыр уже расплавился и потек, облекая кубики сосисок и котлет. Я, при помощи вилки, водружаю гренки на большую тарелку, украшаю их сочными ломтиками свежих помидоров и зеленью, и торжественно подаю на стол своим товарищам.

Паша молниеносно выбрасывает руку, метя на самый большой бутерброд, но она на полпути перехватывается мощной лапой Волкова.

– Подожди немного, сейчас Леха чай нальет, и все вместе поедим, – поясняет Ваня, игнорируя обиженный взгляд Амосова.

И точно, вода уже кипит. Слава богу, что в нашем пузатом чайничке еще осталась заварка. Ставлю на стол сахарницу, три чашки с ложками и блюдцами. Разливаю заварку и воду.

Через минуту мы увлеченно хрустим гренками.

– Уосень усно, – чавкающий Пашка, с набитым как у хомяка щеками, производит забавное впечатление.

Ваня тоже с увлечением смакует бутерброд, откусывая от него маленькие кусочки.

– Потрясающе, – констатирует он – Леш, ты, где научился такое чудо готовить?

– Места знать надо, – гордо отвечаю ему.

Бутерброды быстро сметаются с тарелки. Амосов трудится за всех. Чтоб ты так работал, как лопаешь, дорогой товарищ.

Паша, отдуваясь, опрокидывается на спинку стула.

– Это что-то, – констатирует он, – в тебе погиб великий повар.

– Да я вообще гениален, – с энтузиазмом и небольшой ноткой легкого сарказма поддерживаю его, – вы просто это не цените, серые бездарности.

– Не зазнавайся, – ощущаю чувствительный тычок в бок от Вани. Тяжелая все-таки рука у нашего разрядника.

– Не буду, – покорно соглашаюсь с ним.

Мы неторопливо пьем чай, дуя на кипятки и отхлебывая ароматный напиток.

– Тут вот какое дело, – вступает в разговор Ваня, – мы предупредить тебя пришли. Но сперва я тебя спросить хочу, ты зачем к Николаенко подсел?

– А что такое?

– Леша, я тебе удивляюсь, – в разговор вступает Пашка, – ты, что забыл, что Бык за ней бегаёт? Он публично заявил, что если кто-то из ребят к ней даже приблизится, голову оторвет. С ней за партой могут только девки сидеть. Если кто-то из парней попробует подсесть, Бычара из него омлет сделает.

– Бред какой-то, – озабочено тру рукой лоб. Только появился здесь и уже в разборки влип. Бык, это в любом случае, серьезно. Я тренируюсь с малых лет. Всю жизнь мотались с папой по гарнизонам. В некоторых местах было скучно. Ни ровесников, ни развлечений. Но папа бездельничать мне не давал. Сам мною занимался и своих друзей-инструкторов просил. Боевое самбо, стрельба, полосы препятствий,

подтягивание. Да я выгляжу еще худосочно, но сила есть, и кое-что даже в детстве умел. И сегодня иду на тренировку к Семенычу. А сейчас я знаю и умею больше, чем тогда. И устойчивая психика взрослого матерого бойца тоже многое значит. Но Антон Быков... Это что-то невероятное. До восьмого класса он учился в параллельном классе. Еще тогда на любой школьной линейке он смотрелся с одноклассниками как Гулливер в стране лилипутов. Сейчас рост у этого ПТУшника далеко за метр девяносто, вес сто с лишним килограмм. Весь налитый тугим салом вперемешку с массивными мышцами. Говорят и отец у него такой же, двухметровый бугай.

Я со своим метром восьмидесятью и шестидесятью семью килограммами серьезно ему уступаю. И драться эта горилла умеет и любит. Стараются в первые секунды смять напором и задавить массой. Помню, год назад этот мутант крепкого студента-борца раздолбил как молоток отбивную. Всадил ему сигаретой в щеку и ножищей по тому месту, где ноги соединялись природой, а потом добивал кулаками. Повезло, что сам студент был «авторитетный» борцуха и заявление не подал, а когда в больницу приехал следователь, вызванный врачами, показания давать отказался.

Да и один он не ходит. С Быком всегда пять-шесть человек – «шестерок». Могут ударить исподтишка, добить ногами. Этот мутант даже может их сначала натравить. Захочет поразвлечься и будет лень кулаками махать, сначала своей пристяжи «фас» скажет. Такое уже было. Эти отморозки налетают стайей шакалов, сбивают с ног и затаптывают. А Бычара наслаждается зрелищем. Беспредельщики.

– Неделя с дружками тебя Быку заложит, сто процентов. Он пацанам в классе трепался, что Бык тебя на лоскуты порвет. Радовался гад, – прерывает мои раздумья Пашка.

– Мы тут подумали и решили, – вступает в разговор Ваня. Он, как всегда, спокоен и сосредоточен. Я уже догадываюсь, что он скажет дальше.

– Вместе будем разбираться, тебя одного не бросим. Главное, на виду будь, и никуда без нас не ходи, – продолжает он.

– Ага, – поддакивает Амосов, видно, что он немного испуган, но в глазах плещется решимость идти до конца.

– Я с Мансуром из 10 Б говорил, – продолжает Волков, – он с тобой в приятельских отношениях и тоже впишется, если что. Бык всех достал.

Мансур – это хорошо. Чемпион нашего города по боксу среди юношей в первом среднем весе. С Бычарой они друг друга недолюбливают и демонстративно не замечают, еще со времени учебы в одном классе. А мы с

Мансуром, наоборот, приятели. Еще пару лет назад подружились.

Черт! О чем я думаю? У меня совсем другие цели и задачи. Через 13 лет моя Родина погибнет! Вот только разборки с малолетними сывками для полного счастья мне не хватало! Но видимо решать проблему все-таки придется. Эта жертва аборта от меня не отстанет.

– Да, мы же тебе самое главное не рассказали, – Паша с трудом сдерживает торжествующую улыбку, – Неделя на весь класс разорялся, что с тобой Бык сделает. Многие слышали. Николаенко, скорее всего, подруги рассказали. Она на следующей перемене подошла к нему, и как залепит пощечину, так что голова мотнулась. Этот придурок даже на парту сел. А Анька его трусливой мразью назвала. Мы просто обалдели.

– Так все и было, – у обычно серьезного и сдержанного Вани тоже пляшут веселые чертики в глазах, – представляешь, Недельский стоит в проходе между партами, Николаенко подходит к нему, разворачивается и молча с размаху как даст ему рукой по роже. Антона даже в сторону качнуло. Он бесится, щека красная от отпечатка ладони, а сделать и сказать ничего не может, Быка боится. Лесенко и Поляков рядом тихонько хихикают, отворачиваются, рожи ладошками закрывают, чтобы Неделя не увидел. Цирк.

– А Николаенко смотрит ему в глаза, – Амосов изобразил презрительный взгляд нашей красавицы, – и говорит: «Недельский, ты гадкая, трусливая мразь», гордо разворачивается и идет к своей парте.

– Молодец, да? – Пашка дружески толкает меня локтем в бок, – может она к тебе неровно дышит? Повезло тебе Шелестов, какую красотку окрутил.

– Да не мели ерунду, – отмахиваюсь я, – может, она его за что-то другое ударила.

– Да, за что другое?! – кипятится Пашка, – Неделя в её сторону даже дышать сильно боится, понимает, одна жалоба Аньки и Бычара его убьет. За тебя она ему по морде дала.

– Да какая разница, – хлопает его по плечу Иван, – не доставай Леху. Видишь, ему сейчас не до тебя.

Амосов замолкает.

Что Аня из-за меня Недельского треснула, не сомневаюсь. Но понимаю, что Бык будет еще больше взбешен. Если раньше, была хоть призрачная возможность как-то договориться, то сейчас точно вломить ему придется. Хотя, кого я обманываю? Не получилось бы разойтись с этим моральным уродом по-хорошему. Бычара получает удовольствие от демонстрации своей силы и унижения других. Так что, в любом случае,

разборка неминуема.

А девочка все-таки молодец. Есть у неё характер. Надо будет с ней пообщаться.

– Ладно, ребят, – я отрываюсь от своих мыслей, – мне все равно на тренировку через пару часов. Завтра еще вернемся к этой теме. Что там нам сегодня задали?

* * *

8 сентября 1978 года 17:03

С усталым вздохом захлопываю и откладываю в сторону учебник алгебры. Эти производные косинуса, синуса и котангенса меня с ума когда-нибудь сведут. Всегда щелкал математические задачи и примеры как орешки. Спустя пятнадцать лет многое подзабыл. Пришлось, как следует попотеть, решая уравнения. Единственная неприятная сторона моего «возвращения» в детство – учеба. Я по-прежнему ощущаю себя взрослым 31-летним мужчиной. Повторная зубрежка домашнего задания для 10 класса, после десяти лет школьной учебы и пяти лет в военной академии в «старой» жизни, вызывает невероятное отвращение. Ненавижу так тратить время, но что поделаешь, надо.

Смотрю на настенные часы, висящие над письменным столом. Папа специально повесил их туда, напоминая мне о своих словах, что «самый дорогой и невозполнимый ресурс – время».

Уже пять вечера. Через час со своего НИИ должна вернуться мама. Но меня уже здесь не будет. Мне пора на тренировку. Иду в прихожую, достаю из шкафа синюю спортивную сумку «Динамо». Туда отправляется сохнувшее после стирки на балконе белое кимоно, вьетнамки, полотенце, боксерские перчатки, мыло в пластиковой коробочке и капа в прозрачном кулечке. До запрета карате в СССР еще больше трех лет, хотя мы занимаемся в военном спорткомплексе «Звезда» скорее модифицированным рукопашным боем. Это своеобразная смесь из боевого самбо с джиу-джитсу и ударной техники бокса. А кимоно, по словам нашего тренера, отлично имитирует верхнюю одежду, и позволяет делать разнообразные захваты за брюки. Поэтому когда стал выбор, что приобретать самбовку или японскую экипировку, мы с папой выбрали второй вариант.

Игорь Семенович Зорин всю жизнь увлекался боевыми искусствами. Сам он предпочитает отмалчиваться, но я на домашних посиделках отца с

сослуживцами краем уха слышал о бурной биографии нашего тренера. Вьетнам, Ангола.... Говорят, он даже инструктором работал. Готовил какие-то засекреченные подразделения. В настоящий момент, Семенович тренер армейской команды по самбо, и отдельно занимается с разведчиками и офицерами. Нашу группу он взял готовить по просьбе сослуживцев. Тренируются в ней не больше шести человек, дети военных. Посторонним попасть к нам на занятия невозможно.

Занятый раздумьями, я одеваюсь, на «автопилоте» закрываю дверь и оказываюсь на улице. До спорткомплекса «Звезда» пара остановок на троллейбусе, но сегодня решаю пройти их пешком, хотя в карманах и бренчит горсть мелочи.

В сентябре сумерки наступают часов ближе к восьми вечера, а пока светло и относительно тепло. Я шагаю по городу, рассматривая знакомые улицы. На углу стоит знаменитая «пирожковая». Мы регулярно бегали туда после школы. Буфетчица, Тетя Нина, полная и добродушная женщина лет сорока, в смешном чепчике и большим белым бантом на макушке, всегда выносила нам горячие пирожки с мясом. Мы смаковали каждый кусочек пышущего жаром теста, получая невероятное удовольствие от тающей во рту свежей выпечки. Позже, уже будучи курсантом, приезжая к родителям, я неизменно заходил сюда, и покупал целый кулек пирожков с мясом, творогом, капустой и другой начинкой.

Дальше находится книжный магазин. Здесь я тоже любил пропадать. Часами крутился у прилавков, рассматривая новинки и интересные книги, а иногда даже простаивал огромные очереди, когда привозили книги Майн Рида, Фенимора Купера, Дюма и других известных писателей. Правда, появлялись в свободной продаже они крайне редко и сразу же расхватывались. Пашка утверждал, что из-под прилавка они тоже регулярно продавались. Правда, далеко не каждому. Хотя с книгами в нашей семье проблем не было. Дед, а потом и папа собрали громадную библиотеку, и регулярно её пополняли. А если я хотел приобрести что-то особенное, то ехал на городской базар. Там всегда можно было достать популярную фантастику или детектив у спекулянтов. Правда, обходилась такая книга намного дороже, чем в магазине. Мне приходилось долго собирать деньги, экономя на школьных завтраках и средствах на карманные расходы. Зато, какое огромное наслаждение я испытывал, листая новенькие хрустящие страницы и погружаясь в удивительный мир храбрых мушкетеров, благородных индейцев, коварных злодеев, рыцарских турниров и невероятных приключений.

Предаваясь воспоминаниям, я не заметил, как дошел до «Звезды». Дед,

по просьбе отца и его сослуживцев, помог создать спортивный комплекс, который хотя и формально входил в «физкультурно-спортивное объединение Вооруженных сил», и считался одним из клубов при Министерстве Обороны, но обладал определенной независимостью.

Захожу в здание. Вахтер приветливо кивает мне, берет пропуск и, нажатием невидимой кнопки, снимает блокировку вертушки. Поздоровавшись, прохожу в громадный холл, сворачиваю налево, спускаюсь вниз по бетонным ступенькам, и иду к серой двери в конце коридора с большой табличкой «Зал самбо».

Семенович сидит за маленьким столиком, рядом с весами, и, ухмыляясь, читает «Советский Спорт». Интересно, что же там такое написали, что вызвало такую реакцию тренера?

Услышав скрип открываемой двери, Зорин поднимает голову. В его глазах отражается узнавание.

– Иди, переодевайся, ребята уже там, – коротко командует он, и опять погружается в чтение.

В раздевалке, находящейся в углу громадного спортивного зала уже деловито переодевается моя группа. Обмениваюсь с парнями рукопожатиями. Сережа Мальцев, Леша Волобуев, Игорь Миркин, Вова Потапенко, надевающий застиранную синюю самбовку, – все уже взрослые парни. Первый и второй – студенты, Игорь уже закончил школу, работает на заводе, хочет поступать в военное училище, Вова в этом году выпускается с автодорожного техникума. Я здесь самый молодой. Не хватает только Вероники. Это единственная девушка в нашей группе, дочка директора спортивного комплекса «Звезда» – Всеволода Аркадьевича Подольского.

– Вероника уже пришла? – флегматично интересуюсь у переодевающихся одноклассников. Обычно я работаю с ней в паре. Девчонка пару раз опаздывала, и пока все отрабатывали приемы и броски, я в одиночестве злобно колотил боксерский мешок. Правда, потом её Семенович заставлял пятьдесят раз отжиматься на кулаках. К опозданиям наш «сэнсей» нетерпим. Парней вообще отправляет обратно, со словами: «иди отдохни, и следующий раз приходи вовремя».

– Да, она уже у девочек переодевается, в гимнастическом зале, – басит Серега, самый крупный и основательный парень в группе. Размерами он точно, не меньше Быка, а то и больше.

Отлично. Тренировка точно пройдет нормально. Мы быстро переодеваемся и выходим в зал. Там уже скучает Вероника. Девчонка она неплохая, даже симпатичная. Но я её воспринимаю как товарища. Не

люблю пацанок. Мне больше нравятся нежные и женственные девушки. Они могут быть с характером. Но представительницы слабого пола с рельефной мускулатурой, широкими плечами и набитыми костяшками и голеньями точно энтузиазма не вызывают.

– Проводи разминку, – командует Сереге Игорь Семенович. Парень переходит на бег трусцой по борцовским коврам, мы послушно следуем за ним. Хлопок в ладоши и наша группа на корточках плетется гусиным шагом. Еще один такой сигнал и мы приседаем, а потом прыгаем вверх.

Разминка занимает около десяти минут. Когда мы немного вспотели и разогрелись, Зорин командует разбиться по парам. Мы с Вероникой привычно занимаем место в углу ковра.

– Шелестов постой сегодня с Потапенко, а Миркин пусть поработает с Подольской, – деловито приказывает Семенович.

Интересно, что это нашему тренеру в голову пришло? Раньше, наоборот, требовал, чтобы я постоянно отрабатывал приемы с Вероникой. Впрочем, не буду забивать этим голову. Чужая душа – потемки.

– Сегодня у нас вольная тренировка со сменой партнеров, – объявляет Семенович, – опускаемся в партер. Располагаемся по кругу. Задача вывести соперника из равновесия, взять на болевой или удушающий. В крайнем случае, продержаться минуту на лопатках. Время борьбы – 3 минуты, Свисток, схватку прекращаем, переходим направо к следующему противнику, повторный – продолжаем борьбу. Общее время выполнения упражнения 9 минут. Всем все понятно?

Группа вразнобой, негромкими «да» и кивками, выражает свое согласие.

Мы опускаемся на колени и становимся друг напротив друга в режиме «боевой готовности».

Хорошая такая задача. Особенно учитывая, что Потапенко – базовый самбист. Вообще легче меня и то на пару килограмм, только Вероника. Остальные парни крупнее и намного тяжелее. Ну ладно, поборемся. В армии я был фанатом стрельбы и рукопашного боя, поэтому несколько сюрпризов у меня найдется.

Семенович берет висящий на груди секундомер, достает из потертых треников свисток. Через несколько секунд раздается пронзительная трель сигнала. Поехали.

Потапенко буром прет на меня, пытаюсь схватить шею и подмять под себя. Здоровый медведь.

Левой ладонью подхватываю его под локоть и резко дергаю вверх, сбивая попытку захвата. Правой захватываю рукав самбовки и движением

колена смещаюсь вправо. Одновременно делаю резкий рывок на себя.

Парень оказывается на четвереньках. Используя его рукав для продолжения движения, прыгаю ему за спину, окольцовывая ногами живот. Левая рука захватывает шею противника, смыкаясь на локтевом сгибе правой, которая давит на макушку Вовы, сжимая яремную вену и препятствуя кровоснабжению мозга. Потапенко пытается разорвать захват на горле, но уже поздно. Его лицо начинает наливаться кровью. Через несколько секунд он обреченно стучит ладошкой по моей ноге. Скатываюсь с его спины и растягиваюсь на борцовском ковре, при этом замечая пристальный взгляд Семеныча. Тренер явно удивлен. Через пару минут раздается свисток. Смещаюсь вправо.

Там меня уже ждет огромный Серега Мальцев. Он зловеще ухмыляется, и показывает мне большой палец. Мою победу над Потапенко он оценил. Свисток. Мальцев моментально сгребает меня своими лапищами. Я и пикнуть не успеваю, как оказываюсь снизу. При такой физической мощи, Сергей очень быстрый парень. Настоящая машина. Теперь ему нужно продержать меня минуту на лопатках. Вырываться, при таком превосходстве в физической силе, бесполезно. Ладно. Покажу ему кое-что новенькое. В 90-ом году товарищ принес мне несколько видеокассет с бразильским джиу-джитсу. Клан Грейси, систематизировал знания, полученные от мастера Маэды, и развил эту борьбу, сделав основу на работу в партере. Хелио Грейси, которого называют, основателем бразильского джиу-джитсу, будучи субтильного телосложения, победил многих знаменитых атлетов, пользуясь этими приемами. Я изучал каждый элемент его «коронок» в спортзалах воинских частей, куда меня забрасывала судьба.

Ладно, познакомим тебя с «кимурой». Для начала симитируем попытку перевернуться набок. Сережа естественно не дает мне этого сделать, он держит меня своими лапищами, как клещами. Но главное, я смог просунуть правую руку между его головой и плечом. Отлично. Теперь захватываю запястье руки противника, резко бью ногами по его бедрам, немного откатываясь назад и чуть вбок, быстро скрещивая их на спине противника. И последний этап, приподнимаю рывком плечо, захватывая ладонью правой локтевой сгиб левой. Соединенные в замок руки выворачивают назад запястье Мальцева. Серега с искаженным от боли лицом стучит по коврику. 2:0.

Звучит свисток. Не преждевременно ли?

– Шелестов, подойти ко мне, Вероника отдыхает, остальным продолжать упражнение, – раздается командный голос Семеновича.

Я встаю и иду к тренеру. Наставник смотрит на меня изумленным взглядом.

– Ты где такому приему научился? – интересуется он.

– Товарищ один книги японские привез по джиу-джитсу на английском. Там все было элементарно рассказано и показано. Вот мы с ним и отрабатывали их некоторое время вдвоем, – выдаю придуманную в последнюю секунду легенду.

– А почему не рассказал? – требовательно интересуется Игорь Семенович.

– Так, а что рассказывать? – недоуменно пожимаю плечами, – ну посмотрели книги и позанимались несколько дней. Как это будет работать в схватке, я только сейчас увидел.

– А у твоего товарища можно эти книги взять и посмотреть? – по загоревшимся глазам тренера я вижу, как ему хочется их увидеть. Жаль, придется его обломать.

– Он уже в Москву уехал, – лаконично отвечаю я.

– Ладно, иди обратно, – огоньки в глазах Зорина тухнут, он явно расстроен упущенной возможностью.

Потом мы в боксерских перчатках работаем в стойке, отрабатывая ударную технику рук и ног. Здесь я тоже решаю поэкспериментировать. Раздергиваю Потапенко джебами, имитирую несильный удар в корпус и заряжаю ему прямой правой в подбородок. Каким-то невероятным образом Вова успевает чуть сместиться и прямой правой получается немного смазанным, но все равно ощутимым. Разозленный парень «включает мельницу» и бросается на меня. Боковой удар ногой я парирую предплечьем. Его кулаки свистят у моего лица. Ухожу влево сайд-степом, заставляя его проваливаться, и пробиваю боковым в точку за ухом. Нокдаун. Потапенко пытается встать, ошеломлено трясая головой. Все остальные пары прекратили тренировку и смотрят на нас. Изумление, которое я читаю на их лицах, говорит само за себя.

Свисток.

– Шелестов, подойди, – в очередной раз просит тренер. Выполняю его просьбу.

– Леша, ты меня сегодня поразил. Почему раньше придуривался? – спрашивает Игорь Семенович, пристально смотря мне в глаза.

– Вы о чем? – пытаюсь включить «дурака».

– Леша, ты мне тут клоунаду не устраивай, – тихо говорит Зорин, придвинувшись ко мне, – у тебя отличные борцовские и боксерские навыки. Где занимался, с кем и почему притворялся?

– Игорь Семенович, вы меня давно знаете. Ну где я мог тренироваться кроме вашей группы? – мой взгляд лучится неподдельной искренностью.

– Ладно, – наставник отводит глаза, – иди Пал Палыча побей по точкам.

Пал Палыч – это самодельное чучело из кожзаменителя, набитое ватой, конским волосом и опилками. Оно идеально имитирует фигуру взрослого мужика, и подвешено на растяжках как круглая груша.

Семенычу делали его на заказ местные умельцы.

Я подхожу к Пал Палычу. Он безмолвно таращится на меня нарисованными глазами.

– Отрабатывай на нем наши связки. Горло, пах, глаза, колени, – дает задание сэнсей, – да, и перчатки сними, они тебе тут не понадобятся.

– Хорошо, – я развязываю шнуровку на перчатках и аккуратно кладу их на ковер. Подхожу к чучелу и начинаю. Удар пальцами, собранными в «клюв орла» в глаз, потом ногой в пах. Отскок. Снова сближение, тычок основанием ладони в нос и хлест ребром ладони в горло. Опять отход. Удар на подскоке ребром стопы в колено и фалангами вторых суставов под сердце. Пал Палыч только дергается в стороны от моих комбинаций. Работая с тренажером, не замечаю, как летит время. Звучит свисток, и зычный голос Игоря Семеновича объявляет об окончании занятия.

Парни отправляются в раздевалку. Вероника тоже уходит в гимнастический зал. Я бреду в раздевалку последним. Мимо меня проносятся Миркин и Мальцев в плавках и полотенцами на плечах. Ребята направляются в душевую. За ними спешит Волобуев, дружески хлопнув меня по плечу. Потапенко, понурившись, сидит на скамье у раздевалки. Видно парень еще не отошел от нокдауна.

Осторожно трогаю его кончиками пальцев за плечо. Вова поднимает голову.

– Извини, я не хотел так, увлекся просто, – мне действительно неловко. Парень, хороший и ни в чем не виноват. Это я, окунувшись в привычную атмосферу спарринга, получил адреналиновый заряд, и немного забылся в горячке боя.

Потапенко вяло машет рукой.

– Ничего Леш, бывает.

– У тебя все в порядке? Может тебя до дома проводить? – участливо интересуюсь у товарища.

– Да все нормально, не надо, – Вова даже немного смутился, – я в порядке.

– Шелестов пойдем за мной, – голос Семеновича звучит у меня над

ухом. Поворачиваюсь к наставнику и покорно следую за ним в комнатку тренерской.

– Чай будешь? – спрашивает сэнсей, насыпая себе в чашку заварку из металлической коробочки.

Нет, спасибо, – отказываюсь я, – Игорь Семенович, вы что-то хотели сказать?

– Хотел, – сухо отвечает Зорин, – ты можешь говорить, что угодно, но я тебе не верю. Где-то ты однозначно тренировался. Очень серьезно и с хорошим инструктором. Таких чудес не бывает.

Я молча смотрю на него. Неожиданно картинка на мгновение теряет четкость, расплываясь смутной пеленой перед глазами. Меня словно сотрясает удар тока, тело непроизвольно передергивается.

Густой туман, окутывающий серой дымкой загородную трассу. ЗИЛ-130 с пьяным водителем, вынырывающий навстречу знакомому темно-синему «Москвичу 408». Отчаянный детский крик. Развороченная машина, на фоне удирающего грузовика. Милиционеры, деловито осматривающие место ДТП. Санитары, грузящие на носилки изломанное, залитое кровью, детское тельце.

Похороны. Военные несут на плечах небольшой гробик, кажущийся игрушечным. Седой как лунь Семенович, ссутулившийся и постаревший лет на двадцать, поддерживаемый за руку моим отцом, медленно бредет за похоронной процессией....

– Игорь Семенович, – мой, внезапно охрипший голос похож на воронье карканье, – завтра утром вы собираетесь поехать с Надей на дачу. Не вздумайте это делать....

Банка с заваркой летит на пол. Черные крупинки веером разлетаются по плиточному полу.

Зорин растеряно смотрит на меня.

– Откуда ты знаешь? Я об этом никому не говорил. Только вечером решил поехать, – ошеломленно бормочет он.

Жена наставника несколько лет назад умерла от рака. Десятилетнюю дочку Надю он растит сам. Зорин души в ней не чает. Семенович даже убедил переехать в наш город свою одинокую пожилую тетку из Уральска, каким-то чудом организовав квартирный обмен. Она присматривает за Надей, пока сэнсей на работе. Ребенок всегда одет с иголочки, чист и ухожен.

– Игорь Семенович, просто поверьте мне. Если Вы дорожите жизнью своей дочери, оставайтесь дома, – я пристально смотрю ему в глаза, и стараюсь говорить убедительно.

Зорин резко хватает меня за воротник кимоно, и рывком вздергивает вверх, притягивая вплотную к своему лицу. Мои ноги начинают балансировать на носочках.

– Что ты сказал гаденыш? – шипит он, – Причем здесь Надя? Если с ней что-то случится, я тебя порву.

Пытаюсь разогнуть его пальцы, но они у наставника как будто железные. Продолжаю плясать на носках, чувствуя себя кроликом в объятьях удава.

– Я вас просто предупредить пытаюсь, – хриплю, глядя ему в глаза – завтра пьяный колхозник на ЗИЛе вылетит на встречную полосу. Вы водитель хороший, но из-за тумана не успеете вовремя его увидеть. Попробуете вывернуть руль, чтобы избежать столкновения, но у вас не получится. Он протаранит Вас в бок во время разворота, удар придется именно в то место, где будет сидеть Надя.

Зорин еще несколько мгновений буравит меня бешеным взглядом. Потом ярость медленно уходит из его глаз. Он аккуратно отпускает меня, возвращая в исходную позицию.

– Извини, – раздается глухой голос сенсея, – ты про Надю сказал, и будто красная пелена глаза застлала. Я тебя убить был готов. Она одна у меня осталась после смерти Маши.

– Все нормально, – отвечаю, осторожно ощупывая шею. Дури, конечно, в нем очень много. Еще немного и он бы меня покалечил.

– Вы мне тоже не чужой человек. Не хочу, чтобы с вами и дочкой что-то приключилось. Не знаю, как это получилось, но у меня перед глазами картинка возникла, как будто я это сам наблюдал со стороны. Уверен, если вы поедете завтра на дачу, то вам с Надей грозит серьезная опасность.

– Чертовщина какая-то, – тренер озабочено трет ладонью лоб, – знаешь Леша, еще несколько лет назад послал бы я тебя далеко. Но сейчас даже не знаю, что сказать. Бывал я в одной стране, общался с местными знахарями. Живут в хижинах из потрескавшейся глины, а такое творят. Никогда не поверил, если бы собственными глазами не видел.

Знаю я эту страну. Ангола, называется. Там вы с моим отцом вместе воевали. Но вслух я Игорю Семеновичу это не говорю.

– Вот и послушайте меня, – повторяю настойчиво, – что вам стоит отложить поездку на дачу до следующих выходных? По большому счету вы ничего не теряете, а сохраните свое здоровье и жизнь дочки. Пусть лучше в школу сходит, у неё учебный день все-таки.

– Ты Шелестов, удивляешь меня все больше и больше, – криво усмехается Зорин, – то на тренировке взрослых, более опытных и сильных

парней побеждаешь, то пророчества, как Кассандра вещаешь. И давно это у тебя?

– Сегодня в первый раз.

Я спокойно выдерживаю взгляд тренера. Правду говорить легко и приятно, далеко не всю, конечно, но кто об этом знает?

– Картинку, говоришь, видел? погоди, – судя по загоревшимся глазам Зорина, его осенила какая-то идея. Он достает из кармана тренировочных штанов связку ключей и лезет в сейф. Копаются там пару минут, вынимает карту области, раскладывает её на столе и берет карандаш.

– Смотри, допустим, я уезжаю утром на дачу. Это тридцать километров от нашего районного центра в Павловке. Опиши место, где произойдет это ДТП.

– Вы заезжаете на окраину леса, – я задумался, припоминая все подробности увиденной картинки.

– О, – победно щелкаю пальцами, – там, на опушке расколотое напополам тонкое дерево, метров сто от него, не доезжая до поворота в село.

Судя по расширившимся от изумления глазам тренера, он мне поверил окончательно.

– Есть такое, – признает Зорин. Он выглядит потрясенным.

– Знать ты этого не мог, – минуту помолчав, продолжает наставник, – допустим твой отец, и мог сказать что-то про мою дачу, но про дерево.... Да и я только час назад решил завтра туда ехать. Действительно, чертовщина....

Молчание затягивается.

– Игорь Семенович, так вы не поедете? – на всякий случай уточняю я.

– Теперь, точно нет, – наставник собран и деловит, – так, а про машину и водителя, ты сказать что-то можешь?

– Грузовик ЗИЛ-130 светло-голубой, номер... – тут я задумываюсь.

Номер я различить не могу. Какое-то избирательное у меня ясновидение, здесь вижу, там нет.

– Не могу сказать, – выдыхаю я, – водителя зовут Толик. Он заночует у любовницы, напьется самогона, а утром еще не протрезвевший, хлопнет стакан для опохмелки и сядет за руль. Кстати, машина принадлежит местному колхозу «Заветы Ильича». Больше ничего не знаю.

Значит, это будет на въезде в Павловку, – задумчиво говорит Игорь Семенович, обводя кружком место ДТП, – скорее всего, шофер поедет оттуда. Рядом деревень по этой трассе нет.

– Колхоз такой есть, – продолжает он – председателя я знаю. Завтра

суббота, но попробую дозвониться к нему в контору. Может, получится остановить этого ухаля, пока он не натворил дел.

– А что вы ему скажете? – любопытствую я. Мне действительно интересно.

– Да это не проблема, – отмахивается наставник, – скажу, что в селе видели шофера пьяным, собирался сесть за руль. Если, что всегда можно отбрехаться, что ошиблись. За бутылку парочка местных всегда подтвердит любые мои слова. Но, думаю, до этого не дойдет.

* * *

8 сентября 1978 года 20:45

Захожу в прихожую своей квартиры. Чувствую себя уставшим как грузчик, всю ночь разгружавший вагоны. В гостиной работает телевизор. На пороге комнаты появляется мама, услышавшая звук открывающейся двери.

– Мой руки Леш, я сейчас разогрею ужин, – командует она.

Разуваюсь, и иду в ванную. Когда я мою руки и полощу их под струей теплой воды, слышу аппетитное шкворчание разогреваемого мяса. Рот моментально наполняется слюной. Вытираю руки полотенцем, и вылетаю на кухню.

Усаживаюсь на стул. Мама уже в переднике. Она деловито орудует на кухне, разогревая еду. Через минуту рядом со мной возникает большая тарелка. Рядом стоит небольшая пиала с оливье. В отличие от других семей, мы готовили его не только на праздники. Мама любила баловать нас с отцом разнообразными яствами, и получала настоящее удовольствие, видя наши довольные физиономии, уплетающие за обе щеки очередной кулинарный шедевр.

На тарелке появляется пара кусочков хлеба, затем большая отбивная и горстка макарон. Потом на тарелку кладутся нож с вилкой. На них еще виднеются капельки воды. Родительница помешана на чистоте и гигиене. Перед подачей на стол, тщательно всполаскивает даже недавно мытую чистую посуду.

Я начинаю яростно кромсать ножом отбивную, наворачивать вилкой оливье и наматывать на неё макаронины.

– Леш, куда ты спешишь? Никто у тебя еду не отберет, – в мамином голосе чувствуются нотки иронии.

Торможу себя, и заставляю есть медленнее. Мама одобрительно

смотрит на меня.

– Как прошла тренировка? – интересуется она.

– Нормально, – отвечаю я, – поборолись, немного побоксировали. Все как всегда.

– В школе все в порядке?

– Конечно, – пожимаю плечами. Рассказывать ей о своем «приступе» и о том, что отпустили с уроков, не собираюсь. Незачем волновать родительницу. Пусть остается в счастливом неведении, и не тратит нервы.

– Я уже по папе соскучился, – вздыхаю, коварно выбивая из мамы нужные сведения.

– Я тоже, – охотно откликается мама, – во вторник должен быть, кажется всего три дня осталось, но тянутся как целая вечность.

Понятно. Папа в очередной командировке. Что же, будем ждать.

Не торопясь доедаю пищу. Перекидываюсь с родительницей еще парой фраз, и неторопливо бреду к себе в комнату. Нужно собрать сумку и лечь спать. Чувствую, завтра у меня будет тяжелый день.

* * *

9 сентября 1978 года. Суббота.

Просыпаюсь, и некоторое время лежу, смотря в белый потолок. Первое мгновение кажется, что вчерашний перенос в 1978-ой год мне приснился. Смотрю на старый письменный стол, оконный проем, белый циферблат часов рядом с ним и понимаю – это действительно произошло.

В комнату заходит мама. Увидев, что я проснулся, она легонько тормозит ладошкой мои волосы.

– Леш, я уже завтрак приготовила. Вставай.

– Хорошо, мам.

Родительница выходит из комнаты. Я сладко потягиваюсь, хрустя суставами.

Здорово, все-таки быть молодым. Откидываю одеяло и прыжком вскакиваю с постели. Бодро шагаю в ванную. Усиленно вожу щеткой по зубам, мою руки. Из кухни уже раздается волнующий аромат жареного мяса и свежего теста.

Там меня уже ждет тарелка с блинчиками и блюдцем сметаны. Рядом стоит кружка чая и розовая пиала с печеньем. Все родное, домашнее и невероятно вкусное. Еще в своей первой жизни я увлеченно трескал мамины яства, не задумываясь о вредных жирах и канцерогенах.

И сейчас увлеченно уничтожаю блинчики, получая удовольствие от тающего во рту теста и мяса с луком. В сочетании со сметаной они вызывают у меня гастрономический экстаз. Мама довольно наблюдает за мной.

Допиваю горячий чай. Отдуваюсь от сытной трапезы и, чувствуя приятную тяжесть в желудке, выбираюсь из-за стола.

– Спасибо мам, очень вкусно, – искренне благодарю родительницу, и чмокаю её в щеку.

Мама улыбается.

– Иди, собирайся в школу. Не теряй времени.

Быстро одеваюсь и, подхватив сумку, выхожу в прихожую. Прощаюсь с мамой, надеваю туфли, и выхожу в тамбур. Через минуту я уже на улице. Как и вчера солнечно, но холодноватый ветерок, напоминает, что лето уже кончилось.

Подходя к школе, смешиваюсь с потоком шумящей оживленной детворы. Сегодня первый урок – русская литература. Где находится кабинет, я прекрасно помню. Через пару минут захожу в класс. Там как обычно, шум и гам. Прохожу к парте Николаенко, здороваюсь с девушкой, получаю в ответ кивок и демонстративно сажусь рядом с ней. За мной заинтересованно наблюдают несколько пар глаз. Недельский смотрит злобно, но встретившись со мной взглядом, ухмыляется, и через пару мгновений отворачивается. Точно, сегодня будет попытка меня «наказать». Впрочем, это особо не пугает. Проблема, конечно, серьезная, сбрасывать со счетов возможное развитие событий, в том числе и негативный для меня вариант не стоит. Но чем меня после Афгана могут напугать эти сявки-малолетки? Ничем.

Смотрю на своих одноклассников. Инга, улыбаясь, что-то рассказывает своей подружке Оле Сафронкиной, та заразительно смеется. Красивые ямочки, возле уголков губ придают девушке особую привлекательность. Вчера после «появления» в 78-ом году мне было не до этого, а сегодня, зная о жизни своих одноклассников после школы, интересно наблюдать за ними. Ольга и Инга не перестанут дружить и после школы. Инга, дочь начальника СМУ, и сейчас сверкает золотыми сережками в смуглых ушках, а модные чехословацкие сапожки, точно стоят не одну сотню рублей. После распада СССР, её папа развернется. Скупит несколько зданий в центре, сделает там ресторан, офисные помещения. Барахолка, находящаяся рядом, станет рынком, которым будет управлять новообразованный концерн отца. Ольга, успеет побывать замужем и развестись. Но дружить девчонки будут всегда. Интересно, что Писарская,

несмотря на свой «высокий» статус, совсем не зазнается. В 1992-ом году, приезжая к родителям, случайно встретил её на улице. Такая же приветливая, спокойная и улыбчивая женщина. Никакого высокомерия. Выпили пару чашек кофе в ближайшем кафе, вспомнили одноклассников, учителей, попрощались и разошлись.

Наташа Бойко опять уткнулась в книгу, и сосредоточенно шевелит губами, повторяя абзацы текста. После школы девушка станет медсестрой, выйдет замуж за военного, родит детей. На момент моей «гибели» в 1993-ем году, она училась в ВУЗе, чтобы получить профессию терапевта.

Недельский попадет в тюрьму за мелкую торговлю наркотиками. На момент моей гибели в Белом Доме он будет сидеть на зоне. Туда ему и дорога.

Волков завоюет несколько медалей на союзных соревнованиях, пока из-за травмы не покинет спорт. Некоторое время он будет бедствовать, но не сломается. Сначала Иван станет челноком, потом прикупит себе пару магазинчиков в центре. Разборки с бандитами, которые захотят долю в его бизнесе, окончатся плачевно. Магазины спалят, Ивана изобьют битами в подъезде собственного дома. Когда я встречал его последний раз, выглядел Волков неважно.

От печальных мыслей меня отвлекает пронзительная трель звонка. Шум в классе моментально стихает, все рассаживаются по местам. В класс заходит завуч. Молодая, симпатичная, черноволосая Нина Алексеевна. Смотрю на неё во все глаза. Этого учителя я уважаю. Каждый урок она проводит с душой, стараясь привить своим ученикам любовь к языку и русской литературе. Но при этом баловаться и бездельничать никому не позволяет. В 1989-ом году она станет директором школы, сделав её лучшей в районе.

Урок начинается проверкой домашнего задания. К доске вызывается Чванов. После растерянного блеянья, в котором самой осмысленной фразой было «эээ, Горький был российским и советским писателем, эээ», Сашку отправляют на место с очередной заслуженной двойкой.

Бойко тянет руку. Нина приглашает её заменить Чванова. Наташа оттарабанивает зазубренный текст, получает пятерку и садится за парту с сияющим лицом.

Учительница продолжает рассказ о творчестве Горького. С удовольствием её слушаю, и не замечаю, как заканчивается урок. Опять дребезжит звонок, завуч отпускает нас, и мы начинаем собирать портфели.

Шесть уроков пролетают один за другим. Фухх, слава богу. Это начинает меня утомлять, все-таки я уже не пацан, хоть и нахожусь в

детском теле.

Вместе с Амосовым и Волковым идем домой. Ваня и Паша весело обсуждают школьные дела. Я, занятый своими мыслями, даже не прислушиваюсь к их разговору. За школьным забором дорогу нам преграждает несколько фигур. Началось!

Окидываю их взглядом. Громадный Бычара нагло ухмыляется и смотрит на меня. Слева он него стоит Толя Шпиль. Борзый вид, надвинутая на глаза кепочка, руки в карманах. Шпиль подражает своему старшему брату, топтавшему зону за «нанесение тяжких телесных». Рассказать бы ему, за кого там держат таких «бакланов». Справа от Быкова – Трофим. Еще одна жертва «блатной романтики». Любит трясти мелочь у малышей, и издеваться над слабыми. Низкий лоб, челюсть неандертальца, маленькие тупые глазки. Наглядное подтверждение теории Чезаре Ломброзо о физиономиях преступников. Немного сзади пристроились, лузгающие семечки, Комок и Дубина – шестерки Быка. Рядом с ними стоит торжествующий Недельский с гадко улыбающимися Поляковым и Лесенко.

Со мной один Ваня. Амосов куда-то исчез. Два человека против восьмерых, если Лесенко и Поляк влезут. Хреново.

– Пашка побежал за Мансуром, – шепчет мне на ухо Волков, – должен подскочить через минуту-другую.

Молчание прерывает Бык.

– Ну что фраер? Убить тебя сразу или немного помучить? – цедит он сквозь зубы, подражая басмачам из «Белого солнца пустыни». Любит Антон порисоваться.

Я улыбаюсь, сбрасываю на землю сумку, и смотрю ему прямо в зрачки, весело, дерзко и злобно. Чем ты меня шкет малолетний хочешь напугать? Кулаками своими? Смешно.

В этот момент Бычару сверлит взглядом не испуганный подросток, а матерый и уверенный в себе мужик. Антон что-то чувствует. Ухмылка сползает с его лица, в глазах мелькает неуверенность. Его окружение тоже посерьезнело. Такой реакции от меня они не ожидали.

– Давай Бычок, рискни здоровьем, – почти дружелюбно предлагаю ему, – только как мужчина, один на один. Или струсил?

Не хочу я бить подростка, пусть и блатного. Но другого выхода не вижу. Мирно разойтись из этой ситуации не получится. Подкараулил Бык меня на свою голову.

– Конечно, струсил, – раздается голос Тимура Мансурова, – это же шакалы, они только толпой и сильны.

Лица сявок смурнеют. Драться с победителем городских соревнований

по боксу им не хочется. Да и команда старших одноклубников по просьбе Мансура тоже может подтянуться, если конфликт перейдет в серьезную стадию. Это знает школьная и районная гопота, обходящая чемпиона десятой дорогой.

Запыхавшийся Амосов становится с другой стороны от меня. Мансур подходит тоже не один. С ним Сережа Смирнов. Парень дружески мне подмигивает. Серега тоже крепкий и боевой. Пару лет ходил с Мансуром на бокс, потом на гиревой спорт переключился. Пять на восемь – совсем другая ситуация. Да и Поляк с Лесенко уже не полезут и, похоже, Недельский тоже, он никогда особенной храбростью не отличался.

– Так, что здесь происходит? – звучит командный голос Нины Алексеевны, – Быков, опять за свое?

В глазах Быка мелькает плохо скрываемое облегчение.

Я оглядываюсь. К нам идет завуч в сопровождении Ани Николаенко.

– Мы еще с тобой встретимся, – тихо говорит он мне, и вся кодла, повинувшись его взмаху руки, скрывается арке дома напротив.

– Быков, куда побежал? Лесенко, Трофимов, Недельский сюда немедленно! – кричит Нина Александровна, но шпаны уже поблизости нет.

– Шелестов в чем дело? Что они хотели от тебя? – интересуется завуч.

– Да ничего особенного, – машу я рукой, – так, небольшой спор.

– Понятно, – усмехается Нина, – не хочешь говорить. Смотри только, чтобы это слишком далеко не зашло.

– Не зайдет, – смотрю на завуча честным взглядом, – думаю, ребята все осознали, и больше не будут.

Аня стоящая рядом с Ниной насмешливо фыркает.

– Может попросить Евгения Константиновича проводить тебя до дома? – озабочено спрашивает завуч.

Вот только физрука мне в попутчики не хватало. Он конечно дядька хороший и внушительный, мастер спорта по вольной борьбе, но я как-нибудь без него обойдусь.

– Спасибо, не нужно, – вежливо отказываюсь, – меня ребята проводят.

– Ну смотри, – Нина осуждающе качает головой, разворачивается и идет обратно в школу.

Николаенко с независимым видом огибает нас и направляется к остановке

– Ань погоди, – окликаю её.

Она останавливается.

– Ребят, пару минут.

Пацаны кивают.

– Иди уже, мы тебя подождем, Ромео, – раздается ехидный голос Паши. Опять слышу звук подзатыльника, и возмущенный крик Амосова: «Ванька ты задолбал».

Подхожу к Николаенко. Она молча глядит на меня.

– Ань спасибо тебе, но я бы и сам справился, – неловко начинаю объясняться, – не нужно было завуча звать.

– Шелестов, неужели ты думаешь, что я позвала Нину Алексеевну ради тебя? – Николаенко насмешливо смотрит на меня, – мне просто надоело, что Бык избивает каждого парня, который просто поговорит со мной или сядет за одну парту. Отделаться от этого идиота я не могу. Он почему-то вообразил себе, что я его девушка. Хотя моего мнения никто не спрашивал. Я не хочу, чтобы из-за меня еще кто-то пострадал. Понятно?

– Да, но все равно тебе спасибо большое, меня еще в жизни никто так не спасал, – благодарно смотрю ей в глаза искренним взглядом, только где-то в глубине зрачков ярким огоньком бьется еле сдерживаемая смешинка.

Девушка смущается и опускает взгляд.

– Не за что, – звучит её сухой голос – ты все сказал? Тогда пока.

Она невероятно красива даже сейчас, в простеньких советских туфельках и невзрачном сером пальто. Точеный профиль и зеленые глазищи, длинные изящные ножки. Если наложить на Аню макияж и одеть в вечернее платье – готовая ТОП-модель с обложки глянцевого журнала.

– Пока, – прощаюсь с ней, и возвращаюсь к ребятам.

* * *

Домой, сопровождаемый компанией добровольных телохранителей, я дошел без проблем. Мамы опять не было. В эту субботу она опять работает. У них в НИИ конец квартала. Зато потом отгул получит. Разогрев борщ, и пообедав, удобно устраиваюсь на диване. Мне нужно обо всем хорошо подумать.

«Проблему с этим дураком надо решать. Он не успокоится. Значит нужно обломать ему рога».

В моей голове начинает созревать план. Мысленно прогоняю все его детали. Пожалуй, так и сделаю. Прямо сегодня, чтобы не затягивать. Не нужно отдавать этому придурку инициативу, и давать возможность подстеречь меня.

«Теперь рассмотрим более глобальный вопрос. У меня есть двенадцать лет, чтобы спасти СССР. С одной стороны времени достаточно, с другой – в

обрез. У меня нет ничего для этого. Сейчас я простой школьник, без денег и возможностей как-то влиять на судьбу страны. Меня даже никто не будет воспринимать всерьез. Необходимо в ближайшие годы решить несколько проблем. Первая – деньги. Мне понадобится их очень много. Это необходимый ресурс, который позволит мне начинать что-то делать и добиваться поставленных целей. Второе – команда. Одиночки могут побеждать государственную машину, только в фантастических романах. Мне нужно пусть несколько преданных соратников, но готовых сражаться за сохранение СССР любыми способами и до конца. Третья – вхождение во властные эшелоны. Впрочем, как решить эту проблему у меня есть мысли.

Четвертая – нужна хорошая разветвленная официальная структура из спаянных идей единомышленников, желательно, под крышей комсомола или КПСС. И, кажется, я знаю, как этого достичь, и что предложить партийным боссам»....

Мои раздумья прерывает дверной звонок. В глазок вижу Семеновича. Открываю ему дверь.

– Привет, чаем угостишь? – спокойно осведомляется сэнсей.

– Здравствуйте. Конечно, пойдемте на кухню.

Через несколько минут мы, не торопясь, отхлебываем из кружек горячий чай, закусывая его баранками, предусмотрительно выложенными мною на тарелку.

Наставник пристально смотрит на меня.

– Чего не спрашиваешь, что я узнал по поводу водителя? – интересуется он.

– Вы сами мне все расскажете, – пожимаю плечами, – поэтому, наверно, и пришли.

– Угадал, – подтверждает Семенович, отпивает глоток горячего напитка, и ставит кружку на стол.

– Ты оказался прав. На все сто процентов. Утром я в контору не дозвонился. Председателя поймал только ближе к обеду. Он уже был в курсе. Этот пьяный идиот Толик все-таки выехал утром на своем самосвале из Павловки. Врезался в дерево на выезде из леса. Примерно, в то время, когда я планировал ехать на дачу. Капот всмятку. Дурака увезли в больницу. Сотрясение мозга, перелом ключицы и лицо порезано осколками.

– Так что, – крепкая ладонь тренера ложится на мое предплечье, – я у тебя в долгу. Я живу ради Надьки. А тебе обязан её жизнью. Обращайся по любому вопросу.

– Игорь Семенович, мне ничего от вас не нужно, на моем месте каждый вас бы предупредил, – пытаюсь отмежеваться от благодарностей.

– Не спорь! – пятерня наставника гулко хлопает по столу, – Я сказал, ты услышал. Это все что я хотел тебе передать. Мне пора. В понедельник, как всегда к пяти вечера жду тебя на тренировку.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Закрыв дверь за Семеновичем, возвращаюсь в гостиную.

Пора собираться. Роюсь в гардеробном шкафчике. Нахожу старые перчатки отца. Они бросаются в спортивную сумку. Также туда летит черная куртка, купленная мне год назад. Перерываю кучу вещей и бумаг в комод, наконец вижу, то что мне нужно – жесткий кожаный кофр. Здесь лежит бинокль БПБ 12Х40, изготовленный Загорским оптико-механическим заводом. Расстегиваю кнопочную застежку и убеждаюсь: прибор на месте и в отличном состоянии. Он весит почти килограмм, но дает двенадцатикратное увеличение и отличную картинку, благодаря возможности индивидуальной фокусировки и широкоугольным окулярам. Имеются даже два противотуманных желтых светофильтра. Батя приобрел его для редких поездок на охоту. Внушительный бинокль с шершавой металлической поверхностью и прочным шейным ремешком даже приятно держать в руках. Только плохо, что футляр довольно большой. Вздохнув, кладу бинокль обратно, закрываю застежку, и упаковываю его в сумку. Забираю из шкафа отцовскую фляжку, наполняю её водой. Делаю себе на кухне пару бутербродов с сыром и колбасой. Они аккуратно заматываются в кулечек, и тоже отправляются в сумку. Туда же идет протертый до дыр серый плед (мама давно собиралась его выбросить, да руки не все не доходили) и дубовая ножка от старой мебели, складываемой на балконе. Напоследок, надеваю на запястье командирские часы «Восток» – подарок родителей на день рождения. Отец чудом сумел приобрести их в «Военторге».

Спустя полчаса я уже нахожусь на месте. Бык со своими корешами ежедневно проводит время на «балке», расположенной через три квартала от моего дома. Обычно они сидят в беседке, находящейся рядом с двумя хрущевскими пятиэтажками. Это я помню еще с «прошлой» жизни. Знаменитое место. Все школьники его десятой дорогой обходят, чтобы не нарваться на выпившую и ищущую развлечений шпану. Рядом с хрущевками пустырь с полуразрушенным зданием. Через год-другой его окончательно снесут и построят новый дом. Но сейчас я направляюсь именно туда. Здесь будет мой наблюдательный пункт. Думаю, караулить отморозка придется несколько часов, пока компания не начнет разбредаться. Переодеваюсь в черную куртку, распахиваю перчатки по карманам, и иду искать подходящее место для наблюдения.

Лучше всего подходит полуразрушенный оконный проем на четвертом этаже с небольшой расщелиной до самого пола. Отсюда прекрасно видна беседка. Расстояние метров 120–150. Частично полуразваленный дом немного прикрыт деревьями. Это тоже, пусть не очень хорошая, но маскировка. Кладу сумку. Достаю футляр с биноклем. Регулирую резкость каждого окуляра, подкручивая колесики фокусировки. Отлично! Беседка видна как на ладони. Там уже сидят какие-то парни. Один из них поворачивается, и я узнаю Трофима, двое других находятся в глубине беседки и их пока не видно. Хотя по габаритам одного из них, скорее всего, это Бык. Но нужно знать точно.

Теперь можно расположиться удобнее. Расстилаю подстилку. Ложусь на неё. Сейчас заметить меня без специальной оптики практически невозможно.

Продолжаю следить за отморозками. Замечаю второго – Шпиля. Еще один остается неопознанным. Медленно текут минуты. Сявки курят, пьют пиво, и смеются, разговаривая о чем-то своем. Постоянно наблюдать за ними невозможно. Спустя время внимание начинает рассеиваться. Чувствую жажду. Подгребаю сумку к себе, беру фляжку, откручиваю крышку и делаю глоток. Больше нельзя. Буду чаще отходить по малой нужде, и прозеваю их уход. Наконец из глубины беседки выплывает лицо третьего. Это точно Бык. Сердце учащенно бьется в предвкушении разборки, а руки подрагивают. Проклятый подростковый организм. Усилим воли, стараюсь привести себя в норму, избавиться от волнения. В некоторой степени, мне это удастся.

К беседке подходит парень. Рассматриваю его в бинокль. Это Недельский. Бык покровительственно похлопывает его по плечу и жестом предлагает присесть. Компания о чем-то оживленно разговаривает. Интересно, не обо мне ли? Неделя вполне может сдать мой адрес, тем более что живет он рядом, через подъезд. Хотя плевать, Бычара все равно не сумеет воспользоваться полученной информацией. Время течет медленно. Я успеваю съесть бутерброды, запить их глотком из фляги, разок быстро отойти в другое помещение «по-маленькому» и даже немного заскучать.

Надвигаются сумерки. Поднимаю запястье к глазам. Светящиеся фосфором стрелки на черном циферблате «Командирских» показывают 20:15. Пора гопникам разбегаться. У меня уже мама дома и волнуется, где пропадает её непоседливый ребенок.

А сявки действительно начинают расходиться. Бык с Трофимом, обменявшись рукопожатиями с Недельским и Шпилем, направляются к

гаражам. Отлично! Так я и думал. Это самая короткая дорога на «Петроградку». Бычара проживает где-то в том районе. Быстро снимаю бинокль и упаковываю его в футляр. Прячу его в сумку, достаю из неё дубовую ножку с металлическим штырьком, торчащим сверху. Надеваю перчатки, часы кладу в карман, дубинку в руку и быстро скачу по лестнице вниз. Меня опять начинает потряхивать, от переполняющего организм адреналина. Повышенный гормональный фон подростка снова напоминает о себе.

Гаражи находятся рядом с моим убежищем, поэтому я иду навстречу Трофиму и Быку. Завернув за угол, я оказываюсь прямо перед ними.

Мое лицо расплывается в широкой улыбке

– Привет уроды! Не ждали? – весело интересуюсь, помахивая своим оружием.

Быков передергивается от неожиданности, в его глазах мелькает испуг. Трофим, после секундной оторопи, опять спокоен. Он слишком тупой, чтобы волноваться. Его рука медленно ползет к карману. Похоже, мой дар предвиденья начинает улучшаться. Я ясно представляю выкидной нож, с наборной ручкой из разноцветной пластмассы, который там лежит.

И намерения Трофима я «вижу». Он хочет незаметно сместиться за Быка, открыть выкидуху, прикрывая её рукавами своей куртки, выждать удобный момент, и воткнуть в меня узкое блестящее лезвие из нержавеющей стали.

– Чего тебе надо? Хочешь, чтобы мы тебя прямо тут похоронили? – Бык дополняет свой вопрос длинной матерной тирадой.

Отвечать ему я не собираюсь, тем более что Трофим уже засунул свою руку в карман. Штыковой выпад железным штырьком на конце палки в солнечное сплетение верзиле. Силу тычка я контролирую, чтобы ненароком не убить. ПТУшник со стоном сгибается и, обхватив живот руками, заваливается в стороны. Второй удар палкой я наношу уже от души. Прямо по запястью Трофима, уже начавшего вытаскивать выкидной нож из кармана. Жалеть его не собираюсь. Многочисленные сенсеи, учащие обороне от ножа, просто занимаются мошенничеством. Защиты от него нет. Даже прыщавый подросток может истыкать безоружного опытного бойца «пером», со скоростью работающей швейной машинки. Расстояние в пять метров нетренированный человек, вооруженный ножом, преодолевает за полторы секунды. Если малолетний отморозок сумеет его достать, мои шансы на победу резко уменьшаются, хотя палка дает возможность выиграть разборку. Но лучше не рисковать. Поэтому Трофиму я запястье ломаю. Наполовину вынутый выкидной нож летит на землю. Ногой

отправляю его подальше. Вторым ударом перебиваю голень. Пусть отдохнет, пока я закончу с Быком.

Воющий от боли Трофим, катающийся по асфальту, больше не боец. Бык, держась за живот, приподнимается и смотрит на меня с ненавистью.

– С палкой пришел? – хрипло выплевывает он слова, – А один на один слабо попробовать, как сам предлагал? Не по пацански поступаешь. Я тебя все равно подловлю и поломаю.

– Оставь свои блатные заморочки себе, с вами урками так и нужно поступать. Куда пропадают ваши пацанские понятия, когда вы толпой метелите одного? – презрительно осведомляюсь у него.

Меня посещает неожиданная мысль. Надо решить эту проблему полностью. Подавить урода морально, показать, что у него в любом случае нет против меня никаких шансов. Понимаю, что делаю глупость, но движением руки откидываю дубинку назад.

– Хочешь по-честному? Я даю тебе шанс. Единственный. Решим все здесь и сейчас. Давай, начинай.

Бык немного оживляется. Даже истошно воющий Трофим чуть притих.

Атаку гопника я чуть было не пропустил. Уйти от прыжка Быка смог только в последний момент. Очень резвый парень, придется ему немного прыти поубавить. Для начала пробиваю ему короткий боковой по ребрам, потом, сместившись в сторону, вбиваю голень ему в бедро.

Бычара морщится, но пытается огреть меня кулаком с размаху. Ныркком ухожу от этого деревенского удара и всаживаю в него крюк в челюсть. Противник плывет, но не сдается, пытается отмахиваться. Ему удается схватить рукав куртки. В следующий момент мощный пинок в живот отбрасывает меня к стенке гаража. Бык бросается на меня, обхватывая своими огромными ручищами. Они пригибают меня к земле, пытаюсь перевести в партер. Хрен, у тебя это получится. Кулаком коротко пробиваю в область паха. Удар получается не очень сильный из-за неудобного положения. Бык содрогается, его хватка слабеет, но держать меня продолжает. Мне удается немного выпрямиться. Перемещаюсь круговым движением, чтобы Бычара оказался спиной к стенке. Ладонями вцепляюсь в голову противника, большие пальцы быстро нащупывают глаза и надавливают на них. Бык вскрикивает. Его захват разрывается. Но лишать его зрения я не собираюсь. Давлением на глазные яблоки отодвигаю его голову назад, а потом с силой дергаю её вперед, навстречу резкому движению моего лба. «Бычок» – моя коронка, еще с «прошлой» жизни. Сильный и эффективный удар. Но бить его тоже надо уметь и знать куда.

Долбанешь головой немного ниже – рассечешь себе лоб об зубы. Ударишь слишком высоко – можешь сам нокаутировать себя башкой соперника. Да и бить следует «футбольным» движением, чуть доворачивая голову вбок. Тогда можно не бояться оглушающей отдачи. Лучшая мишень для «бычка» – переносица. Туда я и целю. С сочным хрустом она проминается под моим лбом. Бык опять орет. На меня брызгает кровь, разлетаясь каплями по куртке. Гопник медленно сползает по каменной стенке. Между его пальцами, прижатыми к лицу, текут темные струйки.

Трофим, негромко подвывая и держась за покалеченные места, наблюдает за нами. Похоже, он еще не отошел от шока. Ищу глазами отфутболенный выкидной нож. В проеме между гаражами ярким пятном выделяется наборная пластмассовая рукоять. Подбираю её и подхожу к стонущему Быку. Он замолкает, убирает окровавленные руки от лица, и опасливо пытается отодвинуться в сторону от меня.

Нажимаю на кнопку. Щелчок и перед его глазами тускло блестит хищное стальное лезвие.

Беру рукой Быка за воротник, приставляю острие к его шее.

– Мы договорились? – холодно интересуюсь у перетрусившего сявки.

Бык послушно кивает.

– И еще, к Ане больше не лезь. Пусть она сама выбирает, как ей жить и с кем общаться. Ты все понял?

Гопник секунду ломается, но лезвие прочерчивает алую полосу под подбородком. Бычара, испугано смотрит в мои глаза, и, встретившись со злым взглядом, выдавливает «хорошо».

– Вот и отлично, – отпускаю его воротник, и демонстративно вытираю окровавленное лезвие об его куртку – а чтобы ты остыл, как следует, и в горячке не наломал дров, я тебе больничный выпишу.

Хватаю его за бицепс, фиксируя положение тела. Коротко бью низом кулака как молотом в середину ключицы отморозка. Раздается негромкий хруст. Бык опять вскрикивает, лоб отморозка покрывается капельками пота. Все, теперь он будет долго лечиться. И правую руку поднять не получится. Можно было разломать ему колено. Но не хочу делать Быка инвалидом. Все-таки он еще несовершеннолетний.

– Ну вот и все, – окидываю доброжелательным и веселым взглядом гопников, – Все вопросы сняты. Или кто-то с этим не согласен?

Сявки угрюмо сопят, отворачивают взгляды, и высказываться не рискуют.

– И не вздумайте что-то рассказать ментам. Не надо. Над вами весь район будет ржать. Не говоря уже о том, что поверят мне, а не вам. А потом

станет еще страшнее и больнее.

Сверлю глазами Трофима. Он перестает завывать, и пытается подальше отползти от меня. В глазах его плещется ужас. Этот точно ко мне больше не полезет.

Окидываю взглядом своих противников. На меня опять накатывает «озарение». Вся мерзкая жизнь двух моральных уродов оказывается передо мной как на ладони. Смотрю на стонущих и воющих гопников и понимаю: они получили по заслугам. За свою короткую жизнь отморозки совершили множество подлых поступков.

– Хочу добавить. Если вдруг вы передумаете, и решите сообщить органам о том, кто и за что вас сегодня избил, сушите сухари и готовьте котомки со сменным бельем и папиросами. Сидеть на зонах придется очень долго.

Гопники напряженно слушают меня. Даже стонать перестали.

– Я знаю о вас все, – мой взгляд упирается в Быка, – ты месяц назад украл из подсобки гастронома продукты и три ящика водки.

Отморозок вздрагивает и изумленно смотрит на меня.

– 23 августа вы вместе со Шпилем избили и забрали тридцать два рубля с мелочью у двух пьяных мужиков около автобусной остановки.

Теперь уже челюсть отвисает у Трофима.

– Так, что давайте, доносите, мне просто не терпится рассказать нашей доблестной милиции о ваших славных подвигах, о попытке затягивания в подвал четырнадцатилетней девочки с целью изнасилования. Думаете, если у неё родители алкоголики, вам все с рук сойдет? Можно еще вспомнить о воровстве мелочи в раздевалке ПТУ, отбирании денег и избиениях школьников, ночных гоп стопах в парке. Участковый будет прыгать от счастья, получив информацию о ваших проделках. Виктор Петрович, ваш инспектор по делам несовершеннолетних тоже будет невероятно рад. Вы его еще за прошлые годы достали до самой печенки. Думаю, наш советский суд, с их помощью, гарантированно выпишет вам путевку на несколько лет с бесплатным питанием и проживанием.

Отморозки смотрят на меня круглыми глазами. Бык что-то невнятно мычит. Из открытого рта Трофима капает струйка вязкой слюны. Настоящий олигофрен. Его не в тюрьму, а в дурку сажать надо. Вижу, мне удалось достучаться до их тупых мозгов, и объяснить, что произойдет, если они скажут обо мне хоть слово.

– Кстати, за девочку, которую вы хотели изнасиловать, особо любвеобильному добавка полагается.

Резко подсакиваю к Трофиму, и носком добавляю ему по яйцам.

Отморозок визжит тонким голосом и сворачивается в клубок, держась за причинное место. Запястье его уже не волнует. Страшная боль в отбитых мужских принадлежностях корежит морального уroda.

– Ладно, мне пора. Надеюсь больше не увижу ваши мерзкие хари поблизости.

Покидаю место боя, оставляя позади две распластанные на асфальте и стонущие фигуры. Живот немного побаливает после удара ноги, но терпеть можно. Складываю и засовываю нож в карман куртки, подбираю палку. Возвращаюсь в свой наблюдательный пункт. Используя воду из фляги, отмываюсь от грязи и крови. Бросаю куртку и ножку от мебели в сумку. Достая «Командирские» и надеваю их себе на руку. 20:40. Мне пора домой.

* * *

Осторожно открываю входную дверь. Хочу тихонько прошмыгнуть в свою комнату, но не получается. Мама, услышавшая скрежет открываемого замка, уже стоит на пороге прихожей.

– Ну и где тебя носит? – недовольно интересуется она, – уже двадцать минут десятого.

– Мам я в курсе, – спокойно отвечаю родительнице, – с ребятами гуляли, вот и задержался немного.

– Гуляли? – мамин взгляд становится подозрительным, – а сумка тебе зачем? А ну дай её сюда.

– Пожалуйста, – без колебаний вручаю сумку прямо в протянутую ладонь. Мне беспокоиться не о чем. Бинокль, дубину, нож, завернув в большой кулек, спрятал в укромном месте на чердаке. Плед и куртку выкинул по дороге. Одежду было немного жалко, но на ней могли остаться следы крови. Конечно, сявки не побегут меня сдавать, но лучше перестраховаться и избавиться от лишней улики. Да и куртка все равно была старая и уже сильно жала в плечах.

В сумке лежит только пустая фляга и остатки бутерброда. Завтра выберу время, и заберу бинокль обратно.

– Флягу зачем брал? – интересуется мама.

– Мам, ну что ты, в самом деле? – удивляюсь я, – Гулял с ребятами в нашем парке, взял с собой перекусить и воду, чтобы утолить жажду.

– Ладно, – напряжение уходит из маминых глаз, лицо расслабляется, – иди ужинать....

Уже лежа в постели я задумался. Нужно ли было оставлять отморозков в живых? Может быть надо было их завалить? Никаких рефлексий по этому поводу я не испытывал. Это подонки, человеческий мусор. Они способны лишь воровать, грабить, насиловать и калечить. Но убить их мне помешало несколько соображений. Первое, насильственная смерть двух отморозков вызовет шум и немалый. Для сегодняшнего времени это серьезное ЧП. Сводки дойдут до областного начальства, оно начнет иметь районных боссов, а те ментов. Поднимется шум. Мне он на данном этапе просто не нужен. Незачем привлекать к себе повышенное внимание. Разумеется, меня никто не заподозрит. В головы милиционеров даже мысль не придет, что обычный школьник мог устроить засаду и завалить двух отморозков. Но они начнут отрабатывать все версии, и попытка Быка разобраться со мною после занятий в школе не останется незамеченной. Слишком много участников и свидетелей. Я в любом случае попаду в поле зрения милиции. Но мне это точно не нужно.

Можно было конечно, подготовиться и грохнуть их где-то в глухом месте и прикопать. Но подготовка и разработка такой акции требует много времени, скрупулезного планирования и определенных вещей: амуниции, оружия, инструментов. Еще может быть понадобится транспорт и многое другое. У меня ничего этого нет. И возможностей быстро достать все необходимое и грамотно осуществить убийство тоже. Не говоря уже о том, что в одиночку провести подобную акцию почти нереально. А что делать, если появятся случайные свидетели? Это же предусмотреть невозможно. Уничтожать простых людей я однозначно морально не готов, даже зная, что поставлено на кон.

С другой стороны, разобраться с этим малолетним отморозком было необходимо. Отдавать ему инициативу, и позволять подкараулить меня в неожиданном месте в любом случае нельзя. От неожиданного удара ножом, дубиной и кастетом не застрахован никто. Справиться с целой компанией гопников, вооруженных «подручными средствами», можно только в кино. В реальной жизни меня просто затопчут, убьют или покалечат, сделав инвалидом на всю жизнь. Нужно было не просто расквасить ему нос, что даст минимальный эффект, и спустя время вызовет горячее желание отомстить, а шокировать, сделать очень больно, напугать до судорог, и на некоторый срок лишить возможности «расквитаться». Тогда я смогу спокойно идти к своей цели, не опасаясь каких-либо проблем, по крайней мере, на определенное время. Гопники милиции меня не сдадут. Сесть за свои «шалости» они точно не захотят.

Поэтому все сделано правильно. Я убрал этот камешек со своей

дороги. Временно или навсегда, будет видно.
С этой мыслью я и засыпаю.

* * *

10 сентября 1978-ого года. Воскресенье.

Воскресенье я побыл дома. Только на часок выбежал позаниматься на спортивной площадке во дворе. Сделал три подхода подтягиваний на турнике, отжался на брусьях, попрыгал на скакалке, провел четыре раунда боя с тенью, под одобрительными взглядами бабушек, сидящих на скамейках у подъездов. Живот чуть побаливал, но я поблажек себе не давал. Возвращаясь, заглянул в свой тайник, и занес бинокль в квартиру, пока родительница в гостиной болтала с кем-то по телефону.

Делал уроки, смотрел телевизор, получал удовольствие от общения с молодой и красивой мамой, слушая её заразительный смех и наслаждаясь каждой черточкой родного лица.

Вместе с ней провели генеральную уборку дома и выбросили мусор. Потом я опять засел за уроки. Освободился только поздним вечером, когда уже пришло время спать.

11 сентября 1978-ого года. Понедельник.

Проснулся я хорошо выспавшимся и полным энергии. Быстро позавтракал, оделся, схватил собранную еще вчера сумку, чмокнул довольную маму в щечку и выбежал на улицу.

Первый урок у нас английский. Прохожу в класс и сажусь за парту к Ане, игнорируя её удивленный взгляд. Выкладываю учебник, тетрадь и пенал с ручками и карандашами. Пронзительный звук звонка, заставляет одноклассников затихнуть и рассестись за парты. В класс входит Раиса Васильевна – англичанка. Миниатюрная и спокойная женщина никогда не повышает голос и не ругается, но слушаются её беспрекословно.

– Good morning, class, – сухо здоровается она.
– Good morning, – отвечаем ей нестройным хором.
– By today' s lesson, you had to write the text about the UK. Who is ready to answer?

Наташа Бойко тянет руку, но Раиса её подчеркнуто игнорирует. Её взгляд останавливается на мне.

– Shelestov, are you ready to answer?
– Yes, of course, – отвечаю я.
– Read your text. I' m listening to you.

– I' d rather tell in my own words, – предлагаю англичанке. Я знаю, что привлекаю к себе внимание, но делаю это осознанно. Мне нужно выделиться, завоевать авторитет у учителей и одноклассников.

Глаза Раисы удивленно округляются. Наступает пауза.

Наконец англичанка приходит в себя.

– Oh, very interesting. I' m listening to you, – она пристально смотрит на меня.

Ладно, получи фашист гранату. Этим языком я после школы очень плотно занимался. Два года встречался с девушкой – военной переводчицей. Она меня хорошо натаскала. И в военном училище у меня были отличные преподаватели. В Афгане я продолжал совершенствовать свои знания. Поэтому английский знаю достаточно неплохо, и дома задание хорошо проштудировал. Выхожу к доске.

– The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland is situated on the British Isles, – вдохновенно начинаю я.

Затем увлеченно рассказываю на английском о политической системе страны, королеве и Палате лордов, политическом устройстве, национальностях, реках, горах и озерах, Тауэре и других достопримечательностях.

В классе стоит гробовая тишина. Звук учебника, выпавшего из рук, пораженной Оли Сафронковой звучит как выстрел. На меня смотрят десятки удивленных лиц. Даже Чванов, увлеченно жевавший бутерброд, прикрывшись книгой, замер с набитым ртом. Он глядит на меня, выпучив глаза, роняя крошки на пол, только кусок батона с уголком колбасы, торчит из-под надутых как у хомяка щек.

Заканчиваю свой спич несколькими предложениями о промышленности страны и умолкаю.

Англичанка, неуверенными движениями руки нашаривает стул и медленно садится, ошарашено смотря на меня.

– Шелестов, это невероятно, – выдыхает она, – у тебя чистейшее произношение. Где тебя за лето так натаскали? И откуда ты знаешь такие сведения об Англии?

Скромно пожимаю плечами.

– Знаете, как-то почувствовал интерес к языку. Вот и начал серьезно его учить. Информацию об Англии знал давно. У меня громадная библиотека, энциклопедии, я много читаю, да и отец всегда интересно рассказывал о других странах. Просто тщательно подготовился к вашему уроку.

– Садись, пять, – Раиса перешла на русский язык. Так всегда бывает,

когда она взволнована.

До конца урока англичанка меня больше не трогала. Она мучила у доски Чванова, вклеив ему очередную заслуженную двойку, спрашивала Волкова, проверяла домашнее задание у Бойко.

На протяжении всего урока я чувствовал интерес одноклассников, и взгляды из-под длинных ресниц соседки по парте. Когда заверещал звонок, и Раиса разрешила классу собираться, ко мне подлетел оживленный Амосов.

– Ну ты даешь Леша, – восхищенно кричит он, – как по-английски выдавал. А ведь еще недавно не знал ни черта. Может ты шпион, а? А настоящий Шелестов сейчас сидит где-нибудь в застенках ЦРУ?

– Паша, не говори глупостей, – морщусь я. Надо уводить разговор в сторону от опасной темы.

– Ты лучше скажи к НВП готов? Воевода обещал сегодня всех как следует погонять.

Радостное оживление на лице Амосова сменяется удрученной гримасой. Дмитрий Михайлович Самойлов, отставной армейский капитан, преподающий этот предмет у нас в школе, очень строг и требователен. Он может достать, как выражаются некоторые наши одноклассники «до потери сознания» и раздает «двойки» направо и налево. Школьники называют его «воеводой», раньше кто-то озлобленный на него пробовал прилепить к Самойлову кличку «армейский дуб», но она не прижилась.

– Да как к нему подготовиться, – уныло бормочет Амосов, – глаза бы мои не видели этого НВП. Зачем он мне нужен? Я вообще врачом хочу стать.

– Ребята, пошли, – раздается сзади голос Ивана, – на алгебру не успеем.

Вместе с потоком одноклассников мы выходим из кабинета английского.

– Леш, мы сегодня опять тебя до дома проводим после уроков, – напоминает Волков, – мало ли что.

– Вань, можешь не беспокоиться. Думаю, Бык понял, что он неправ и нарываться больше не будет, – отвечаю товарищу.

– Бык понял? – Волков даже останавливается, переваривая услышанное, и начинает кипеть негодованием, – Ты шутишь?!

Амосов тоже удивленно смотрит на меня, и крутит пальцем у виска.

– Мне кажется, он раскаялся и все осознал, – хладнокровно отвечаю им. Играю на грани фола, могу вызвать ненужные вопросы, но делаю это сознательно. У меня имеются планы на этих ребят.

– Что так и будем стоять? Пошли, мы на урок опоздаем, – предлагаю друзьям

– Креститься надо, если кажется, – бурчит Иван, но послушно идет за мной вместе с Пашкой.

Химия, физика, алгебра и история пролетели незаметно. Меня никто не беспокоил, и я тоже предпочитал не проявлять инициативу. Шестым уроком был НВП.

Сегодня Воевода принес два «массогабаритных» макета АК 47, для сборки-разборки. Когда-то это были боевые автоматы. Но сейчас у них отсутствует боек и просверлен ствол.

У доски маются Поляков и Чванов. Преподаватель стоит над ними с секундомером и дает команду. Глядя на Сережу и Сашу, вертящих автоматы и судорожно дергающих затворную раму и магазин, не могу удержаться от широкой улыбки. Мое выражение лица моментально замечает насупленный Дмитрий Михайлович.

– Я вижу Шелестову смешно, – саркастически замечает он, – ну что же Леша, раз тебе так весело, как сын офицера, покажи пример этим оболтусам.

Я иду к столу. Чуть отталкиваю плечом замешкавшегося Полякова. Класс с интересом наблюдает за мной. Подвигаю к себе макет автомата, лежащий на столе.

– Я готов, – уведомляю Дмитрия Михайловича.

– Начали, – воевода жмет на кнопку секундомера.

Быстро хватаю автомат. Удерживаю его левой рукой за цевье, правой – обхватываю магазин. Одним движением ладони отжимаю защелку. Отделяю магазин. Опускаю предохранитель. Передергиваю затвор и имитирую «контрольный» выстрел в потолок. Спускаю курок с боевого взвода. Нажимаю пальцем на крышку гнезда приклада. Пружина выталкивает пенал. Раскрываю его и достаю ершик, шпильку, выколотку, отвертку и протирку.

Ударом ладони чуть наискосок выбиваю шомпол. Отсоединяю крышку ствольной коробки, нажимая на держатель пружины. Через секунду на столе появляется возвратный механизм, а потом затворная рама. Быстро отделяю от неё затвор. Последнее действие – поднимаю флажок и достаю газовую трубку. Все – разборка (она считается «неполной», но именно её мы проходили на НВП) завершена.

– 11 секунд, – воевода лучится довольной улыбкой – это на четыре секунды превышает армейский норматив. Молодец Шелестов. У отца в части тренировался?

– Есть немного, – скромно признаюсь я. Не говорить же ему правду. Смешно получится. «Да нет товарищ военрук, окончил военное училище, успел повоевать в Афганистане, и дослужиться до капитана». Представляю обалдевшие глаза Воеводы. Обследование у психиатров мне после такого заявления гарантировано.

– Теперь сборка, – азартно командует Дмитрий Михайлович, – Готов?

– Готов, – киваю я.

– Пошел!

Мои руки быстро двигаются, соединяя части АК-47. Все движения выполняются автоматически. Одноклассники, затаив дыхание, наблюдают за моими манипуляциями. Сборка макета занимает 20 секунд.

– Учитесь ребята. Алексей – уже почти настоящий солдат, – наставительно говорит Воевода, – ему уже можно доверить защиту Родины. По крайней мере, с автоматом он уже умеет обращаться лучше некоторых военнослужащих.

– Шелестов, пять. Молодец. Давай дневник.

Сопровождаемый завистливым взглядом Чванова и злобным Полякова передаю военруку дневник. Напротив графы НВП возникает размашистая «пятерка». Я её честно заслужил. Но в душе немного смешно, от ирреальности происходящего, школьный учитель ставит боевому офицеру пятерку по Начальной Военной Подготовке. Обхохочешься. Если бы кто-то раньше такое рассказал, принял бы за хороший анекдот.

НВП – последний урок. После звонка, я собираю сумку и в сопровождении Волкова и Амосова, иду домой. Возле входа меня уже ждут Мансур и Смирнов. В сопровождении «почетного» эскорта выхожу на улицу.

– Лех, может ближе к вечеру, пройдемся в кино. В «Советском» сегодня «Мститель» начинают показывать с Риши Капуром. Говорят, интересный фильм. Там он с бандитами сражается, убившими его отца, – предлагает Амосов.

Мое лицо на долю секунды кривится в пренебрежительной гримасе, но тут же принимает обычное выражение. Индийские фильмы. Какими же примитивными они кажутся сейчас. Постоянные песни, нелепые драки, смешные повороты сюжета, глупые диалоги. А ведь когда-то с увлечением их смотрел и бурно обсуждал приключения Раджа и Риши Капуров с одноклассниками. В конце 80-ых в страну хлынул поток западных боевиков, комедий, фантастики и мелодрам. Они транслировались в повсеместно открывавшихся видеосалонах. Тогда это было как глоток свежего воздуха, появление чего-то нового яркого и красивого в мире кино.

С тех пор я индийские фильмы не смотрел. Они вызывали интерес, только на фоне отсутствия альтернативы, а также подобной продукции в советском кинематографе. Конечно, были и у нас интересные экшн-картины: «Пираты 20-ого века», «Приключения неуловимых», «Место встречи изменить нельзя» и некоторые другие. Но их было не так уж и много, и появление каждого такого фильма становилось событием.

Ваня сумевший заметить мелькнувшую гримасу, пристально смотрит на меня. Делаю вид, что не замечаю его взгляда.

– Не ребят, сегодня не смогу, – отказываюсь с показным сожалением, – у меня сегодня тренировка.

– У меня тоже, – поддакивает Мансур.

– Тогда может завтра? – предлагает Паша. Ему очень хочется посмотреть «Мстителя». Вон как глаза горят. А одному идти скучно.

– Завтра, тоже не получится, – отвечаю, вздохнув, – у меня отец из командировки приезжает. Я его уже пару недель не видел.

– А давайте в среду? – не сдается Амосов.

– В принципе можно, – откликается Мансур, – у меня день более-менее свободен. Ребят, вы как?

– Я готов, – подтверждает Смирнов.

– У меня ничего на среду тоже не запланировано. Отдыхаю от тренировок, так что я за, – откликается Волков, – Лех, а ты как?

– Поживем, увидим, – уклоняюсь от прямого ответа, – давайте вернемся к разговору во вторник. Может, даже не в кино сходим, а в другое место или просто погуляем.

Разговаривая, выходим за территорию школы. Замечаю худенькую фигурку в сером пальто. Аня Николаенко. Рядом с ней семенит, забавно перебирая толстенькими ножками, маленькая и полненькая Даша Одинцова. Она тоже учится в нашем классе. Если бы я не знал Аню, то думал, что она дружит с Дашкой, чтобы подчеркнуть контраст между собой и подругой. Еще в той первой жизни, ухаживая за многими привлекательными девушками, замечал, что ближайшие подруги у них невзрачные и серые как мышки. На этом фоне красавица выглядела просто умопомрачительно, ненавязчиво подчеркивая свою великолепную внешность. Да и подругу всегда можно использовать. Это прекрасный инструмент для доведения кавалера до нужной «кондиции», чтобы разжечь в нем страсть или просто получить удовольствие от поддразниваний. Ходить на свидания с подружкой, сажать её между собой и ухажером, постоянно вовлекать в разговор, не давая настроиться на «нужную волну» – такие действия очень повышают женскую самооценку и позволяют

ощутить удовольствие от эмоций парня. Правда, уже после училища, я быстро подобных красоток обламывал. Все очень просто. Если девушка приходила на свидание не одна, то я, пообщавшись с ней минут двадцать, быстро прощался, со словами: «ну не буду вам мешать, будешь свободна, позвони». Только в исключительных случаях, когда красotka вызывала немалый интерес, мог разок погулять втроем.

Но Николаенко на такие выверты не способна. С Дашкой она просто дружит, по зову души.

– Ребят, я мне нужно Ане пару слов сказать, подождите минуточку, – прошу товарищей.

Под понимающими взглядами Мансура, Смирнова и Волкова и насмешливым Пашки, окликаю Николаенко. Она разворачивается, Одинцова глядит на меня с любопытством, Аня – со спокойным ожиданием.

– Даш мне нужно с твоей подругой поговорить. Ты не могла бы оставить нас вдвоем на минутку?

Одинцова с готовностью кивает, отходит на несколько шагов и замирает в ожидании.

– Что ты хотел Шелестов? – Николаенко вопросительно смотрит на меня. Надо быстрее приступать к разговору, чтобы не утонуть в этих зеленых омутах.

– Ань, Быков больше не будет тебя беспокоить. Он все понял и искренне раскаялся в своих поступках, – чувствую переизбыток пафоса и нотки фальши в своем голосе и мысленно морщусь.

Ну а что ей говорить? «Я сломал Быку и его товарищу ноги, нанес тяжкие телесные повреждения и пообещал слить информацию о проделках уроков в милицию» и зловеще захохотать, как киношный злодей. К такому сюрреализму она точно не готова.

– Да что ты? Прямо так и раскаялся? – в зеленых глазах мелькают веселые искорки, – Шелестов, я похожа на дуру?

– Аня, я правду говорю. Мы с ним пообщались, и он осознал свою неправоту. Он тебя донимать не будет. Можешь встречаться с кем угодно, когда захочешь, Антон больше никого не тронет.

– Ага, Быков раскаялся, залил слезами твою куртку, решил вступить в комсомол, и уезжает строить БАМ, – в голосе Николаенко явственно звучат издевательские нотки, – наверно, я действительно похожа на дуручку.

– Ладно. Это все что я хотел тебе сказать, – неловко переминаюсь с ноги на ногу, – сама увидишь. Я пошел. Меня ребята ждут. Пока.

Разворачиваюсь и иду к ожидающей меня компании.

– Шелестов, – окликает меня Аня.

Я поворачиваюсь.

– Знаешь, Леша, а ты сильно изменился, – девушка задумчиво рассматривает меня, – во всем приче. Ходишь с развернутыми плечами, прямая осанка. Я бы даже сказала, у тебя военная выправка. Не бегаешь, не кричишь и не носишься на переменах, как другие. Даже говоришь, смотришь и держишься по-другому. Знанием английского вообще всех нас поразил, а ведь раньше, и близко им так не владел. Такое впечатление, что это не ты, а кто-то другой, гораздо взрослее и умнее.

Чувствую, как начинают пламенеть уши. Это не Николаенко, а Шерлок Холмс в юбке. Надо заканчивать разговор и уходить, пока она меня совсем не расколола.

– Ань, все мы растем и меняемся. Я просто сильно повзрослел за это лето, много читал и думал, – сухо отвечаю девушке, – извини, мне пора.

– Пока Шелестов, – кивает Аня. Задумчивое выражение в её глазах никуда не исчезает. Наоборот, оно усиливается, – до завтра.

Киваю Николаенко, и иду к парням. Дашка уже бежит к Ане и теребит её, нисколько не стесняясь нашей компании. Представляю, какой повод для сплетен образовался. Обсуждать одноклассников Одинцова любит, и находится в приятельских отношениях со всеми девочками класса. Впрочем, плевать. Я уже вырос из этих детских игр.

Ребята доводят меня до подъезда. Я прощаюсь со всеми, и через пару минут уже оказываюсь дома. Читаю традиционную мамину записку о супе, гречке и курице в холодильнике. Разогреваю пищу, без аппетита обедаю, бреду в свою комнату. Со вздохом берусь за уроки. Через полчаса откладываю учебник «Физики» в сторону. Смотрю на настенные часы. 15:40. До тренировки время у меня еще есть. Надо действовать. Быстро накидываю на себя куртку, надеваю туфли. Через минуту уже щелкает дверной замок, закрывая входную дверь.

Спускаюсь вниз. Старушки, болтающие на лавочке у подъезда, замолкают, когда я выхожу из дома. Игнорируя их любопытные взгляды, иду в соседний подъезд. Поднимаюсь на второй этаж и останавливаюсь возле двери, оббитой черным дермантином. Квартира 154. Собираюсь с мыслями, продумывая в голове все варианты разговора. Мой собеседник должен видеть во мне искреннего, эмоционального подростка с чистыми помыслами и желанием изменить положение к лучшему. Я не люблю лицемерить и притворяться. Но придется. От успешности моих дальнейших шагов зависят жизни миллионов людей, преданных, оболганных, погибших в локальных конфликтах, изгнанных из своих

родных краев и умерших в лихих 90-ых. Чтобы получить шанс сохранить свою Родину – СССР мне понадобится сделать все возможное и даже невозможное. А сейчас для реализации своих планов, мне придется быть максимально убедительным, но в то же время не выйти из образа. Глубоко вдыхаю, как перед прыжком в воду. «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Поехали.

Утапливаю палец в кнопку звонка. Слышу неторопливые шаги внутри. Через минуту дверь открывается. На пороге стоит седой мужчина лет 60-ти, серые немного выцветшие глаза внимательно смотрят на меня.

– Здравствуй Алеша, – здоровается он.

– Добрый день Леонид Романович, позвольте войти? – вежливо интересуюсь я.

– Заходи, конечно, – он отходит чуть в сторону, освобождая мне дорогу.

Через минуту мы уже сидим на кухне. На конфорке кипятится полный чайник. В ожидании напитка на столе стоят две пузатые фарфоровые кружки на блюдечках с голубыми ободками. Рядом примостились сахарница и небольшая тарелочка с конфетами и печеньем, выставленная на стол радушным хозяином.

Леонид Романович Шаховский – ветеран Великой Отечественной Войны. Он прошел её всю, от первого до последнего дня. Я даже не подозревал, сколько у него наград, пока не увидел своего соседа, 9 мая, идущим на встречу с ветеранами. Весь пиджак был в наградах, слева сверху сияла золотистым блеском звезда Героя Советского Союза, чуть ниже пламенел развевающимся стягом с надписью «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» орден Красного Знамени. Среди множества других наград я также заметил медали «За взятие Берлина», «За оборону Сталинграда» и «За Отвагу».

Тогда, рассмотрев их на тихом и скромном Леониде Романовиче, я даже немного растерялся. Мне сразу вспомнилось, как уважительно здороваются с ним окружающие, и даже любящий «закладывать за воротник» и побуянить дядя Миша беспрекословно прекращает дебоши, услышав укоризненный спокойный голос ветерана.

Ко мне сосед относился отлично. Он находился в приятельских отношениях с моими родителями, и даже пару раз был в гостях у нас дома. Я общался с ним на разные темы, рассказывал о своих школьных и спортивных делах, и даже получил от него пару подарков – книг из его личной библиотеки.

В 1992-ом году Шаховский умер. Крушение страны, за которую он

сражался, строил и восстанавливал после войны, оказалось для него большим стрессом, подтолкнувшим к обширному инфаркту. Похороны ветерана организовывались властями и военными. На них присутствовали представители министерства Обороны и мелкий чиновник из городской администрации. Печально играл траурный марш оркестр, и лишь троекратный залп из АК-74 почетного караула в холодный осенний день звучал пронзительным реквиемом по Леониду Романовичу.

В последний путь кроме военных и чиновника его провожали лишь несколько стариков с нашего дома и пара ветеранов. Родственников у Шаховского не было, родители давно умерли, брат погиб на фронте, а жена с дочкой попали под бомбежку при эвакуации из Харькова. Второй раз Леонид Романович так и не женился.

– Леша, я тебя слушаю. Ты что-то хотел или просто пришел провести старика? – реплика соседа прерывает мои раздумья.

– Хотел, – смущенно признаюсь, – я к вам вообще-то зашел по делу.

– Излагай, чего тебе понадобилось? – доброжелательно улыбается Шаховский.

– Расскажите нашему классу о войне, – тихо прошу Леонида Романовича.

Улыбка сползает с лица ветерана. Серые глаза пристально смотрят на меня:

– Зачем тебе это надо Алексей?

– Леонид Романович, это нужно всем, и живым и вашим боевым товарищам, погибшим на этой войне. У меня, как вы знаете, отец полковник, а дед – генерал. Я воспитан на подвигах Великой Отечественной. Но мои одноклассники и вообще все школьники родились уже в мирное время. Они выросли в благополучной, мирной и отстроенной после жуткой войны стране. Молодежь не ощутила на себе все величие и грандиозность прошедшей эпохи. И знаете, для многих из них празднование Дня Победы стало уже привычным. Я не хочу сказать, что это плохо, наоборот, хорошо, что мы отмечаем этот праздник. Меня тревожит другое. Вижу, что многие одноклассники зевают на политинформациях, уроках истории, при рассказах о подвигах советских солдат. Для них это уже стало во многом формальными мероприятиями, которые даже слегка поднадоели.

Я хочу, чтобы ребята из моего класса послушали рассказ участника войны, прониклись её духом, и поняли, с каким врагом пришлось столкнуться СССР, и от чего их спасли. Передачи и торжественные мероприятия это все-таки немного другое, они уступают по

убедительности живому рассказу очевидца.

Леонид Романович останавливает меня жестом, разливает заварку по чашкам. Он встает, берет закипевший чайник. Горячая вода льется в наши чашки, поднимая вверх клубы пара.

Поставив чайник на плиту, он снова поворачивается ко мне.

– Удивительно, – помолчав, произносит ветеран, – такие мысли у шестнадцатилетнего юноши. Это просто невероятно. Я многое повидал в жизни. Меня сложно удивить. Но вам Алексей это удалось. Продолжайте.

Ага, отмечаю про себя, ветеран уже «на вы» перешел, и Леша уже в Алексея превратился. Хорошо, значит у меня все получится.

– Да в принципе все, – пожимаю плечами, – я хочу снять с них налет безразличия, затронуть их души, и заставить задуматься, а смогли бы они, вот так сражаться в самых невероятных условиях, держать оборону в огненном аду, пережить гибель друзей и близких и, главное, победить такого врага, несмотря ни на что? Пусть одноклассники посмотрят на войну вашими глазами, человека, который прошел её всю, от начала и до конца. Я надеюсь, что они поймут, какой ценой нам досталась победа. Верю, это осознание заставит многих измениться, и стать лучше. А значит, если наступит миг, когда нашу Родину придется защищать снова, они не останутся равнодушными.

– А дед вас чем не устраивает? У него это получится гораздо интереснее и убедительнее. Все-таки генерал, и в войну тоже не в тылу отсиживался.

– Дед в Москве живет, и сюда пока приезжать не планирует, – спокойно объясняю Леониду Романовичу ситуацию, – а так бы конечно, к нему обратился.

Молчание. Я спокойно смотрю на собеседника и жду ответа. Леонид Романович встает и подходит к окну. Его глаза смотрят куда-то вдаль. Мысленно он сейчас находится далеко. Где-то на полях сражений Великой Отечественной. Наконец его голос нарушает повисшую над кухней тишину.

– Знаете Алексей, – задумчиво говорит ветеран, – я, наверно, плохой рассказчик. Не люблю вспоминать войну. Некоторые моменты заставляют снова болеть сердце. Слишком многое я видел, и погибшие друзья и близкие до сих пор стоят перед глазами. Но вы абсолютно правы, и мыслите верно. Рассказывать об этом нужно, чтобы знали и помнили. Молодежь должна сохранить память о погибших и этом страшном, но героическом времени. Поэтому я постараюсь. Можете на меня рассчитывать.

– Большое вам спасибо, – я очень рад ответу Шаховского. Все пока

идет по нужному мне сценарию.

– Уточню время с нашим классным руководителем, и согласую его с вами. Договорились?

Протягиваю ему руку, предлагая скрепить наше соглашение рукопожатием. В глазах Леонида Романовича мелькает удивление.

– Вы все-таки очень необычный молодой человек, – замечает он, – договорились.

Ладонь пожилого, но еще довольно бодрого мужчины сжимает мою, подкрепляя сказанное.

* * *

11 сентября 1978-ого года. Понедельник 17.10.

На тренировку к Семеновичу я все-таки опоздал. Минут на десять. Даже немного расстроился, представляя, что Зорин сейчас посоветует приходить вовремя, и отправит меня обратно. Но этого, к моему удивлению не произошло.

Пока я смущенно топтался возле входной двери, ожидая неутешительного вердикта тренера, ребята и Вероника разминались под предводительством Сереги Мальцева. Они совершали круговые движения корпусом, подпрыгивали, высоко подбрасывая колени, кувыркались и совершали махи руками.

– Чего стоишь? Беги переодеваться, – командный голос Семеновича, неожиданно вышедшего из «тренировочной», заставляет меня встрепенуться, и радостно бросится раздевалку.

Быстро переодеваюсь и выскакиваю в зал. Ребята уже стоят в парах. Отрабатывают классическую связку, боксерскую двойку и передний «маваши» по печени. Вероника работает на мешке, недовольно поглядывая на меня.

– Разминайся в темпе, – бросает наставник, – у тебя есть три минуты.

Семенович поворачивается к ребятам, а я усиленно разогреваю мышцы и связки. Три минуты пролетают быстро.

– Готов? – уточняет Зорин.

Молча киваю в ответ.

– Отлично. Нет, ты пока побей мешок, – сэнсей останавливает направляющуюся ко мне Веронику. Она фыркает, но вслух выражать недовольство не торопится. Приказы наставника здесь не обсуждаются.

– Ребята, – Семенович громко хлопает в ладоши, привлекая

внимание, – вольный бой в стойке. Включаем голову, ищем возможности раскрыть и достать противника. Используем ударную технику единоборств и бокса. Работаем в легкий контакт. Остановка по моей команде. Шелестов ты в паре со мной. Готовы? Поехали!

Группа начинает спарринги. Семенович берет в рот капу, надевает боксерские перчатки и отходит со мной в свободное место. Я тоже полностью готов к бою.

Наставник начинает неожиданно. Он прыжком покрывает в пару метров, разделяющих нас. Его кулак «стреляет» в мое солнечное сплетение. Еле успеваю заблокировать его сбивающим движением перчатки, и тут же получаю следующий удар – «маваши» в челюсть. Каким-то чудом, инстинктивно перекрываюсь предплечьем и отпрыгиваю назад, разрывая дистанцию. Но Зорин не дает мне этого сделать. Он продолжает движение вперед и аккуратно тюкает меня прямым в подбородок, обозначая удар. Один – ноль. Тяжелая у него все-таки лапа. Семенович работает со мной очень аккуратно и легко, но его попадание я прочувствовал. Сэнсей продолжает, не останавливаясь на достигнутом. Обманным движением обозначает джеб в лицо, заставляя мои руки взметнуться в защитном блоке, и достает меня «футбольным» ударом внутренней частью стопы по голени. Два – ноль. В глазах наставника мелькает усмешка. Это меня не на шутку заводит. Понятно, что в реальном бою шансов против него нет, но отыгаться я все-таки попытаюсь.

Изображаю растерянность и начинаю пятиться назад. Игорь Семенович атакует меня двухударной комбинацией. От прямого правого в голову я защищаюсь уклоном корпуса, левый апперкот по печени блокирую подставкой локтя, скручиваясь за сведенными вместе руками. Наставник смещается налево, подбирая место для следующей неожиданной атаки. Одновременно с ним ухожу сайд-степом направо и, разгибаясь, достаю Семеновича коротким боковым по челюсти. Два – один.

Наставник останавливает бой движением перчатки, выплевывает капу на руку, и командует группе «Стоп».

– Молодец, подловил, – негромко говорит мне Семенович. Он стягивает перчатки, и поворачивается к парням.

– Отрабатываем бросок через бедро, поочередно в парах. Делаем все в высоком темпе, без перерывов. Время – четыре минуты, – в руках у сенсея уже блестит секундомер, – Пошли!

– Шелестов, ты выполняешь упражнение с Вероникой, – уточняет Семенович, – но работаете так, ты два броска подряд, она – один. Все понятно?

– Да, – подтверждаю я.

Занятие продолжается по привычному сценарию. Отрабатываем борцовские приемы в стойке, ударные комбинации по «точкам», таскаем друг друга на спинах, отжимаемся на кулаках, тренируем болевые и удушающие в партере. Как пролетели два часа, я даже не заметил. Зато мое кимоно промокло от пота насквозь. Хоть выжимай его прямо в раздевалке.

Когда время тренировки заканчивается, Семенович отпускает группу переодеваться. Я дожидаясь, когда парни скинут с себя кимоно и самбовки и убегут мыться в душ. Иду в тренерскую к наставнику. Зорин читает «Красную Звезду». Рядом с ним на столике дымится чашка чая. При моем появлении газета откладывается в сторону.

– Садись, – мне небрежным жестом указывают на стул рядом, – Чаю будешь?

Нет спасибо, – решительно отказываюсь, – Игорь Семенович, мне с вами надо поговорить.

– Я уже понял, – усмехается наставник, – слушаю тебя.

Начинаю излагать Семеновичу свой план. Глаза тренера изумленно расширяются.

– Сам придумал? – интересуется сэнсей.

– Да, – подтверждаю его предположение, – Ну как, возьметесь?

– Да я не против, – задумчиво говорит он, – мысль хорошая, нужная. Но так это не делается. Надо получить разрешение райкома комсомола или партии. И очень важно «правильно подать» эту инициативу.

– Я думаю, с этим проблем не будет, – убеждаю тренера, – завтра приезжает мой отец. Я с ним поговорю. Уверен, он нам поможет. Если возникнут какие-то сложности, подключу «тяжелую артиллерию» – деда. Думаю, все у нас получится.

– Хорошо, – кивает Семенович, – если у властей не будет возражений, считай, мое согласие у тебя есть. Думаю, с остальными вопросами твои родственники смогут нам серьезно помочь.

Обсудив все нюансы и дополнительные моменты, прощаюсь с тренером. Иду домой, вдыхая свежий воздух вечернего города. Окна девятиэтажек светятся теплым золотистым светом. Навстречу попадаются шумные компании молодежи, люди, идущие по своим делам. У большинства из них открытые, приятные лица. Они уверены в своем завтрашнем дне, мирной жизни, и не испытывают беспокойства за свое будущее. Разительный контраст с началом 90-ых. Тогда заморозились вклады на сберкнижках, начались проблемы с выплатами зарплат на фабриках и заводах, закрывались НИИ, сидели без денег многочисленные

государственные предприятия, разом обнищали пенсионеры. За исключением вороватых чиновников, некоторых предприимчивых граждан, окунувшихся в мелкий и средний бизнес, а также коммерсантов, делающих деньги на коррупционных схемах, большинство народа испытывало проблемы даже с заработком минимальных средств, необходимых для относительно нормального питания. Многих пожилых людей тогда спасали дачи с огородами. Но на лица большинства населения уже легла мрачная печать усталости и безразличия. Атмосфера злобы, раздражительности, взаимной ненависти витала в общественном транспорте, станциях метро и городских улицах. Поэтому начавшееся противостояние парламента с Руцким и Хасбулатовым во главе, и Ельцина с его «молодой командой демократов» с другой стороны, привлекло так много народу. Подавляющее большинство сторонников Белого Дома отправились защищать не холеных чиновников, тоже внесших свой вклад в развал СССР. Они пошли сражаться против того беспредела, популизма, нарушений законов, коррупции и воровства государственной собственности, которые олицетворяли Ельцин с компанией приспешников.

И я сделаю все, чтобы сохранить Родину, и избавить людей от будущих потрясений, войн и катаклизмов. Не знаю, получится ли у меня предотвратить падение страны в пропасть? «Озарение» в первый день, помогло мне увидеть цельную картину происходящего. Закостенелая и уже порядком надоевшая партийная пропаганда, вызывающая уже не столько смех, сколько раздражение у значительной части населения, зажавшаяся партийная верхушка из глубоких старцев, постепенно впадающих в маразм. А еще есть теневые дельцы в некоторых регионах уже крепко слившиеся с властью, мощная пропагандистская машина и спецслужбы Запада, работающие на развал своего идеологического противника, диссиденты, расшатывающие систему изнутри. Слишком много факторов против одиночки, желающего остановить разрушение государства, обусловленное определенными общественными процессами и ходом истории. И это еще не говоря о предателях на самом верху – в Кремле.

Но.... «Делай, что должен, и будь, что будет». У меня появилась возможность попробовать что-то изменить. Выполнить свою присягу и строки устава: «Военнослужащий Вооруженных сил СССР есть защитник своей Родины – Союза Советских Социалистических Республик», которые я, пусть невольно, но нарушил. И сейчас я отдам все силы, чтобы это исполнить. Я – последний солдат СССР, имеющий шанс повернуть в обратную сторону Маховик Истории.

Занятый своими мыслями, я не замечаю, как добираюсь до дома.

После краткого общения с мамой за ужином, дежурных ответов на вопросы о школе и тренировке, падаю в постель. Хочу как следует выспаться. Завтра предстоит важный разговор с отцом, мне нужна свежая голова.

* * *

12 сентября 1978-ого года. Вторник. 8.45.

– Представляешь, Быка и Трофима поломали, – возбужденно частит Пашка, – у одного перелом ключицы и переносицы, у другого – голени. Они сейчас в первой больничке лежат. У меня там сестра работает. Заходит на этаж травматологии, а там оба этих красавца с печальными рожами лежат в гипсе. Говорит, отбили их хорошо. К ним даже следователь приходил.

Так я и думал. Уже милиция засуетилась. Но меня они не должны сдать. Слишком много об этих моральных уродах знаю. А в колонию отправляться на несколько лет они не захотят. Думаю, ситуация пока под контролем.

– И что узнали, кто их так? – изображаю слабый интерес к проблемам отмороzków.

– Не знаю, – Паша пожимает плечами, – мой сестре, сам понимаешь, об этом никто не докладывает. Но мент злой из палаты вылетел. Ругался матом.

Это хорошо, что злой. Похоже сивки с ним держатся как партизаны на допросе в гестапо. Не спешат откровенничать. Значит, я все правильно рассчитал.

– Ты Лешка везунчик, как то все очень вовремя произошло, – продолжает свой спич Амосов, – теперь им долго не до тебя будет.

– Кто ищет приключений, тот всегда находит их на свою голову, – флегматично отвечаю товарищу, – закон жизни.

– Интересно, кто их так? – задумчиво произносит Волков, – вроде у них был какой-то конфликт с зареченской шпаной. Но те вроде не должны, жидковаты больно, против Быка выступать.

– Да какая разница Вань? – хлопаю его по плечу, – побили уродов, ну и черт с ними. Меньше головной боли. Пусть лечатся, может, поумнеют хоть немного.

Пронзительно верещит звонок.

Через минуту мы уже в кабинете химии. Алина Петровна что-то

рассказывает о предельных углеводородах, но я учительницу не слушаю. Выстраиваю в голове линию защиты, если милиция все же получит сведения обо мне, обдумываю, как буду реализовывать свой дальнейший план действий.

Посреди урока открывается дверь. В кабинет заходит завуч. Нина Алексеевна окидывает взглядом класс. Её глаза останавливаются на мне. Она что-то тихо говорит, вплотную подойдя к химичке. Та так же негромко отвечает.

– Шелестов, подойди, – повелительным тоном приказывает завуч.

Послушно иду к ним под заинтригованными взглядами одноклассников. Такие визиты и просьбы мне не нравятся. Подозреваю, что этот визит связан с разборкой в гаражах.

– Алексей пойдем со мной, – командует Нина Алексеевна. Выходим из класса и идем к её кабинету. Там уже стоит, широко расставив ноги, крепкий парень лет 27-ми в потертой кожаной куртке. Его сомкнутые на животе руки сжимают дерматиновую коричневую папку. Он сразу вонзает в меня свой цепкий тяжелый взгляд.

Мои ожидания неприятностей оправдываются. Чувствую неприятный холодок в сердце. Мне не нужно гадать, кто это. Профессия уже четко отпечаталась на его лице. Вот и милиция сюда пожаловала. Это опер – сто процентов. За свою прошлую жизнь я научился моментально определять работников органов. Характерные взгляды и поведение не скроешь.

Лихорадочно прокручиваю линию поведения и выстраиваю возможные сценарии разговора. Видимо информация о моей разборке с отморозками все-таки просочилась к оперу.

Завуч заходит в приемную, игнорируя вставшую секретаршу, открывает ключом кабинет и жестом предлагает нам пройти. Середину небольшого помещения захватил стол с несколькими стульями, на шкафу и подоконниках множество цветов в красивых разноцветных горшочках. Все блестит стерильной чистотой. Видно, что Нина Алексеевна тщательно следит за этим.

– Алексей, с тобой хочет поговорить товарищ милиционер, – отрывает меня от разглядывания кабинета завуч.

– Максим, эээ, – она вопросительно смотрит на мужчину.

– Иванович, – подсказывает ей опер – Нина Алексеевна, можете оставить нас с Шелестовым на несколько минут. Хочу с ним поговорить наедине.

Завуч что-то хочет сказать, но передумывает. Она недовольно поджимает губы, и гулко стуча каблучками, выходит из кабинета.

– Слушаю вас товарищ милиционер, – безмятежно смотрю в глаза оперу, показывая, что мне скрывать нечего.

– Ты ничего не хочешь мне сказать Шелестов? – опер в ответ сверлит меня тяжелым взглядом – Хорошо подумай, прежде чем ответить. От этого зависит твоя дальнейшая судьба.

– А что я должен вам ответить Максим эээ, – копирую интонации завуча. Понимаю, что это неправильно, но не могу отказать себе в удовольствии немного поддразнить работника милиции.

– Иванович, – шипит опер, продолжая буравить меня глазами.

Смотрю на него спокойно и безмятежно. Знаю я все эти ваши штучки. Ребенка ты бы мог взять на испуг. Меня не получится.

– Значит так, – милиционер перестает прессовать меня взглядом и становится деловит – Быкова и Трофимова в субботу вечером избили за гаражами, на Балковой. Оба сейчас лежат в больнице с тяжкими телесными. У одного перелом ключицы и переносицы, у второго – сломано запястье и голень, не говоря уже о гематоме в области мошонки. Быков и Трофимов дали показания против тебя.

– Бред какой-то, – спокойно отвечаю я. Не могли меня сявки сдать. Они лежат вместе в одной палате. Колоться в присутствии кореша милиционеру? Тем более что я тоже могу про них очень много интересного рассказать. Не верю. Думаю, если гопники меня заложили, то разговаривали мы бы не здесь, а в отделении, под официальный протокол допроса. Что-то тут не то. Но откуда опер мог об этом узнать?

– Поговори еще у меня тут, – прикрикивает на меня работник милиции.

Его пятерня лезет в карман куртки и извлекает ручку, вытаскивает из папки листок бумаги, и протягивает его мне.

– Пиши чистосердечное признание. О том, как избил Быкова и Трофимова, куда дел орудие преступления, кто соучастники. Излагай все подробно и последовательно. Можешь рассказать устно, я все сам напишу, но потом придется подписать свои показания.

– Простите, товарищ милиционер можно глянуть Ваше удостоверение, – прошу опера. Инспектор упомянул соучастников. Но их не было! И Бык с Трофимом не могли такое сказать. Еще раз убеждаюсь, что дело нечисто.

Лицо милиционера багровеет, но он кладет папку на стол, достает из кармана красную корочку, раскрывает её и держит у меня перед глазами. В глаза бросаются крупные буквы «Министерство Внутренних Дел СССР». Опускаю глаза ниже, игнорируя служебный номер удостоверения. Ага,

«старший лейтенант Максим Иванович Омельченко, инспектор уголовного розыска».

– Товарищ старший лейтенант, я не пойму чего вы от меня хотите? Рассказываете какую-то чепуху, о том, что я избил двух известных хулиганов. Кстати, вы говорили, что они дали показания на меня. Можно их посмотреть?

На лице опера мелькает досада. Что, не получилось подростка на испуг взять?

– Все бумаги у меня в кабинете, – недовольно бурчит он.

– Тогда приглашайте меня официально. Повесткой. Показывайте материалы, предъявляйте обвинение или привлекайте как свидетеля. К чему эти разговоры в кабинете у завуча? – осведомляюсь у инспектора.

– Что-то, ты сильно грамотный Шелестов, – ворчит Максим Иванович.

– Какой есть, сериал «Следствие ведут знатоки» и передачу «Человек и закон» регулярно смотрю, – скромно пожимаю плечами.

Гляжу на милиционера. Его лицо на секунду расплывается перед моими глазами. Накатывает очередное озарение. Наконец-то. Мне становится все понятно.

– Максим Иванович, Быков и Трофимов не могли вам ничего сказать. Потому что это бред. Подумайте на минутку. Школьник расправляется с двумя отпетыми хулиганами. Вам самому не смешно такое озвучивать? Уверен, что это кто-то просто наговорил на меня. Думаю, вы и сами в глубине души это понимаете. И сильно суетиться по этому делу не собираетесь. Тем более, что я сомневаюсь, что пострадавшие написали заявления. Наверно, они все-таки получили по заслугам, и своими прошлыми «подвигами» уже достали милицию. Думаю, что кто-то из их окружения, просто сказал вам эту глупость специально, может, желая выслужиться или просто сделать мне гадость. Подозреваю, что вам просто стало интересно. Поэтому вы, и пришли в школу, и устроили в кабинете завуча эту сцену. Вдруг, прокатит? Кстати, вы не подумали, как это выглядит со стороны? Пришли сюда, принуждаете школьника признаться в преступлении, которого он не совершал. Нехорошо, товарищ Омельченко. Думаю, что ваше начальство будет очень недовольно таким самоуправством.

Милиционер отводит взгляд. Ага, вот я тебя и поймал. Отморозки не раскололись. Они даже дружкам своим особо ничего не рассказывали. Только Трофим не вытерпел, и проговорился своему близкому корешу «по секрету», при этом наврал, что я был не один, чтобы не позориться. Придурок. Тот, естественно, оказался милицейским информатором, личной

«связью» товарища Омельченко. Молодой опер, получил сведения от своего «подопечного», и решил проявить инициативу. Так вообще-то не делают, но он думал, что легко расколет ребенка. Прокололся товарищ старший лейтенант. Кстати, насчет стукачка, надо будет с ним побеседовать. Пусть на меня поработает немного.

– Не советую Вам даже озвучивать эти бредни. Над ними будет смеяться все РОВД, – добиваю его я, – а фантазеру, который влил вам в уши это фуфло, рекомендую дать по роже.

Омельченко молчит. Потом опять поднимает глаза на меня. Пристальный взгляд, буквально, пронзает меня насквозь. Характер все-таки у него есть.

– А ты не такой простой Шелестов, – медленно говорит он, – я буду за тобой присматривать. На этих уродах мне наплевать. Они давно напрашивались. Но не переходи границы, понял?

– Не понимаю, о чем вы говорите, товарищ милиционер, – мои глаза излучают искренность, – вы меня с кем-то перепутали. Я не преступник. Не нарушал, и не собираюсь нарушать наши советские законы.

– Ладно, – бурчит Максим, подбирая папку со стола, – цирковые представления будешь устраивать в другом месте. До встречи.

– Лучше, прощайте, товарищ старший лейтенант, – любезно отвечаю я, – надеюсь, мы больше не увидимся.

* * *

Химия была последним уроком, и домой я мчался «на всех парах», отмахнувшись от вопросов одноклассников о причинах вызова к завучу, и пообещав им рассказать об этом завтра. Мама взяла отгул в своем НИИ, чтобы утром встретить отца, и меня сжигало безумное желание поскорее увидеть его.

Открываю своим ключом дверь в квартиру. В прихожей меня встречает улыбающийся папа. Он уже переоделся в темно-синие спортивные брюки и белую трикотажную футболку. Из кухни выглядывает сияющая мама в переднике. Смотрю на отца. Помолодевшее на 15 лет родное лицо, черные волосы лишь тронутые сединой, прямая осанка с гордым разворотом широких плеч.

– Привет, пап, – стараюсь вести себя сдержанно. В нашей семье чересчур выражать свои эмоции не принято. Но мое лицо само по себе расплывается в широкой улыбке.

– Здравствуй сынок, – крепкие руки отца обнимают меня, чуть колючая щека с легкой небритостью щекочет мой подбородок. Улавливаю горьковатый запах цитрусов, едва осязаемый сладко-древесный аромат сандала, нежные мускусные нотки амбры и легкую лесную дымку ветивера. Любимый папин одеколон «Дипломат». Вместе с флакончиками «Консула» и маминой «Красной Москвой» он являлся неизменным обитателем полочек шкафа в ванной на протяжении многих лет.

Папа прижимает меня к себе и тут же отстраняет.

– Раздевайся, пошли чаю попьем, а мама нам пока поесть приготовит, – энергичным голосом командует отец.

Скидываю ботинки, вешаю куртку на плечики в шкафу и следую на кухню. Несущиеся оттуда вкусные мясные запахи будоражат сознание, заставляя выделяться слюну.

Мама, повернувшись к нам спиной, хлопчет у плиты. На сковородке весело трещат отбивные с золотистой аппетитной корочкой. Пускает клубы пара в потолок кастрюля с макаронами, периодически помешиваемыми большой ложкой в руках родительницы.

– Рассказывай, как дела в школе, тренировки? – интересуется отец, разливая чай в кружки.

– Нормально все, – отвечаю я, – учусь, все идет своим чередом. Недавно с Семеновичем в паре стоял.

– И как успехи? – иронически усмехается папа, – Хоть раз по нему попал?

– Ага, один раз только и получилось, – улыбаюсь, вспоминая спарринг, – обманул его немножко, но он мне больше накидал.

– Это уже достижение. Молодец, – батина рука хлопает меня по плечу, – Игорь Семенович – мастер. Всю жизнь тренируется, и как губка впитывает в себя знания различных систем рукопашного боя. Достать его даже в тренировочном бою очень непросто. Потом покажешь, как ты это сделал.

– Нет проблем, – хоть я и взрослый мужик в теле юноши, но похвала отца очень приятна.

– Еще и пятерки по английскому и НВП получил, – добавляет мама, пластая ножом батон.

Папа одобрительно смотрит на меня.

– Ну что сказать, молодец сынок, – повторяет он – а чем на НВП отличился?

– Калашников разобрал и собрал, – скромно сообщаю я, – помнишь, ты мне еще пару лет назад, в гарнизоне были, мне показывал, как это

делается? Я все запомнил. Потом освежил знания, и когда военрук меня вызвал, не облажался. Уложился в норматив.

– Раз такое дело, – улыбается довольный папа, – буду как в известной сказке «золотой рыбкой». Проси чего хочешь?

– У меня две просьбы. Первая – хочу на каникулы повидать деда, съездить к нему в Москву. Вторая – отдельный разговор. Есть один серьезный вопрос к тебе от Игоря Семеновича и меня. Требуется твоя помощь.

– Отец только приехал с командировки, – вмешивается в разговор недовольная родительница, – дай ему хоть немного отдохнуть и прийти в себя.

– Мам я не против, – примирительно поднимаю вверх ладони, – папа спросил, я ответил.

– Подожди Настя, – властно говорит отец, – говори Леша.

– Пап я разговаривал с Игорем Семеновичем, – излагаю я, – есть идея открыть военно-патриотический клуб для комсомольцев. Поможешь?

– Постараюсь. А зачем вам это? – интересуется отец, – уроков НВП не хватает?

– Пап, уроков НВП недостаточно, да и они не вызывают энтузиазма у многих. А вот дать ребятам ощутить, что такое армия и почувствовать себя единой сплоченной и боевой командой – это другое. Ты спрашиваешь, зачем нам это? Во-первых, – начинаю загибать пальцы, – это патриотическое воспитание молодежи. Пусть почувствуют, что такое быть защитником Отечества, получают дополнительные практические умения по обращению с оружием, оказанию первой помощи, действий в различных боевых ситуациях. Не дай бог, что-то начнется, они уже будут подготовлены. Помнишь, дед рассказывал, как в первые месяцы Великой Отечественной много народу погибло, попало в плен или было покалечено, именно потому, что люди были недостаточно готовы ни физически, ни психологически к такой мясорубке.

Во-вторых, у ребят появится дело, честное, красивое и благородное. Уметь защищать Родину – что может быть важнее для мужчины?

В-третьих, все участники будут приучаться к дисциплине и ответственности. Согласись, это в жизни пригодится.

В-четвертых, такие люди нужны нашей стране и партии. Сильные, смелые, способные повести за собой людей, и не дрогнуть в критических ситуациях. Помнишь как в песне «если не я, то кто же»?

Отец задумчиво кивает.

– Леш, ты рассуждаешь как зрелый мужчина, – глаза папы пристально

смотрят на меня, – странно, ты как то быстро вырос.

– Много читаю, работаю над собой. А вообще Игорь Семенович на меня хорошо влияет, – улыбаюсь, – мы с ним на эту тему уже разговаривали. Так как, поможешь?

Жду его ответа. После минуты молчания, батя хлопает ладонью по столу.

– Хорошо, убедил. Что от меня требуется?

– Пап, чтобы это воплотить в жизнь, нужно не только наше желание. Потребуется санкция и поддержка властей. Скорее всего, обратимся к секретарю райкома комсомола. Нужно, чтобы он нормально к нам отнесся. Посоветуй, как это сделать красиво, чтобы к нам прислушались и дали «добро»?

Отец хорошо знает секретаря райкома партии Николая Яковлевича. Они дружат. Но я не буду прямо просить батю обратиться к нему. Он никогда не использует свои связи в личных целях. Они даже пару раз ссорились с мамой из-за этого. Если только заикнуться о подобном можно серьезно «огрести». Но общественно полезная инициатива, дело другое. Хочу, чтобы папа самостоятельно пришел к мысли, что её нужно поддержать. Тем более что он сам военный.

Отец молчит, задумался. Продолжаю атаку.

– Пап если бы ты и другие офицеры, поделились с ребятами опытом, было бы здорово. Рассказали об армии, провели практические занятия по физподготовке и стрельбе. Показали бы боевую технику, если конечно, это возможно. Многие сможет организовать Игорь Семенович, но и помощь других офицеров тоже необходима.

– Ладно, сынок, я понял. К деду съездишь, конечно. Они с бабушкой будут рады. И на счет клуба поможем, дело хорошее, стоящее, – папа на секунду замолкает, собираясь с мыслями, – Сделаем так....

К любому вопросу папа подходил основательно. Поэтому мы, под недовольное ворчание мамы, обсуждали все нюансы минут сорок. Договорились, что он позвонит Николаю Яковлевичу и поговорит с ним предварительно. Подаст эту инициативу как идею сослуживца, тем более что я отцу так и сказал. Попросит, чтобы секретарь райкома обратился к своему комсомольскому коллеге, чтобы тот уделит нам время. Мы с отцом обговорили и другие подробности. Он взялся организовать моему классу, а если получится и параллельному, экскурсию по нашей военной части. Разумеется, этот вопрос еще надо было обговорить и утвердить с классным руководителем и директором. Разговором с отцом я остался очень довольным. Для запуска первой части моего плана все было готово.

Осталось решить еще один важный момент: достать деньги.

После разговора с отцом, изредка прерываемыми недовольными репликами мамы, соскучившейся по супругу, родители переместились в гостиную, а я, за пару часов сделав уроки, уютно устроился на диване.

Мой мозговой штурм, проходил под смешки и обрывки разговора, долетавшие из гостиной. Родители смотрели «вокруг Смеха». Они наслаждались обществом друг друга и выступлениями советских юмористов.

Я напряженно размышлял, где найти деньги.

Вариантов было всего два: взять их у криминала или «теневи́ков». К уркам пока лезть было нельзя. Я был банально не подготовлен к таким акциям. Нет, морально со мною было все в порядке. Никаких колебаний. Даже убить какого-то наркобарыгу или бандита спокойно могу. Без угрызений совести. Только воздух чище станет. Но средств, связей в преступном мире и возможностей для проведения подобной акции в одиночку у меня нет.

Не говоря уже о том, что наглеца укравшего «общак» или нагrevшего блатных на крупную сумму «бабок» будут усиленно искать. Опять же информация через стукачей может дойти до милиции. Зачем мне поднимать бучу? Такие операции должны проходить тихо, и не привлекать лишнего внимания. А я уже в разборке с сывками «засветился». Мне категорически нельзя попадаться. Слишком многое поставлено на карту. Привести к краху может даже непредвиденная случайность или мелкая ошибка. Без подстраховки такие дела – большой риск. Доверять я пока никому не могу. Значит, придется действовать самостоятельно. А это сильно ограничивает мои возможности.

Поэтому остается только один более безопасный вариант – теневые дельцы. Здесь уже было легче. Сейчас они избегают любой публичности, работают в «тени», а с началом перестройки вылезли на солнечный свет. В нашем городе таких дельцов было несколько.

Иван Трофимович Колесов – директор фабрики им. Клары Цеткин, занимавшейся пошивом головных уборов. Еще в 70-ые годы, по слухам организовал левый пошив из «остатков сырья» меховых шапок и продаж их на рынках Ленинграда и Москвы. Было даже следствие по нему в 1982-ом году, но быстро заглохло. По тем же слухам, имел большую «лапу» среди областного начальства. Часто сидит в ресторане гостиницы «Космос».

При перестройке он стал одним из самых богатых граждан города. На базе фабрики была организован кооператив «Лаура», формально

принадлежавший его зятю, и названный в честь дочери Колесова. Он занимался пошивом модной одежды, которую изголодавшиеся по ярким и красивым вещам люди раскупали моментально. В начале 90-ых, фабрика превратилась в АО. Его хозяином, предсказуемо, стал «красный директор» Колесов. Тогда он вместе с родственниками, активно скупал недвижимость в центре, открывал новые компании и предприятия. Как я думаю, чтобы легализовать деньги, в том числе и «заработанные» в годы советской власти. Реклама АО и ставшей концерном «Лауры», постоянно крутилась по местному каналу, а толстая рожа «спонсора и мецената» регулярно мелькала в новостях.

Но к нему очень непросто подобраться. Где живет Колесов, я приблизительно знаю. Это дома «сталинского фонда». Но на первых этажах обычно сидят вахтеры, рядом отделение милиции. К тому же вокруг директора всегда куча народу, а сопровождает его здоровенный шоферюга весом за сто килограмм – бывший чемпион города по вольной борьбе. В 90-ые он станет начальником службы безопасности АО.

Нет, Колесов для экспроприации тоже не подходит. Потом, может быть, но не сейчас.

Есть еще и Антиквар. Мужик живет в паре кварталов от меня. Тоже местная достопримечательность. На него работает целая команда. Мотается по деревням, скупает у алкоголиков иконы, царские монеты, картины и различные антикварные безделушки. Полученный товар тщательно сортируется и реализуется богатым коллекционерам из крупных городов.

Когда началась перестройка, Антиквар открыл художественный салон, занимавшийся той же скупкой «из-под полы», в где-то в 91-ом переехал в столицу.

Тяжело вздыхаю. Этот дядька мне тоже не по зубам. Дверь у него такая, что даже ломом не вскрыешь. Да и окружение тоже соответствующее. В середине восьмидесятых бойцы Антиквара крепко дали «по рогам» начинающим рэкетирам, пытающимся наехать на «босса». Один труп, двое «тяжелых». Для нашего города это было громкое дело. Но оно также было спущено на «тормозах». Одного взявшего на себя вину бандита из команды Антиквара посадили и все.

Чтобы этот матерый волчара сдал свои тайники, надо его лично допрашивать и, причем очень серьезно. Нет, слишком это все рискованно.

Что делать? Вариантов больше не вижу. Но решить вопрос с деньгами нужно.

Вдруг в голову приходит спасительная мысль. Точно! Зам. командира полка – подполковник Петренко. Сперва на него случайно вышло ОБХСС.

Потом к делу подключилась военная прокуратура. В 81-ом подполковника взяли.

Петренко был вором. Распродавал детали со списанных УАЗов и других служебных автомобилей, торговал казенным имуществом, организовал схему реализации «остатков» дизтоплива и бензина из воинской части. За несколько лет он вместе с десятком водителей и прапорщиков украл многие сотни тонн нефтепродуктов. Схема была проста – они списывались в громадных количествах на учениях и других мероприятиях, потом вывозились и реализовывались его доверенными лицами. Интересно, что покупателей этот прохиндей нашел даже в одной среднеазиатской республике. Подозреваю, что в теме был и его непосредственный начальник – полковник Чернов.

Батя рассказывал маме, что обыск проводился прямо в частном доме Петренко, а деньги, золотые побрякушки и царские червонцы нашли в завернутыми в кулек в вытяжной вентиляции на кухне.

И где дом его находится, я знаю. Пару раз Петренко, тогда еще майор, собирал сослуживцев с семьями на день рождения. Я тоже был с родителями. Правда, в возрасте 10 и 11 лет. Но общаться с мордастым сыном майора и его друзьями мне не понравилось.

Сейчас подполковник должен жить один. В 1977-ом году он развелся. Петренко даже песочили на партсобрании «за недостойное поведение». Все-таки здорово, что мои родители любят друг друга и делятся многими новостями с работы.

Подведем итог. Где живет подполковник, я знаю. Семеновка, в 15-ти километрах от нашего райцентра. Дом очень удачно стоит – немного в отдалении от остальных, на окраине, почти примыкая к лесу. Это облегчает мне задачу. Место «схрона» тоже известно. Отлично! Я нашел идеального кандидата для «раскулачивания». Правда, у него имеется собака. Большая овчарка. Я это еще с тех дней рождения запомнил. Но проблема решаема.

Теперь надо провести рекогносцировку на местности, а потом подумать, что делать дальше.

Завтра после школы мотнусь в Семеновку. Посмотрю, что там и как.

А послезавтра школу, скорее всего, придется прогулять.

* * *

13-ого сентября 1978-ого года. Среда. 15.22

До Семеновки я добрался достаточно быстро. После школы, отклонив предложения ребят о походе в кино, быстро прибежал домой и переоделся. Подставил стул, снял с верхней полки «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» и потряс книжкой. На пол, кружась, спланировали две синие пятерки, зеленая трешка и пара рублевых купюр. В «прошлой» подростковой жизни эта книжка всегда была моей копилкой. Деньги, спрятанные между страницами, шли на кино с девочками, покупку приключенческой литературы у спекулянтов и другие потребности.

В сумку отправилась песочная стройотрядовская куртка, приобретенная мне весной. В ней я ездил в лагерь труда и отдыха на сбор яблок. Туда же кладу кожаный футляр с биноклем. Для первой поездки достаточно. Задерживаться я там не собираюсь.

Через час я уже трясся на сиденье пригородного автобуса, рассматривая проносящиеся в окне пейзажи. Рядом со мной сидел угрюмый мужчина лет тридцати пяти в телогрейке и картузе сдвинутым набекрень. Спереди две бабки оживленно обсуждали какую-то «бесстыдницу „Райку, вешающуюся на шею Андреичу“».

Сзади дремал выпивший дедок в темном тулупе, периодически заваливавшийся на съезжившуюся у окна молодую девушку в сером потертом пальтишке. Она отодвигала дедулю руками. Старичок на мгновение открывал мутные глаза, выпрямлялся, чтобы через несколько минут опять упасть на плечо своей соседки.

Чуть дальше женщина лет сорока пяти везла в большой корзинке, курицу, дергавшую головой и косившую на окружающих выпученным глазом. Рядом с водителем оживленно беседовала группа сельской молодежи.

Семеновку я чуть не пропустил. Задумался о своем, и только подъехав к остановке, с одиноко стоявшей закутанной в платок сгорбленной старушкой, прочитал название поселка. Пришлось, расталкивая недовольно бурчавших пассажиров, выбираться наружу. Выбравшись из салона, подхватил корзинку у ковыляющей к двери бабушки. Старушка, пытаясь от натуги, пытается взобраться на ступеньку автобуса. Помогаю ей, держа её за локоток. Навстречу к ней уже тянулось несколько дружелюбных рук пассажиров.

– Не торопись мать, поможем и подождем, – басит маленький мужичок в кепке и телогрейке, аккуратно поддерживая бабушку. Старушка заползает в салон. Передаю пассажирам корзинку. Бабушке освобождают место и помогают усесться. Автобус захлопывает двери и срывается с места, обдав меня облаком пыли и черной струей выхлопных газов.

Холодный осенний ветер рванулся навстречу, заставив поежиться, громадные рыжие сосны, устремившись вершинами в серое хмурое небо, зловеще нависли надо мной. Подтягиваю змейку куртки до подбородка и оглядываюсь. Семеновка лежит в стороне от трассы. К ней ведет небольшая асфальтовая дорога. Но можно зайти в деревню иначе. В сосновом бору змеится несколько извилистых тропинок, ведущих в Семеновку с другой стороны, прямо к дому полковника. Помню, на дне рождения Петренко я здесь гулял с его сыном и детьми других гостей. Вот туда мне и надо.

Выбираю самую широкую и протоптанную тропинку, и быстро шагаю в сторону деревни. Хвоя сухо хрустит под ногами. Пьянящий воздух соснового бора бодрит и заряжает энергией. Семеновка – наполовину дачный поселок. Сегодня в деревне живет очень мало народу. В основном старики и несколько молодых семей. Трудоспособные сельчане трудятся в колхозе, находящемся в нескольких километрах от поселка. Большинство домов с началом осени освобождаются дачниками, и стоят пустыми. Поэтому шанс встретить кого-либо на лесной тропинке невелик. Через полчаса движения у опушки, вижу зеленую калитку дома Петренко. Отступаю метров двадцать назад, закидываю сумку на плечо и запрыгиваю на ветку ближайшей сосны. Лезу выше, пока не оказываюсь метрах в семи от земли. Удобно устраиваюсь на толстой раздваивающейся ветке. Подтягиваю к себе сумку, аккуратно достаю футляр с биноклем. БПБ меня не подводит. Дом Петренко просматривается прекрасно. Самого подполковника, скорее всего, нет. Обычно он возвращается из части достаточно поздно. Трудоголик хренов, на свой карман. Сейчас моя задача, понаблюдать за его жильем, просчитать план акции и пути отхода, чтобы не возникло никаких глупых неожиданностей. Засаею время. На „Командирских“ 16:15.

Слева от калитки, на внутренней стороне дома, зевает громадная овчарка, наполовину высунувшаяся из будки. Этого я в принципе и ожидал, буду знать, хоть с какой стороны прыгать через забор, чтобы не свалиться ей на голову. Хотя шею собаки опоясывает ошейник, а крепкая цепь не позволит ей разгуляться по двору, надо быть осторожным.

Блин, а это что такое? Дверь дома открывается. На пороге появляется женщина, в накинутой поверх платья, фуфайке с алюминиевой миской в руках. Елки-палки, ведь Петренко, развелся год назад, я этот момент из разговора родителей точно помню. Вот это сюрприз! Черт, все значительно усложняется. Продолжаю рассматривать её в бинокль. Это точно не супруга подполковника. Она килограмм на двадцать легче бывшей жены

офицера и минимум, на пятнадцать лет моложе.

Псина выскакивает из будки и приветливо гавкает, виляя хвостом. Женщина ставит возле неё миску. Собака начинает жадно лопать содержимое. Хозяйка, потрепав её по загривку, возвращается в дом.

Некоторое время все тихо. Женщина не выходит из дома, лишь в окнах за прозрачными занавесками изредка мелькает её силуэт. Овчарка дрыхнет в будке.

В 17: 45 к дому подъезжает белоснежная новенькая „шестерка“. Она замирает возле въездных ворот. Из машины выходит Петренко. Нехило он себе морду наел. Скоро щеками будет асфальт подметать. И машинка, кстати, дороговатая. Конечно, не „волга“, но стоит около девяти тысяч рублей официально. Подполковник открывает ключом встроенную дверь и скрывается внутри. Через считанные секунды ворота распахиваются, толстяк садится в „шестерку“. Машина аккуратно заезжает вовнутрь. Из дома выбегает женщина с полотенцем на плече, Петренко целует её в щечку, и передает с заднего сиденья авоську с продуктами.

Понаблюдав за ними еще с десяток минут, слезаю из дерева. Все что мне надо я уже увидел. Жалко только, что тренировку пришлось пропустить. Придется перед Семеновичем оправдываться.

Обратно я доехал без проблем. Пришлось минут тридцать померзнуть на остановке. Зато автобус возвращался в город полупустым, и я смог немного отдохнуть, раскинувшись на сиденье. После полуторачасового нахождения на дереве, оно казалось необыкновенно удобным.

На автовокзале вижу находящегося в отдалении от людей небритого мужика в кепочке надвинутой на глаза.

Он сидит на корточках, устроив локти на коленях, и дымит самокруткой, свернутой из клочка газетной бумаги. Помятое невыразительное лицо с мешками под глазами, на щеках серебрится суточная щетина, пальцы расписаны синими перстнями-наколками. Рядом с мужиком стоит потертый вещмешок.

Сто процентов, бывший сиделец, возвращается к себе, после срока.

В голове мелькает неожиданная мысль. Подхожу к нему. Урка поднимает на меня глаза. В них светится невыразимая тоска.

– Чего надо? – хрипит прокуренным голосом бывший зек.

– Отойдем? Поговорить хочу, – спокойно предлагаю ему.

– И что тебе малец от меня нужно? – ворчит уголовник, подхватывает свой сидор, и послушно идет за мной.

Заходим за здание автовокзала. Здесь никого нет. Урка смотрит на меня равнодушным взглядом.

– Слушай, продай мне немного махорки, – протягиваю ему рубль, – пару горстей мне хватит. А ты себе еще купишь. Видишь, я тебе даже гораздо больше даю.

– Зачем тебе? – интересуется зек, рассматривая меня.

– Надо. Отец сторожем на фабрике работает, попросил принести, а я забыл. Теперь заругает.

– А если я тебе цыпленок крылышки сейчас пообрываю? – угрожающе осклабляется уголовник.

– Не советую, – лаконично отвечаю, пристально смотря на мужика.

Он что-то улавливает в моем взгляде. Наглые огоньки в глазах урки гаснут. Сейчас это просто усталый и замордованный жизнью человек.

– Ладно малец не кипешуй. Пошутил я, – тихо отвечает бывший зек.

Мозолистая рука с черными обломанными ногтями решительно отодвигает мою ладонь с рублем в сторону.

– Не нужно бабок. Что мы не люди? – возражает мужик. Он открывает сидор, вытаскивает кисет с махоркой, кусок газеты и отсыпает мне на бумагу горсть табака.

– Спасибо, – искренне благодарю сидельца, – может, деньги все-таки возьмете? Вы меня здорово выручили.

– Да зачем мне эти гроши? – взрывается мужик, – они ничем не помогут. Пятнадцать лет за колючкой провел, пока ума не набрался. Мать померла, меня не дождавшись. Вся жизнь наперекосяк по собственной дурости. Ни кола, ни двора. А ты говоришь, деньги... Бери табак для бати парень, и иди по своим делам.

Бывший зек сует мне в ладони завернутую в газету махорку, досадливо машет рукой, подхватывает на плечо сидор, разворачивается и шагает на остановку. Пристально смотрю ему вслед. Почему-то мне искренне захотелось пожелать этому побитому жизнью человеку удачи. Прячу маленький газетный сверток в карман.

Домой я приезжаю в полдевятого. Отвечаю на все дежурные вопросы родителей: „В школе все хорошо мама. Тренировка прошла отлично папа. Пока с Семеновичем продумываем как подать идею клуба. Конечно, буду, ужасно проголодался. Кстати, завтра мы с ребятами собираемся пораньше, надо подготовиться к одному важному мероприятию. Какому? Позже расскажу. Пока это секрет“.

Ужинаю разогретыми сырниками, запивая их чаем. Мама с отцом смотрят телевизор и о чем-то негромко переговариваются в гостиной. Пробираюсь в свою комнату. Разбираю сумку и прячу в свой шкаф футляр с биноклем и стройотрядовскую куртку. Сверток с махоркой отправляется в

нижний ящик письменного стола и надежно маскируется книгами.

Раскладываю диван, расстилаю постель и ложусь. Завтра мне нужно очень рано встать и многое сделать, пока родители спят. Мысленно настраиваю свой внутренний „будильник“ на 5 часов утра. В армии научился давать себе установку встать в определенное время, и она всегда срабатывала.

* * *

14 сентября 1979-ого года. Четверг. 5.25

В сон я провалился сразу. Несколько часов пролетели как один миг. Когда просыпаюсь, возникает ощущение что я только лег. Смотрю темный проем окна, потом перевожу взгляд на часы. 5.25. Отлично. Встаю с постели. Иду на кухню. По пути украдкой заглядываю в приоткрытую дверь родительской комнаты. Родители крепко спят. Достая склянку с молотым красным перцем, наполненную солонку, хватаю чайную ложку и аккуратно несущу это в свою комнату. Из ящика извлекается махорка. Она размешивается ложечкой с равными порциями красного перца и соли, прямо на бумаге, превращаясь в однородную массу. Кайенская смесь готова. Этим оружием против собак и людей пользовались еще сотрудники СМЕРШ. Обычно она делается без соли, но белые кристаллы усилят эффект.

В коридоре открываю тумбочку. Тихо уношу коробку с лекарствами и медикаментами к себе в комнату. Нахожу в ней пустую жестяную баночку из-под валидола. Аккуратно пересыпаю туда кайенскую смесь с листа бумаги. Остаток опять кладу в ящик и маскирую тетрадями и учебниками.

Прячу емкость в сумку. Делая свои манипуляции, чутко прислушиваюсь к возможным звукам из спальни родителей. Пока все тихо.

На антресолях нахожу старую вязаную шапочку отца. Она тоже отправляется в сумку. Туда же идет моток веревки с балкона и перчатки. Рядом укладывается песочная куртка, мое детское рваное пальто, давно превратившееся в тряпку и неизменный футляр с биноклем.

Быстро натягиваю штаны и свитер. Тихо, стараясь не потревожить родителей, медленно открываю замок, и выскальзываю на лестничную площадку. Перетаскиваю сумку на чердак и маскирую её среди мебельного хлама.

Возвращаюсь в квартиру. Собираю сумку с учебниками. Прячу её на верхней полке балконного шкафа. Туда мама точно утром не заглянет.

Пишу записку: „Я ушел. Вас будить не стал. Поел. Буду как обычно“.

Режу колбасу на несколько ломтиков, отделяю ломоть батона. Откусываю бутерброд, и прожевываю его. Оставляю недоеденный кусок на тарелке.

Быстро одеваюсь, застегиваю на запястье „Командирские“, и выхожу наружу. Аккуратно, стараясь не шуметь, медленно проворачиваю ключ в замочной скважине. Негромкое клацанье заставляет меня встревожено замереть на месте. В квартире по-прежнему все тихо. Облегченно выдыхаю и иду на чердак. Там ждет меня сумка со снаряжением и выкидной нож в тайнике. Смотрю на часы. 5:45. Автобус на Семеновку будет через час. Пока все идет, так как надо.

* * *

До деревни я добрался быстро. Автобус отъехал от станции точно по графику. Через двадцать минут я уже подъезжаю к Семеновке. Вместе с парой колхозников выхожу на предыдущей остановке. Не нужно чтобы местные жители меня сегодня там видели. Береженного бог бережет. Спрыгиваю с подножки автобуса, вдыхаю полной грудью свежий лесной воздух и потягиваюсь, разминая суставы.

Утренний холод пробирает до костей. Вокруг клубится густая дымка тумана. Сквозь неё едва проглядывают коричневые стволы сосен. Похоже, сама природа помогает мне осуществить задуманное. Подтягиваю на плечо сумку и быстро шагаю по направлению к Семеновке. Углубляюсь в лес, но недалеко от трассы, чтобы не заблудиться. Через десяток минут я уже на месте, возле своего наблюдательного пункта. Переодевшись в стройотрядовскую куртку, устраиваюсь на привычном месте. Устанавливаю на окуляры желтые кругляши противотуманных фильтров. Засаекаю время. 7:30. Два ближайших домика, находящиеся на некотором удалении от жилья Петренко – дачные. Хозяева уже должны были переселиться в город. Свой осмотр я начинаю с них. Так и есть. В домах никого нет. Зловеще темнеют безжизненные провалы окон. Дворы выглядят заброшенными и покинутыми.

Осматриваю дом Петренко. Подполковник на месте. Во дворе стоит его белая „шестерка“. В доме горит свет. Буду ждать его отъезда. Овчарка лежит, наполовину высунувшись из будки. Текут в ожидании минуты. В 7:55 на пороге дома появляется полковник. Он уже в форме. Идет к машине. За ним семенит женщина. Короткое прощание. Петренко

открывает ворота, и через минуту белая „шестерка“ уезжает. Сожительница, закрыв вход засовом, уходит в дом. Можно приступать к „экспроприации“, но решаю выждать еще минут тридцать. Интуиция меня не подводит. Со стороны деревни к дому подъезжает мотоцикл с коляской. За рулем сидит молодой парень в черном бушлате. Похоже на флоте служил, и до сих пор выделяется в этой одежде перед местными девками.

Он глушит свой транспорт, и требовательно стучит костяшками по входной двери. На крыльце дома появляется женщина. Она прикрикивает на лающую и рвущуюся с цепи овчарку, и приоткрывает дверь.

Сожительница Петренко перебрасывается с ним несколькими фразами, и уходит в дом. Парень с сияющим лицом возвращается к своему мотоциклу, присаживаясь на сиденье. Через десять минут появляется женщина. Она одета в красивое пальто и раскрашена как индеец, вышедший на тропу войны. Синие тени на веках, яркие красные губы контрастируют с выбеленным пудрой лицом. Похоже, пока подполковник на работе, сожительница зря времени не теряет. Она снимает цепь с собаки. Псина начинает радостно носиться по двору.

Парень заводит мотоцикл, женщина садится сзади, обхватывая его руками. Транспорт, подпрыгивая на ухабинах и выпуская клубы дыма, отъезжает от дома. Засаекаю время. 8:32.

Теперь мне точно пора. Резво перемещаюсь по веткам вниз, и спрыгиваю с дерева. Быстрым шагом иду к дому подполковника. Останавливаюсь, когда до зеленых ворот с вмонтированной в них дверцей остается метров десять. Зайдя за толстую сосну, оглядываюсь по сторонам. Поблизости никого нет.

Достаю из сумки и надеваю вязаную папину шапку. На чердаке я вырезал ножом два отверстия на уровне глаз. Сейчас эти дырки закрыты подвернутыми почти до самой макушки краями шапочки. Рассовываю по карманам выкидной нож, предварительно высыпанную на ладонь кайенскую смесь, наматываю на правую руку обрывки старого детского пальто. Надеваю перчатки. За забором начинает остервенело гавкать, почуявшая „незваного“ гостя овчарка. Приближаюсь к забору, как можно дальше от её будки. Лай переходит в глухое рычание. Глубоко вдыхаю, входя, как учил Зорин, в боевой транс.

Поехали. Перекидываю сумку за плечо. Подпрыгиваю, хватаюсь руками за деревянные штакетины и резко подтягиваюсь, помогая себе ногами. Через секунду я уже сижу на заборе. Ко мне рвется, рычащая от ярости овчарка. Снимаю с плеча сумку и бросаю её подальше от собаки.

Затем прыгаю вниз.

Псина беснуется, яростно прыгает на забор, пытается ухватить меня за штанину. Клыки злобно щелкают в нескольких сантиметрах от моей ноги.

Выхватываю левой из кармана щепоть кайенской смеси. Круговыми движениями правой немного разматываю, накрученную тряпку. Она дразняще дергается перед озверевшей овчаркой. Собака прыгает вперед и уперевшись лапами в забор, захватывает ткань пастью. Коротким движением кидаю кайенскую смесь в морду. Порошок разлетается в воздухе мутной пылью, оседая на носу, глазах и пасти овчарки. Животное фыркает, выплевывает тряпку из пасти и кашляет почти по-человечьи. Оно начинает тихонько скулить и крутиться, тыкаясь мордой в землю. Овчарке уже не до меня. Но неожиданных сюрпризов мне не нужно. Через время собака может оправиться от воздействия боевого порошка. Поэтому придется идти до конца.

Достаю выкидуху. Щелчок нажимаемой кнопки, и из переливающейся яркими цветами наборной пластмассовой ручки, вылетает стальное жало.

Набрасываю на голову деморализованной овчарки остатки старого пальто. Наваливаюсь сверху, придерживая ткань и захватывая её шею.

Псина вяло пытается меня укусить, но металлическое лезвие одним движением вспарывает ей глотку. Сдергиваю с неё тряпку и отпрыгиваю в сторону. Собака шатается и падает на бок. Она издает хрипящие звуки и смотрит на меня стекленеющими глазами. Вокруг овчарки расплывается темная лужа крови.

Пса жалко. Он ни в чем не виноват. Но по-другому поступить я не мог. Вздыхаю, мысленно прошу прощения у умирающей овчарки, подбираю сумку с земли, и поворачиваюсь к дому. Теперь нужно проникнуть вовнутрь. Входная дверь оказывается запертой. Иду вдоль окон. Замечаю открытую большую форточку. Это оказывается кухня. Встаю на карниз. Забрасываю в помещение сумку, затем протискиваюсь в неё сам. Пытаюсь мягко приземлиться на руки, но все равно сшибаю с подоконника пару горшков с цветами. Встаю, отряхиваюсь, стараясь не наступить на упавшие растения и темную кучку земли.

Смотрю на часы. 8:40. Время еще есть. Думаю, как минимум час-полтора, а то и больше. Такие тайные свидания достаточно продолжительны. Но задерживаться здесь не буду. Возьму то, что мне надо и свалю. Вытяжка расположена недалеко от меня, прямо под газовой плитой. Высоко находится. Придется разбирать газовую печь. Быстро перетаскиваю находящиеся на ней сковородку, кастрюли и чайник. Снимаю с печки черную решетку. Подтаскиваю стул. Перемещаюсь с него прямо на

печку. Резко дергаю решетку вытяжки. Она немного смещается. Вытаскиваю её и сбрасываю на пол.

Аккуратно просовываю голову в квадратное темное отверстие. Сбоку два свертка, один больше, другой поменьше, замотанные кулками. Поочередно достаю их и кладу на столешницу возле мойки. Разматываю большой кулек. Там находятся пачки денег, аккуратно перемотанные резинками и небольшой мешочек. Зеленые полтинники, коричневатые стольники, красные десятки, сиреневые четвертаки и даже стопка пятирублевых купюр. Вытаскиваю несколько пятерок, и кладу их в верхний карман. Остальные деньги заворачиваются обратно в кулек и отправляются в сумку. В мешочке что-то позвякивает. Пальцы нащупывают горстку кругляшей и вытаскивают один из них. В моей руке сверкает царский червонец. Мешочек тоже отправляется в сумку. Золотых украшений, найденных при обыске 1981-ом году, не обнаруживается.

Разворачиваю второй свертки. Вот это сюрприз! ТТ, два полных магазина и небольшая коробочка с патронами к нему. Пистолет в идеальном состоянии, смазанный и готовый к работе. От него до сих пор несет запахом оружейного масла.

Нажимаю на кнопку, расположенную чуть ниже пусковой скобы, и выщелкиваю магазин. Он полон патронов. Отвожу затворную раму назад. В стволе ничего нет. Вставляю обойму обратно. Ставлю курок на предохранительный взвод. Пистолет засовываю за пояс. Коробку и магазины – в сумку.

Все. Пора уходить. Можно полазить по дому и еще поискать тайники, но лучше не рисковать.

Выхожу через дверь. Направляюсь к воротам. Слышу шум подъезжающей машины. Меня обдает холодом. Сердце бешено стучит в груди, грозясь вырваться наружу. По лбу стекает капелька пота.

Черт! Принесла нелегкая подполковника! И чего ему на работе не сидится?

Движением руки отправляю сумку за спину и достаю ТТ, взвожу курок и загоняю патрон в ствол. Опускаю шапочку на лицо. Теперь, даже если все пойдет по „плохому“ сценарию, меня не узнают.

Становлюсь слева от двери, прилипая к ограждению. Рука с пистолетом задирается вверх. Движением большого пальца передвигаю ТТ, чтобы нанести удар обратной стороной рукояти.

Забор высокий, с плотно пригнанными штакетинами, заметить находящегося внутри человека невозможно. Тихо смещаюсь к железному полотну ворот, где находится входная дверь. Слышится скрежет замка.

Дверь приоткрывается. В проеме появляется толстая нога. За ней следует тело в армейской куртке. Как только подполковник делает первый шаг, заходя на территорию дома, резко бьет его рукоятью по макушке, закрытой фуражкой. Приоткрытая дверь закрывается за ним, а Петренко начинает оседать на землю. Пытаюсь подхватить его подмышки, чтобы смягчить падение, но мужик заваливается вперед, увлекая меня за собой. На ногах я удерживаюсь, но глухой звук падающего тела заставляет на секунду замереть. На несколько минут я его вырубил.

– Михалыч, с тобой все в порядке? – раздается мужской бас снаружи. Елки-палки. Подпол еще и не один приехал. Совсем весело. Хлопает закрываемая дверца автомобиля. Пистолет отправляется за пояс. Стрелять мне сейчас нельзя. Переполошу всю деревню. Звук выстрела в такой тишине разнесется далеко и вызовет ненужное любопытство. Зачем мне лишние проблемы? Угрожать оружием, тоже не выход, не уверен, что добьюсь нужной реакции. Дураков хватает. Пальцами, сгребая в кармане очередную щепоть кайенской смеси.

Когда в проеме двери появляется второй мужик, бросаю порошок ему в лицо. Он хрипит и плюется, схватившись руками за глаза. Прямым ударом ноги выбиваю тело назад. Мужик с оханьем опрокидывается прямо на бампер „шестерки“. Бью „вилкой“ в кадык, дозируя силу. Использовать ударную поверхность между разведенными в стороны большим и указательным пальцами Семенович учил еще год назад.

Находящийся в состоянии грогги, и держащийся руками за горло хрипящий противник все же умудряется привстать. Мощный короткий удар основанием ладони снизу-вверх под подбородок, окончательно отправляет его спать.

Осматриваю нокаутированного. Он похож на Петренко как родной брат. Такой же толстый и коренастый, разве ростом немного пониже. На щеке белеет рубцами изломанный шрам, похожий на скрюченную птичью лапку. Две маленькие звездочки на погонах шинели. Прапор.

Внутри раздается негромкий стон. Быстро подполковник очухался. Крепкая башка. Перемещаюсь на территорию дома. Петренко сидит на заднице, держится за разбитую голову, и тупо смотрит перед собой. Полностью в себя он пока не пришел. Добавляю ему ногой в челюсть. Подполковник опрокидывается назад. Несколько минут точно пролежит без сознания. Хватаюсь обеими руками за воротник шинели, и тащу прапорщика к двери, пыхтя от усилия. Тяжелая туша. Тело безвольно волочится следом, оставляя широкую дорожку из пыли. Затащив прапора вовнутрь, переворачиваю мужиков на живот, поочередно завожу им руки

назад и связываю веревкой. Приходится вернуться в дом и порвать простыни, используя их вместо кляпов. Ноги связываю небрежно, так чтобы подпол и прапор могли распутаться минут за десять.

Вот теперь все. Пора валить. Хватаю сумку, закидываю её на плечо. Аккуратно закрываю за собой дверь. На всякий случай прокалываю ножом все шины на „шестерке“, прячу шапочку в сумку, и бегу трусцой по направлению к следующему от Семеновки поселку – Малым Холмам. Потрескивает под ногами хвоя. Пьянящий прохладный воздух соснового бора вызывает ощущение эйфории. Но расслабляться рано. Пока я не окажусь дома, ничего еще не закончено. Через десять минут выхожу на следующую остановку. Здесь уже стоит автобус. Он едет в соседний районный центр и в мой город не заходит. Но можно выйти через пару остановок, на развилке дорог, там уже до дома относительно недалеко. Так и сделаю. Протискиваюсь с потоком галдящих пассажиров, расплачиваюсь с водителем пятеркой, получаю четыре рубля сдачи и устраиваюсь на сиденье возле заднего входа.

На развилке за несколько минут ловлю проезжающий „МАЗ“. Водитель – полный мужик лет пятидесяти охотно соглашается доставить меня в город. Он едет через проспект Коммунаров, находящийся совсем рядом с моим домом.

В теплой машине меня развезло. Тянет дремать. Усилием воли не позволяю себе расслабиться. Мужик за рулем рассказывает о своей жизни. Вслушиваюсь в его слова.

– вот такие дела парень. Дочку замуж выдал, квартиру ей оставил, а сам в родительский дом перебрался. Свежий воздух, тишина, а природа то какая, – мечтательно произносит водитель, – что еще надо в мои года? Работать в колхозе устроился, коллектив хороший. Конечно, все закладывают, не без этого. Но я особо спиртным не балуюсь, по праздникам только. Разве что изредка с мужиками выпиваю. Вечером выходишь на улицу – благодать. Птицы щебечут, все цветет. Тишина и спокойствие. Не то, что в городе, шум, гам, суета эта. Только в деревне понимаешь, вот она настоящая жизнь.

– А ты откуда едешь? – неожиданно спрашивает собеседник, прерывая свой монолог.

– От знакомой, – дипломатично отвечаю, всем видом показывая нежелание продолжать эту тему.

– Не хочешь говорить, не говори, – понятиливо кивает мужик, – дело твое.

Водитель замолкает. Похоже, он немного обиделся. Но мне плевать. Не

до разговоров сейчас.

Через пятнадцать минут „МАЗ“ останавливается на проспекте Коммунаров.

Кладу в ладонь мужика трешку.

– Спасибо, что подбросили, – скромно благодарю, – до свидания

– Не за что, – ворчливым голосом откликается водила, – Всего хорошего.

Спрыгиваю с подножки грузовика. Осталось совсем немного пройти, и я дома. Забрасываю сумку за плечо. ТТ уютно устроился за ремнем. Сворачиваю с оживленной улицы во дворы. Сейчас, конечно не начало 90-ых, милиция не шмонает всех подряд. Поэтому, по большому счету, пристальное внимание стражей порядка мне не грозит. Да и появляются они на улицах не так уж и часто. Но лучше перестраховаться. До дома добираюсь без проблем.

Открываю ключом дверь квартиры, бросаю на пол сумку, закрываю замок. Все, теперь можно немного расслабиться.

Смотрю на часы. 10:35. До прихода родителей времени еще полно. Безумно хочется есть. Но дело, прежде всего. Достаю сверток с деньгами. Раскладываю их на полу гостиной. Шесть пачек сторублевков, три – полтинников, две – четвертаками, еще пара десятками и одна начатая пятерками. Судя по толщине перетянутых резинками денег, в каждой стопке по сто купюр. Должно быть 82 485 рублей, с учетом трех отобранных в карман пятерок.

Поплевав на кончики пальцев, беру первую пачку, сдвигаю резинку, и приступаю к пересчету. Банкноты шелестят в моих руках, отгибаясь в сторону. Через минут пятнадцать, когда в глазах уже начинает рябить от перелистываемых купюр, со вздохом откладываю последнюю синюю стопку. Так и есть, почти 82 с половиной тысячи рублей. Для простого советского человека – громадные деньги. Чтобы спасти страну и выполнить задуманное – очень мало. Но задел для начала положен.

В мешочке оказывается десять царских червонцев. Если деньги закончатся, надо искать стоматолога, чтобы их сплавить. Такое золото идеально пойдет на коронки.

С блатными и барыгами-перекупщиками связываться нельзя. Опасно.

Сейчас надо найти подходящее место для тайника. Две пятерки и оставшиеся мелкие купюры распределяются между страниц „Тома Сойера“. Они будут всегда под рукой. Если предки найдут, это не страшно. Такую сумму можно объяснить, давней экономией на школьных обедах, транспорте и других „расходных“ деньгах, выдаваемых мне родителями.

Куда спрятать остальное? Это серьезный вопрос. На чердак слишком рискованно. Могут украсть. Да и деньги должны лежать так, чтобы их можно было быстро и легко взять. Такая потребность может возникнуть в любой момент.

Захожу в свою комнату и задумчиво обзираю окружающее пространство. Мой взгляд останавливается на мягком диване и кресле. Эврика! Подхожу к дивану и, пыхтя от натуги, сначала ставлю его набок, а затем переворачиваю в положение упавшей буквы „Г“. Тяжелый зараза. Обзираю обшивку дна мебели. Пожалуй, все получится. Иду на кухню за ножом.

Аккуратно вспарываю уголок ткани на обшивке. Пихаю вовнутрь шесть сторублевых пачек. Остальные деньги кроме пятерок размещаю таким же образом в кресле. Открываю комод и достаю пластиковую коробку с иглками и нитями. Подбираю бежевую нить под цвет мебели. Зашиваю дырки. Моя рука с иглой движется очень быстро и на „полном автомате“. Еще курсантом научился быстро пришивать себе пуговицы и погоны. А потом поездки по гарнизонам только укрепили эти навыки.

Через пять минут я заканчиваю. Оцениваю придирчивым взглядом свою работу. Если не присматриваться, почти незаметно. Теперь осталось пристроить последнюю пачку пятерок. Беру в тумбочке кольцо синей изоленты и большие ножницы. Выбираю из стопки газет в прихожей старую „Правду“. Заворачиваю в неё пятирублевки. Иду на балкон. Разгребаю хлам под ножками старого шкафа. Креплю к свертку несколько клейких лент. Закрепляю сверток на шкафу снизу, между ним и стенкой. Закидываю хлам на место. С этим я закончил.

Ствол хранить дома я не буду. Родители точно меня убьют, если его найдут. Одеваюсь и иду на чердак. Там я знаю одно место в углу стены, где можно вытащить тройку кирпичей вместе с слоем застывшего цемента. Я его еще в прошлый раз нашел. За кирпичами внизу имеется проем в плите. Туда и отправляется завернутый в кулек ТТ и коробка с патронами. Потом кирпичи ставятся обратно. Собираю пыль в кучку, мочу её водой из захваченной из сумки фляги. Затираю грязью грязью трещины в цементе. Они почти не видны, но лучше замаскировать тайник как следует. Забрасываю уголок стены тряпками и другим хламом. Отхожу в сторону, и мою руки водой.

Дышать просто невозможно. Кажется, что на чердаке даже воздух мутный от пылевых отложений. Громко чихаю, поднимая серую волну. Бегу назад, перепрыгивая через две ступеньки. Хочу как можно скорее избавиться от пыли.

Горячие струи воды смывают с меня усталость. Из ванны я выхожу энергичный и бодрый. Первый шаг по спасению моей страны сделан.

* * *

15 сентября 1978-ого года. Пятница. 8.37.

– Лех, ты, где вчера был? Ольга вчера интересовалась, почему Шелестова на уроке нет? – спрашивает Пашка.

Мы идем в школу. Под ногами хрустят сухие желтые листья. Солнце, выглянувшее из-за серых туч, разгоняет своими лучами ночной холод. Хмурый дворник нехотя орудует метлой, сонно моргая глазами. Мостовая медленно заполняется людьми, идущими на работу и стайками детворы, спешащими в школы.

– Шелестов, ты меня слушаешь вообще? – взывает ко мне Амосов, не дождавшись ответа.

– Конечно. Так что там Ольга говорила? – поворачиваю лицо к нему.

Ольга Александровна – наш классный руководитель. Она преподает алгебру и геометрию. Миловидная женщина лет тридцати – яркая ухоженная блондинка. Пока еще она не растеряла свой энтузиазм и юношеский задор. Постоянно организывает экскурсии, поездки в другие города, старается нагрузить каждого общественными поручениями.

– Ничего особенного. Просто спросила, почему тебя нет в школе, – с готовностью отвечает Паша.

Сегодня алгебра идет у нас вторым уроком. Наверняка, классная снова поднимет этот вопрос. Прекрасный повод, чтобы пообщаться с ней на другую тему.

Но делать это нужно красиво. Тем временем мы уже заходим в школу, смешиваясь с потоком галдящей детворы.

Первый урок у нас физика. Захожу с Амосовым в класс. Обмениваемся рукопожатиями с Ваней. Кладу сумку на парту, здороваюсь с Аней. Взглядом ищу Сашу Залесского. Этот тонкий сутулый парень – комсорг класса. Нахожу его в другом ряду, на предпоследней парте. Комсорг впился взглядом в учебник по физике, отключившись от общего шума. Иду к нему.

– Привет Сань, ты занят? – дружелюбно спрашиваю у Залесского.

Комсорг нехотя отрывается от чтения, и поднимает на меня глаза.

– Привет. Что ты хотел Шелестов? – интересуется он.

– Есть одна идея. У нас по четвергам, перед первым уроком проходят политинформации. Я посидел на них, послушал, все как-то без огонька,

пресно и серо. Ребята зевают, и даже толком не слушают. В прошлом году на одной из них ветеран Великой Отечественной выступал. Мне не понравилось реакция на его рассказ. Класс его слушал из уважения, но большинство мыслями витало где-то далеко. Никого не зацепило, абсолютно. Посидели, покивали, вручили цветы и забыли. А это неправильно.

Александр хмурится. Он как раз и курирует политинформации. Никому критика, даже конструктивная не нравится.

– И что ты предлагаешь? – комсорг холодно смотрит на меня.

– Сань, ты пойми, я никого не критикую. Наоборот, хочу, чтобы мы все сделали по-другому. Ярko и красиво. Чтобы никто не остался равнодушным, – горячо говорю, смотря в глаза Залесскому.

– И как ты себе это представляешь? – интересуется Александр с еле заметной усмешкой. В его голосе слышится неприкрытый сарказм.

Выкладываю комсоргу свой план. По мере моего рассказа насмешливое выражение в глазах одноклассника сменяется на задумчивое.

– Давай поделимся с нашей идеей с Ольгой. Потом если ей все понравится, можем и с директором и комсоргом школы поговорить. Думаю, они по достоинству оценят наше предложение.

Глаза Залесского теплеют. Ну, а как же иначе? Ведь предложение не мое, а „наше“. И в будущем может принести неплохие личные „дивиденды“. Как же вас легко на крючок ловить, товарищи комсомольские карьеристы.

– А что? Может сработать, – немного помолчав, признает он, – Так и сделаем. Сначала к классной и школьному комсоргу подойдем. Они послушают, внесет свои замечания и предложения. Вместе с ними, если что, и к директору пойдем. Если он одобрит, можно даже отдельный урок провести с двумя классами. Хорошо получится.

Раздается пронзительная трель звонка. Я иду к своей парте, предварительно условившись с Сашей, подойти сегодня к математичке. В класс заходит Сергей Игнатьевич. Молодой мужик лет двадцати семи, сам относительно недавно был выпускником нашей школы и после института сменивший ушедшую на пенсию Марию Антоновну.

Физик чертит какие-то формулы и фигуры на доске, но я занятый своими мыслями, его не слушаю. Урок пролетает незаметно.

В кабинете алгебры уже находится Ольга Александровна. Пока ученики, переговариваясь, рассаживаются по своим местам, достают учебники и тетради, она что-то сосредоточенно пишет в своей тетрадке.

Указываю Залесскому на классного руководителя, он понятливо

кивает. Мы подходим к столу учительницы. Ощувив наше присутствие, она поднимает голову. В глазах её мелькает узнавание.

– Шелестов? Кстати, почему тебя в школе не было?

– Плохо себя чувствовал, – коротко отвечаю я, – температура была.

– К врачу ходил? – участливо интересуется Ольга Александровна.

– Да все нормально, – небрежно отмахиваюсь, – сейчас я в порядке

– Смотри, ты уже парень взрослый – строго говорит классная, – но я бы на твоём месте, сходила бы к доктору. Со здоровьем не шутят.

– Ольга Александровна, – вступает в разговор Саша, – мы вообще-то по одному вопросу посоветоваться с вами хотели.

Слушаю вас мальчики, – учительница откладывает ручку, и доброжелательно смотрит на нас.

Начинаю излагать свой замысел. Комсорг тоже выдает краткие реплики, стараясь показать под „чьим“ чутким руководством родилась идея. Ольга Александровна внимательно слушает, изредка задавая уточняющие вопросы.

Опять верещит звонок, прерывая наш разговор.

– Так ребята, – деловито говорит классная, – идея хорошая. Сделаем так. Я посоветуюсь с Ниной Алексеевной, и если она одобрит, проведем один общий урок на два класса. Мне ваш замысел нравится. Посмотрим, что скажут завуч с директором. У вас все?

Мы рассаживаемся по партам. Ольга начинает урок. Моя соседка сидит, гордо выпрямившись, и демонстрируя показное безразличие ко мне. Она подчеркнуто внимательно слушает математичку. Но периодически Аня искоса стреляет в меня короткими взглядами из-под длинных ресниц.

Украдкой любуюсь её точеным профилем. Локон, выбившийся из прически, красиво оттеняет белоснежную кожу на тонкой шейке, чувственный рисунок губ притягивает как магнитом.

Аня улавливает мой взгляд. Её спина становится еще ровнее, носик гордо вздергивается. Всей своей позой одноклассница демонстрирует сосредоточенность, с преувеличенным вниманием слушая рассказ Ольги Александровны об интегралах и формуле Ньютона-Лейбница. Ага, так я тебе и поверил.

Ладно, не буду смущать девушку. Честно пытаюсь вникнуть в тему урока, но мысли постоянно сбиваются. Никак не могу сосредоточиться на алгебре. Звонок прерывает мои мучения.

Еле высиживаю оставшиеся уроки. Учеба в школе уже начинает сильно раздражать. Отвык я уже от зубрежки, и общество малолеток мне уже не особо интересно. Но пока приходится терпеть.

Дома быстро пообедав и покорпев часок над уроками, начинаю собираться на тренировку. Прошное занятие мне пришлось пропустить из-за поездки в Семеновку. Сегодня решаю прийти немного пораньше, чтобы поговорить с Зориным.

Через тридцать минут я уже подхожу к „Звезде“. Дед-вахтер приветливо улыбается. Здравуюсь с ним, и прохожу через вертушку.

Знакомая дверь с табличкой „Зал самбо“. Захожу. Ощущаю едкий запах пота, слышу гулкие звуки падающих тел. На борцовском ковре группа мужчин в красных и синих самбовках отрабатывают зацепы и подсечки. Вижу крепкую спину наставника, обтянутую синим костюмом „Динамо“.

– Петровский резче, резче, не тормози, – командует тренер, – будешь медлить, тебя самого бросят.

Подхожу к Игорю Семеновичу.

– Добрый вечер, – приветствую сенсея. Зорин поворачивается

– Здравствуй Алексей, – тон тренера немного суховат. Он пару секунд смотрит на меня и снова разворачивается к самбистам.

– Отрабатываем бросок через бедро, передняя подножка, поочередно, – отдает распоряжения Семенович, – Затем меняемся. Темп средний. Работаем пять минут без перерыва.

Мужики кивают. Опять раздаются шлепки бросков. Наставник подходит ко мне.

– Почему в понедельник не был на тренировке? – голос Семеновича тих, но недовольство явственно ощущается.

– Игорь Семенович, извините, не смог. Была причина, – каюсь я, прижимая ладонь к сердцу.

– Какая? – наставник как всегда лаконичен.

– Серьезная. Врать вам не хочу, а рассказать не могу, – отвечаю со всей искренностью, – это не только меня касается.

Зорин строго смотрит мне в глаза. Спокойно выдерживаю его взгляд.

– Ладно. Ты парень ответственный, поэтому верю, но больше тренировки не пропускай, – сэнсей грозит мне пальцем, – договорились?

– Конечно, – облегченно вздыхаю я.

– Тогда можешь идти переодеваться или подождать немного, – наставник глядит на большие часы в зале, – минут двадцать у тебя еще есть.

Сажусь на скамейку. Мужики приступают к отработке болевых в партере. Делают рычаг локтя, разрывая захват соперника. Кувыркаются, сбрасывая противника с себя и захватывая его ногу. Скрипят зубами, вскрикивают от натуги, преодолевая сопротивление партнеров.

Между ними ходит невозмутимый Семенович, подсказывает и советует. Сейчас, имея двадцатилетний опыт единоборств и рукопашного боя, я могу по достоинству оценить уровень тренера. Он очень высок. В прежней жизни Зорин не уделял мне особого внимания на занятиях. Он относился ко всем одинаково. Но даже тогда он сумел мне многое дать. Его подготовка, отточенные на тренировках рефлексy и умение концентрироваться, не раз спасали мне жизнь в Афгане.

Наконец звучит свисток. Тренировка заканчивается. Потные мужики, переговариваясь, бредут в раздевалку.

Смотрю на часы. Скоро появятся ребята. Зорин уходит к себе в комнату. Первой в дверях появляется огромная фигура Мальцева. Он приветливо ухмыляется, увидев меня.

Обмениваемся рукопожатиями. Его медвежья лапа крепко, сжимает мою ладонь. Здоровый бык. С трудом удерживаюсь, чтобы не поморщиться.

– Привет, чего сидишь? Пошли переодеваться, – басит Серега.

– Там сейчас мужики с другой группы. Сейчас они выйдут и пойдем. Тесно же будет, – предлагаю я.

– А чего время терять? – удивляется Мальцев, – ты как хочешь, а я переодеваться.

Он бодрым шагом уходит в помещение раздевалки. Через пару минут оттуда выходят спортсмены из прошлой группы. Подхватываю сумку и встаю. Уже возле двери раздевалки меня догоняет Волобуев. Он дружески хлопает меня по плечу. Мое тело сотрясается от такого „приветствия“. Они, что сегодня все сговорились? Здравуюсь с тезкой.

Начинаю, не торопясь, переодеваться. В раздевалку залетает Потапенко. Затем, появляется Миркин. После короткого приветствия он „приземляется“ рядом со мной, бросив сумку на скамью.

Через пару минут мы уже разминаемся на ковре. Из гимнастического зала приходит Вероника. Сегодня девушка в белоснежном кимоно. Ткань одежды хрустит при каждом движении. От неё веет едва уловимым ароматом стирального порошка.

Семенович разбивает нас по парам. Неожиданно он ставит Веронику с Потапенко, а меня с Миркиным.

По команде тренера мы надеваем боксерские перчатки, поочередно пробиваем джеб и правый боковой по рукам напарников. Затем выбрасываем отвлекающие двойки, и отрабатываем проход в ноги, с последующим переводом противника в партер. Пот течет с меня градом. Игорь гораздо тяжелее меня. Он меньше по габаритам Мальцева, но весит

тоже за сотню кило.

– Стоп, – командует наставник. Мы послушно останавливаемся.

– Работаем парами. Сначала один атакует, второй защищается. Цель опрокинуть противника и взять на болевой. Перчатки можно снять. Руками бить легко и аккуратно. Два раунда по три минуты. Все понятно? – уточняет сэнсей, – Начали!

Первым нападаю я. Делаю пробный джеб, ухожу уклоном от прямого правой. Наношу удар в солнечное сплетение, пытаюсь сместиться, и войти в клинч с Миркиным, соединив руки у него на пояснице. Игорь, резким движением назад, уперев в меня руки, легко разрывает мой захват. Рывок за рукав моего кимоно, его нога подсекает мою стопу. Я взлетаю в воздух и приземляюсь набок. Противник крепко прижимает мою спину к коврику, наваливаясь всем телом. Первую схватку я проиграл. Слишком уступаю в кондициях.

Миркин отпускает меня и поднимается. Его лицо освещается торжествующей улыбкой. Встаю, заправляя кимоно за пояс. Теперь его очередь атаковать. Игорь идет на меня, не утруждая себя кружевами финтов. Надеется, что легко заломает мальчишку? Придется его разочаровать.

Отбиваю фронтальный удар ногой, захватив пятку ладонью. Сразу же дергаю её на себя, чуть смещаясь в сторону. Чтобы не упасть противник подается вперед. Передо мною оказывается спина Миркина. Правое предплечье захватывает его горло, левое находясь параллельно, давит ему на затылок. Подпрыгиваю и скрещиваю ноги на пояснице соперника. Мы заваливаемся назад. Хрипящий Игорь хлопает меня по руке. Разжимаю захват. Один-один.

Снова принимаем боевые стойки. Моя очередь нападать. Постоянно двигаюсь и обозначаю удары руками, заставляя противника все время держаться в напряжении. Ловлю его за рукав, дергаю к себе, входя в клинч. Пробую подсесть его левую ногу. Миркин моментально убирает её назад. Но это всего лишь имитация атаки. Мгновенно опускаюсь ниже, и подбиваю правую пятку задней частью голени. Классический зацеп изнутри. Мы валимся на ковер. Оказавшись сверху, смещаюсь в сторону. Его стопа попадает в жесткий замок из рук, ноги окольцовывают бедро. Откидываюсь назад, давя на ахиллово сухожилие. Лицо Игоря кривится от боли, рука энергично барабанит по коврику. Два-один в мою пользу.

Опять принимаем боевые стойки. Глаза Миркина горят предвкушением реванша. Раздается пронзительный свисток. Нехотя расходимся в стороны.

– Подойдите сюда, – командует наставник. Собираемся группой возле него. Семенович стоит возле чучела Пал Палыча.

– То, что я сейчас покажу вам, применять в крайнем случае. Только, если имеется опасность, что вас могут убить или покалечить, – продолжает Семенович.

– Между верхней губой и носом находится одна из самых уязвимых болевых точек человека, – сэнсей наглядно указывает её расположение кончиками пальцев, выбрав для демонстрации ухмыляющегося Мальцева.

– Слабое ударное воздействие приводит к болевому шоку, способному остановить даже самого отпетого хулигана. Сильное – может убить. Все зависит от угла попадания и мощности удара. Бьем по этой точке вторыми фалангами пальцев. Но так попасть в двигающегося или готового к драке человека нереально. Поэтому проводим связку из двух ударов. Один отвлекающий ногой вниз – в колено, второй рукой вверх – по носогубной складке. Показываю один раз. Запоминайте.

Раздаются глухие шлепки ударов. Растянутый на резинках Пал Палыч мелко трясется.

– Все понятно?

Парни и Вероника кивают.

– Отлично, работаем.

Тренер расставляет бойцов возле боксерских мешков, рисуя мелом точки. Мне опять достается Пал Палыч.

Минут двадцать мы усиленно молотим мишени. Игорь Семенович смотрит на наши действия, подходит, дает рекомендации и поправляет.

Опять трещит свисток.

– На сегодня все. Переодеваемся, – звучит голос тренера.

Вероника вприпрыжку убегает в гимнастический зал. Сколько же энергии в этой девице. Мы устало бредем в раздевалку.

Сбрасывая кимоно, прислушиваюсь к разговору ребят.

– Ну что, идем завтра на танцы в Ленинский? – уточняет Мальцев, закидывая полотенце на плечо.

– Конечно, – кивает Вова Потапенко. Сверкающие на его лбу капельки пота разлетаются по пространству раздевалки.

– Я буду обязательно, хочу поплясать от души, – подтверждает Волобуев.

– Я с вами мужики, – Миркин, как всегда немногословен.

В Ленинском парке находится большая открытая площадка для танцев. Там собирается много народу. В четверг, пятницу и субботу по вечерам – молодежь, в воскресенье – пожилые люди. Пока еще не сильно холодно

площадка работает. Закрывается она в середине октября.

Ощущаю острое желание пойти с ними. Очень хочется расслабиться, снять напряжение от последних событий.

– Ребят, а меня с собой возьмете? Не помешаю? – вопросительно смотрю на парней.

Они удивленно переглядываются между собой, наконец, Мальцев пожимает плечами.

– А почему бы и нет? Конечно, Леха присоединяйся.

* * *

16 сентября 1978-ого года суббота. 17.43

Пять часов вечера. Вместе с потоком усталых работяг, ворчливых старушек, весело шумящей молодежи выпрыгиваю из троллейбуса на остановке „Парк Ленина“. Вечерние фонари, расположенные вдоль тротуара, заливают улицу теплым золотистым сиянием, отражающимся веселыми бликами на каменной брусчатке. Теплый ветерок нежно касается лица, игриво шевеля воротник куртки. Я бодро шагаю к белоснежным колоннам. Они напоминают каменных исполинов, стерегущих вход в парк. Меня распирает от отличного настроения и ощущения счастья.

Сегодня в школе на одной из перемен пообщался с Залесским. Саша уже поговорил с комсоргом школы – Николаем Богдановым из 10-ого Б. Он наше предложение одобрил. В вестибюле меня поймала Ольга. Классная тоже успела пообщаться с директором. В понедельник после уроков он с завучем будет ждать нас и комсорга школы у себя в кабинете.

Пока все получается все, как я и планировал. Положительные эмоции захлестывают душу, а предстоящая возможность расслабиться и скинуть напряжение последних дней, наполняет меня радостным ожиданием.

Даже расположенный на противоположной улице большой плакат с надписью „КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи“ не вызывает пренебрежительной усмешки. В своей первой жизни я хохотал над анекдотами про партию, „дорогого Леонида Ильича“ и Ленина, и с удовольствием стебался над партийными лозунгами. Но годам к 30-ти многое переосмыслил. На смену Великим людям, отстоявшим страну в кровопролитной гражданской войне, победившим голод, создавшим индустриальную державу и разгромившим гитлеровские полчища, пришли серые функционеры, для которых форма оказалась важнее содержания. Почему так произошло?

Причин много. Настоящие коммунисты в сложные моменты истории всегда были на передовой. Опустевшие райкомы с надписями „все ушли на фронт“, комиссары, поднимавшие людей в атаку, и удерживавшие позиции до последнего человека. Такие люди жили ярко, работали не щадя своих сил и здоровья, сгорая как спички. Миллионы коммунистов погибли на фронтах, и умерли от ран. На смену им пришли безликие чиновники. Великих людей сменил громадный бюрократический аппарат, работающий строго по указаниям сверху, не способный развиваться, быстро реагировать, и отвечать на современные вызовы и запросы общества. Инициатива была наказуема, даже конструктивная критика существующего положения подавалась как „моральное разложение“, и могла привести к исключению из партии. Кремлевские старцы оказались не готовы дальнейшему развитию и движению.

Все это, вместе с желанием части элиты стать собственниками национальных богатств, привело к распаду СССР. Это сценарий реализовывался грамотными, умными, а главное умелыми режиссерами поэтапно. Главные заговорщики сегодня сидят в Кремле. Хватит ли у меня сил и возможностей эффективно противостоять им? Очень сомневаюсь. Но сидеть, сложа руки, зная будущее, просто не могу. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы дать своей Родине новый шанс.

Занятый своими мыслями, не замечаю, как подхожу к входу танцевальной площадки. Возле неё как всегда полно молодежи. Они оживленно общаются, сбившись в кучки. Студенты, рабочие с общежитий, молодые специалисты, недавно закончившие институты, есть даже школьники из старших классов. Большинство в непритязательных серых пальто, простеньких куртках темных расцветок, множество девушек в черных юбках и ужасно уродливых ботинках и сапогах „радость колхозницы“, доходящих до коленей. Но встречаются и модники. В кучках молодежи попадают девчонки в расклешенных облегающих брючках, парни в джинсах и даже парочка экземпляров, похожих на попугаев, сочетанием ярких цветов одежды. Встречаются и настоящие „денди“. Недалеко от меня в окружении приятелей, размахивает руками, что-то рассказывает паренек, в длинном кожаном плаще и блестящих лакированных ботинках. В другой компании стоит скужающая девица в импортной светло-синей куртке и голубых джинсах, обтягивающих соблазнительную попку. Но таких здесь единицы.

Впрочем молодежь сильно не заморачивается своей одеждой. Люди расслаблены, смеются, и оживленно беседуют. Многие ребята постарше, выйдя из танцплощадки, хлеблют из темных бутылок „жигулевское“,

доставая его из принесенных сумок. Замечаю в отдалении спины любителей более крепких горячительных напитков. Они отошли к деревьям, на добрый десяток метров от скопления людей, и увлеченно разливают водку по стаканам.

– Чего стал? – ощущаю хлопок по плечу, – мы уже полчаса здесь.

Оборачиваюсь. Потапенко смотрит на меня с приветливой улыбкой. Его лицо лоснится от пота. Но выглядит парень хорошо. Свежевыбрит, подстрижен, приятно пахнет одеколоном.

– Давно пришел? – уточняет Вова.

– Только что. А ты почему вышел?

– Чуть передохнуть хочу от танцев. Народу на площадке, как сельди в бочках, все локтями пихаются, на ноги наступают, – смущенно сообщает Потапенко.

– Передохнул?

Вова кивает.

– Тогда пошли к нашим, – предлагаю я.

Протискиваюсь вслед за Потапенко ко входу. Широкая спина товарища маячит впереди. Вова работает как таран, локтями и плечами прокладывая мне дорогу.

Гремит музыка. Звонкий голос Пугачевой поет о „Волшебнике недоучке“. Народ энергично дрыгает конечностями, подстраиваясь под ритм песни.

Вова пробивается к скамейке, окольцовывающей танцплощадку. Через минуту мы находит ребят. Миркин и Волобуев сидят и о чем-то болтают, рядом, вскинув вверх руки, пританцовывает Мальцев.

Первым меня замечает Серега.

– Привет малыш, – радостно орет он, перекикивая грохот музыки. Его лапа стискивает мою руку.

– Здорово Леха, – улыбающийся Миркин, хлопает кончиками пальцев по протянутой ладошке. Волобуев молча обменивается со мной рукопожатием.

Пугачеву сменяет Лещенко.

„Там где месяц сказку сторожит

Где в зеленых дебрях ветер ропщет

Роща соловьиная стоит белая березовая роща

И на тонких розовых ветвях

В зарослях черемухи душистой“

Низкий бархатный баритон певца заполняет танцплощадку.

– Пойдем, подвигаемся? – предлагает Сережа, нетерпеливо

переминаясь.

Волобуев стремительно вскакивает со скамейки, основательный Миркин, поднимается не торопясь. Потапенко уже пританцовывает от нетерпения.

– Я пока посижу, потом к вам присоединюсь, – машу рукой парням, опускаясь на деревянную скамью.

– Как знаешь, – протягивает Мальцев, и парни вклиниваются в толпу танцующих.

Беззастенчиво разглядываю девчонок на площадке. Юные лица, беззаботный смех – каждая черточка в них дышит очарованием молодости. Засматриваюсь на шатенку лет восемнадцати. Девушка оживленно щебечет с подружками, заразительно смеется, сверкая белоснежной улыбкой и поправляя ручкой спадающую на глаза каштановую челку. Хорошенькие ямочки на щеках, чуть вздернутый носик, пухлые алые губки, стройные ножки, обтянутые колготками приковывают мое внимание.

Лещенко замолкает. Слышу первые аккорды музыки и решительным шагом направляюсь к шатенке. При моем приближении девичья стайка замолкает, с любопытством разглядывая меня.

– Разрешите пригласить вас на танец, – обращаюсь к шатенке.

– Иди пацан, уроки учи, нечего к старшим приставать, – в разговор неожиданно вмешивается сидящий чуть в отдалении плечистый чернявый парень. Перевожу на него холодный взгляд.

– Я не к тебе обращаюсь, – сухо отвечаю наглецу.

– Ты что, малец плохо меня понял? – чернявый вскакивает со скамьи. Его пальцы сильно сжимают мое плечо. Ненавижу, когда когда меня трогают быдловатые типы. Красная пелена застилает глаза. Хочется поломать ему руку, как минимум в двух местах. Чудовищным усилием воли сдерживаю себя. Все-таки я сюда отдыхать пришел, а не выяснять отношения с местной шпаной. Движением локтя резко сбиваю со своего плеча наглую пятерню.

– Слушай ты, жертва пьяного акушера, еще раз меня тронешь, поломаю руку, – хладнокровно обещаю оторопевшему парню.

– Пацан, ты охренел? – чернявый в шоке.

– Витя, чего пристал к парню? – вмешивается в разговор шатенка, – Давай я сама буду решать, с кем и когда я буду танцевать?

– погоди Свет, – парень отмахивается от неё, и пытается „задавить“ меня злым взглядом – сученок малолетний ты совсем страх потерял?

– Следи за языком сывка, когда с нормальными людьми разговариваешь, – тихо советую чернявому, – можешь нарваться.

– Не ну это вообще ни в какие ворота, – парень просто задыхается от возмущения, – ты что себе позволяешь щенок?! Я тебя сейчас просто выкину отсюда.

Он угрожающе нависает надо мной, резко хватая меня за запястье. Круговым движением кисти разрываю захват.

– Какие-то проблемы? – басит голос сзади. Оборачиваюсь. За моей спиной маячит медвежий силуэт Мальцева. Рядом с ним спокойно стоят Волобуев, Миркин и Потапенко. Оценив внушительные фигуры ребят, чернявый отступает назад, в его глазах мелькает страх. Товарищ задиры, несколько секунд назад с грозным видом поднимавшийся со скамейки чтобы помочь наказать дерзкого малолетку, медленно опускается обратно.

– Никаких проблем, – нагло смотрю на перетрусившего оппонента, – я не обижаюсь на убогих.

Парень на секунду надувается, открывает рот для ответа, но встретившись с насмешливым взглядом Сереги, передумывает.

– Ребята, пожалуйста, не надо, – встревает в разговор Света, – он больше не будет. Правда, Витя?

Чернявый угрюмо молчит. Напряжение витает в воздухе.

– Идем танцевать, – девушка хватая меня за руку, – ты же меня приглашал?

Мальцев по-дружески подмигивает мне. Парни, улыбаясь, расходятся. Чернявый со своим товарищем остаются сидеть, опутив глаза в пол.

Медленно льется мелодия. Парочки танцуют в обнимку под „Поющих Гитар“.

„Для меня нет тебя прекрасней,
Но ловлю я твой взор напрасно.
Как виденье, неуловима,
Каждый день ты проходишь мимо.
Как виденье, неуловима,
Каждый день ты проходишь мимо“.

Моя рука обосновывается на девичьей талии. Маленькие пальчики доверчиво лежат в моей ладони. Мы медленно покачиваемся под шлягер молодого Юрия Антонова.

– Как тебя зовут? – спрашивает шатенка, обдавая горячим дыханием.

– Алексей, – я немного наклоняюсь к аккуратному розовому ушку. Ощущаю слабый запах туалетной воды с нотками сирени и жасмина.

– Можно Леша, – добавляю через секунду

– А я Света, – жарко шепчет девушка и замолкает.

– Я уже понял, – улыбаюсь шатенке.

– А чего это твой парень такой взбудораженный? Тебе, что уже и потанцевать ни с кем нельзя?

– Да какой он мой? – возмущается Света, – Однокурсник, просто. Учимся с ним в одном техникуме. Витя парень неплохой, пару раз приглашал меня в кафе и кино, но я отказалась. Не мой типаж.

– Грызешь гранит науки? – подкалываю девушку.

– Да, а ты? – с вызовом смотрит на меня шатенка.

– Куда же я денусь, – грустно вздыхаю, – В каком техникуме учишься?

В глазах девушки мелькают лукавые искорки.

– В кулинарном, – чуть помедлив, отвечает она.

– О, так ты мудрая женщина, – мои губы расплываются в широкой улыбке, – знаешь, что путь к сердцу любого мужчины лежит через желудок.

– Я просто готовить очень люблю, – простодушно признается моя партнерша.

– А я обожаю вкусно кушать. Угостишь своими кулинарными шедеврами?

– Ишь какой, угощать его еще. Губу закатай обратно гурман, – фыркает девчонка, – мне значит покупать продукты, стоять у плиты часами, чтобы ты брюхо себе набил?

– Я же не такой бессовестный, – протестую я, – все продукты куплю самостоятельно. И не только. Готовить помогу. А твой скорбный труд будет оценен хорошим подарком.

Песня заканчивается, и я отвожу девушку обратно к скамье. Чернявого и его друга уже нет.

– Богатенький Буратино? – недоверчиво интересуется Света, – Ты вообще-то маловат для меня.

– Что значит маловат? – театрально выпячиваю грудь, – я выше тебя на полголовы.

– Не в этом смысле, – отмахивается девушка, – сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Вот видишь, а мне восемнадцать, – назидательно говорит Света.

– Совсем старушка, – скорбно качаю головой, – ну ничего, ты прекрасно сохранилась.

– Дурак, – шатенка шутливо бьет меня ладошкой по предплечью.

Через минуту она все-таки сдается, и говорит мне адрес своего общежития и номер комнаты, в которой проживает. Вежливо раскланиваюсь со Светой, и обещаю забежать к ней на днях с продуктами.

Возвращаюсь к ребятам. Они уже сидят на противоположной скамье.

– Ну что закадрил девку? – усмехается Мальцев.

– А то, – с вызовом говорю я, – крепость казалась неприступной, но после короткого штурма пала сраженная моим неотразимым обаянием.

Парни ржут. Потапенко показывает мне большой палец.

Подсаживаюсь к ним. Ребята болтают о своем, а я рассматриваю людей на танцплощадке. Мой взгляд цепляется за знакомые лица. Надвинутые на глаза кепочки, руки в карманах, походка в развалочку. Ба, какие люди и без охраны. Но главное, среди знакомых лиц шпаны я вижу стукача старшего лейтенанта Омельченко. Замечательно. Вот с ним мне и нужно побеседовать.

Звуки следующей песни заставляют меня замереть на скамейке.

„Заповедный напев, заповедная даль

Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий

Мне понятна твоя вековая печаль

Беловежская пуца, Беловежская пуца“

Пронзительный голос Валерия Дейнеко пробирает до глубины души. Он завораживает, будоражит сердце и наполняет светлой печалью. Для меня знающего, какую роль сыграла Беловежская пуца в распаде СССР, эта песня звучит трагическим реквиемом по великой стране.

„У высоких берез свое сердце согрев

Унесу я с собой, в утешенье живущим

Твой заветный напев, чудотворный напев

Беловежская пуца, Беловежская пуца“.

Вспоминаю убитую в Белом Доме девушку, её широко раскрытые застывшие глаза и русые локоны, слипшиеся от крови. Глаза против воли наполняются слезами. В горле застывает громадный ком, мешающий дышать. Сердце учащенно стучит, стараясь вырваться из груди, сдавливаемой каменным обручем. Крепко стискиваю зубы. Секундная слабость проходит.

– Лех, ты чего? – ощущаю толчок локтем в бок. На меня обеспокоенно смотрит Мальцев, заметивший мое состояние.

– Все нормально, – мой голос похож на воронье карканье.

– Точно? – Серега недоверчиво хмыкает.

– Да.

– Ну смотри, если что, всегда поможем, – басит здоровяк – ты в нашей команде.

Ребята согласно кивают.

– Спасибо парни, – от такой искренней поддержки мне становится легче. Громадная тяжесть, бетонным блоком придавившая трепыхающееся сердце, исчезает.

Танцы продолжаются. Песни идут одна за другой. Молодежь пляшет и танцует обнявшись под Лещенко, Кобзона и Анну Герман. Наблюдаю за саявками. Они дрыгаются, пристают к девчонкам, задирают парней. Типичные персонажи для передачи „В мире животных“.

Замечаю, что стукачок, отделившись от кучки шпаны, передвигается к выходу, обходя танцующих.

– Ребят я сейчас приду, – предупреждаю Потапенко и Миркина. Волобуев и Мальцев уже танцуют в круге, и оживленно болтают со смеющимися девчонками.

Выбираюсь из толпы на входе. Осматриваюсь. Стайки молодежи дымят сигаретами, пьют пиво и весело общаются. Стукача нигде не видно. Черт! Похоже, я упустил урода. Обхожу компании, внимательно рассматриваю лица и прилегающую территорию. В отдалении, среди деревьев парка, замечаю знакомую фигуру.

Стараясь не шуметь, подхожу к гопнику. Он мочится, став у дерева. Дожидаюсь, пока урод закончит. Когда саявка начинает застегивать ширинку, отпускаю ему смачный пинок по заднице. Отморозок падает прямо на помеченное им же дерево.

– Мля сука, на лоскуты порву, – гопник вскакивает и разворачивается ко мне. Злобное выражение на его лице сменяется оторопью.

– Привет Комок, – я недобро ухмыляюсь, – кого ты обещал порвать, стукачок ментовский?

Саявка вздрагивает, в его глазах появляется страх.

– Какой стукачок? Ты о чем? – неуверенно бормочет он.

– Да все о том же, – смотрю бешеным взглядом прямо в зрачки Комка, – ты зачем сука такая, брякнул Омельченко, что я Быка и Трофима поломал?

– Я ничего не говорил, – отморозок отводит глаза.

– Ты будешь мне тут ваньку валять? – усиливаю напор, – может тебя гниду твоим же друзьям и заложить? На прошлой неделе ты встречался со старшим лейтенантом Омельченко на Сталинградской, недалеко от гастронома. Там ты вдул в уши оперу то, что тебе по секрету сказал Трофим.

Комок изумленно отшатывается от меня. Чтобы не потерять равновесие он хватается рукой за ветку дерева.

– Откуда... – кадык гопника судорожно дергается, в зрачках плескается животный страх, – откуда, ты знаешь?

– Это неважно, – я спокоен и собран, – главное, что я могу это доказать. У Омельченко имеется твое согласие „на добровольное

сотрудничество“ в письменном виде. Ты это помнишь?

Комок молчит. На его лице отражается смесь животного ужаса и ненависти. Только глаза сявки лихорадочно бегают по сторонам.

– В делах оперативного учета твои доносы тоже фиксируются и ты там как источник информации фигурируешь, по которому проводят мероприятия ОРД – морально добиваю урода, – например, твоим друзьям будет интересно узнать, кто слил Пулю и Клима. Они сейчас нехилый срок за разбой мотают. Ты представляешь, что с тобой сделают, если это все раскроется?

– Представляю, – выдавливает Комок, – чего ты хочешь?

– Вот это уже другой разговор, – усмехаюсь, – продуктивный. Теперь будешь работать на меня. Прежде всего, я хочу вовремя узнать, если Бык, Трофим и их кореша пожелают мне отомстить. Далее, аккуратно, вливай Омельченко в уши, что, скорее всего Трофим набрехал. Трепанул хрень всякую, чтобы ты отвязался. Но повторяю, делать это все будешь красиво, и под моим полным контролем. Может придется товарищу старшему лейтенанту пару сюрпризов организовать, чтобы его служебное рвение пригасить немного.

– Но... – Комок замолкает, собираясь с духом.

– Понимаю, – сочувственно смотрю на морального урода, – боишься, что опер тебе не простит? Не переживай, все сделаем ювелирно.

Хорошо, – сявка едва шевелит пересохшими губами.

– Ну вот и отлично, – дружелюбно смотрю на своего „подопечного“, – телефон домашний есть?

Комок обреченно кивает.

– Говори.

Запоминаю продиктованные цифры, и обговариваю способы связи

– Да и чтобы у тебя не было дурных мыслей, – наставительно поднимаю палец, – я, как ты, наверно, уже догадался, не один. Если со мной что-то случится, то на следующий день, все будут знать о твоей работе на мусоров. Понял?

– Да, – выдыхает шакаленок.

– Все, можешь идти. Больше вопросов у меня к тебе нет.

Комок вздыхает с облегчением, и срывается „с низкого старта“, торопясь убежать подальше от этого места.

Возвращаюсь на танцплощадку. Миркин покачивается в объятьях рыженькой малышки с живым личиком, Мальцев балдеет, прижимая к себе пышку с толстой русой косой и внушительным бюстом. Вова Потапенко уже сидит рядом со стройной брюнеткой и что-то увлеченно рассказывает

ей, махая руками.

На нашем месте лениво развалился, раскинув руки в стороны, Волобуев.

Толкаю его в бок. Он нехотя поворачивается ко мне.

– Лех, чего сидишь? Вон, ребята себе уже пары нашли, а ты отдыхаешь. Никто не нравится?

– А ко мне завтра невеста приезжает. Нужно силы и энергию сохранить, – улыбается тетка, – потанцевать, составить вам компанию я с удовольствием. А большего мне сегодня не надо.

– Понятно, блюдешь верность будущей жене, – я язвительно усмехаюсь.

– Ага, – Леша не обращает внимание на сарказм, продолжая рассматривать танцующих приятелей.

Неожиданно ощущаю на себе чей-то взгляд. Поворачиваюсь. С противоположной скамьи на меня пялится девушка-колобок. Белый от пудры овал лица, в сочетании с хомячьими щеками, склеенными черной густой тушью ресницами и кроваво-красными намазанными губами выглядит страшновато. Юбка выше колен, обнажает похожие на куриные окорочка, толстые короткие ноги в колготках, небольшая обтягивающая курточка, еле сдерживает рвущиеся наружу телеса.

С трудом узнаю в этом кошмарном чудище Дашу Одинцову. Рядом с ней, стоит Аня в привычном сером пальто. У неё в отличие от подруги все нормально. Никакой косметики. Николаенко, увидев мой взгляд, сразу же гордо отворачивается.

Даша улыбается мне. Мля, лучше бы она этого не делала. Если повторит, перепрыгну через скамейку и растворюсь в темноте с дикими криками. Думаю как в одном известном фильме, минуты за три добегу до канадской границы.

Беру себя в руки, и машу Одинцовой рукой. Все-таки девушка не виновата, что у неё полностью отсутствует вкус. Дашка радостно трясет ладошкой в ответ. Аня, задрав носик, смотрит в сторону.

Звучат первые аккорды новой песни. Решительно встаю, и шагаю к одноклассникам.

– Ань, можно тебя пригласить? – протягиваю руку Николаенко. Улыбка на Дашином лице гаснет. Теперь отворачивается она, надув губки. Напудренная, намазанная и обиженная Одинцова выглядит так забавно, что я с трудом сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.

Аня вкладывает свою ладошку в мою пятерню и встает. Теплый почувствованный голос Лосева обволакивает нас незримой пеленой,

закрывая от других танцующих.

„Песни у людей разные,
А моя одна на века.
Звездочка моя ясная,
Как ты от меня далека.
Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоём вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то, что жить на земле“.

В зеленых глазищах Ани светятся отблески вечерних фонарей. Аккуратно держу её ладошку, чувствуя подушечками пальцев мягкий бархат девичьей кожи. Моя рука нежно обнимает осиную талию одноклассницы. Я ощущаю упругое молодое тело, идущий от него еле уловимый запах весенней свежести и парного молока. Песня продолжает навевать легкую грусть, создавая романтическое настроение.

„Облако тебя трогает,
Хочет от меня закрыть.
Чистая моя, строгая,
Как же я хочу рядом быть.
Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоём вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то, что жить на земле“.

– Ань, тебе никто не говорил, что ты прекрасна, как утренняя роса на лепестках распутившейся розы? – шепчу я своей партнерше.

Девушка опускает взгляд вниз. Её маленькие ушки горят огнем. Первую секунду вижу на лице Николаенко растерянность. Одноклассница пытается нахмуриться, но получается не очень.

Мне забавно за этим наблюдать. Не могу удержаться и прыскаю, выпуская на волю давно рвущуюся смешинку.

Аня с негодованием смотрит на меня, открывает рот, желая сказать что-то злобное, но уголки губ против воли хозяйки, начинают расползаться в улыбке, демонстрируя жемчужинки ровных белоснежных зубок.

Девушка прыскает в ответ. В глазах Николаенко пляшут веселые чертики.

– Какой галантный кавалер, – с еле уловимой иронией замечает зеленоглазка, – учишься разбивать женские сердца?

– Что ты, – протестую я, – это просто крик моей исстрадавшейся души, очарованной твоей неземной красотой.

Все-таки женщины очень чуткие существа. Нотки сарказма в моем ответе Николаенко улавливает моментально.

– Издеваешься? – изумрудная зелень Аниных глаз темнеет от негодования.

– Ни в коем случае, – я абсолютно искренен, – просто наслаждаюсь танцем с симпатичной девушкой. А на подколки отвечаю в таком же духе.

Девчонка, прищурившись, смотрит на меня. Спокойно выдерживаю испытывающий взгляд одноклассницы.

– Все-таки я была права, – серьезное лицо девушки усиливает эффект произнесенных слов – ты стал абсолютно другим, не похожим на прежнего Шелестова.

– Просто повзрослел за лето, – мои глаза светятся неподдельной честностью, – смирись с этим. Мы все растем, становимся старше и умнеем.

– Ты не просто вырос, – задумчиво замечает зеленоглазка, – у меня возникает ощущение, что я танцую не с ровесником, а с взрослым мужчиной.

– Ладно, открою тебе страшную тайну, – дурачась, наклоняюсь к маленькому ушку, – я шпион из Альфа Центавры. Мы прилетели на летающей тарелке и похитили настоящего Шелестова. Сейчас над ним проводят опыты, пока я внедряюсь в общество землян.

– Умнее ничего не мог придумать? – девушка насмешливо смотрит на меня.

– А чем этот вариант не устраивает? – пожимаю плечами – Тебя же смущают произошедшие во мне изменения, а в мое взросление ты не веришь.

Музыка заканчивается, я отвожу девчонку обратно. Дашка сидит в отдалении, надув губы, и смотря в сторону.

– Спасибо за танец Ань, – благодарю одноклассницу, и разворачиваюсь, собираясь идти обратно к парням.

– Леша, – окликает меня Николаенко.

Поворачиваюсь к ней с вопросительным выражением лица.

– Присядь, пожалуйста, хочу у тебя кое-что спросить, – девушка серьезно смотрит на меня.

Устраиваюсь на скамейке рядом с ней.

– Леш, помнишь, ты подходил ко мне и говорил, что Быков меня доставать больше не будет? – Анины зеленые глазищи пронизывают меня насквозь.

– Помню, – лаконично отвечаю, и с интересом жду продолжения.

– Я потом узнала, что он и Трофимов попали в больницу. Их кто-то хорошо избил. Твоя работа? – одноклассница продолжает буравить меня взглядом.

Рассказывать ей правду я не собираюсь. По крайней мере, на данном этапе.

– Да с чего ты взяла? – я демонстрирую бурное возмущение, – Как бы я с ними справился?

– Шелестов, скажи мне правду, – голос девушки холодеет на несколько градусов.

Молча гляжу на неё. Одноклассница замерла в ожидании. Почему-то мне не хочется ей врать.

– Давай прекратим этот разговор, – отворачиваюсь, и разглядываю танцующие парочки, – мне нечего добавить.

– Понятно, – в голосе Ани слышатся презрительные нотки, – значит, ты такой же, как и они. Все вопросы думаешь кулаками решать?

Этой хрупкой девочке удастся меня сильно задеть. Резко поворачиваюсь к ней.

– Почему? – требовательно смотрю на Николаенко.

– Что почему? – девушка не понимает моего вопроса.

– Почему ты ставишь меня в один ряд с этими ублюдками? – спокойно осведомляюсь я.

Аня хочет что-то ответить. Останавливаю её движением руки.

– Я отнимал деньги у детей? Избивал всех, кто мне не понравится? Хамил старшим, распивал спиртное, крыл матом, болел блатной романтикой? – усиливаю напор, – Грабил и воровал? Постоянно попадал в детскую комнату милиции? Вел себя как эти одноклеточные?

Девушка молчит.

– Какими поступками я заслужил сравнение с этой мразью? – мрачно смотрю на зеленоглазку, – Ты меня сейчас очень сильно оскорбила.

Тишина. Одноклассница, не выдержав моего обвиняющего взгляда, смущенно отводит глаза в сторону.

– Зря ты так, – каждое слово впечатывается в вечернюю мглу, возводя невидимую преграду между нами, – ну, что же, теперь я буду знать, как ты ко мне относишься. Всего тебе доброго Ань. Я, пожалуй, пойду.

Весь мой вид буквально вопиет о незаслуженной обиде. Музыка на некоторое время стихает. Медленно поворачиваюсь и, опустив голову, бреду к парням. Интересно, когда она меня окликнет?

– Леша, подожди.

Приходится вернуться. В зеленых глазах сверкает прозрачная влага.

Руки девушки нервно теребят полы пальто. Чувствую укол совести. Взрослый мужик виртуозно играет на чувствах школьницы. И пофиг, что я нахожусь в теле её ровесника. Все равно возникает ощущение, что обманываю чистого и неискушенного во взрослых играх женщин и мужчин ребенка.

– Извини меня, пожалуйста, – тихо произносит она, – я была не права.

– Все нормально, – я осторожно присаживаюсь на краешек скамьи возле Ани, – но, пожалуйста, больше не разбрасывайся такими словами.

– Не буду, – девчонка виновато опускает голову.

– Вот и хорошо, – успокаивающе произношу я, – проехали. Хочешь анекдот?

– Давай.

– Мам, почему на первое сентября все девочки нарядные, – копирую детский писклявый голосок, – в белых передничках, с большими красивыми бантами, косичками, яркими лентами, а я как дура в строгом костюме и волосами, собранными в пучок? Тamarочка, но ты же директор школы!

Негромкий переливчатый смех Ани разрезает тишину мелодичным звоном маленьких колокольчиков.

* * *

18 сентября 1978-ого года. 14.55. Понедельник.

– Ну хорошо, – Нелли Робертовна испытующе смотрит на меня, – будем считать, что вы меня убедили. Попробуйте. Вреда от этого точно не будет, а польза огромная. Школьники должны знать, какой ценой нам досталась победа, а лучше ветеранов об этом никто не расскажет. Тем более что Шелестов и Залесский предлагают очень оригинально все оформить. Уверена, детям будет интересно. Думаю, такую инициативу можно и даже нужно поддержать.

– Нина Алексеевна, – директор разворачивается к своему заместителю, – давайте все устроим в актовом зале. Скажем, в следующий четверг. Вместо пятого урока. Пригласим девятые и десятые классы. Ребята взрослые, сознательные. Думаю, им будет интересно.

– Хорошо, – завуч как всегда невозмутима, – все организуем.

– А вы Ольга Александровна, как следует, проработайте план мероприятия с Шелестовым, Залесским и Богдановым, – обращается директор к классной, – потом обязательно ознакомьте меня с тем, что у вас

получилось.

– Конечно, – классная отвечает с еле заметной запинкой, чувствуется, что она немного волнуется, – посидим, все обдумаем, а через недельку к понедельнику все подготовим. Правда, ребята?

„Ребята“ подтверждают свое согласие утвердительными восклицаниями.

– Спасибо Нелли Робертовна, – радостно влезает Залесский, – мы вас не подведем.

Комсорг школы солидно кивает, поддерживая мнение своего „младшего“ коллеги.

Мысленно перевожу дух. Я минут сорок распинался перед директором и завучем, стараясь как можно привлекательнее преподнести им свою задумку. Пытался быть очень убедительным и заразить их своими идеями. Похоже, мне это удалось.

Подробно ответил на все каверзные вопросы, рассказал, почему это нужное и необходимое для школы мероприятие, упирая на необходимость патриотического воспитания молодежи и сохранения памяти о Великой Отечественной Войне. Такие инициативы сегодня поощряются. Так что мои слова упали на благодатную почву. Поддержка комсоргов, желающих „засветиться“ в такой акции, и получить одобрение „старших товарищей“ тоже сыграла свою роль.

– Хорошо, – директор по-прежнему смотрит на меня, – Ольга Александровна жду от вас окончательный план мероприятия к утру следующего вторника. Вопросов больше нет? Все свободны.

Вежливо пропускаем вперед завуча и классного руководителя, выходим за ними с коридор.

– Давай Шелестов подумай еще сегодня хорошо над этим, завтра увидимся, переговорим, перед встречей с Ольгой Александровной, поделишься своими мыслями, и мы, глядишь, тоже кое-что подскажем, – в голосе Богданова звучат командирские нотки.

– Договорились, – я прощаюсь с комсоргами и иду в раздевалку. Народ уже разбежался по домам, только в вестибюле мелькают несколько скачущих фигурок малышни оставшейся на продленку.

Через минуту уже выхожу на улицу. Массивная дверь с глухим стуком захлопывается за моей спиной. Осенний ветерок игриво бьет в лицо, тербит воротник куртки, дергает за брюки, заставляя их колыхаться. Сухие желтоватые листья подлетают вверх, а через мгновение, кружась в мутном сером воздухе, оседают на землю. Хмурые темные тучи нагло захватили небосвод, грозясь обрушить на грешную землю тяжелый град капель.

Перспектива попасть под ливень совсем не радует, поэтому я ускоряю шаг, и, выйдя за школьные ворота, энергично шагаю по тротуару.

Вчера мы еще немного посидели и поговорили с Аней на танцплощадке. Она, надо сказать, произвела на меня впечатление. Живой ум в сочетании с редкой природной привлекательностью, искренностью и каплей вредности, смешанной со здоровым сарказмом – невероятный „зажигающий“ коктейль. Причем в девчонке пока не видно даже зачатков стервозности, характерной для таких красавиц.

Нравится мне зеленоглазка безумно, но ни на минуту не забываю, что ей еще только шестнадцать лет. Мы немного посидели на скамейке, затем я попрощался с Волобуевым, парней увлеченно общающихся с девушками, беспокоить не стал, попросил только Леху передать, что я пошел провожать одноклассниц, и на танцплощадку сегодня уже не вернусь.

Аня и Даша жили в соседних домах, недалеко от меня, поэтому особых неудобств не возникло. Мы шли обратно, по залитой светом вечерних фонарей мостовой. Изящные, тонкие пальцы девушки крепко сжимали мою ладонь. Рядом семенила на своих коротких ножках надутая Одинцова. Её нахмуренный вид немного портил мне настроение. При Даше мы особо не разговаривали, перекидываясь короткими фразами.

Проводил девушек, нагло чмокнул Николаенко в щечку на глазах оцепеневшей толстушки. Попрощался с покрасневшей от смущения Аней, кинул короткое „пока“ Одинцовой, и направился домой.

Дома меня порадовал отец. Он сообщил мне, что уже поговорил с секретарем райкома и своим начальством. Они поддержат создание военно-патриотического клуба. Поскольку уже было поздно, папа пообещал рассказать все подробности на следующий день после работы.

Лежа в кровати, и корректируя свои дальнейшие планы, я отметил еще одну важную для себя вещь. Мой дар развивается. „Озарения“ происходят чаще, события прошлого и будущего видятся гораздо четче. Иногда достаточно просто взглянуть на человека и уже видно всю его подноготную.

Вчера, отдыхая после танцев, заметил еще один нюанс. Иногда, когда моделирую ситуации или думаю, как мне действовать, нужные знания всплывают из глубин мозга, подсказывая необходимое решение. В последние дни мне снятся яркие сны о том, что будет происходить, если распад СССР не удастся остановить. В голове перемежающимися кадрами мелькают мертвенные морщинистые лица умерших от голода пенсионеров, окровавленные ошметки тел восемнадцатилетних солдат-мальчишек в центре Грозного, траурные таблички с детьми Беслана.

Иногда во снах, я вижу черную тень будущих бедствий и страданий нависшую над советскими людьми. В голове горят ярким огнем цифры, факты и трагические события, которые готовит нам будущее. Просыпаясь, я помню свои сновидения до мельчайших подробностей.

Благодаря снам и развивающимся новым возможностям, сегодня мне уже известно о реальных настроениях общества, заговоре, зреющем в верхушке КПСС, теневой экономике и многом другом.

До сих пор не понимаю, чем или кому я обязан этим даром, и как эти громадный массив информации сохраняется в памяти. Где-то в глубине подсознания шевелится опасливая мысль, что когда-то мозг не выдержит такие нагрузки, и я просто сойду с ума. Но пока никаких проблем не замечаю. Наоборот, вместе с перемещением в школьника, ко мне вернулась невероятная яркость ощущений, юношеская энергия, бьющая через край, эластичность связок и все возможности молодого растущего тела. Я могу высоко прыгать, далеко бегать, быстро восстанавливаюсь от нагрузок, не ощущаю проблем с суставами и ноющих на погоду старых боевых ран.

ПРОДОЛЖЕНИЕ от 02.12.2017

В раздумьях путь от школы до дома пролетает незаметно. Быстро обедаю, разогретыми макаронами с сосиской, около часа времени корплю над уроками. Как же мне надоела эта школа. В первые дни после „перемещения“, была волна эйфории от внезапно возвращенной молодости, и радость от встречи с молодыми родителями, одноклассниками и любимыми учителями. К сожалению, к хорошему быстро привыкаешь. Сейчас учеба в школе и общение с подростками уже немного раздражают. Просто вырос я давно из коротких штанишек. Снова попал в молодое дело, а разум и сознание остались прежними, как у тридцатилетнего мужика.

Неожиданно приходит мысль, что нужно посетить Шаховского. Все-таки я пришел к нему, уговорил выступить и пропал на несколько дней. А он, наверно, ждет, когда я проясню ситуацию.

Через десяток минут снова стою перед знакомой дверью, оббитой черным дерматином. Мой палец привычно давит на кнопку круглого звонка. Мелодичная трель оповещает хозяина о гостях. Через минуту дверь открывается. Шаховский в домашней серой рубашке и темно-синих тренировочных штанах близоруко сощуриваясь, смотрит на меня. Вопросительное выражение в его глазах сменяется теплой улыбкой узнавания.

– Алексей? Здравствуйте, здравствуйте. А я все думал, куда вы пропали? – каждая черточка лица ветерана светится лукавой добротой, –

Может уже передумали приглашать старика?

– Здравствуйте Леонид Романович, – бодро откликаюсь на приветствие, – Ну какой же вы старик? Зрелый мужчина в самом расцвете сил.

– Алеша не подхалимничайте, – Шахновский шутливо грозит мне пальцем, – Я все знаю про свой возраст. Проходите, раздевайтесь, чай будете?

– Спасибо, обязательно буду, – мне немного стыдно, второй раз прихожу к старику и с пустыми руками.

Мы снова сидим на уютной маленькой кухне Леонида Романовича. Опять кипятится вода в чайнике. Радужный хозяин поставил на стол блюдо с горкой пористого желтого печенья. На другой тарелочке россыпью примостились знаменитые конфеты „Мишка на Севере“ в синих бумажных фантиках. Опять чувствую себя неловко, и мысленно обещаю в следующий визит, купить торт или другую сладость к чаю.

После ответов на пару вопросов об учебе в школе и оценках, решительно перехожу к делу.

– Леонид Романович, помните, я вас просил выступить перед классом и рассказать о войне?

Шахновский кивает, внимательно смотря на меня.

– У меня уже почти все готово. Я привлек комсorghов класса и школы, и мы вместе поговорили с классным руководителем и директором. Они поддержали наше предложение. Более того, нам предоставят актовый зал и в нем будет сидеть не только мой класс, но и ребята из 10-ого Б, и девятиклассники. Но я хочу сделать все не так как обычно. Моя задача, зажечь их души и сердца, заставить мысленно перенестись в это героическое время, и ощутить с каким страшным врагом пришлось столкнуться Советской армии.

– И как вы планируете это сделать? – в глазах Шаховского горит огонек интереса.

Рассказываю ему свой замысел подробно. Ветеран задумчиво трет ладонью лоб.

– Очень необычно и оригинально, – помолчав, замечает Леонид Романович, – но знаете Алексей, это может сработать. Вы в очередной раз меня поражаете. Интересно, как вы до этого додумались?

– Не знаю, –жимаю плечами, – как-то само получилось. Много читал, размышлял и вот решил сделать так.

– Хорошо, – ветеран встает, поворачивается ко мне спиной, снимает чайник с огня, разливает исходящую паром жидкость по чашкам, – только

заранее предупредите, когда я вам понадобится.

– Мероприятие назначено на четверг. Я к вам зайду в среду, примерно часа в три-четыре, и мы обсудим все детали.

– Хорошо, я буду вас ждать, – согласно кивает Леонид Романович.

Не торопясь, смакую ароматный чай. Шаховский придвигает ко мне тарелочки с печеньем и конфетами.

– Берите сладкое Алексей, не стесняйтесь, – ветеран с легкой улыбкой смотрит на меня.

– Спасибо, – я хватаю кончиками пальцев хвостик конфеты, и разворачиваю шелестящую обертку. Через секунду маленькая вафелька в шоколадной глазури аппетитно хрустит у меня в зубах. Давно забытый вкус детства вызывает гастрономический экстаз. Я на секунду даже прикрываю глаза, чувствуя, как шоколадная глазурь медленно тает во рту.

– Как там дед поживает? – неожиданно интересуется Леонид Романович.

– Нормально. Крепит оборонную мощь страны, – отшучиваюсь я, – Хочу к нему в Москву на каникулы съездить. С родителями говорил, они не против.

– Привет от меня передавайте. Не забудете?

– Обязательно, – киваю я, – можете не беспокоиться.

От Шаховского я возвращаюсь в приподнятом настроении. Не знаю почему, но Леонид Романович всегда на меня положительно действует. Война, прошедшая по его жизни кровавой косой, не убила в Шаховском человечности. Чувствуется в нем какая-то мягкость и искренняя доброта, сочетающаяся со стальным внутренним стержнем.

Смотрю на белеющий циферблат часов в моей комнате. Надо идти на тренировку.

В зал к Семеновичу я прихожу первым. Тренировка у самбистов в полном разгаре. Крики, броски, хлопки тяжелых тел на ковер, резкий запах пота бьет в нос.

Зорин кивает мне, не прекращая занятие. Он ходит между парами борцов, раздает советы, поправляет захваты, показывает все нюансы приемов.

В раздевалке никого. Неторопливо переодеваюсь в кимоно, и выхожу в зал. Слышится командный голос Семеновича. Мужики уже ломают друг друга в стойке, хватая за отвороты и рукава борцовок.

– Петровский, ты опять как сонная муха ползаешь. Чего такой вялый, жена ночью спать не давала? Рыков, ну кто же так бросает? Дави на него, пусть сопротивляется, а потом подсаживайся и рви его на себя, – раздает

указания сэнсей.

Зорин на секунду отрывается от возящихся друг с другом пар борцов и переводит взгляд на меня.

– Разминайся, – коротко командует он.

Начинаю делать круговые махи руками, растягиваться и прыгать. Пока разогреваю связки и суставы, тренировка заканчивается, Семенович отпускает самбистов переодеваться.

– Шелестов иди сюда, – наставник машет мне рукой.

– Здравствуйте Игорь Семенович, – жизнерадостно приветствую тренера.

– Наматывай бинты и надевай перчатки. Пока остальные не пришли, поработаем на лапах, – командует Зорин.

– Хорошо. Но я хотел с вами поговорить о военно-патриотическом клубе. Есть новости...

– Вот после тренировки и поговорим, – категоричным тоном прерывает меня Зорин.

Вздыхаю, и иду к лежащим на скамейке бинтам и перчаткам. Через пару минут, уже в полной боевой готовности подхожу к тренеру. Семенович ждет меня на ковре, разминая руки в лапах.

– Бьешь правый прямой в корпус, затем левый боковой в голову, делаешь шаг в сторону задней ногой, меняя угол атаки, и опять хук левой-правой. Все понял?

Киваю.

– Отлично. Сначала пару раз медленно, – командует наставник, вскидывая лапы. На поскоке выкидываю руку в черной перчатке, похожей на большую подушку, по первой мишени, выставленной тренером на уровне солнечного сплетения, затем без перерыва, перемещаю вес на переднюю ногу, и чуть уводя корпус вправо, стреляю левым боковым по второй. Сразу же ухожу немного в сторону, и завершаю комбинацию еще двумя ударами.

– Нормально. Еще раз, чуть быстрее.

Повторяю комбинацию. Теперь наставник начинает двигаться вокруг меня небольшими шагами, а бью я максимально резко и быстро, когда он неожиданно вскидывает лапы. Семенович закручивает меня, то влево, то вправо, не давая расслабиться и увеличивая темп. Через несколько минут, глаза щиплет от пота, а мое кимоно напоминает мокрую тряпку.

– Хватит, – Зорин останавливает меня движением руки, – отдохни пока. Ребята сейчас переоденутся и продолжим.

Пока я дубасил лапы, пришла вся наша группа. Потапенко, Волобуев и

Миркин переодеваются в раздевалке. Вероника и здоровяк Мальцев здороваются со мной и начинают разминаться. Через пару минут к ним присоединяются остальные ребята.

Два часа тренировки пролетают незаметно. Мы отрабатываем проходы в ноги, броски прогибом, боремся в партере, бьем двоечки руками, удары по корпусу ногами, и атакуем пальцами уязвимые точки.

Резкая трель свистка оповещает о конце занятия. Убираю руки с отворотов кимоно Вероники и помогаю ей встать. Девчонка, дружески подмигнув мне, убегает переодеваться в гимнастический зал.

На мое плечо опускается тяжелая рука.

– Ну что Лех, проводил девчонок? – гремит голосина Мальцева. Рядом стоят улыбающиеся Потапенко и Миркин. Волобуев торопливо скрывается в раздевалке. Спешит наверно, к своей невесте, она же должна сегодня приехать, вспоминаю я.

– Проводил, конечно, – улыбаюсь, вспоминая сцену прощания с Аней, – все нормально было. А вы как отдохнули?

– Отлично, – Потапенко просто переполняют эмоции, – познакомились с девчонками еще и немного погуляли по вечернему городу. Все классно было. Серега вообще слюнями истекал, у его Алены, такие выдающиеся, эээ, достоинства. Он от них глаза оторвать не мог.

Под смех Миркина Вова показывает руками, насколько они „выдающиеся“.

Громадная пятерня Мальцева шлепает по затылку, наигранно съездившегося шутника.

– Ты у меня еще потрепись тут, – басит Серега, – лучше на свою Таню смотри. А на Аленку пасть не открывай.

– Шелестов, ты хотел со мной поговорить? – сзади к нам подходит Зорин.

– Да Игорь Семенович.

– Тогда пошли в тренерскую, – сэнсей разворачивается и шагает к своему кабинету. Следую за ним.

Тренер толкает дверь в сторону, обходит стол, захвативший центр помещения и садится. Я скромно пристраиваюсь рядом на соседнем стуле.

– Слушаю тебя Леша, – Зорин деловит и собран.

– Игорь Семенович, мой отец поговорил с секретарем райкома партии по поводу открытия военно-патриотического клуба. Предварительное „добро“ получено. Сегодня, я буду знать все подробности. Подозреваю, что вам, как руководителю будущего клуба придется встречаться с комсомольским, партийным и военным начальством. Если это, возможно, я

бы тоже хотел присутствовать на этих встречах, как инициативник и ваш помощник.

– Значит, дело сдвинулось, – Семенович задумывается, – это хорошо. Поговори с отцом, узнай все, а потом мне расскажешь. Взять тебя с собой я не против. Тем более что изначально это твоя идея. Многое ты будешь решать, и делать сам.

Наставник делает секундную паузу и продолжает:

– Я вижу, что ты удивительно зрелый и ответственный человек для своих лет, поэтому доверяю тебе полностью, особенно после случая с грузовиком, – подчеркивает он, – Мы с ребятами тебе во всем поможем.

– Тут есть еще один вопрос. Хочу вас попросить подойти со мной к военруку нашей школы, – продолжаю я, – есть интересная идея, которая позволит привлечь народ в наш клуб...

Излагаю свой замысел Зорину. Он с уважением смотрит на меня.

– Неплохо, неплохо, – наставник довольно потирает подбородок, – может хорошо получится. Но нужно еще с Всеволодом Аркадьевичем поговорить, чтобы он дал согласие. И время выбрать, когда эта площадка будет пустая. Знаешь что, пообщайся предварительно с Вероникой, она точно поддержит эту идею, и заодно подскажет, как к отцу нужно подходить, и какие доводы приводить. А потом я схожу к Подольскому сам.

– Так и сделаю, – киваю я, – сейчас она уже убежала, в понедельник после тренировки с ней пообщаюсь. Посоветуюсь с Вероникой, вы поговорите с Подольским, и если все будет нормально, пойдем вместе к Дмитрию Михайловичу.

– Ты только учти, – наставительно поднимает палец тренер, – задумка у тебя очень хорошая, но и ответственность будет большая. Ты должен сам показывать пример всем остальным, и отвечать за всех и за каждого. Не передо мной, а перед собой в первую очередь.

– Я знаю, – тихо отвечаю наставнику.

Если бы ты знал Игорь Семенович для чего это мне нужно и что я планирую сделать.... Очень хотелось бы посмотреть на твою реакцию...

– Больше вопросов никаких нет? – уточняет Зорин

– Все что хотел, я с вами обсудил.

– Ну и отлично. Может чайку? – наставник лезет в ящик за кипятивником.

– Нет, спасибо. Мне нужно бежать. С отцом еще поговорить надо, – вежливо отказываюсь от предложения радушного хозяина.

– Тогда до встречи Леша, – тренер протягивает руку.

– До свидания Игорь Семенович, – крепко жму стальную ладонь

наставника

* * *

19 сентября 1978-ого года. Вторник. 8.34.

Капитан Трофимов устало потер ладонями покрасневшие глаза. Страшно хотелось спать. Ночью пришлось трястись в УАЗике, возвращаясь из командировки в столицу, а утром он уже сидел в своем кабинете.

Ранее Трофимову пришлось пробыть целый день в небольшом особнячке на Предчистенке, где располагался Особый Отдел КГБ по Московскому Военному округу.

Капитана вызвало начальство. Официально для отчетности о проделанной работе. Неофициально, после „разбора полетов“, его „имели“ в самых разнообразных эротических позах.

Сначала подчиненного „приводил в тонус“ полковник Кириллов.

– Как-то все у тебя слишком хорошо Трофимов, – лицо заместителя ОО КГБ скривилось в издевательской ухмылке, – Тишь, да гладь, божья благодать. Ничего не происходит, за исключением каких-то мелочей. Все хорошо прекрасная маркиза?

– Василий Афанасьевич... – начал неуверенно отвечать капитан.

– Помолчи, – тяжелая ладонь полковника раздраженно хлопнула по лакированной столешнице, – Так не бывает! Что-то ты просмотрел Сергей Петрович. У тебя не возникает такого впечатления?

– Пока нет, – осторожно ответил особист.

– Ладно, – Кириллов рывком встал, отодвинув стул, – пойдем, нас на ковер вызывают.

Через пять минут они уже сидели в кабинете начальника ОО Иванова. 60-летний представительный мужик, прошедший всю войну от Черновицкой области до стен рейхстага и успевший побывать оперуполномоченным ОО НКВД и ОКР СМЕРШ был суров и немногословен.

– Трофимов, ты, что там совсем мышей не ловишь? – от начальственного рыка задрожали стекла, – Может тебя на незаслуженный отдых отправить, по служебному несоответствию?

Капитан стоял перед генерал-майором вытянувшись по струнке, с каменным выражением, получая разнос. Но пылающее жаром лицо, стиснутые зубы и прозрачная капелька, медленно ползущая по виску, выдавали его состояние.

После небольшой воспитательной порки подчиненного Леонид Георгиевич успокоился.

– Значит так, Трофимов. Иди и работай. Имеются сигналы, что не все ладно в твоей части. Полковник Чернов очень расслабился. И своих подчиненных распустил. Делай что хочешь, но дай мне результат. Я хочу знать правду, что там у тебя происходит. Ты все понял?

– Так точно товарищ генерал-майор, – Сергей Петрович вытянулся в струнку, рука отработанным движением метнулась к фуражке, отдавая честь, – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь, – буркнул Иванов.

– А что за сигналы товарищ генерал? Можно хотя бы в общих чертах узнать? – смущенно поинтересовался капитан.

– Все вопросы к Кириллову. Он все расскажет и покажет. Свободен, – рявкнул генерал-майор.

Трофимову пришлось повторно откозырять и выйти. Через минуту к нему присоединился полковник.

В своем кабинете он ввел подчиненного в курс дела.

– Пришла анонимка, – лаконично объявил полковник, – на, полюбуйся. Начальник подтянул к себе стоящий рядом пузатый портфель из потертой коричневой кожи, щелкнул латунным желтым замком, отбрасывая назад мягкую толстую крышку. Василий Афанасьевич деловито покопался в его недрах, удовлетворенно хмыкнул, вытянул тоненькую прозрачную папочку, достал исписанный неровным подчерком лист бумаги, и бросил его на стол перед особистом.

Капитан быстро пробежал глазами текст, и поднял глаза на своего начальника.

– Что скажешь Трофимов? – под тяжелым взглядом Василия Афанасьевича капитан почувствовал себя неуютно.

– Это бред, – уверенно заявил особист, – Чернов – настоящий коммунист, образец советского офицера. Он всегда был верен нашей Родине и партии. Никакой антисоветской риторики от него быть не может. Александр Константинович Шелестов неоднократно защищал интересы нашей страны в самых разных странах, работал военным советником в Анголе и Вьетнаме. Я его очень хорошо знаю. Это проверенный товарищ. Все, что написано в письме – чушь собачья. Какая группа антисоветчиков? Да если бы кто-то из них плохо сказал про партию или Леонида Ильича, через полчаса, я бы уже знал все, в самых мелких подробностях. Для этого там и сижу.

– Как ты думаешь, почему тебя сегодня сам вызвал? – полковник

многозначительно поднял палец вверх.

– Не понимаю, – признался капитан, – чтобы генерал-майор придавал такое значение анонимке? Это же абсолютно не его уровень. Спустил команду проверить информацию и все.

– Генерал-лейтенант Константин Николаевич Шелестов, старый фронтовой друг Иванова, – сухо проинформировал подчиненного Кириллов, – Вопросы есть?

– Никак нет, – гаркнул Трофимов, вскакивая.

– Перестань, – поморщился полковник – не на плацу. Леонид Георгиевич хочет, чтобы ты во всем досконально разобрался. Он никого покрывать не будет. Но ему нужна правда. Шелестов в сорок первом спас ему жизнь. А долг платежом красен. Поэтому шум пока поднимать не будем. Все надо сделать тихо и аккуратно, без привлечения лишних людей. Сегодня вечером езжай обратно. Завтра освобождается майор Ярцев. Он один из лучших наших оперативников. Я направлю его к тебе. Вдвоем разберетесь в ситуации.

– Я вижу, что анонимка была отправлена в московский КГБ, – осторожно заметил особист.

– Верно, – сухо согласился Василий Афанасьевич, – оттуда она была переадресована в Третье Управление, а потом отправлена нам для тщательного и всестороннего разбирательства по изложенной информации. Помни Сергей Петрович. Нам нужна только правда. Все должно быть по справедливости. Если виноваты – пусть отвечают. Если нет – должны быть оправданы.

– Я понял, – упрямо набычился капитан, – но уже сейчас могу сказать – это все равно ложь и провокация. Я обоих офицеров знаю как облупленных.

– Есть информация. Пусть даже она изложена в анонимке. И мы обязаны её проверить. Здесь не пансион благородных девиц, а особый отдел. Поэтому эмоции и свои умозаключения оставь при себе. Мне нужны только подтвержденные факты по итогам проверки, – холодный взгляд Кириллова пробрал капитана до костей, – можешь идти.

Трофимов козырнул, щелкнул каблуками, разворачиваясь к двери.

– Подожди, – окликнул его полковник, – это...гм, творчество заberi с собой.

Василий Афанасьевич брезгливо коснулся кончиками пальцев краешка анонимки, и резким движением подвинул её к капитану...

Осторожный стук в дверь прервал воспоминания Трофимова.

– Заходите, – мрачный голос особиста не предвещал ничего хорошего.

На пороге кабинета появился молодой лейтенант, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Вызывали? – чуть охрипший голос выдавал волнение.

– Да, присаживайтесь, – капитан повелительным жестом предложил посетителю место напротив.

Лейтенант скромно примостился на краешек стула.

Особист не торопился начинать разговор. Медленно текли минуты. Гнетущая тишина пудовой гирей нависла над кабинетом, еще больше накаляя обстановку. Пронзительный тяжелый взгляд контрразведчика заставлял лейтенанта нервно ерзать.

Наконец Трофимов решил, что младший офицер психологически созрел для разговора. Он повернулся, придвинул к себе темную кожаную сумку-планшет, вытащил из неё стопку листов и ручку.

– Вы ничего не хотите мне рассказать товарищ Аксененко? – холодно осведомился особист.

– Ннет, – с небольшой запинкой ответил младший офицер.

– Точно? – в эти секунды капитан напоминал акулу, нарезающую круги возле обессиленной жертвы.

– Точно, – лейтенант поднял глаза на контрразведчика, и смело встретил его давящий взгляд.

– Ладно, – капитан задумчиво покрутил ручку пальцами, и приготовился писать, – давайте поговорим о полковниках Чернове и Шелестове. Как вы можете их охарактеризовать?

* * *

20 сентября 1978-ого года среда. 20.37.

Тупая сука, ты нас всех под монастырь подвела, – злобно рычал полный мужчина, нависая над истерично всхлипывающей женщиной, – теперь нам точно кирдык настанет.

Его напарник развалился на стуле, не вмешиваясь в разгорающийся скандал. Внешне он был спокоен. Только щека под глазом с тонкими белыми рубцами шрама, напоминающего скрюченную птичью лапку, периодически подергивалась, выдавая его состояние.

Лежащая на кровати женщина убрала ладони от залитого слезами лица.

– Пусть не думают гады, что им это с рук сойдет, – с ненавистью выкрикнула она, приподнявшись на локте. На её щеке горел алый опечаток

ладони, – пусть их органы попрессуют за антисоветчину, если ты размазней оказался.

– Ах ты тварь, – замахнулся на неё мужик. Женщина опять зашлась в рыданиях.

– Да с чего ты взяла, что это они нас ограбили? – простонал Петренко, – Вот дура, теперь нас особисты точно без соли сожрут. Раскрутят по полной, и поедем мы все на Колыму лес валить.

– И ты тоже коза тупая, как соучастница, – добавил он, – работала бы себе в столовке, кормила солдат и дальше. Зачем я идиот с тобой связался? На хрена ты вообще анонимку написала? Может это и не они вовсе.

– Как не они?! – женщина даже плакать перестала, – ты же сам их матами крыл, убить грозился, когда я тебя развязывала.

– Да мало ли что я нес? – заорал подполковник, – Не в себе я был, поняла?! Дать бы тебе пистолетом по башке, посмотрел я, чтобы ты в этой ситуации начала гнать.

Женщина всхлипнула.

– Мля, ведь все было нормально, – Петренко горестно вскинул руки вверх, – ты нас развязала. Позвонил в часть, предупредил, что мы с Егорычем сегодня уже не будем. Ночью вытащил из подвала и закопал в лесу Кадета. Никто бы ничего никогда не узнал. А деньги дело наживное. Да и не последние взяли.

– Так нет, твоя жадность все погубила, – злобно продолжил полковник, грозно нацелив на женщину указательный палец, – украденные бабки тебе покоя не давали. Вздумала мстить дура. И всех нас подставила.

– Погоди Михайлыч, – подал голос напарник, – ты думаешь, они на нас выйдут? Может все обойдется?

– Не обойдется Егорыч, – мотнул головой Петренко, – выйдут сто процентов. Эта дура написала анонимку на Чернова и Шелестова как на антисоветчиков. Сегодня к нашему гестаповцу еще один приехал. Матерый волчара. Глазами как ренгенами просвечивает. Второй день офицеров и персонал опрашивают. Ты меня знаешь, я не пальцем деланный. Но в этом кабинете, еле отбрехался. Тебе просто повезло, что в отпуске, поэтому и не в курсе. Вся бредятина, что эта коза написала, не подтвердится. Значит, что? Будут искать автора анонимки.

– Ты уверен, что найдут? – засомневался Егорыч.

– Да, – твердо ответил подполковник, – они землю будут рыть, но найдут. Сейчас начнут копаться в бумагах, шерстить бухгалтерию, проверять состояние материальных фондов, собирать компромат на каждого. Поставят на уши всех, от сержанта до полковника. Тем более, из

письма можно сделать вывод, писал кто-то знающий все расклады, а значит работающий в части. А Надька там три года кашеварила в столовой. Только пару месяцев назад уволилась. Анонимку она писала от руки. Образец её подчерка в отделе кадров есть. Думаешь, они не сообразят? Это только дело времени. И вообще при таком шухере, надеешься, что наши прошлые гешефты тоже останутся незамеченными?

– Мля, – ругнулся прапорщик, – похоже нам кабздец в любом случае пришел.

– Вот и я о том же, – буркнул Петренко.

– Теперь ты сука понимаешь, что наделала? – заорал он на притихшую женщину.

– Коля прости. Не подумала я, – Надежда упала на колени, и обхватила руками Петренко, прижавшись к большому животу сожителя.

– Не подумала?! Да ты нас под монастырь подвела своим идиотизмом, – проворчал подполковник, остывая – ладно, что сделано, то сделано.

– Ну и что, дальше? – спросил Егорыч.

– А ничего. Подождем немного. Есть мизерный шанс, что все ограничится этой проверкой, – вздохнул Петренко, – просто будем в постоянной готовности. Если что, в темпе рвем когти. Деньги есть, авось не пропадем.

* * *

21 сентября 1978-ого года. Четверг. 10.05.

– Здравия желаем Андрей Иванович, – полный мужчина в зеленой куртке с погонями прапорщика, отработанным движением отдал честь подтянутому старшему лейтенанту.

– Прекрати, Егорович, – отмахнулся офицер, – не нужно официоза. Тем более, тут такое происходит. И вообще чего ты сюда приехал? Тебя же вроде в отпуск неделю назад отправили?

– Матвеев просто попросил подъехать, – объяснил толстяк, – У него вопросы какие-то по складским бумагам возникли. Так все-таки что произошло?

Старлей воровато стрельнул глазами по сторонам. Его взгляд скользнул по стенду с положениями устава, окрашенным бледно-зеленой краской стенам, плакату „На страже мира“ с бдительным солдатом на фоне радара ПВО. Коридор штаба полка был безлюден.

– Пошли подышим, Егорович, – тихо предложил офицер, – там и поговорим.

Он развернулся и бодрым шагом направился к выходу. Прапорщик потопал за ним.

Выйдя из здания, они стали пристроились у одного из деревьев, возле спортивной площадки, не обращая внимания на новобранца в отдалении, подметающего веником плац под присмотром бдительного ефрейтора.

Прапорщик протянул старшему лейтенанту „Космос“. Офицер двумя пальцами вытащил сигарету, прикурил от услужливо подставленного огонька зажигалки, затянулся, прикрыв глаза, и явно наслаждаясь процессом. Его товарищ помял в пальцах сигарету, случайно сломал её и нервным движением отшвырнул в сторону, вызвав удивленный взгляд лейтенанта.

– С бабой своей поспорил, совсем мозги выела стерва, – объяснил Егорович офицеру.

– Ну так что там произошло? – толстяку не терпелось узнать подробности.

Старлей, не торопясь, сложив губы трубочкой, выпустил струю дыма, и развернулся к прапорщику.

– Особисты лютуют, – губы офицера презрительно скривились, – жизни никому не дают. Такого шороху навели. Работать нормально не дают. Совсем задолбали.

Офицер досадливо махнул рукой, и снова затянулся. Сигарета красным огоньком тлела в его губах.

– Интересно, – задумчиво протянул Егорович, – А чего они так взбудоражились?

– Анонимка на Шелестова и Чернова пришла, – выпустив очередной клуб сизого дыма, лейтенант понизил голос и пригнулся к Егоровичу, – какая-то гнида написала, что они антисоветские элементы. Мол, чуть ли не в открытую похабные анекдоты про Леонида Ильича рассказывают. Советскую власть и коммунистов матом кроют.

– Бред какой-то, – прапорщик озадаченно поскреб пятерней затылок, – быть такого не может.

– Как видишь, может, – горько усмехнулся старлей, – мы уже три дня на ушах стоим. Наш чекист даже машинисток четыре часа у себя мариновал. А замками и начфином приехавший майор занимался. Он кабинет у парторга отобрал, чтобы допросы вести. Так они там полдня просидели.

– А Чернова и Шелестова особисты вчера целый день мурыжили, –

продолжил офицер, – так Владимир Алексеевич сегодня звонил начальнику штаба. Предупреждал, что будет только после обеда. Я подозреваю, что хочет немного отойти после вчерашнего.

– Ни фиги себе, – потрясенно выдохнул прапор.

– Начфин и замки от особистов выползали потные и красные как вареные раки, – добавил офицер, – В строевую часть зашли, графин воды выдули одним махом. Особенно тыловик хреново выглядел. У него аж губы посинели. И за сердце держался. Видно ему большой пистон вставили.

– Ничего себе, – поразился Егорович, – а начфин и зампотыл причем здесь? Речь же об анонимке шла?

– А они теперь все и всех проверяют, – немного злорадно сообщил лейтенант. Он бросил окурок под ноги и затоптал его каблуком сапога.

– Капитан сейчас в отделе кадров сидит, дела сотрудников просматривает. А майор в бухгалтерии копается.

– Ничего себе, шороху навели, – прапорщик озадаченно поскреб пятерней затылок.

– Да, кстати, вспомнил, – хлопнул себя по лбу старлей, – они и тобой Петр Егорович интересовались. Спрашивали, когда из отпуска выходишь. А сегодня опять Петренко искали. Даже к нам в инженерную службу звонили по внутренней связи. Просили ему сказать, чтобы завтра в 9.00 был в кабинете Трофимова как штык. Вы же с ним приятели вроде? Так может ты ему и передашь?

– Какие нахрен приятели, – проворчал прапорщик, – гусь свинье не товарищ. Мы люди маленькие, подполковникам не ровня.

– Так передашь? – уточнил старший лейтенант.

– Передам, конечно, – буркнул Егорович, – если увижу.

– А кто анонимку писал, у них предположения есть? – немного помолчав, небрежно спросил прапорщик.

– Да кто же нам это скажет, – ухмыльнулся старлей, – но....

Он поманил к себе пальцем Ивана Егоровича, тот послушно пригнулся к столу.

– Подозревают, что баба это, – шепнул на ухо офицер, – Машка-машинистка, ты её помнишь, блондиночка яркая такая, я к ней клинья подбивал, заходила в кабинет Трофимова, и слышала обрывок разговора. Майор сказал нашему чекисту, что анонимку женщина, скорее всего, писала. Буквы с закругленными мягкими формами, и больно уж аккуратно выведены.

Довольный старлей сделал многозначительную паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. Но через секунду лицо офицера приняло

обеспокоенное выражение.

– Егорович, ты чего? – старлей изумленно воззрился на прапорщика, – тебе плохо?

Лицо его собеседника залила мертвенная бледность. Только щека с белым рубцом шрама периодически подергивалась.

– Ничего, – толстяк пошатнулся, опершись рукою на ствол дерева, – пора мне Андрей Иванович.

Он протянул старшему лейтенанту потную вялую ладонь, слабо пожал руку, и медленно направился к выходу, тяжело передвигая ноги.

– Может, вспомнил чего Михаил Егорович? – поинтересовался офицер, – Так ты особистам передай информацию.

Уходящий толстяк повернулся к старлею, ослабившись в злобной ухмылке.

– Сам им передай, – хрипло выплюнул он, – пламенный привет.

Прапорщик злобно плюнул на асфальт, и быстро пошел прочь. Ошарашенный ответом офицер растеряно смотрел на удаляющуюся спину своего приятеля.

Через десять минут зеленые ворота КПП воинской части? 5342 отдельного полка, входящего в 16-ую ОБРСПН, распахнулись. На дорогу выкатилась желтая жигули „трояка“ и, газанув, выстрелила клубом черной пыли прямо в лицо недовольному сержанту-дежурному, быстро исчезая вдали.

* * *

– Какого хрена? – майор Ярцев был в гневе, – как вы выпустили этого урода из части?

– Он в отпуске был официально, – пожал плечами начкар, – заехал, чтобы Матвееву, начальнику КТП, что-то по бумагам разъяснить. Почему я должен его задерживать? Никаких указаний на это счет не поступало.

– Ладно, с вами я потом разберусь, – процедил особист, сверля бешеным взглядом лейтенанта.

– А вы Ракитин, почему дали ему ключи от склада? – повернулся он к растерянному прапорщику.

– Так он итак ими все время пользуется. Это имущество на нем и висит. Ермилов отвечает за его сохранность. Попросил меня дать ключи, чтобы кое-что проверить и посчитать. Говорил, что его вызвали с отпуска для проверки документов и хранящихся боеприпасов. Почему я должен

был ему отказать?

– А то, что он в отпуске находится, и не при исполнении, вас не смущало? – ядовито заметил майор, – могли бы хоть с начальством связаться и уточнить все детали.

Прапорщик благоразумно промолчал.

– Ладно начкару по большому счету предъявить нечего, – констатировал Ярцев, – но из-за вашей халатности Ермилов похитил оружие и сбежал с ним. Вы понимаете последствия? Теперь начнется звездопад по всей части. Полковник Чернов станет майором, и поедет защищать рубежи нашей Родины в дальний сибирский гарнизон. Это еще в лучшем случае.

Стоящий у окна седовласый полковник чуть подрагивающими пальцами с силой затушил сигарету в стеклянной пепельнице и повернулся к особисту.

– Готов принять любое наказание, – глухо ответил он, – это мои подчиненные, и за каждого из них отвечаю я.

– С вами Владимир Алексеевич мы позже разберемся, – зловеще пообещал особист, – а пока всех вас попрошу покинуть помещение.

Прапорщик, начкар и полковник потянулись к выходу.

Когда за ними закрылась дверь, Ярцев посмотрел на своего коллегу.

– Ну что скажешь Трофимов? Это ведь и твоя недоработка. Такой гадюшник под носом прохлопал.

– Виноват, – вздохнул капитан, – что тут еще сказать?

– Ладно, – Ярцев стремительным движением придвинул к себе стул, и мягко опустился на сиденье, – давай прикинем, что мы сейчас имеем. Докладывай, что накопал.

Капитан подобрался.

– Нашел автора анонимки. Это Надежда Щербакова. В прошлом – работник нашей столовой. Уволилась три месяца назад. Написанные ею заявления о приеме на работу и увольнении по собственному желанию по подчерку полностью совпадают с анонимкой. Взгляните сами.

Капитан подтянул к себе, висевшую на боку сумку-планшет, покопался в ней рукой, вытащил несколько листов и протянул их майору.

Ярцев разложил их на столе и начал поочередно просматривать бумаги.

– Обратите внимание на буквы „п, к, и р“, – посоветовал Трофимов, – видите как они выписаны? Большое „К“ с петелькой внизу, „р“ с отогнутым нижним кончиком и „п“ напоминающее гриб с укороченной ножкой. А теперь сравните с заявлениями Щербаковой о приеме и увольнении с

работы. По-моему все очевидно. Я, конечно, обращусь к нашим специалистам для почерковедческой экспертизы, но у меня сомнений нет.

– Хорошо, – Ярцев оторвался от бумаг, – а о возможных мотивах Щербаковой информация имеется? Зачем она написала эту чертову анонимку?

– С Черновым у неё вроде конфликтов не возникало, – осторожно заметил Трофимов, – а вот с Шелестовым была одна ситуация. Мне девочки из машбюро рассказали, что полковник её поймал с набитыми едой сумками, которые она пыталась вынести из части после работы. Скандал Александр Константинович раздувать не стал, пожалел девушку. Но заставил все отнести обратно. Через месяц Щербакова уволилась из столовой. Неоднократно было замечено, что с работы она много раз уезжала на машине подполковника Петренко. По мнению многих офицеров у них явно был роман.

– Интересно, – протянул Ярцев, – к Петренко и Ермилову, после просмотра бумаг и допросов офицеров, бухгалтеров и машинисток у меня тоже появились вопросы. Очень интересные подробности и факты всплывают о махинациях с имуществом. Конкретику изложу позднее, еще много надо проверить.

Сейчас хочу сказать о другом. Я покопался в делах сотрудников и в бухгалтерских документах. Они давно служат вместе. Десять лет как минимум. Начинали еще в ТуркВо в 5-ой гвардейской мотострелковой дивизии. Потом Петренко перевелся сюда и перетянул Ермилова. Кстати, звонил я коллеге в Ташкент. Он рассказал, что подполковник перевелся после одной некрасивой истории. Его подозревали в финансовых махинациях, но доказать ничего не смогли. Хотя начальство дало Петренко понять, что дальше проходить службу у него здесь не получится. Практически, его заставили написать рапорт о переводе. Через пару месяцев в эту часть перевелся и Ермилов. Каким образом это было сделано, я еще выясню. Я обзвонил все службы, в поисках Петренко. Найти подполковника не удалось. Как выяснилось, Петренко передали информацию, что я хочу его увидеть, и он срочно покинул часть. Затем в части появляется пребывающий сегодня в отпуске Подольский. После короткого разговора с Колпаковым из инженерной службы, он берет ключи от склада, хватает там пару „стечкиных“, «эфку» и «ргдэшку» и тоже удирает из части на своей машине. Вот такие пироги.

– Как узнали, что он взял оружие? – осипший голос выдавал состояние капитана.

– О беседе с Ермиловым мне доложил старший лейтенант Колпаков.

Ему не понравилось поведение прапорщика. Мне показалось подозрительным, что Ермилов на фоне нашей проверки, находясь в отпуске, приехал и спустя минут двадцать свалил на машине с части, тем более что его мы уже взяли «на заметку». Начали разбираться, что он делал в части. Тут и всплыл его поход на склад. Я прошел вместе с его сменщиком – прапорщиком Шмелевым и полковником Черновым на склад. В ходе осмотра, заметили сдвинутые ящики с оружием. Ермилов вооружался в явной спешке, и просто бросил их там.

– И что теперь? – Трофимов закрыл глаза и устало помассировал веки ладонями.

– Будем искать уродов, – отчеканил Ярцев, – Василию Афанасьевичу я уже отзвонился. Сюда уже едут наши сотрудники. Военную прокуратуру в известность поставил. Их человек тоже скоро будет. С райотделом Чернов связался. Сейчас опергруппа с нашим патрулем летит на квартиру прапорщика. К дому Петренко поехал капитан Макаров со своими бойцами из взвода разведки. Если он будет там, они его сюда привезут. Все патрули, находящиеся в городе, усилены и проинструктированы. Милиция обещала выставить посты ГАИ на выезде.

– Мда, дела, – Трофимов стиснул челюсти, на скулах заиграли желваки, – надо вазелином запастись.

– Причем в промышленных количествах, – вздохнул майор, – мало не покажется никому.

* * *

21 сентября 1978 года.

В актовом зале все было подготовлено для сегодняшнего мероприятия. Толпа подростков усажена на стулья, предварительно выставленные у сцены. На сцене за большим столом, повернутым к аудитории, располагается «президиум». В середине, чуть откинувшись назад, сидит Леонид Романович. Он с улыбкой рассматривает оживленно переговаривающихся школьников. По левую руку от него располагаются наши комсорги Залесский и Богданов. Саша что-то шепчет на ухо сосредоточенному Николаю. Справа сидит наш классный руководитель – Ольга Александровна. Она нервно вертит шариковую ручку и временами покусывает губу. Переживает, чтобы мы не напортачили. Рядом пустой стул. На нем должен сидеть я. Но сейчас я стою чуть в стороне от президиума, у микрофона, готовый начать мероприятие. Пришлось,

конечно, побегать, пропустить тренировку в среду с разрешения Семеновича но дело того стоило.

Очень помог отец. После моей тренировки мы смогли серьезно поговорить. Папа был очень усталый и чем-то расстроенный. Не куривший уже несколько лет, он постоянно стоял у окна кухни и одну за другой нервно смолил сигареты, вытаскивая их из мягкой пачки «ТУ-134». Иногда батя забывал их пригасить и пламенеющие окурки тлеющими огоньками вылетали из форточки, пропадая в вечерней тьме. В таком состоянии я отца давно не видел. На мой недоуменный вопрос, что случилось, он только пожал плечами, пробормотал «не обращай внимание, это мои проблемы» и продолжил жадно затягиваться.

Чтобы узнать о произошедшем, пришлось, пока отец дымил на кухне, вытащить маму в свою комнату и поговорить с ней. Под моим натиском она упиралась недолго. Какая-то тварь написала на папу и Чернова анонимку, обвиняя их в «антисоветизме». В тот день отца до глубокого вечера терзали особисты, проверяющие «факты, изложенные в письме».

Заинтригованный произошедшим, я постарался воспользоваться своим необычным даром, чтобы узнать, кто написал анонимку. Но как ни напрягался и ни пытался сосредоточиться, ничего не получилось. Никаких озарений, так помогающих мне в последнее время, не произошло.

Измотанный допросами особистов, отец, тем не менее, нашел время для разговора со мной.

Он пообщался с секретарем райкома партии. Николай Яковлевич дал телефон своего коллеги из райкома комсомола – Константина Дмитриевича Морозова, и пообещал с ним предварительно связаться, чтобы «приняли и посодействовали». На следующий день мы с Семеновичем звонили по этому номеру. Но главный комсомолец до конца недели был в командировке. Его секретарша попросила перезвонить попозже.

Помог отец и со сбором материалов для моего школьного мероприятия. Он связался с журналистом, работающим на городской радиостанции «Коммунар» и параллельно являющимся внештатным корреспондентом «Правды» и «Красной Звезды». Андрей Иванович оказался невысоким энергичным мужичком лет 35-ти, с лукавым прищуром глаз и доброй улыбкой. Узнав, что мне требуются фотоматериалы о Великой Отечественной Войне, выступление Молотова по радио 22 июня 1941-ого года, и письменные свидетельства о зверствах фашистов, уточнив, зачем это нужно, он сразу же согласился помочь. Все, что я просил журналист, собрал за пару дней.

Мы встретились с ним, недалеко от места работы журналиста в

«Шоколаднице». Знакомый отца передал мне тонкую пачку листов, фотографии и кассету со знаменитой речью Молотова. Правда, кассету и фотографии после мероприятия нужно было вернуть назад.

– Спасибо Андрей Иванович, вы мне очень помогли. Я вам теперь должен, – признательно говорю журналисту, когда мы уселись за столик.

– Леша прекрати, – улыбочное лицо Андрея Ивановича окаменело, – и не вздумай больше такого говорить. Обижусь. Ты мне ничего не должен. У меня на войне дед и дядя погибли. Бабка до сих пор не может слез удержать, глядя на его фотографию. Хорошему делу я всегда готов помочь, тем более такому. Нужно помнить о Великой Отечественной Войне и тех, кто погиб защищая родину от фашистов.

– Согласен, – вздыхаю я, – вот и пытаюсь донести это до своих одноклассников. Спасибо вам большое еще раз.

– Не за что. Извини, мне пора идти, – журналист резко поднимается со стула, – если будет что-то нужно, обращайся. Для Александра Константиновича и его сына я все равно все, что смогу сделаю.

Школьные друзья тоже поучаствовали в подготовке встречи с ветераном. С Ваней мы потратили несколько часов, мотаясь по магазинам в поисках подходящего диапроектора. Только в комиссионном нашли подержанную модель «Протона» 71-ого года выпуска, производства Казанского оптико-механического завода. В своей прошлой жизни я не интересовался подобным оборудованием, поэтому был приятно удивлен возможностями и техническими характеристиками этого устройства. Мощная лампа, позволяющая выдавать хорошее изображение, даже не в полностью затемненном помещении, функция синхронизации показа диапозитивов с сигналами подключенного к устройству магнитофона, реле времени, которое можно было выставлять вручную. Имелся даже пульт ДУ, правда, соединенный с диапроектором проводом. Он позволял отматывать кадры вперед и назад, по желанию пользователя.

«Оказывается, и в СССР могли создавать отличную технику», – ошарашено подумал я, знакомясь с возможностями аппаратуры.

Пришлось заплатить за него семьдесят пять рублей. Ваня немного оторопел, смотря, как перед продавцом растет небольшая кучка синих пятерок. На обратном пути, когда мы, взявшись за ручки большой сумки, пыхтя, тащили диапроектор ко мне домой, я пояснил товарищу, что расплачиваюсь с сэкономленными на школьных завтраках карманных и подаренных на нескольких днях рождениях денег. Судя по недоверчивому блеску глаз, мои доводы Ивана не убедили. Но он промолчал, не желая высказывать свои сомнения. И болтать, распространяя нежелательные для

меня слухи, в отличие от Паши Амосова, Ваня точно не будет.

Притащенным в дом диапроектором, естественно, заинтересовалась мама. Пришлось, отбредившись, что его одолжил мне знакомый. Игнорируя желание родительницы узнать об этом подробнее, я сбежал из дома, отделавшись общими фразами.

С переработкой снимков на диапозитивы мне помог Пашка Амосов. Один из ухажеров его сестры, был увлеченным фотолюбителем. Звонок Марины своему жениху, кокетливая просьба помочь, высказанная вкрадчивым голосом с мурлыкающими нотками и влюбленное создание быстро прилетело на квартиру к обожаемой девушке.

Родители Пашки в это время вкалывали на заводе, поэтому мы спокойно расположились на небольшой уютной кухне, дегустируя грузинский чай.

Задумчиво похмыкав и почесав затылок, Мишка согласился переснять снимки, и сделать из них качественные диапозитивы. Выполняя просьбу любимой, парень был готов заняться этим бесплатно, но я настоял, чтобы возместить расходы и потерянное время. Это счастье обошлось мне еще в десятку, но Миша свое дело знал, и слайды получились качественными. Благодарный Марине за помощь, я подарил девушке коробку с заварными пирожными, купленными в расположенном рядом гастрономе, потратив на них три рубля.

Для воплощения своего сценария встречи с ветераном мне пришлось побегать по магазинам, и купить новенькую «Весну-201-стерео» Запорожского ЭМЗ «Искра». Магнитофон подключался к внешним колонкам, прилагаемым в комплекте. Правда мощность у них была достаточно невысокой – всего шесть Ватт, но мне должно хватить.

Неожиданно работать с диапроектором напросилась Аня, увидевшая нашу репетицию. Она умела им пользоваться. Девушка с родителями часто гостила у московских родственников, обладающих таким же «Протоном», а вечерние посиделки с просмотром диапозитивов там происходили постоянно.

Ваня согласился возиться с магнитофоном, а Пашка притащил белую простыню для экрана и решил остаться простым зрителем.

Я отрываюсь от своих мыслей и оглядываю зал.

В первом ряду находится руководство школы – директор с завучем. Они решили лично присутствовать на нашем мероприятии. Нелли Робертовна и Нина Алексеевна внешне невозмутимы. Лица директора и завуча напоминают неподвижные маски. Но внутреннее напряжение, идущее от них, я ощущаю каждой клеточкой тела. Оно проглядывается в

движении руки Нины Алексеевны, поправляющей прическу, тревожном ожидании, на долю секунды мелькающем в глазах Нелли Робертовны.

Они напрасно беспокоятся. Я их не подведу. Меня переполняет ощущение уверенности и важности происходящего. Это только первый важный шаг на пути реализации моих планов. Но чтобы они воплотились в жизнь, я обязан провести все безупречно.

Сегодня в этом зале творится история. Здесь и сейчас вспыхнет маленькая искорка, которая в будущем зажжет яркое пламя в сердцах сегодняшних школьников, снимет наносный налет безразличия и черствости, превратившийся к 90-ым годам в толстый слой пыли.

– Ребята, – мой голос усиленный микрофоном, звучит громом среди ясного неба, перекрывая шум и гам, – минуту внимания.

Школьники замолкают. На меня смотрят сотни любопытных глаз.

На секунду замолкаю. Затем мысленно выдохнув «С Богом», продолжаю:

– Сегодня у нас в гостях Леонид Романович Шаховский. Это удивительный человек. Он прошел всю Великую Отечественную Войну. Встретил врага на пограничной заставе недалеко от Бреста в 1941-ом году и закончил у стен рейхстага в 45-ом. Вы услышите свидетельство очевидца, испытавшего все кровавые ужасы самой масштабной и страшной войны 20-ого столетия, и вместе с миллионами известных и неизвестных героев остановившего уверенную поступь германских сапог по странам Европы. Он семь месяцев сражался в Сталинграде, ставшем общей могилой для сотен тысяч немецких захватчиков. Здесь советские воины бились до последнего патрона и солдата даже за самую крохотную выщербленную осколками гранат и снарядов улицу и обугленные развалины домов. Каждый метр захваченной мостовой фашистам приходилось проходить по трупам своих солдат и защитников города, умиравших, но сражавшихся, пока в их израненных телах, теплилась хоть одна искорка жизни. Недаром попавшие в плен обмороженные, искалеченные и истощенные солдаты Третьего Рейха с ужасом и дрожью вспоминали Сталинград, называя его настоящим адом.

Временами мой голос набирает силу, взлетая над актовым залом и приковывая внимание всех присутствующих, а в некоторых местах рассказа звучит тихо и скорбно, заставляя слушателей прислушиваться и вдумываться в каждое слово.

– Леонид Романович воевал и на Курской дуге, пережив огненный шквал артиллерии и бомб противника. Он стал одним из тех, кто окончательно сломал хребет фашисткой орде в этом грандиозном

сражении, длившемся почти два месяца. Но прежде чем вы послушаете рассказ участника этих великих событий, ставших героическими страницами нашей истории, я хотел, чтобы все мы пусть на небольшое время, ощутили себя частичкой этой великой эпохи, и поняли от какой страшной участи спасла нас Советская армия, раздавившая фашистскую гадину.

Я перевожу дух и осматриваю зал, вглядываясь в повернутые ко мне лица. Кто-то из школьников пробует иронически улыбаться, но получает локтями от своих соседей. Большинство старшеклассников серьезно, и внимательно слушает меня. На секунду в актовом зале повисает напряженная тишина. Кажется слышно даже жужжание мух, рисующих зигзаги в воздухе.

– Великая Отечественная война началась в четыре часа утра 22 июня 1941 года. На территорию нашей Родины вторглись пять с половиной миллионов немецких солдат и саллетитов фашисткой Германии, около пяти с половиной тысяч танков, более десяти тысяч истребителей и бомбардировщиков, свыше 60-ти тысяч орудий и минометов – с такой силой было трудно сражаться. Но ни одна из 485-ти атакованных немцами застав не была оставлена без приказа. Некоторые из них сражались в полном окружении до двух месяцев.

Делаю секундную паузу. Подростки внимательно слушают меня.

– На наши города обрушились десятки тысяч бомб, разрушая дома, убивая и калеча простых жителей: мужчин, стариков, детей и женщин. В полдень 22 июля 1941 года советское правительство в лице наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова обратилось к народу.

Замолкаю. Ваня жмет клавишу микрофона. Динамики колонок взрываются гулким голосом Молотова, заполняющим пространство актового зала.

– Граждане и гражданки Советского Союза! – каждое слово Молотова звучит уверенно и веско, разрывая тишину.

– Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории....

Смотрю на ребят и девушек, сидящих в помещении. Все внимательно слушают речь Вячеслава Михайловича. Улыбающихся и равнодушных нет.

Голос народного комиссара иностранных дел гремит над притихшим залом:

– Правительство Советского Союза выражает твёрдую уверенность в том, что всё население нашей страны, все рабочие, крестьяне, интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочён и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Делаю небольшую паузу после речи Молотова, и продолжаю рассказ.

– На захваченных территориях фашисты начинают реализовывать план «Ост», созданный Гимлером. Он предполагал в течение 25–30 лет освободить жизненное пространство для завоевателей, уничтожив или депортировав до 85-ти % жителей СССР. Поэтому зондеркоманды СС и СД и даже обычные солдаты вермахта расстреливают не только пленных, коммунистов и комсомольцев, попавших к ним в плен, но даже массово уничтожают мирных жителей. Они не щадят даже молодых женщин, глубоких стариков и маленьких детей.

Сейчас я прочту Вам свидетельства зверств фашистов, опубликованные во фронтовой прессе того времени.

Подхожу к столу, беру стопку материалов, подготовленных для меня журналистом, и возвращаюсь к микрофону.

По моему еле заметному кивку, Аня нажимает кнопку пульта, прикрепленного проводом к диапроектору, запуская воспроизведение кассеты из 36-ти диапозитивов. Реле, регулирующее время просмотра каждого слайда, заблаговременно выставлено девушкой на пять секунд. На белой простыне, которую я вместе с Ваней и Пашей полчаса крепили на сцене, расцветает первое изображение.

– 4 сентября 1943 года «Красная Звезда». На моих глазах 14-летняя девочка Таня Макеева была до крови избита палкой за то, что недостаточно чисто выстирала белье офицера. От удара палкой по уху она оглохла.

Двухлетний ребенок Пелагеи Бычковой взял со стола немецкого солдата конфетку. Он был схвачен за руку и, как щенок, выброшен на улицу. Мать нашла его в снегу с вывихнутой ручонкой. Колхозница нашей деревни Надежда Николаева вечером пошла за водой к колодцу, который находился в 30 метрах от ее дома. А когда она возвращалась обратно, немецкий патруль расстрелял ее около самой хаты, ибо она нарушила правила хождения по улице в ночное время. После Николаевой осталось четверо малолетних ребят. Все они умерли с голоду. Совсем недавно в деревне Стояново публично повесили больную колхозницу Марию Панкову за то, что она припрятала от немцев свою картошку.

Тихо играет «Реквием» Моцарта, подчеркивая трагичную обстановку. На полотне светятся фотографии преступлений фашистов. Заполненные рвы с исхудавшими, напоминающими скелеты телами. Взятые крупным кадром убитые мирные жители, с черной обугленной дырой вместо одного глаза, голые дети, старики и женщины, брошенные прямо в ямах. Раскрытые в крике рты, стеклянные глаза в которых застыли предсмертные муки, скрюченные тела, пытавшиеся в последнее мгновение спастись от безжалостных пуль, матери, закрывающие своими телами своих малюток.

Смотрю на свою аудиторию. Мальчишки сидят хмурые, крепко стиснув зубы, в глазах девчонок прозрачной влагой поблескивают слезинки.

Безжалостно продолжаю знакомить их с преступлениями фашистов:

– Газета «Известия», 22 сентября 1942-ого года. В деревне Железницы была школа. Туда пришли немцы. Они схватили Надю Столярову, ученицу первого класса. Наде было девять лет. Ее немцы не допрашивали. Ее немцы только били, и они убили ее прикладом. В селе Семеновщина немцы бросили в колодец четырех младенцев. Матери кричали, но немцы говорили: «Нам колодьец не надо, нам вода есть». В селе Щелканово немцы привязали девятилетнюю старуху Смирнову к седлу и погнали лошадь. В деревне Склево немцы поймали семнадцатилетнюю девушку. Они ее изнасиловали, потом изуродовали, отрезали груди, распороли живот...

Одна из девчонок не выдерживает, всхлипывает, и, рыдая, выбегает из зала, закрывая лицо руками. Другие еще держатся, украдкой вытирая слезинки. Парень, сидящий во втором ряду, сглатывает, борясь с комом, засевшим в горле. У Мансура странно блестят глаза. Серега Смирнов, сидящий с ним рядом, играет желваками на скулах, пытаюсь сдержаться.

Всегда невозмутимая Нелли Робертовна промокает глаза платочком. Нина Алексеевна кончиками пальцев аккуратно снимает набухающую

прозрачную капельку с уголка глаза.

Дожидаюсь, пока аудитория успокоится и продолжаю:

– Слово предоставляется Леониду Романовичу Шаховскому, ветерану Великой Отечественной Войны.

Снимаю микрофон с ножки и аккуратно, чтобы не зацепиться за волочащийся следом провод, подхожу к старику, начавшему подниматься со стула.

– Прошу вас Леонид Романович, – протягиваю ему рукоять микрофона.

Шаховский благодарно кивает и встает. Ветеран держится спокойно и уверенно. Его внимательный взгляд скользит по лицам школьников.

– Я не умею красиво и складно говорить как Леша, – тихий голос Леонида Романовича, усиленный динамиками, разносится по залу, – и думаю, что о себе мне поведать нечего. Когда немец напал на нашу страну, я служил на границе, воевал, как и многие советские люди, защищавшие свою Родину. Я расскажу вам о других – настоящих героях, погибших на улицах Сталинграда и полях Курской дуги.

Шаховский на мгновение замолкает, и снова продолжает свой рассказ.

– Когда фашисты подошли к Сталинграду, мы получили приказ от Верховного Главнокомандующего «стоять насмерть». И мы его выполнили. Несмотря на шквал артиллерийского, минометного и стрелкового огня, многие тонны бомб, которые на нас обрушили немцы. От большей части города оставались одни развалины, над которым клубами поднимался черный дым. Сквозь пламя и чад виднелись остовы разбитых жилых домов. Особенно страшно гитлеровцы бомбили тракторный завод. Было очень много погибших рабочих. Но никто из оставшихся в живых не ушел с завода. В полуразрушенных цехах под обстрелами и бомбами люди ремонтировали поврежденные в бою танки и делали новые. Они погибали каждую минуту, но продолжали работать.

В те дни я потерял своего товарища Мишу Паникаху. Бывший морской пехотинец, красавец с черными кудрями и белоснежной обаятельной улыбкой, он был любимчиком наших санитарок. Так он и воевал, в черном морском бушлате. Даже в самых страшных боях морпех не терял присутствия духа. Миша всегда отличался бесшабашностью и редким бесстрашием, а и задорная присказка «зададим фрицам жару» подбадривала бойцов в самые трудные минуты.

На нашу 193-тью стрелковую дивизию кинули почти сотню немецких танков. Семеро из них прорвались к окопам 883-его полка, где находился Миша. Он взял бутылки с зажигательной смесью и бросился по окопу к

танку, возглавившему прорыв. Когда Паникаха размахивался для броска, шальная пуля разнесла бутылку. Загоревшаяся жидкость полетела на него, поджигая грудь, плечи и голову. Морпех пылал ярким пламенем, как факел. Объятый огнем, он выскочил из окопа, подбежал к фашистскому танку, запрыгнул на него и разбил вторую об решетку моторного люка. Танк сгорел, Миша погиб там же.

Леонид Романович немного помолчал, давая окружающим время осмыслить его слова и продолжил:

– Бои за Сталинград были жаркими. Там на одной из улиц города погибла Маша Рыбакова. Милая застенчивая девушка – вчерашняя школьница. Она была санитаркой в нашем полку. Маша вытаскивала раненых под самым шквальным огнем. Осколки и пули мистическим образом не задевали её. Когда перестрелки шли уже на улицах города, Маша увидела мертвую женщину возле угла кирпичного дома.

На её груди ползал плачущий малыш весь измазанный материнской кровью. Занятые перестрелкой бойцы не сумели остановить девчонку, рванувшую к ребенку. За ней побежал один из бойцов, но был убит осколком снаряда.

Девчонка добралась до погибшей женщины, подобрала ревущего кроху и, придерживая ребенка одной рукой на боку, двинулась в обратный путь. На последних метрах, в спину девушки попадает пуля. Израненная, теряющая сознание от кровопотери она, доползает под стенку укрытия, передавая малыша в руки бойцам. Через несколько минут Маша скончалась. Ребенок остался жив. Кто-то из бывших однополчан даже рассказывал мне, что в наше время парень работает инженером на заводе, растит двух детей, и каждый год возлагает большой букет цветов на Мамаев курган.

– В боях за Сталинград я был ранен. Некоторое время лечился и после выздоровления в начале апреля 1943 года отправился на позиции в свой полк, расположенный на северо-западе Курской Дуги. Добравшись до места назначения, узнал, что еще в конце марта 193 дивизию отправили во второй эшелон для небольшого отдыха и принятия пополнения. Так сложились обстоятельства, что я остался на линии фронта и встречал фрицев на Курской Дуге.

– Там было очень страшно, – продолжает ветеран.

– Грохот взрывов, трясущаяся земля от гусениц сотен немецких танков, горящие деревни, черные комья земли, с каждым разрывом снарядов летящие на нас, всюду трупы гитлеровцев и однополчан, оторванные ноги и руки, разорванные тела, черная гарь, плотным облаком

витающая над землей, искореженные корпуса «тигров». Оставаться спокойным, когда на тебя катится стальная армада танков, зная, что шансы выжить минимальны, очень трудно. Но в нашем полку никто не дрогнул. Мы знали, за нашими спинами целая страна, которая надеется и верит, что враг не пройдет дальше. Большую помощь нам оказывали летчики. Они сбивали фашистские бомбардировщики, утюжившие наши позиции.

Заместителем командира эскадрильи, прикрывавшей нас, был Алексей Петрович Маресьев. Этот человек стал прообразом главного героя в «Повести о настоящем человеке» Полевого. Вы должны были читать эту книгу. Еще раньше он лишился обеих обмороженных ног, но не сдался, получил разрешение летать с протезами и продолжал бить немцев под Курском. Воевал в этих краях и прославленный летчик Иван Кожедуб. Во время сражений он сбил здесь пятнадцать фашистских самолетов.

Дочь Кирова Женя Кострикова вытаскивала раненых из боев еще в Сталинградской битве. На Курской дуге она спасла двадцать семь танкистов.

Мой знакомый Саша Николаев, с которым мы пили спирт в землянке, готовясь к отдыху в редкие минуты затишья, погиб в этих боях. Сидя в горящем танке, он пошел на таран «Тигра» и взорвал его вместе с собой.

Я подружился с Ваней Сониным, командующим артиллерийской батареей. Его позиции одно время располагались недалеко от нас. По приказу командования он до последнего держал стратегическую высоту, недалеко от деревни Протасово, преграждая путь прорвавшим линию фронта немецким танкам. Он погиб с большинством своих артиллеристов, но удержал позицию, уничтожив два «Тигра» и четыре других немецких танка, а также большое количество пехотинцев.

Последние слова Леонид Романович произносит охрипшим голосом. Он прокашливается, подходит к столу, наливает в стакан воду из графина и залпом его осушает.

— Я могу еще долго рассказывать о героях, которые отдали свои жизни за нашу Родину. Даже сегодня по происшествии тридцати с лишним лет я хорошо помню каждого из них. В моей памяти они навечно останутся живыми. Главное, чтобы Вы помнили их, и не забывали, какой ценой нам досталась победа. Будьте достойными памяти своих героических предков, и готовыми защитить свое Отечество любой ценой. Спасибо за внимание.

Шаховский замолкает. Леонид Романович отдает мне микрофон и усаживается на место. Он спокоен, но побледневшее лицо, выдает состояние ветерана. Воспоминания дались ему нелегко.

— Давайте почтим советских воинов, павших в Великой Отечественной

Войне. Они погибли, защищая нас, своих потомков, ради мирного неба над нашей головой, – мой голос постепенно набирает силу, приковывая внимание слушателей.

– Сейчас в память о павших, но остановивших и разгромивших фашистские полчища советских солдат, прозвучит прекрасная песня «Журавли». Её исполнил уже умирающий от рака Марк Наумович Бернес за месяц до своей смерти, отдавая дань подвигу тех, кто не вернулся с фронта.

Ваня жмет клавишу магнитофона.

Негромкий, наполненный душевной болью голос певца звучит сегодня особенно печально.

«Мне кажется порою, что солдаты
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.

Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?»

Встают директор с завучем. Следом за ними волной поднимаются школьники. Хмурые лица, крепко сжатые кулаки, боящиеся лишний раз шелохнуться тела показывают, какое впечатление производит на них эта песня. Каждый из присутствующих вслушивается в слова, снова переживая всю трагедию произошедшей войны.

«Настанет день и журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле.
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

Мне кажется порою, что солдаты
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей»

Бернес замолкает. На мгновение наступает тишина. Затем она взрывается бурными аплодисментами. Громко хлопают в ладоши Нелли Робертовна и Нина Алексеевна, рукоплещут взволнованные старшеклассники, а раскрасневшаяся Ольга Александровна, на секунду исчезнув со сцены, возвращается с большим букетом роз, и торжественно

вручает его смущенному Леониду Романовичу.

* * *

21 сентября 17:35

Задорный осенний ветерок ласково щекочет лицо холодным воздухом, потерявшие силу лучи солнца лениво проглядывают сквозь хмурые серые тучи. Я бодро шагаю по мостовой, лавируя между текущим навстречу потоком прохожих. Команда моих добровольных помощников уже должна меня ждать в кафе «Снежинка» недалеко от школы. Сегодня я угощаю их знаменитым на весь город мороженым.

Возле кафе, нетерпеливо переминался с ноги на ногу Пашка. Ваня как всегда был спокоен и невозмутим, недалеко в своем сером пальто топталась Аня.

– Привет всей честной компании, – бодро здороваюсь с одноклассниками.

– Лешка, наконец-то, – глаза Амосова сияют радостью и предвкушением будущего пира, – мы тебя уже минут семь ждем.

– Нам с Пашкой нормально, а вот Анька по-моему продрогла, – кивает Ваня на зябко передергивающую плечами Николаенко.

– Ничего подобного, – с жаром возражает девушка, но её выдают озябшие, покрасневшие от холода руки, торопливо спрятанные в карманы серенького пальто.

– Ладно, пошли, – приглашающим жестом указываю на стеклянную дверь кафе. Галантно распахиваю её перед одноклассниками, смотря на Аню. Паша и Ваня расступаются, пропуская девушку. Зеленоглазка, цокая каблучками сапожек, проходит вовнутрь. Следом за парнями, захожу в помещение.

Белые скатерти, высокие стулья с большими спинками, стерильная чистота в сочетании с дневным полумраком – внезапно ощущаю ностальгию, вспоминая как в «той жизни» лакомился в «Снежинке» мороженым с родителями и дедом.

Кафе относительно пусто. В углу сидит молодая семья, кормящая мороженым карапуза лет пяти. За пару столиков от них о чем-то шепчется парочка студентов, в глубине зала, беседуют, попивая кофе, три мужика средних лет. Присутствующие окидывают нас короткими взглядами, и возвращаются к своим делам.

Выбираем небольшой столик рядом с окном. Складываем верхнюю

одежду на одно из сидений. Галантно помогаю Ане освободиться от пальто, а потом, под понимающие взгляды товарищей и веселое подмигивание Паши, отодвигаю перед ней стул. Николаенко величественно присаживается, держа спинку прямо. Интересно, откуда у советской девушки такие аристократичные манеры? Надо потом поинтересоваться её родословной. Может, я с потомственной дворянкой общаюсь? Голубая кровь, белая кость...

Ребята ерзают, поудобнее устраиваясь на сиденьях. Я подтягиваю к себе темно-бордовую папочку с золотистой надписью «Меню» и начинаю изучать её содержимое, пробегая взглядом сероватые, местами слипающиеся буквы, опечатанные на машинке. Ага, вот нашел: Мороженое «Снежинка» с шоколадным сиропом, фруктами и тертыми орехами. Рубль сорок порция.

– Молодой человек уже выбрал, что будет заказывать? – раздается над ухом.

Поднимаю глаза. Чуть в стороне от меня стоит улыбающаяся полненькая официантка лет тридцати, в белоснежном фартуке и таком же чепчике, из-под которого кокетливо свисает золотистая челка.

Паша, Иван и Аня стреляют в меня вопросительными взглядами.

– Молодой человек, – улыбаюсь в ответ работнице общепита, – хочет заказать для себя и друзей, четыре мороженых «Снежинка», четыре молочных коктейля, а на десерт, немного попозже, чай и пятьсот грамм порезанного на маленькие ломтики «Наполеона».

Официантка кивает, сосредоточенно записывает мой заказ в маленький блокнотик и уходит, бросив на меня изумленный взгляд. Удивляется, что школьник так деньгами разбрасывается.

– Леш, а это не дорого обойдется? – Николаенко встревожено смотрит на меня, – у меня только рубль имеется.

– Действительно, Лех, что-то ты много заказал, – поддерживает девушку Иван, – денег то нам хватит? У меня копеек восемьдесят на кармане.

– Ребята, сегодня я вас угощаю, – жестом предупредительно останавливаю Пашку, тоже рвущегося что-то сказать, – вы помогли мне сделать большое дело. Мы сработали как одна команда, и у нас все получилось. Поэтому давайте не будем дальше обсуждать эту тему, а просто посидим в кафе, пообщаемся и поедем лучшее мороженое в городе.

– Лешка, ты точно клад откопал, – в глазах Амосова мелькают лукавые искорки, – а может, ограбил кого?

Пашкина голова сотрясается от легкого подзатыльника.

– Ваня, ты задолбал!!! – обиженно взывает Амосов.

– Не говори глупостей, – назидательно говорит Иван, – придумал тоже «ограбил». Ты Шелестова с шоблой Быка не ровняй. И вообще, захочет Леша, сам расскажет, откуда у него бабки.

– Да тут вообще-то никакого секрета нет, – немного смущенно отвечаю Амосову, – родители регулярно дают деньги на всякие мелочи, школьное питание, дарят на день рождения, просто я их уже несколько лет никуда особенно не трачу. Вот и накопилась приличная сумма.

Наш разговор прерывается подошедшей официанткой с подносом. На столе поочередно появляются стеклянные вазочки с горками белоснежного пломбира, обильно политого темным жидким шоколадом, посыпанного тертыми орехами и кусочками фруктов. Все это великолепие прикрывает собой основу из безе. Умелые руки работницы общепита мелькают как молнии, расставляя молочные коктейли с тающей на бокалах нежной пенкой и лопающимися воздушными пузырьками.

– Леш, а что дальше? – задумчиво спрашивает Аня.

– В смысле? – интересуюсь я.

– Ну вот, организовал ты... мы, – поправляется одноклассница, – встречу с ветераном. Послушали, похлопали и разошлись. Через несколько дней большинство все забудет. Что дальше? Чего ты хотел этим добиться? Заработать очки перед директором и завучем? Начать карьеру в комсомоле?

– Видишь ли, Ань, это очень сложно рассказать в двух словах, – я на секунду задумываюсь, как донести свои мысли до Ивана и девушки, с интересом ожидающих моего ответа. Только Пашке все нипочем. Амосов выложил на тарелочку соломинку и увлеченно смакует напиток, не обращая внимания на белую полоску молока на верхней губе.

– Паша не будь хрюшей, – подаю ему салфетку.

– Ага, спасибо, – бормочет Амосов, вытирая пенку. Под негодующим взглядом Вани, у которого явно чешутся ладони, Пашка аккуратно складывает руки как на школьном уроке, и, изображая невинного ангелочка, с преувеличенным вниманием смотрит на меня.

– Ладно, давайте пока мороженого поедим, – предлагаю я. Амосов радостно кивает, и начинает энергично работать ложкой, Ваня с задумчивым видом тянет из соломинки коктейль. Аня ест пломбир маленькими порциями по половине ложечки, заказывая глаза от гастрономического экстаза. Через пять минут Николаенко решительно отставляет опустевшую вазочку, Ваня с тяжелым вздохом откидывается на спинку стула, только Пашка продолжает увлеченно хрустеть остатками льдинок коктейля.

– Леш, ты не ответил на вопрос, – напоминает мне девушка.

– Хорошо, Аня я поясню, – вдыхаю, набирая в грудь воздух перед продолжительным монологом, – помните цитату, знаменитого чехословацкого журналиста Юлиуса Фучека в «Репортаже с петлей на шее»: «Бойся равнодушных! Именно с их молчаливого согласия творится все зло на Земле». Это немного перефразированные слова Роберта Эберхарда, вымышленного персонажа романа Бруно Ясенского «Заговор равнодушных». Впрочем, речь не об авторстве этого выражения.

Я не хочу оставаться равнодушным. И желаю сделать все возможное, чтобы окружающие меня люди не становились ими. Чтобы идти в будущее, надо помнить и ценить свое прошлое. На зыбком песке не построить прочное здание. Для движения вперед, нужна основа, на которой общество будет стоять как на прочном фундаменте. Сегодня мы школьники, а завтра станем учеными, инженерами, офицерами и врачами. От нас, в том числе, зависит, каким будет будущее, сможем ли мы в нужный момент не дрогнуть и встать на защиту своей Родины.

Дело в том, что сегодня мы воспринимаем многое как должное, и не задумываемся, какой ценой добились этого предыдущие поколения, пережившие две войны, голод, восстановление страны из руин. Вот об этом я и хочу напомнить. Заставить задуматься, осознать и понять.

– Какие-то слишком взрослые у тебя мысли Леша, – Иван серьезно смотрит мне в глаза, – ты как старик рассуждаешь.

– Просто в последнее время много читал и думал, – криво усмехаюсь я, – дальше продолжать? Я не договорил.

– Продолжай Леш, – Николаенко сердито тыкает локтем в бок Вани, – мы тебя слушаем.

Очередное озарение накатывает неожиданно. Вся жизнь ребят в «лихих 90-ых» проносится у меня перед глазами в ярких цветных картинках. Волков, перемещающийся в инвалидной коляске, после избиения бандитами, сутулящийся в телогрейке Амосов, потерявший работу в своем НИИ, и торгующий носками на рынке, чтобы выжить, Николаенко, за несколько лет превратившаяся из красивой девушки в усталую, замордованную жизнью мать-одиночку, озабоченную ежедневной добычей пропитания для своего ребенка. Смутное время ельцинского беспредела тяжелым катком проехалось по ним, безжалостно ломая судьбы.

– Леха, ты чего? – Ваня трясет меня за руку, – ты в порядке?

– Все нормально, – выдерживаю предплечье из ладони Волкова.

– Теперь, что касается «забудут через несколько дней», – продолжаю я, – Ань, ты в корне неправа. Да впечатления со временем сгладятся,

рассказанное будет постепенно забываться, вытесняться новыми интересами, заботами и проблемами. Но уверен, след в душе у многих все-таки останется. А я позабочусь о том, чтобы он опечатался навечно.

– Ну хорошо, – вступает в разговор девушка, – а тебе зачем это все надо? Не слишком ли ты много берешь на себя в шестнадцать лет? Для всего этого есть комсомол, партия, люди, которые этим занимаются.

Задумываюсь. Несколькими словами здесь не отделаешься. Попробую донести до ребят свои мысли доступно и максимально сжато.

– Ань жизнь можно прожить двумя способами. Первый – учиться, затем устроиться на работу, завести семью, растить детей. Это абсолютно нормально. По такому пути идет большинство. А можно попытаться сделать что-то особенное для людей и страны, в которой ты живешь. Менять мир вокруг себя, ощущать как тобой и твоими единомышленниками творится история. Ты никогда не задумывалась, почему сейчас многие комсомольцы, бросают налаженный быт, обустроенную жизнь в больших городах и едут возводить БАМ, годами ночуя в палатках и вагончиках под ветрами и дождями? Конечно, большую роль играет романтика, чеки на новые автомобили и высокие зарплаты.

Но многие хотят вырваться из обычного существования, стать частью чего-то грандиозного, оставить свой, пусть и небольшой след в истории, принести пользу своей Родине.

В условиях, в которых они находятся, быстро исчезает вся фальшь, слетает вся наносная шелуха, и каждый человек виден как на ладони. Люди, испытывая себя на прочность, становятся настоящими, цельными, волевыми и искренними. Эгоисты, неженки, склочники там не задерживаются.

Вот и я Ань, так хочу жить. Ярko и красиво, делая все возможное и невозможное для собственной страны. Помните, книгу Николая Алексеевича Островского «Как закалялась сталь»?

Одноклассники кивают. Ваня серьезен и внимательно слушает. На лице Амосова застывает и пропадает без следа улыбка. Аня задумчиво смотрит на меня, ловя каждое слово.

– Там есть прекрасная сцена. Главный герой произведения Павел Корчагин размышляет на кладбище о смысле своего существования. Помните? «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». И я с этой мыслью полностью согласен.

Секунду перевожу дыхание, и продолжаю:

– Что касается тех, которые как ты говоришь, «этим занимаются». Вот смотри, каждый четверг в нашем классе проводится политинформация.

Скажи, только честно, ты можешь вспомнить, о чем говорилось, к примеру, две недели назад?

Николаенко на секунду задумывается, и отрицательно мотает головой.

– Вот видишь, – назидательно говорю девушке, – более того, все делается, чтобы провести мероприятие чисто формально, и о нем быстро отчитаться. Унылый бубнеж, состоящий в монотонном чтении бумажек в принципе приводит к противоположному эффекту. Он подсознательно вызывает отторжение.

Половина на этом уроке просто спит, вторая – занимается собственными делами. Докладчика никто не слушает, в его слова никто не вникает. Всем, извини меня, до задницы, что он говорит. Согласны?

Обвожу глазами собеседников. Парни и девушка кивают.

– И какой результат достигается? – иронично усмехаюсь, – никакой. Наоборот, прививается отвращение к политинформациям. Вот об этом и речь. И сказанное относится к большинству подобных мероприятий. А у нас все отлично получилось. Потому что, мы подошли к делу с душой. Воздействовали на сердца и эмоции людей, продумали каждый момент. Грамотно выбрали материалы, и сумели их правильно подать. Вот и все. Парадокс, но мы справились с задачей, намного лучше чиновников от комсомола и партии, которые занимаются этим по должности.

Официантка приносит нам чай и солидный кусок «Наполеона» порезанный на тонкие ломтики. Некоторое время мы отдаем должное свежему торту, наслаждаясь тающим на языке сливочным кремом.

– И что ты будешь делать дальше? Поедешь строить БАМ? – уточняет Волков.

– Нет Вань, там и без меня есть кому работать, – отмахиваюсь от его предположения, – мой тренер Игорь Семенович Зорин открывает военно-патриотический клуб. Я ему помогаю. Сейчас все на стадии согласования. Думаю, вместе, объединившись в одну команду, мы сможем многое сделать.

– И чем будет заниматься этот твой клуб? – ироничная ухмылка снова появляется на лице Амосова, но выглядит она натянутой и какой-то неуверенной.

– Много чем. В двух словах и не скажешь. Если очень кратко, будем изучать военное дело, чтобы защищать свою Родину, тренироваться, работать с молодежью и делать наш город лучше, чище и красивее, – пытаюсь отшутиться я.

– А девушек в ваш клуб принимают? – Аня, минуту назад опустившая взгляд, снова поднимает на меня глаза.

– Пока еще рано об этом говорить. Но я не вижу никаких проблем. Если кто-то из вас захочет присоединиться, я буду только рад, – отвечаю я.

– Мы с тобой Лех, – подтверждает Ваня. Пашка, перемалывающий челюстями последний кусочек торта, согласно кивает.

Эх ребята, если бы вы только знали, зачем мне это нужно. Военно-патриотический клуб – это только первый маленький кирпичик, заложенный в основание крепости, защищающей нашу Родину. А тем временем время неумолимо отчитывает мгновения, с каждым мигом приближающие к трагическому финалу СССР. Как много мне предстоит успеть сделать.... Хватит ли у меня сил, чтобы предотвратить неизбежное? Сможет ли один человек повернуть назад уже запущенный маховик истории? Сердце стучит, стараясь выпрыгнуть из груди. Горло душит огромный ком, перекрывая воздух.

Усилием воли гоню от себя навязчивые мысли. Глубоко выдыхаю, приходя в себя. Пока я жив, буду бороться.

– Спасибо, – протягиваю парням руку. На мою ладонь опускается широкая лапа Волкова, её накрывает пятерня Амосова, сверху на наше переплетение рук робко пристраиваются изящные пальчики Ани.

* * *

22 сентября 1978-ого года.

Резкая трель телефонного звонка взрывает сонную тишину квартиры. Быстро сбрасываю, отлетевшую к стене сумку в прихожей и рывком хватаю трубку.

– Алло, – гремит в динамике голос сенсея.

– Здравствуйте Игорь Семенович, – вежливо приветствую наставника.

– Значит так Алексей, через полчаса я буду у тебя. Я дозвонился до Морозова, он уже приехал из командировки и через час ждет нас. Ты хоть после школы перекусил?

– Нет. Я только с занятий пришел. Даже раздеться еще не успел.

– У тебя есть полчаса на обед и сборы. Если не успеешь поехать, то в городе что-нибудь перехватим. Сейчас четверть четвертого, чтобы в 15:40 был возле подъезда. Секретарь райкома комсомола ждет нас в 16:15. И сумку с формой спортивной захвати. Оттуда сразу в зал поедem. Ты же не забыл, что у нас сегодня тренировка?

– Нет, не забыл. Так точно. Будет исполнено, товарищ майор, – дурашливо гаркаю в трубку.

– Пошути у меня еще, весельчак, – хмыкает наставник, – я вижу, энергии у тебя хоть отбавляй. Ничего, сегодня мы её поубавим. Я лично твоей физической и технической подготовкой займусь.

– Игорь Семенович, может не надо? Я исправлюсь, честное слово.

Зная таланты сенсея, боюсь, что после такой «ударной» тренировки мне придется несколько дней приходить в себя и передвигаться, исключительно старческим черепашьям шагом, ощущая дикую боль в мышцах.

– Ладно, посмотрим на твое поведение, – смягчается Зорин, – все, жду тебя через полчаса у подъезда.

В динамике заунывно пиликают длинные гудки. Вешаю трубку, сбрасываю куртку на диван, и бегу на кухню, разогревать оставленный мамой обед.

Через полчаса, закинув сумку с кимоно за плечо, выбегаю на улицу. Возле подъезда уже примостился к тротуару знакомый темно-синий «москвич». Открываю переднюю дверцу и плюхаюсь на сиденье рядом с сенсеем.

– Форму взял? – уточняет Зорин.

– Конечно, – демонстрирую ему сумку.

– С секретарем я буду в основном разговаривать. Ты особо в беседу не лезь. Можешь что-то добавить, ответить на вопросы. Вобщем действуем так, как договорились.

– Никаких проблем Игорь Семенович, я вас не подведу, – клятвенно прижимаю руку к груди, – все будет нормально.

Наставник кивает, и поворачивает ключ зажигания. Машина содрогается, оживая. Через несколько секунд мы уже выезжаем к трассе. Начинает моросить мелкий дождик. В окне, усеянном дрожащими капельками влаги, передо мной проносятся здания, троллейбусы, фигурки людей, спешащих по своим делам. Но мне не до них, сосредотачиваюсь, прокручивая в голове сценарии беседы и возможные варианты ответов.

Сэнсей поворачивает, и перед нами вырастает серое двухэтажное здание райкома комсомола. Наставник аккуратно втискивает «москвич» между новенькой, сверкающей черной эмалью, «волгой» и ухоженной бежевой «пятеркой».

– Пошли, – командует Игорь Семенович. Открываю дверцу, и выпрыгиваю из машины. Тренер звенит ключами, клацает замок, и мы шагаем к входу здания.

Зорин берется за ручку массивной дубовой двери и тянет её на себя. Она тихо скрипит, протестуя, но послушно отворяется перед нами. Мы

проходим в большое помещение с большими квадратными колоннами. Сидящий за столом в холле сержант встает, и направляется к нам.

– Вы к кому товарищи? – строго спрашивает милиционер.

– Здравствуйте, нам назначено на 16:15 у Константина Дмитриевича, – рапортует тренер.

– Ваш паспорт, – просит сотрудник милиции. Зорин молча вынимает красную книжечку с золотым гербом Советского Союза и кладет её в протянутую ладонь.

– А парень? – уточняет сержант.

– Он со мной, – твердо отвечает сэнсей.

Сотрудник внутренних органов придирчиво изучает паспорт, и решительно протягивает руку к коробке внутреннего телефона.

– Алина Андреевна, тут к товарищу Морозову посетители пришли, – докладывает он, – да, да, Зорин Игорь Семенович с пацаном каким-то. Говорит, что им назначили. Хорошо.

Положив трубку, сержант разворачивается к нам, протягивая паспорт сэнсею. Зорин прячет его обратно в карман.

– Присядьте, пожалуйста, – просит милиционер, указывая на большую деревянную скамью со спинками и откидными сиденьями, обтянутыми коричневым дермантином, – сейчас за вами придут.

Мы послушно устраиваемся у стенки, недалеко от стола работника органов.

Через минуту в холл спускается молодая девушка. Она окидывает взглядом помещение и решительно направляется к нам. На её милом курносом личике расцветает белозубая улыбка.

– Товарищ Зорин? – уточняет она.

– Так точно, – наставник стремительно поднимается.

– Очень приятно. Я Марина, – представляется девушка, – а этот паренек с вами?

– Да, мы вместе, – подтверждает сэнсей.

– У этого, паренька, между прочим, имя есть, – недовольно бурчу, смотря на девчонку.

– Извините, – улыбка на лице Марины чуть меркнет, – я не хотела вас обидеть, Как вас зовут?

– Ничего страшного. А зовут меня Алексей, – вежливо отвечаю комсомолке. Отношения с работниками райкома ВЛКСМ надо налаживать. Мало ли какие вопросы и проблемы возникнут в будущем.

– Идемте, – командует девушка. Она разворачивается и ведет нас к лестнице. Мы медленно понимаемся на второй этаж. Иду следом за

Мариной. Передо мной маячит упругая попка в длинной серой юбке, вызывая непристойные мысли. Мы проходим несколько кабинетов и заходим в большую приемную.

Женщина средних лет, сосредоточенно печатающая на машинке, услышав цокот каблучков девушки, отрывается от своего занятия, и поднимает на нас глаза.

– Алина Андреевна, встретила товарищей и привела к вам, все как вы просили, – отчитывается комсомолка.

– Спасибо Мариночка, – певучим голосом отвечает секретарша, – можешь идти.

Девушка исчезает в коридоре.

– Проходите. Константин Дмитриевич вас уже ждет, – приглашает женщина.

Дверь с табличкой «Первый Секретарь Петровского (?) райкома ВЛКСМ К. Д. Морозов» тихо отворяется перед нами. Заходим в кабинет.

Полноватый высокий мужчина в сером костюме привстает с кресла. Он обаятельно улыбается, но колючее, холодное выражение, на долю секунды промелькнувшее в глубине его глаз, я все-таки уловил.

– Здравствуйте, товарищ Зорин, – протягивает главный комсомолец города руку сенсею, – будем знакомы. Мне, как я понимаю, представляться не надо.

– Здравствуйте, Константин Дмитриевич. Конечно не надо, – сэнсей растягивает губы в ответ.

– А этот приятный молодой человек, – продолжая приветливо улыбаться, Морозов внимательно разглядывает меня.

– Алексей Шелестов, – скромно представляюсь я.

– Вы случайно не сын Александра Константиновича? – в глазах Морозова мелькает искорка интереса.

– Сын, – невозмутимо подтверждаю его предположение.

– Мой помощник, думаю сделать его своим заместителем в военно-патриотическом клубе. Парень буквально, «горит» этой идеей, и мне много чем помогает, – добавляет наставник.

– Похвально, – Константин Дмитриевич одобрительно кивает, – Комсомолец?

– Конечно, вступил в ВЛКСМ еще два года назад.

– Похвально, – повторяет Морозов и спохватывается, – что же вы стоите товарищи? Присаживайтесь!

Мы усаживаемся на массивные стулья, рядом главным комсомольцем.

– Чай с сушками будете? – уточняет хозяин кабинета, – я могу

распорядиться.

– Нет, спасибо, – вежливо отказывается Игорь Семенович, – мы недавно пообедали.

– Хорошо, – главный комсомолец становится сух и деловит, – давайте перейдем к вашему вопросу. Мне звонил Николай Яковлевич, попросил встретиться с вами, пообщаться и помочь в хорошем начинании. Слушаю вас товарищ Зорин.

– Константин Дмитриевич, мы хотим создать военно-патриотический клуб для молодежи. Научить ребят военному делу, заняться их физической подготовкой, уделить внимание патриотическому воспитанию. Будем помогать ветеранам, ходить в походы, искать останки погибших советских солдат для их достойного захоронения.

– Дело вообще-то хорошее, – Морозов задумчиво трет подбородок, – а вот скажите мне, зачем для этого организовывать именно военно-патриотический клуб? В школе преподают НВП, у пионеров есть Зарница, помощь ветеранам можно организовать и силами комсомола. Между прочим, мы этим уже давно занимаемся.

– Константин Дмитриевич, многих школьников и студентов можно привлечь именно военной романтикой, возможностью стать сильными, подготовленными и уверенными в себе. Только подумайте, какие чувства испытывает любой советский мальчишка, учась рукопашному бою, возможности обращения с оружием, чувствуя себя членом сплоченной, дружной команды, способной в любой момент встать на защиту Родины, участвуя в походах, поисках погибших советских солдат. А сколько трудных подростков можно отвратить от уголовной романтики, предложив достойную и интересную альтернативу? Недаром наше советское государство уделяет немало внимание спорту, досугу и развитию детей. Мы объединим сразу несколько полезных направлений: патриотическое воспитание, физическая подготовка, общественная работа и военное дело. И все это с вашей поддержкой. Комсомольцы работают вожатыми, открывают кружки, ведут секции. А теперь еще и с вашей помощью, будут учить молодежь военному делу, подготавливать новых достойных граждан нашей социалистической Родины.

– Ну хорошо, – задумчиво произносит Морозов, – допустим, вы меня убедили. Какая вам помощь нужна на первом этапе?

– Помещение для клуба, – Зорин четко придерживается нашего плана, – нам нужно место, где мы сможем собираться, проводить работу с молодежью, организовывать мероприятия. Желателен, хоть какой-то минимум мебели, если это возможно. Все остальное мы сделаем сами.

– Ладно, – Константин Дмитриевич хлопает ладонью по столу, – с помещением мы вам поможем. Был у нас тут один хлопец. Вел секцию классической борьбы, в ЖЭКе ему выделили подвал на Петроградской по нашей просьбе. Парень женился и переехал в другой город, а помещение сейчас, насколько я знаю, закрыто на ключ. Там даже маты, по-моему, остались в зале. Сделаем так, я сейчас вызову своего сотрудника, он с вами подъедет в ЖЭК, возьмете ключи, и посмотрите подвал. Если все устроит, будете туда вселяться, с ЖЭКом договоримся.

Главный комсомолец разворачивается и нажимает кнопку громкой связи на селекторе.

– Алина Андреевна, Молодцов на месте?

– Да, сидит у себя.

– Прекрасно, пусть сейчас зайдет ко мне.

Морозов, щелкает кнопкой, прерывая связь, и снова поворачивается к нам.

– Сейчас Максим зайдет, я вас с ним познакомлю, введу его в курс проблемы, и вы с ним обо всем договоритесь. Он будет вашим куратором и если возникнут какие-то вопросы и предложения, можете смело обращаться к нему.

– Можно? – в кабинет заглядывает молодой парнишка лет 23-ех.

– Нужно. Проходи, не стой там как школьница на первом свидании, – ворчит Константин Дмитриевич.

Паренек здоровается с нами, и аккуратно присаживается на стул рядом, замирая в ожидании.

– Тут такое дело. Ребята организуют военно-патриотический клуб. Надо им помочь. Съездишь с ними в ЖЭК на Петроградской, возьмешь ключи и покажешь помещение, где у нас Толя с детьми занимался, скажешь, я попросил. Если все устроит, будем им передавать в пользование. Все необходимые вопросы с ЖЭКом согласуем, бумаги подготовим.

– Ребята, все формальности Максим уладит. Если возникнут какие-либо вопросы или понадобится помощь, смело обращайтесь к нему, – Морозов встает из кресла, протягивая нам руку.

Прощаемся с комсомольцем и направляемся к выходу.

– Кстати, а как клуб свой назвать думаете? – догоняет нас у выхода вопрос Константина Дмитриевича.

В памяти вспыхивает яркая картинка, намертво впечатанная в мое сознание. Навсегда застывшие глаза небесно-голубого света, разметающаяся по паркету тяжелая копна роскошных русых волос, местами

слипшихся от крови и маленькая ладошка, сжимающая ярко-красный стяг с Гербом СССР.

– Красное Знамя, – мысленно вздохнув, отвечаю главному комсомольцу.

– Хорошее название, – Морозов с хитрым прищуром смотрит на меня, – Обустраивайтесь пока, работайте, а там, может, и мы с Николаем Яковлевичем к вам в гости заедем. Примете?

– С большим удовольствием, – улыбается Зорин, – могли бы даже и не спрашивать.

– Ну вот и отлично. Не буду вас больше задерживать товарищи.

23 сентября. 16:30

Желтое такси «волга» тормозит у типовой пятиэтажки из белого кирпича. Рассчитываюсь с водителем «трешкой», и выпрыгиваю из машины. В руках у меня авоська с ярко-алыми большими помидорами и пупырчатыми темно-зелеными огурцами, большой кулек с сочной килограммовой телячьей вырезкой, пучком зелени, желтым ломтем сыра, палкой колбасы, тортом «Прага», и бутылкой шампанского, которую я упросил купить алкоголика, мающегося возле водочного магазина, посулив ему бутылку водки, в качестве презента.

На правом предплечье, при каждом движении хрустит перевязанная розовой лентой прозрачная целлофановая упаковка с выглядывающими пятью нежными бутонами бордовых роз, только начавших распускать лепестки.

Все это великолепие, за исключением, спиртного, торта и сыра я приобрел на рынке. Закупка всех продуктов обошлась мне немногим менее двадцати пяти рублей.

Поднимаюсь по серым бетонным ступенькам, читаю надпись перед входом «общежитие?1 Н-ского кулинарного техникума». Решительно толкаю дверь. Перед железной вертушкой, закрывающей выход в коридор с комнатами, в стеклянной будке сидит нахохлившаяся толстая бабка, укутанная в невзрачный серый платок.

– Здравствуйте, – вежливо обращаюсь к церберше.

– Чего хотел-то? – недовольно отзывается вахтерша, строго смотря на меня. Мое приветствие она проигнорировала.

– Я к Светлане Анисимовой из 204 комнаты, – информирую злобную бабульку.

– Много вас таких ходят, – ворчит старушка, – Светка мне ничего не говорила, что к ней кто-то придет.

– Так я могу пройти? – уточняю у вахтерши.

– Анька, – внезапно орет бабка, увидев мелькнувшую в коридоре русую девчонку в красном домашнем платице с белыми цветочками.

– Что вам Марь Степанна? – девушка снова появляется в проеме, оглядывая меня заблестевшими от любопытства синими глазами.

– Тут к Светке из 204-ой ухажер пришел, – бурчит старуха, поправляя серый платок на голове. Зачем она носит его в помещении, так и осталось для меня загадкой.

– Скажи ей пусть выйдет, посмотрит. А то она мне ничего не говорила, что к ней кто-то должен прийти. Теперь вот не знаю, пропускать этого Ромео, или не пропускать.

– Хорошо Марь Степанна, – девчонка, стрельнув в меня напоследок глазками, исчезает.

Через минуту появляется Света. Шатенка явно недавно вылезла из душа. Махровый халат облегает её с ног до головы, на нежной коже трепетно дрожат прозрачные капельки воды. Мокрая челка, выглядывающая из-под большого тюрбана-полотенца, приклеилась к розовому распаренному лобику.

– Ишь бесстыдница. Ты чего в таком виде вылезла? Ни совести, ни стыда у этой молодежи, – продолжает ворчать старая.

– В каком виде была, в таком и вылезла Марь Степанна, – с достоинством отвечает девушка, – в конце концов, я же не голая. Вам бы лишь бы придраться

Бабка что-то тихо бурчит в ответ, но её уже никто не слушает.

– Привет Свет. Я, наконец, добрался до тебя, – улыбаюсь шатенке.

– Привет. Долго же ты шел. Целую неделю, – девчонка насмешливо смотрит на меня, затем её взгляд перемещается на цветы.

– Это мне?

– Тебе и только тебе, – шутливо отвечаю, протягивая букет, – ты достойна этих роскошных роз.

Вахтерша саркастически хмыкает, но мы не обращаем на неё внимание.

– Спасибо, – тихо говорит девушка. Её лицо освещает теплая искренняя улыбка. Пухлые алые губки раздвигаются, обнажая ровный ряд белоснежных зубок.

Света берет букет обеими руками, и, прикрыв глаза, мечтательно вдыхает пьянящий цветочный аромат, зарываясь лицом в нежные бархатные лепестки.

– Вы тут долго стоять будете? – начинает высказывать недовольство вахтерша, – устроили здесь место для свиданий. Либо проходите, либо

идите на улицу.

– Ах да, – спохватывается шатенка, – пошли.

– Чтобы до одиннадцати часов закончили свои посиделки, – преследует нас крик Марьи Степановны, – иначе сама приду, и выгоню на улицу твоего хахаля.

– Чего она такая злая, эта бабка? – недовольно бурчу, пока мы идем к комнате шатенки.

– Злая? Да нет, скорее строгая, – отвечает Света, продолжая на ходу любоваться букетом, – беспокоится о нас. Марь Степанна ворчливая, доставучая, иногда бывает настоящей язвой, но нам как родная. Она раньше преподавала в нашем техникуме, потом ушла на пенсию, а сидеть дома скучно. Просилась обратно, а человека на её место уже взяли. Вот и работает вахтером пока. Но за девочек сражается как лев. В прошлом году, Ирку хотели исключить из техникума за плохую успеваемость. А у девчонки мать больная, брат маленький и отец пьет, так она подрабатывала в свободное время, чтобы близким помочь. Готовила, убирала, следила за детьми в одной семье, работников торговли, по-моему. Когда её исключать собрались, Марь Степанна такой разнос в деканате устроила, что им тошно стало. И сколько еще подобных случаев было. Так что, человек она хороший. Мы её любим, а она нас.

– Понятно. Значит бабка боевая, и любому за вас глотку порвет.

– А ты как думал? – лукаво смотрит на меня Света, – так что, води себя хорошо. Если что, натравлю на тебя Марь Степанну.

– О нет, только не это, – умоляюще произношу я, – обещаю быть хорошим и добрым. И не приставать. Почти.

– Маловат ты еще для приставаний, – назидательно говорит шатенка, – подрастешь чуть-чуть, тогда посмотрим.

– Мал, да удал, – театрально выпячиваю грудь и разворачиваю плечи, – и вообще, ты меня недооцениваешь принцесса.

Девчонка тихонько прыскает в кулачок.

– Ты такой забавный, – её голос подрагивает от еле сдерживаемого смеха.

Мы, наконец, подходим к двери с номерком «204».

– Подожди минутку, – просит девушка, – я сейчас переоденусь и тебя позову.

– Без проблем, – пожимаю плечами, – давай.

– Я быстро, – обещает шатенка и исчезает за дверью. Внутри раздаются неразборчивые голоса, затем шум затихает.

Пока Света приводит себя в порядок, погружаюсь в свои мысли.

Помещение у нас уже есть. Все вопросы с его передачей военно-патриотическому клубу решились удивительно быстро, благодаря помощи главного комсомольца. Никаких бюрократических проволочек. Даже как-то пугающе легко. Такое впечатление, что кто-то незримый, там наверху помогает и направляет меня.

Вчера, после разговора с Морозовым, мы сразу поехали смотреть подвал.

Начальника ЖЭКа не было на месте. Максим на минутку отлучился в бухгалтерию, где работала его знакомая, а секретарша, уже собиравшаяся домой, встретила нас с Зориным недовольной гримасой, и просьбой зайти по своим вопросам завтра. Но когда в приемную зашел Молодцов, она сразу же засияла ослепительной улыбкой. Ключи от подвала для «Максима Петровича» нашлись моментально.

Помещения, которые нам предложили под клуб, располагались в соседнем подъезде. Шесть просторных помещений нам понравились. Комнаты оказались даже не подвалом, а скорее цокольным этажом, с окнами, выходящими на поверхность мостовой. Большой зал с борцовским ковром и скамейками, расставленными у стенок, сразу произвел на нас впечатление. Остальные комнаты были поменьше. В одной из них находились стойка со штангой, набор гантелей и гирь на резиновом коврике, шведская стенка, самодельный турник и брусья из железных балок. Еще одна комната была раздевалкой. На стены были вбиты планки с железными крючками для одежды, а по углам расставлены такие же скамеечки, как и в зале, но размерами поменьше. Четвертое помещение являлось тренерской. Там ничего не было кроме покосившегося стола и двух старых стульев. Как пояснил нам Максим, раньше там была нормальная мебель, но после отъезда тренера по борьбе, её забрал ЖЭК.

Две оставшиеся небольшие комнаты сверкали голыми стенами с немного облупившейся краской.

Пообщавшись с Игорем Семеновичем, мы решили сделать одну из них столовой, а другую использовать для совещаний нашего «актива». Максиму сказали, что нас все устраивает, и попросили техплан помещений. Комсомольский активист убежал к терпеливо ожидающей нас сотруднице ЖЭКа. Через минут двадцать он вернулся, отдав нам связку ключей, и предложив начинать обустриваться. Письма в ЖЭК и другие необходимые документы Максим обязался подготовить быстро. С мебелью он тоже пообещал помочь. За техпланом, нужно было забежать в ЖЭК к секретарше Ирине Александровне через несколько дней, но потом обязательно ей вернуть.

Так что помещение у нас уже есть. Теперь его нужно было немного привести в порядок и обустроить. И еще предстоял непростой разговор с Зориным по поводу дальнейшей работы нашего клуба.

Дверь в комнату приоткрывается, прерывая мои раздумья. В коридор высовывается довольное личико Светы. Девочка уже успела «навести красоту». Губки подкрашены яркой алой помадой, а ресницы густо зачернены тушью. Хотя без косметики, она смотрелась, может быть не так ярко, но моложе и свежее.

– Я уже все, – сообщает она, – можешь проходить.

Захожу в комнату. Две аккуратно застеленные постели, прикроватные тумбочки с девичьими мелочами, компактный шкаф, маленький коврик на полу, кокетливые розовые шторы. Типичная женская общага.

– Привет, – здоровается со мною стоящая у окна высокая рыжая деваха. Её лицо щедро усеяно задорными веснушками, – я – Алена. А ты, как я понимаю, Леша. Мне Светка о тебе рассказывала.

– Привет. Правильно понимаешь, – улыбаюсь девчонке, – А что же такого Света про меня говорила?

Рыжая открывает рот, но сказать ничего не успевает.

– О, я смотрю, ты помидоров и огурцов с собой притащил, – поспешно вклинивается в разговор шатенка, пронизывая злым взглядом чересчур болтливую подругу. Алена испуганно прикрывает ладошкой ротик, но в глубине карих глазок девушки мелькает искорка смешинки.

– Решил подкормить бедных студенток? А в кулке у тебя что? – продолжает уводить беседу от опасной темы Света.

Я выкладываю на небольшой столик у окна, телячью вырезку, коробку с тортом «Прага», бутылку «Советского шампанского», сыр и купленный на рынке, кружок домашней колбасы.

– Ничего себе, – восхищенно выдыхает рыжая, – повезло тебе подруга, богатея подцепила.

– И где ты все это достал? – пристальный взгляд Светки пытается прожечь меня насквозь, – ограбил кого-то?

– Где взял, там уже нету, – усмехаюсь я, – и вообще, за такие предположения я могу обидеться.

– Но все-таки, откуда деньги? – шатенка обводит рукой выложенные на стол продукты.

– Как утверждал самый мудрый человек древности – царь Соломон в своей книге «Екклесиаст», «от многих знаний, многие печали», – хладнокровно говорю я.

Лицо девушки каменеет.

– Свет, – предупредительно поднимаю руку, гася назревающий взрыв, – это мои деньги. Отчитываться перед тобой и рассказывать, откуда они, я не буду. Но даю слово, что ни один честный советский человек в процессе их добывания не пострадал. Да и стоит это все это не так много, чтобы закатывать разбирательство.

Шатенка с шумом выдыхает. Рыжая с интересом смотрит на меня.

– Какой загадочный парень, я просто заинтригована – вкрадчиво мурлыкает она, – граф Монте-Кристо прямо.

– Ладно, девчонки, давайте поговорим о другом. Света, ты помнишь, ты обещала удивить меня своими кулинарными шедеврами, а я обязался привести продукты и помочь тебе готовить. Вот они лежат у тебя на столе. Предлагаю, всем вместе отправиться на вашу кухню и сделать из них, что-то невообразимо вкусное. А потом закатим «пир на весь мир»! Договорились?

– А давайте, – рыжая азартно взмахивает рукой, – я согласная. Твой знакомый Светка знает, чем соблазнить бедных студенток. Мы на все готовы ради кусочка жареного мяса и вкусного торта.

– Хорошо, – неуверенно произносит шатенка, – берите продукты, и пошли. Только думаю, одним нам посидеть точно не дадут. Девочки сбегутся.

– Ну и хорошо. Угостим их тоже. Мы же не звери, какие-нибудь. Морить голодом твоих подруг не будем. Тем более, после такого аромата, который они наверняка учуют.

На кухне было пусто. Только маленькая девчушка с накрученными на волосы пластиковыми бигудями, несла обеими руками горячую сковородку от которой поднимались клубы пара. Она испуганно шарахнулась в сторону, столкнувшись с нашей процессией на выходе из кухни.

Мне доверили порезать мясо, сыр и зелень, а потом безжалостно выгнали обратно, в качестве развлечения, предложив полистать стопку журналов «Вокруг Света», сложенных на книжной полке.

Светка остается на кухне, колдовать над мясом, а Алена начинает хозяйничать в комнате, расставляя тарелки и чашки, доставая вилки и периодически убегая на кухню. На столе появляется блюдо с овощами. Сочная нежно-алая мякоть помидоров так и просится в рот. Порезанные кружочки огурцов с вкраплениями укропа и петрушки с мелкими бусинками капелек, похожих на маленькие сверкающие жемчужинки, вызывают обильное слюноотделение. На столе появляются ломтики свежего белого «кирпичика» с покрытой застывшими пузырьками хрустящей корочкой, кусочки коричневой колбаски, перемежающихся с

тонкими ломтями голландского сыра. В середине гордо возвышается бутылка «Советского шампанского». Мы с Аленой передвигаем стол в центр комнаты, расставляем стулья.

Наконец в комнату тожественно wpłyвает Света, неся запеченную телятину на большом блюде. Волшебные запахи, идущие от сочного, покрытого коричневато-золотистой корочкой мяса, заставляют меня судорожно сглотнуть слюну.

Мы присаживаемся за стол, предвкушая гастрономический экстаз. Но робкий стук в дверь, немного отодвигает наши планы.

Алена и Света обмениваются многозначительными взглядами.

– Заходите, – приглашает шатенка.

В дверь заглядывает Аня, все в том же красном халатике с белыми цветочками.

– Светик, а у тебя этого, учебника по литературе нет? – спрашивает, невинно хлопая подкрашенными ресницами, синеглазка. Её тонкие ноздри трепещут, жадно вбирая аромат запеченного мяса.

– Садись уже с нами. Хватит придуливаться, – безнадежно машет рукой Света.

– Спасибо, – пепельная блондинка, скромно потупив глазки, пристраивается рядом.

В течение пяти минут в комнату, под надуманными предлогами, в комнату забегают еще две девочки. Одной именно сейчас срочно понадобилось списать работу по технологии, другой – найти пропавшую сумочку. Добрая Светка, не выдерживает их голодных взглядов, гипнотизирующих мясо и торт и, под ироничное хмыканье Алены, приглашает Машу и Раю, присоединиться к застолью. Чтобы разместить новых посетительниц, мне и Алене пришлось передвинуть одну кровать к столу.

Правда, девчонки оказались не сильно наглыми, и в свою очередь, внесли свою лепту, притащив в комнату разные соленья, варенья, литровую банку вишневой наливки и даже большую тарелку с оливье.

Когда народ расселся и даже попробовал первые кусочки коричневого мяса, порезанные заботливой хозяйкой на тонкие ломтики, начинаю распечатывать бутылку шампанского, отвинчивая освобожденную от обертки и проволочного держателя пластиковую пробку.

С оглушительным «бах», она выстреливает вверх, девчонки испуганно ойкают, а янтарная жидкость уже пузырится белоснежной пеной, переливаясь через горлышко. Бокалов в общаге нет, поэтому разливаю игристый напиток в подставленные чашки, не забывая немного плеснуть и

себе.

Поднимаюсь. Девушки замолкают и заинтересованно смотрят на меня.

– Девчонки, я желаю поднять эту кружку, за очаровательную хозяйку, и её не менее прелестных подружек. Наш мир не может существовать без ласкового солнца, прохладной воды, голубого неба. Так и любой мужчина не может представить свою жизнь без привлекательных, обаятельных и нежных женщин. Девушки, вы подобны ярким звездам, указывающим нам путь сквозь ночную мглу. Именно вам посвящали свои шедевры, томящиеся от любви великие поэты. За прекрасных дам рыцари шли на смерть, презрев страх и боль. Вы служите источником вдохновения для великолепных книг, поэм и музыкальных произведений. Хочу выпить за девушек, присутствующих здесь, и пожелать им надолго оставаться такими же свежими и красивыми как эти нежные лепестки роз, – указываю на принесенный букет, поставленный заботливой хозяйкой в банку с водой на подоконнике, – чистыми и свежими, как родниковая вода, струящаяся с горных вершин, а также сладкими и игривыми, как это отличное шампанское в наших кружках. За вас девчонки – вы наполняете нашу жизнь смыслом, и украшаете яркими красками этот мир!

Поднимаю кружку, оглядывая сидящих вокруг девиц.

Студентки смущенно опускают глазки, и тихонько хихикают, поглядывая друг на друга. Покрасневшая Света уставилась в тарелку, стараясь не встречаться со мной взглядом. Только рыжая, иронично изогнув бровку, рассматривает меня с плохо скрываемым интересом.

Чокаюсь кружками с девушками, и залпом выпиваю шампанское.

Застолье продолжается. Сажу между Светой и Аленой, задумчиво ковыряю вилкой кусок мяса, периодически прислушиваясь к щебетанию студенток. Девчонки обсуждают подружек, своих преподавателей, делятся своими жизненными планами.

– А ты чего замолк? – толкает меня локтем рыжая, – может чего-то нам расскажешь? Хотя бы анекдот какой-то?

– Анекдот? – отрываюсь от своих мыслей, – Да запросто.

Шум за столом замолкает. Студентки замирают в предвкушении.

– Разговаривают два парня. Ты знаешь, говорит один, моя подруга настолько прекрасна, что все сравнивают её с матерью Бога. Не может быть, а у тебя её фотка есть? Конечно, вот гляди. Маа-терь Божья.

Света и Алена заливисто хохочут. Маша тихонько хихикает. Рая падает на кровать, закатываясь от смеха.

Воодушевленный реакцией девушек, продолжаю:

– Преподаватель разговаривает со студентом, – старательно копирую

старческий голос, – Ну что милейший, если сможете меня удивить, поставлю вам зачет. Я знаю, как Вас удивляют студентки. Удивительно, давайте вашу зачетку!

Новый взрыв смеха. Все-таки как неискушенны и нетребовательны к юмору были советские люди. В 90-ых годах эти анекдоты вызвали у большинства людей, максимум, улыбку. А здесь такая бурная реакция.

Девчонки пьют наливку, весело болтают, обсуждая какую-то Кристину со второго курса, преподавателей, наглых парней из другого блока общежития, а я рассматриваю комнату. Неожиданно мой взгляд цепляется за знакомые округлые формы под покрывалом наверху шкафа.

– Свет, а что это у вас на шкафу лежит? – спрашиваю у шатенки.

– Девушка следует глазами за моим взглядом,

– А, это гитара. Санька на прошлой неделе к Алене приходил, на следующий день к старикам своим смотался, а инструмент здесь забыл.

– Можно взять?

– А ты умеешь играть? – вступает в разговор рыжая.

– Да, – лаконично отвечаю ей

– Тогда бери, конечно. Думаю, Сашка не обидится, – великодушно разрешает Алена.

Я встаю, откидываю старое одеяло, закрывающее инструмент и сажусь, уже с гитарой на руках.

Мои пальцы перебирают струны. Комнату заполняют тихие мелодичные звуки. Девушки за столом, замолкают, прислушиваясь. Подкручиваю пару рычажков, настраивая инструмент.

– Леша нам сейчас что-нибудь сыграет и споет, – заявляет Алена, – Правда Леша?

– Правда, – улыбаюсь рыжей, и поворачиваюсь к шатенке.

– Свет, какую песню ты хочешь услышать? Веселую, нежную, грустную?

– Сможешь исполнить что-то красивое и романтическое? Такое чтобы за душу брало? – спрашивает у меня Светлана.

– Без проблем.

Мои пальцы бегают по струнам. Пронзительная, щемящая мелодия разрезает тишину. Начинаю, тихо, но постепенно голос набирает силу.

О, говори хоть ты со мной,

Подруга семиструнная!

Душа полна такой тоской,

А ночь такая лунная!

Звонко плачет гитара, звенят в тишине упоительные аккорды,

наполняющие душу светлой трагической грустью. Девчонки притихли, и жадно ловят каждое слово романса.

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Каждой клеточкой души ощущаю невероятную тоску поэта, сопереживая ему. И поэтому мой голос звучит проникновенно и чувственно, заставляя слушательниц замереть.

Песня заканчивается. Наступившая тишина оглушает, наваливаясь на плечи неподъемным грузом. Впечатленные студентки потрясенно молчат.

– Очень красиво, – тихо произносит Света, нарушая молчание, – Спасибо.

– Я старался, – улыбаюсь уголками губ и смотрю на девушку, – можешь считать это серенадой, спетой под твоим окном.

Шатенка краснеет и смущенно отводит взгляд.

– А кто написал? Пушкин? – неуверенно спрашивает Алена.

– Нет, конечно. Автор стихов – Аполлон Григорьев. Был такой театральный и литературный критик, а по совместительству прекрасный поэт. Человек трагической, непростой судьбы. Жил в 19-ом веке и умер в 42 года. Спился после развода с любимой. У него много хороших стихов, а некоторые, я считаю, даже не уступают произведениям Александра Сергеевича.

– Печально, – вздыхает рыжая, – может, считаешь нам еще что-то из его стихотворений?

– Запросто, – откладываю гитару и встаю, картинно расправляя плечи, засовывая одну руку в воображаемый отворот пиджака, а вторую в красивом жесте выбрасывая вперед.

Моя дурашливая поза, вызывает улыбки у студенток.

– Я вас люблю... что делать – виноват!

Я в тридцать лет так глупо сердцем молод,
Что каждый ваш случайный, беглый взгляд
Меня порой кидает в жар и холод...

Декламирую стихи, и пристально смотрю, на совсем засмущавшуюся шатенку. Её аккуратненькие ушки горят ярким пламенем. Она периодически искоса посматривает на меня, и снова уводит взгляд в сторону.

Я знаю сам, что были бы преступны

Признанья или смысла лишены:

Затем, что для меня вы недоступны,
Как недоступен рай для сатаны.

Студентки, разогретые шампанским и вишневой наливкой, искренне веселятся, посматривая, то на меня, то на Светку.

– Да, подруга, ты попала, без вариантов, – глубокомысленно замечает Алена, когда я заканчиваю.

Светка сердито тыкает её локтем в бок, вызывая хохот девчонок.

Несколько часов, под девичий щебет и смех пролетает незаметно. Наступает очередь десерта. Света торжественно ставит в центр стола торт и, вооружившись большим ножом, начинает разрезать его на ломти. Шоколадные тяжелые ломти перемещаются на тарелки девушек. Мне достается большой кусок с бежевой розочкой. Девчонки уже с удовольствием работают чайными ложечками, закатывая глаза от удовольствия. Собираюсь присоединиться к ним, и тоже попробовать на вкус это шоколадное чудо, но не успеваю. С тихим скрипом раскрывается дверь. В комнату вваливаются двое явно выпивших парней. Один из них держит бутылку водки.

Блин, это же мои «старые знакомые» по дискотеке.

– Света, а мы к тебе....- развязным голосом начинает чернявый, но осекается, увидев меня.

– Ты? – дыхнув перегаром на всю комнату, осведомляется парень, выпучивая глаза.

– Ну я. И что? – насмешливо смотрю на него.

– Все шкет ты допрыгался, – пьяная ухмылка его дружка, не предвещает мне ничего хорошего, – теперь мы тебе рожу начистим. Придется прощения просить на коленях. Если будешь хорошим мальчиком, мы тебя пожалеем, и сильно бить не будем. Может быть.

Черт, как же не вовремя это все. Влипнуть в идиотскую разборку, когда на кон поставлено многое, глупо. Жить в напряжении, зная, что Вечность неуголимо отсчитывает месяцы, дни и секунды, отделяющие страну от гибели и что ты, несмотря на все свои старания, можешь не успеть предотвратить распад, очень трудно. Сегодня мне просто захотелось развеяться, провести время с красивой девушкой и хоть немного, но отвлечься от давящего груза ответственности.

– Напугал, – внешне я абсолютно спокоен, – иди лучше проспись воин.

– Так Виктор и ты Паша, берете ноги в руки, и валите отсюда на всех парах, – вступает в разговор Света, – только попробуйте здесь драку устроить. Я к Марь Степанне сразу побегу, и через пять минут, здесь будет комендант и милиция. Вам нужны неприятности? Хотите вылететь с

техникума? Могу это устроить.

– Действительно, – поддерживает шатенку Алена, – шли бы вы парни отсюда по-хорошему.

«Валите уже алкаши», «задолбали совсем», «даже спокойно посидеть нельзя», «только попробуйте испортить нам вечер», – возмущенные голоса Ани, Раи и Маши вступают в перепалку.

Под напором студенток парни останавливаются. После небольших колебаний, чернявый машет дружку рукой.

– Ладно Паш, пошли отсюда. А ты пацан не думай, что легко отделаешься, – шипит мне Витя, – мы еще с тобой встретимся. И очень скоро. Быстрее, чем ты думаешь.

После ухода парней, уютная атмосфера вечеринки разрушена. Быстро доедаю свой кусок торта, допиваю чай, и прощаюсь с девушками.

– Подожди, я тебя провожу, – цепляет меня за локоть Света.

– Хорошо, пошли, – пожимаю плечами.

В холле на первом этаже вежливо прощаюсь, с сухо кивнувшей мне Марьей Степановной, кидая взгляд на большие настенные часы. Они показывают «четверть десятого». Вот это я тут засиделся. Впрочем, сейчас надо о другом думать. Подозреваю, что Витя со своим дружком, горящие желанием проучить наглого школьника, околачиваются где-то рядом с общежитием. Разборка с ними меня не пугает. Уж с двумя выпившими студентам я точно справлюсь. Пугают, вернее, тревожат возможные последствия. Не дай бог покалечу дураков или нанесу им «тяжкие телесные». Сколько геморроя будет, и милиция вычислит меня «на раз». Ничего сложного в установлении моей персоны нет. А из-за схватки с двумя алкашами, могут накрыться ржавым медным тазом все мои планы. В случае чего, постараюсь, как говорил контрабандист Лелик в «Бриллиантовой Руке» «бить сильно, но аккуратно».

Выходим из общежития. На улице уже начинает темнеть. Проступающие через сгустившийся серый туман белые силуэты зданий с сияющими светом окнами, кажутся размытыми. Ветер злобно бьет меня в лицо, тербит воротник куртки, морально подготавливая к схватке.

Шатенка держит меня под руку, прижимаясь всем телом.

– Свет, холодно же. Может, ты обратно в общагу уже пойдешь? Чего мерзнуть? Я и сам прекрасно до дома доберусь, – предлагаю девушке. Если что-то начнется, лишние свидетели мне точно не нужны.

– Нет Леш, тут остановка недалеко. Я тебя сейчас на транспорт посажу, и потом отправлюсь назад. Мне так спокойней будет, – решительно отвечает девушка.

Молчу. А что тут сказать? Обратно она точно сейчас не пойдет, пока не убедится, что я благополучно уехал.

Выходим из двора общежития. Со скамейки дома напротив, отделяются две темные фигуры. Чутье опять меня не подвело.

– Света, пожалуйста, не вмешивайся, – придерживаю, возмущенно рванувшуюся навстречу ухмыляющимся парням шатенку.

– Я сам разберусь. Только не мешай. Все будет нормально, обещаю тебе, – шепчу в маленькое розовое ушко.

Девушка останавливается, пристально смотрит на меня и, что-то уловив в моих глазах, послушно кивает.

– Подожди меня здесь. Я быстро, – прошу её, и иду навстречу чернявому и его дружку.

– Что щенок, страшно? – злобно ухмыляется чернявый. Предвкушающий расправу, довольный приятель маячит сзади, метрах в трех от него.

– Очень, прямо трясусь от ужаса, – я абсолютно невозмутим.

Встретившись с моим спокойным взглядом, Витек останавливается. Наглая ухмылка медленно сползает с его лица, в глазах на долю секунды мелькает неуверенность.

Я тихо вдыхаю холодный воздух, входя в боевой транс, и делаю шаг навстречу чернявому. Кровь начинает струиться по жилам быстрее, мысли обретают невероятную четкость и яркость, движения становятся плавными и резкими.

Витя, сбитый с толку моим уверенным видом, теряет спокойствие.

– Тебе что урод так здоровье потерять хочется? – орет он, схватив меня обеими руками за воротник куртки и подтянув к своему лицу.

Теперь я знаю: все будет очень легко. Противник – идиот. Семенович еще год назад рассказывал и показывал, что захваты «за грудки» просто подарок для человека, знающего рукопашный бой и умеющего драться. Противник фиксирует себя в уязвимой позиции, и при этом его руки полностью заняты. Легкая мишень. Делай с ним, все что хочешь. Отреагировать и защититься забияка все равно не успеет.

Агрессивное движение чернявого, заставляет меня окончательно «включиться». Дальнейшие события опечатываются в сознании яркими обрывочными картинками.

Удар в четверть силы ладонями, собранными в чашки по ушам чернявого. Он наносится снизу вверх с небольшим резким замахом. Сильное воздействие разрывает барабанные перепонки и может привести к летальному исходу. Слабое – вызывает резкую боль, дезориентацию в

пространстве, полубморочное состояние.

Чернявый резко воет на одной ноте, согнувшись и схватившись руками за уши. Рывок за куртку, подсечка, контрольный тычок костяшками кулака в солнечное сплетение, и стонущий парень калачиком сворачивается на пыльной земле.

Летающий на помощь друг получает удар ноги в корпус, откидывающий его на пару шагов назад. Хват за рукав его куртки, резкий рывок на себя, одновременно со встречным движением, и я оказываюсь за спиной нападающего. Моя правая рука мягко проскальзывает к нему под подбородок, а предплечье левой сдавливает шею с обратной стороны.

«Пять, шесть, семь», – отсчитываю секунды, ощущая, как хрипящий хулиган замолкает, и медленно обмякает, тяня меня на землю. Держать в удушающем захвате можно не больше десяти секунд. Иначе возможен летальный исход. А так, просто сознание потеряет на некоторое время.

Мягко опускаю бесчувственное тело на землю. Оно с глухим стуком падает на асфальт.

– Ты их не покалечил? – обеспокоенно спрашивает подошедшая Света, смотря на распростертые на земле фигуры.

– Да все нормально будет, – беспечно машу рукой, – я с ними очень аккуратно работал. Даже никому ничего не поломал. Через минут пять-десять очухаются, и будут в относительном порядке.

– Тогда пошли побыстрее на остановку, – шатенка снова берет меня за руку.

– А эти потом к тебе не доколуваются? – уточняю на всякий случай, – Может дополнительно, воспитательную беседу с ними провести?

– Не надо. Мне они ничего не сделают. А если попробуют пристать, просто пошлю их подальше.

Доходим до остановки. Чуть вдали от таблички с номерами автобусов и троллейбусов виднеется желтый силуэт одинокого такси с водителем, дремлющим на откинутах сиденье.

Стучу пальцем по стеклу машины. Водила просыпается, несколько секунд промаргивается, и, опустив стекло, вопросительно смотрит на меня.

– Шеф, до Комитерновской подкинешь? Или ждешь кого-то? – уточняю у него.

– Свободен я. Трешка и поехали, – хрипло звучит сонный голос таксиста.

– Секунду, – разворачиваюсь к шатенке.

– Спасибо Свет, что не забыла и уделила внимание, – улыбаюсь, рассматривая милое личико с каштановой челкой, – Предлагаю, как-нибудь

на днях прогуляться по городу. Можем сходить в кино, посидеть в кафе. Все, как ты пожелаешь. Договорились?

– Договорились, – девушка чуть краснеет и порывисто поднимается на цыпочки.

– Тебе спасибо Леша за цветы, песни и банкет. Было здорово, – шепчет она мне на ухо, обжигая горячим дыханием. Моей щеки нежно касаются мягкие губки. Затем девушка, смутившись, резко отстраняется.

– До скорой встречи, – я ответно прикасаюсь губами к бархатной коже красавицы.

– До встречи, – шепчет она, залившись густой краской.

Сидя на сиденье такси, смотрю на удаляющуюся к домам одинокую фигурку. Ладонью задумчиво провожу по щеке, до сих пор ощущая невесомое прикосновение губ девушки, и стирая разводы красной помады.

27 сентября 1978-ого года

Рывком выпрыгиваю из блиндажа, опираясь на руки. Стартую, набирая темп на стометровке. Ноги двигаются все быстрее, увеличивая скорость. Мои легкие работают как меха, закачивая и выдыхая воздух. Передо мною первое сооружение полосы препятствий спорткомплекса «Звезда» – каменная стена. Прыгаю, отталкиваюсь ногой от шершавой кирпичной поверхности, хватаясь за ребристую вершину. Рывком подтягиваю корпус, нависая над стеной. Продолжая удерживаться, переваливаю тело на другую сторону, и только потом освобождаю руки, приземляясь. Продолжаю движение. Впереди стенка поменьше с двумя квадратными проломами – одним на уровне немного ниже пояса, другим прямо у земли. Притормаживаю, и ныряю в отверстие повыше боком. Выйдя из пролома, продолжаю движение, взлетая по наклонной лестнице.

Обратный путь на землю намного сложнее, поскольку между ступеньками достаточно большое расстояние. Спускаюсь вниз, перепрыгивая с одной на другую. Слышу сзади глухой стук. Скорее всего, Чванов, идущий за мной следом, оступился, и тяжело рухнул на заранее подстеленные маты. Но я не оглядываюсь, нет времени. Впереди следующее препятствие – «разрушенный мост». Вскрабкиваюсь наверх, и осторожно перебирая ногами по узкой перекладине, подхожу к первому «разлому», аккуратно запрыгиваю на него, в быстром темпе прохожу еще несколько метров. Еще один прыжок и мост поворачивает вбок, ведя к финальной части конструкции. Последний скачок, и я сбегая по дорожке вниз. Впереди уже деревянная стена. Еще подскок вверх, резкое подтягивание, и мое тело переваливается через препятствие. Впереди маячит очередное сооружение. С разбега запрыгиваю на канат, на скорости

пролетаю мимо ямы с грязной водой, приземляясь на другой стороне. Не сбрасывая темпа, избегаю по наклонной доске на очередную стенку и прыгаю вниз, собираясь в тугую пружину. Мои кроссовки встречаются с поверхностью. Удар отдается в пятках, но ноги, согнутые в коленях, амортизируют соприкосновение с асфальтом, подбрасывая меня вверх как пружину, а немного разведенные руки помогают удержать равновесие и оттолкнуться от земли. Выпрямляюсь.

Перед лабиринтом меня ждут ухмыляющиеся Мальцев и Потапенко. Делаю мах ногой, имитируя прямой удар носком в Вову. Он резко отпрыгивает в сторону. Мелькает громадная лапа Мальцева, пытающаяся схватить меня за плечо. Пригибаюсь, уходя от захвата. Не прекращая движения, тараню Серегу плечом, отталкивая. Продолжаю бег, перепрыгиваю через подставленную, в последней попытке остановить, ногу Потапенко. Вижу летящего на меня сзади Сережу. Резким пируэтом вправо ухожу от него, и забегая в лабиринт. Продолжаю двигаться вперед. Круглые металлические перекладки лабиринта холодят ладони, оставляя на пальцах крошки свежей оранжевой краски. Последний рывок рукой, и я оказываюсь на финише маршрута. Облегченно выдыхаю, опустив голову. Сердце колотится как бешеное, пытаюсь вырваться из груди. Футболка под курткой промокла насквозь. Холод пробирает до костей, заставляя невольно ежиться. Поднимаю глаза. Вижу улыбающегося Зорина показывающего мне большой палец, довольного Воеводу, деловито щелкающего секундомером, добродушное широкое лицо физрука – Евгения Константиновича и останавливаюсь, расслабляясь....

С Подольским об использовании полосы препятствия, расположенной на открытом стадионе «Звезды» мы договорились быстро. После одной из тренировок я отозвал в сторонку Веронику. Моя напарница восприняла идею «на ура». Она сама загорелась желанием, участвовать в деятельности будущего военно-патриотического клуба. Первым делом девушка взяла с меня и Зорина обещание взять её в команду. А идея использовать полосу препятствия в спорткомплексе для моих одноклассников привела «боевую блондинку» в бурный восторг. Вероника пообещала поговорить со своим отцом. Не знаю, какие методы убеждения она использовала, но буквально на следующей тренировке, сияя довольной мордашкой, сказала, что папа готов с нами пообщаться.

С Всеволодом Аркадьевичем разговор получился коротким и деловым. Директор «Звезды», предварительно «подготовленный» дочкой, просто излучал любезность и приветливость. Он разрешил провести занятие по прохождению полосы препятствий для моих одноклассников в рамках

подготовки НВП, но попросил, чтобы на нем обязательно присутствовал Зорин и военрук.

В разговоре Подольский уделит внимание и безопасности, потребовав у сенсея, разместить маты у наиболее опасных участков, чтобы школьники не получили травм. Игорь Семенович пообещал лично проконтролировать этот момент.

Затем Зорин со мной отправился к военруку. Я представил Игоря Семеновича Дмитрию Михайловичу, как своего тренера, который создает военно-патриотический клуб, и предлагает устроить одно практическое занятие в спорткомплексе «Звезда» для моих одноклассников. Отставной капитан просто засветился от удовольствия, услышав подобное предложение. Между Зориным и Самойловым сразу установилось полное взаимопонимание. Двое бывших вояк моментально вспыхнули взаимной симпатией, понимая друг друга с полуслова.

После короткого разговора, с уточнением деталей мой тренер с Воеводой отправились к директору. Меня, естественно, с собою не взяли. Мал еще присутствовать на таких «взрослых разговорах». Ну и хорошо, не хочется лишний раз мозолить глаза руководству школы.

Отсутствовали они около часа, все это время я сидел в кабинете НВП и чтобы не терять время, сосредоточенно черкал ручкой в тетради, решая задачи по алгебре. Но когда довольные офицеры, оживленно разговаривая, ввалились в помещение, понял, что все прошло благополучно.

Нелли Робертовна дала разрешение, узнав, что создание военно-патриотического клуба уже получило одобрение партийного и комсомольского начальства, и находится на стадии оформления последних деталей и набора участников. Но директор, как и Подольский, потребовала сделать все, чтобы ребята не получили травм. Для сопровождения двух классов десятиклассников в помощь Самойлову был выделен физрук.

И вот сегодня этот момент настал. Парни в куртках, надетых поверх «болотных» рубашек для НВП, пытаются пройти всю дистанцию, но у многих это не получается. Долго мнется, не решаясь перепрыгнуть на другую сторону «разрушенного моста», а затем спрыгивая в сторону Поляков. Падает задницей в грязную лужу, смешно дрыгнув ногами, не удержавшийся на канате тощий очкарик Вася Самойлов. Долго возится, пытаюсь протиснуться через пролом в стене, толстяк Сергей Зайцев. Тихий и молчаливый Леша Пономаренко, стиснув зубы, пытается уйти от веселящихся Потапенко и Мальцева, прорываясь к лабиринту. Не решается прыгнуть вниз со стены Лесенко. Некрасиво отклячив задницу и помогая себе руками, он спускается вниз. Звучно плюхается на маты, вызывая

смешки девчонок, Пашка Амосов, дошедший до середины полосы препятствий.

Полностью одолеть весь путь сумели кроме меня только четыре человека. Мансур прошел всю полосу препятствий с первого раза. Он, демонстрируя чудеса ловкости, быстроты и координации, пролез через проломы, забрался на стены, преодолел лужу, ловко запрыгнув на канат. Затем боксер, резко кинул руку в печень не ожидавшему такой прыти Вове, и нырком ушел от загребущих лап Мальцева, рванув «на всех парах» к лабиринту.

Волкову и гиревнику Смирнову это удалось только со второго раза и то, потому что Серега и Вова не стали их сильно «прессовать», а продемонстрировав небольшое сопротивление, пропустили дальше. К моему удивлению, четвертым, кто прошел все преграды, оказался Леша Пономаренко. Тихий и спокойный, незаметный в классе парень, несмотря на неудачи, пробовал снова и снова. В третий он добрался до лабиринта. Мальцев и Потапенко могли его остановить и столкнуть с дистанции, но оценив упорство школьника, лишь вяло имитировали попытки его задержать.

Все остальные десятиклассники с позором провалились. Растрепанных, красных от стыда, грязных ребят под руки подхватывали хихикающие от увиденного шоу девочки. Под зычные команды Воеводы они оказывали «раненым первую помощь» перематывая их бинтами, отрабатывая практическое занятие по НВП.

– Итак, полосу у нас смогли пройти только Шелестов, Мансуров, Волков, Смирнов и Пономаренко, с третьего раза, – загремел над площадкой командный голос Дмитрия Михайловича, – все остальные не смогли преодолеть препятствия, и сошли с дистанции. А сейчас посмотрите, как это делают подготовленные ребята, готовые в любой момент стать на защиту своей Родины.

Движение на площадке около полосы препятствий прекращается. Даже девушки увлеченно бинтующие, недовольно ворчащих «раненых», поднимают свои мордашки и поворачиваются к ограждениям.

На стартовой отметке появляются Волобуев, Миркин и Подольская. Выглядят они как настоящие «псы войны». Зеленые теплые маскхалаты армейской разведки, выпрошенные Подольским и Зориным во временное пользование у начальника военной части, жирные черные линии, пересекают суровые лица. На бойцах топорщится разгрузка с флягами, кармашками для гранат и магазинов. Даже на поясе висят черные рукояти ножей в специальных чехлах-ножнах. Правда, это хорошая имитация с

лезвиями из резины, сделанная для Семеновича заводскими умельцами еще в прошлом году.

Ремни от «массо-габаритных макетов» автоматов Калашниковых, любезно предоставленных военруком с разрешения директора, перечеркивают их торсы.

– Пошли, – раздается короткая команда сенсея. Группа срывается с места. Поочередно запрыгивают в блиндаж, кидают спортивные гранаты, выныривают из окопа и летят дальше с автоматами в руках.

Крепкие подтянутые фигуры, скупые отработанные движения, грациозные прыжки через препятствия – от этого невозможно оторваться. Сошедшие с дистанции и недовольно бурчащие под нос участники, хихикающие девушки замолкают. Все взоры школьников устремлены на бойцов, преодолевающих сооружения. Саша, Леша и Вероника быстро и легко перелезают каменные стены, взбираются по лестницам, перепрыгивают разрушенные участки, забегают наверх по наклонным доскам.

Перед мероприятием ребята по несколько раз потренировались для показательного выступления под руководством Семеновича. Да и раньше, время от времени, мы проходили эту полосу. Бойцы знают каждый миллиметр находящихся здесь сооружений.

– Ты смотри, как идут, – восхищенно пихает меня под локоть Амосов, – как настоящие десантники.

– Да нет Паш, десантники так не смогут, – усмехаюсь я, – по крайней мере, новобранцы точно.

Группа приближается к лабиринту. Потапенко и Мальцев встречают первого бойца. Им оказывается Волобуев. Леша проводит «йокко гери», удар ребром стопы в подскакивающего к нему Серегу, отбрасывая его в сторону. Затем его атакует второй противник. Волобуев блокирует предплечьем размашистый мах Вовы, хватает его за ворот и дергает за рукав, проводя подсечку. Он имитирует добивающий удар кулаком в лежащего Потапенко, и делает рывок к лабиринту. Вставшие парни уже встречают перелетающего через стену Миркина. Игорь перехватывает удар Вовы, делает бросок через бедро, немного придерживая напарника, чтобы не травмировать его и разворачивается к Мальцеву. Фронтальный удар ногой Серега совершает достаточно быстро, но немного сместившийся в сторону, Игорь берет её в локтевой захват, обозначает удар в пах и подсекает опорную ногу нападающего.

Мальцев оказывается на земле, принимая на себя добивающий тычок ботинком. «Расправившись» с бойцами, Миркин бежит к лабиринту. За

финишной прямой его уже ждет вытирающий пот Леха.

Парни из «заграждения» только успевают встать и отряхнуться, как по земле хлопают кроссовки Вероники. Девушка приземляется на согнутые ноги, и выпрямляется, принимая боевую стойку. Ухмыляющийся Серега лениво двигается на Подольскую. «Боевая блондинка» прыгает навстречу. Она опускается на одно колено, кидая кулак точно в пах Мальцева. Девичья рука останавливается буквально в паре сантиметров от ширилки Сережи. Затем девчонка показывает удар ребром ладони в кадык, опять уходит вниз, захватывает руками ткань маскхалата, и зацепом изнутри сбивает парня на землю. Оказавшись сверху на Сереге, Ника быстро приподнимается, используя левую руку как опору. Одновременно, правой выхватывая нож на поясе у парня, и чиркая черным гибким лезвием по его шее.

Потапенко прыгает на Подольскую сзади, пытаясь взять её на удушающий прием. Но этот номер не проходит. «Зарезав» Мальцева, девчонка, молниеносным движением пальцев меняет хват, перемещая резиновое «острие» к мизинцу и, чуть разворачивая плечо, выстреливает им навстречу Вове, точно в солнечное сплетение. «Уничтожив» второго противника, Вероника быстро проходит лабиринт и пересекает финишную прямую, где её ждут улыбающиеся соратники.

– Ни черта себе, – слышу восхищенный вздох рядом. Паша стоит, приоткрыв рот. Волков, Мансур и Смирнов заморожено смотрят на Веронику. Стоящий в небольшом отдалении от нас Леша Пономаренко застыл в столбняке. Реакция остальных школьников не лучше. Выступление бойцов и особенно Подольской понравилось всем парням. Только в стайке девушек, периодически слышится саркастичное хмыканье. Не любят женщины соперниц даже в таком возрасте.

– Построились в колонну по два, – раздается команда военрука. Толпа школьников начинает формироваться в колонну. Я стою ближе к началу, рядом с Волковым и Смирновым. Мансур и Амосов ниже ростом, поэтому находятся немного позади. Где-то там затерялся Леша Пономаренко. Упорный парень и с характером. Надеюсь, он тоже запишется в клуб. Слева, замыкая колонну, немного суетливо выстраиваются девушки.

– Равняйся, смирно, – командует Дмитрий Михайлович. Строй послушно замирает.

– Только что, вы видели, как работают подготовленные бойцы, – рык отставного майора гремит над площадкой, – они могут выполнять боевые задачи, и имеют немалый шанс остаться в живых. Только четверо из вас смогли преодолеть свои страхи, неуверенность и найти в себе силы справиться с поставленной задачей. Остальные оказались неспособными

даже преодолеть несколько не самых сложных препятствий. И если завтра, не дай бог, на нашу землю придет враг, то большинство из вас погибнет в первые минуты войны. Погибнет глупо, бездарно и бесполезно. Да в 1941-ом году сотни тысяч еще вчера мирных советских граждан осаждали военкоматы, требуя послать их на фронт, чтобы защитить Родину от захватчиков. Это были вчерашние комбайнеры, рабочие, инженеры – простые трудяги, имевшие минимальную военную подготовку, а зачастую даже не знавшие, как обращаться с оружием. После небольшого обучения они сразу отправлялись на фронт. Многие из добровольцев гибли, не имея достаточного опыта выживания на войне и соответствующих навыков, закрепленных на уровне инстинктов. Те, кто имел боевой опыт и определенные умения, смогли оказать достойное сопротивление агрессорам. Профессиональным военным, охотникам, опытным солдатам, физически подготовленным людям было легче воевать. Но главное, у них повышались шансы выполнить боевые задания, выжить и уничтожить как можно больше живой силы и техники врага, а значит внести свой весомый вклад в общую Победу.

Сейчас у многих из вас есть шанс стать настоящими мужчинами – воинами, умеющими и готовыми справиться с любым агрессором. А это значит, сберечь не только свои жизни, но и боевых товарищей на войне. Но даже в мирной жизни, эти способности могут быть востребованы. Сильные и уверенные в себе люди, составляют основу и опору Советского Союза. Они смогут правильно и быстро реагировать в разных чрезвычайных ситуациях, оказать всю необходимую помощь пострадавшим и раненым, спасти человека из проруби и горящего дома.

У вас появляется возможность стать бойцами – крепкими, ловкими, умелыми и умеющими защитить свою Родину, если когда-нибудь на её землю вступит сапог захватчика.

Военрук переводит дух, резким движением снимает фуражку и вытирает пот рукавом кителя.

– Сегодня в нашем городе открывается военно-патриотический клуб. Игорь Семенович Зорин будет им руководить. Сейчас он подробно расскажет вам о нем.

Самойлов замолкает. Вперед немного выдвигается наставник. Он окидывает испытывающим взглядом шеренгу стоящих перед ним ребят. Школьники, вытянувшись в струнку, ждут продолжения.

– Ребята, – сэнсей собран и серьезен, – я не оратор, поэтому скажу просто. Приглашаю желающих вступить в наш военно-патриотический клуб «Красное Знамя». Вы станете крепче, сильнее, увереннее в себе и

сможете в нужный момент отдать долг нашей советской Родине. Именно вы, сегодняшние школьники, будете определять будущее страны. Поэтому, мы будем готовиться стать настоящими людьми, в которых нуждается СССР. Неважно, какую профессию вы выберете в своей жизни. Главное, что полученные умения и навыки смогут помочь вам в трудный момент. Вместе мы станем командой единомышленников, которая в будущем сможет сделать многое для своей страны. Наш клуб собирается заняться благородным делом: помогать ветеранам, ходить в походы и искать останки погибших советских воинов, чтобы отдать им заслуженную дань памяти, не оставаться равнодушными во многих ситуациях и всегда помогать слабым и нуждающимся в нашей поддержке. Мы будем делать все, чтобы наш город и страна стали еще лучше и краше. Я гарантирую – будет очень интересно и необычно. Если есть вопросы, спрашивайте

– Да на фиг нам все это нужно? – раздается выкрик из строя.
– Недельский, – рычит военрук, – ты что себе позволяешь?!
– Подождите Дмитрий Михайлович, – останавливает Зорин Воеводу, готового разразиться негодующей речью.

Десятиклассники поворачиваются к ухмыляющемуся Антону. Под осуждающими взглядами его наглая улыбка гаснет. Лесенко и Поляков, почувствовав общее настроение, изображают предметы интерьера.

– Зачем это вам нужно? – Игорь Семенович на секунду задумывается. Его взгляд пробегает по фигуре Недельского, от испачканных грязью ботинок до лица, старающегося удержать независимое выражение. Антон пару секунд пытается насмешливо смотреть в глаза Зорину, но не выдерживает и опускает голову.

Я мысленно улыбаюсь. Дурачок. Нашел с кем бодаться. Семенович, офицер с боевым опытом, сотню таких гопников, на завтрак сожрет, и даже не почувствует.

– Ну тебе, точно незачем, – сарказм сочится из каждого слова наставника, – Ты только и можешь пить пиво, приставать к девушкам, сшибать мелочь у малышей, самоутверждаться за счет тех, кто помладше и послабее. Тебя здесь никто больше не держит. Свободен.

Недельский вспыхивает, открывает рот, намереваясь что-то ответить, но встретившись глазами со стальным взглядом сенсея, раздумывает. Молча выходит из строя, и, засунув руки в карманы, вразвалочку идет прочь. Видно, что «держать форс» ему очень трудно. Его сутулая напряженная спина, просто выпрашивает смачный подсрачник вдогонку.

– Дружков своих тоже заberi сявка подзаборная, – звонкий голос нарушает возникшую тишину.

Недельский вздрагивает, и ускоряет шаг.

– Волков, тебе никто слова не давал, – военрук пронзает Ваню злобным взглядом. Иван, вытянувшись, невозмутимо смотрит в точку перед собой.

– Кто-то еще желает удалиться? – иронично спрашивает Зорин.

Поляков и Лесенко, стараясь не встречаться глазами с окружающими, выходят из строя и идут за своим дружкой. Шеренга сразу же смыкается, закрывая пустые места.

– Теперь я отвечу на вопрос этого, – сэнсей усмехается, – гм, товарища, который нам не товарищ. Зачем это надо, каждый решает для себя сам. Выкажу свои мысли. Сладко спать, вкусно жрать и иметь много денег желает много людей. В этом нет ничего необычного. Но чем человек отличается от животного? Возможностью развития как личности, постоянного самосовершенствования. А это может дать только великая идея, служение обществу и Родине, искренняя увлеченность наукой, желание творить и с каждым моментом становиться лучше, умнее, совершеннее, получать новые знания и умения. Только ведомые великой идеей, желанием что-то сделать для своей страны, люди меняют историю, двигают вперед технический прогресс, покоряют космос, строят БАМ и формируют окружающую реальность.

Вы живете в благополучном обществе. Бесплатное образование, медицина, спорт, множество социальных благ, мирное небо над головой. Сейчас вы только пользуетесь всем этим, ничего не давая взамен. Наша Родина вкладывается в вас, надеясь, что вы станете достойными членами общества, и будете приносить своей стране пользу. Но это можно начинать делать прямо сейчас. Помогать ветеранам, приобретать полезные навыки и умение, готовиться защитить свою страну, воспитывать характер, волю, становиться сильнее физически и духовно, получать необходимые знания и учиться решать любые поставленные задачи.

Именно этим и будет заниматься наш военно-патриотический клуб. Мы собираем в команду тех, кто хочет начинать приносить пользу Родине уже с сегодняшнего дня. А если, не дай бог, наступит время, когда потребуется стать на защиту своей страны, вы будете полностью подготовленными к этому.

Зорин переводит дух. Этот спич дался ему нелегко, но говорил наставник от души. Сейчас он просто высказал то, что мы неоднократно обсуждали с ним в тренерской.

Смотрю на десятиклассников. Задумчивые, серьезные лица. Речь сенсея их зацепила.

– Желающих записаться в военно-патриотический клуб «Красное Знамя», прошу пройти за мной, -

приглашает Игорь Семенович.

– А девочек принимать будут? – выкрикивает тонкий голосок из конца строя. Задавшая вопрос, симпатичная миниатюрная смуглянка из 10-ого Б Настя Цуркану, краснеет и смущенно опускает глаза под взглядами одноклассников.

– Будут, – наставник не может сдерживать улыбки. Уж больно забавно выглядит стесняющаяся девушка, – Еще вопросы есть? Нет? Тогда пошли.

Шеренга школьников рассыпается. Широкая спина Зорина исчезает в дверном проеме комплекса «Звезда». За ним, растянувшись на несколько метров, тянется колонна из парней и девушек, которую замыкает Воевода. Иду вместе с потоком ребят к входу

Часть десятиклассников остается на улице. Большинство из них девушки. Но есть и парни. Возле турника стоит, насупившись, Чванов. Такого добра нам точно не надо. Саша уже в десятом классе начал выпивать, а потом превратился в запойного «идейного» алкоголика, и сгинул без следа в начале 90-ых. Его и перевоспитывать бесполезно, он сам меняться не хочет.

Недалеко от Чванова, замечаю Писарскую и Сафронкину. Инга, что-то рассказывает Оле, и та заразительно смеется, сверкая белоснежными зубками. Задорные ямочки в уголках рта придают девушке еще большую привлекательность. Писарская тоже улыбается. Обе девушки воплощенное очарование молодости и природного очарования. Инга и Оля разные как «Лед и Пламень», но каждая по-своему обаятельна и симпатична. Я понимаю, почему их не привлекла идея вступления в клуб. Они уже сейчас живут своими маленькими, девичьими радостями и заботами, в которых нет места стрельбе, рукопашному бою и другим мужским увлечениям.

– Леха, пошли уже, – дергает меня за плечо Ваня, заставляя оторваться от созерцания девушек. Паша, Мансур, Ваня вместе со мной заходят на проходную. Старенький вахтер, увидев меня, расплывается в улыбке. Приветливо киваю дедушке. Вместе с потоком ребят, прохожу длинные серые коридоры спорткомплекса. Дверь в зал «самбо» уже открыта. Игорь Семенович устраивается за столом, недалеко от борцовского ковра. Сбоку садится Воевода. Третий стул перед тренером свободен.

Сэнсей подтягивает к себе тетрадь, берет ручку и командует:

– Ребята и девчата не толпитесь. Присаживайтесь на скамейки, и подходите ко мне по одному.

Народ послушно рассаживается по углам зала.

Зорин открывает тетрадку, обводит строгим взглядом притихших школьников.

– Начинаем. Кто первый? – громкий командный голос наставника разносится по залу, усиливаясь вибрирующим эхом.

* * *

28 сентября 1978-ого года. Четверг.

Наше первое совещание проходит в тренерской нашего нового клуба. На скамейках, временно перетащенных из зала, расположилась вся наша группа: Волобуев, Миркин, Потапенко, Подольская и Мальцев.

Наставник стоит перед ними, облокотившись спиной на немного покосившийся стол. Я сижу на старом, облезлом, но еще крепком стуле. Другой мебели здесь пока нет, поэтому приходится использовать то, что имеется в наличии.

Перед собранием, мне пришлось предварительно пообщаться с Игорем Семеновичем. Разговор занял четыре часа и был очень нелегким. Многие предложения встречались наставником скептически. И лишь вся моя сила убеждения, упертость и настойчивость помогли преломить ситуацию. Пришлось напомнить сэнсею о своих «видениях», чтобы убедить – это не моя блажь и мальчишеское желание поиграть в «солдатики», а осознанное и продуманное желание принести стране пользу.

В итоге, Зорин согласился со мной, но взял обещание держать его в курсе ситуации и всех намечающихся событий. Но некоторые сомнения у него все же остались. Это было видно, по задумчивому взгляду, проскальзывающим нервным порывистым движениям и искорке сомнения мелькающей порою в глазах тренера.

Перед показательным выступлением наставник переговорил с нашей группой. За пару лет занятий Зорин завоевал непререкаемый авторитет, поэтому отказать ему никто не мог. Тем более что Семеновича, мы, будучи детьми военнослужащих и его приятелей отлично знали и раньше. Сэнсей лично подбирал каждого из нас в свою группу рукопашного боя и возился с нами абсолютно бесплатно. Он давно стал для нас не просто тренером, но и наставником, близким человеком, к которому прислушивались и доверяли многое.

– Ребята, спасибо вам за помощь и поддержку. Я рад, что вы верите мне, и всегда готовы помочь в любых начинаниях. Сегодня пойдет разговор о том, как мы будем действовать и работать дальше, на каких принципах

формировать наш военно-патриотический клуб «Красное Знамя». Я расскажу вам об этом вместе с Алексеем Шелестовым. Он будет моим заместителем. Есть какие-то вопросы ко мне?

Мы действуем по заранее утвержденному и тщательно разработанному за часы споров плану дискуссии. Сначала Зорин хотел, чтобы все рассказывал и показывал я как автор концепции работы «Красного Знамени». Но подумав, мы отказались от этой затеи. Я самый младший в группе, и пока не обладаю достаточным авторитетом у парней, хотя относятся ко мне хорошо. Изначально к моим словам будет определенный скептицизм и недоверие.

Другое дело – Зорин. Он непререкаемый авторитет для каждого из нас. Поэтому сегодня говорить в основном будет он, а я лишь дополнять его слова.

– Есть, – басит Серега Мальцев, – Игорь Семенович, а почему именно Шелестов? Леша, конечно, наш товарищ, мы ему всегда поможем и поддержим, но не слишком ли он молод, чтобы командовать нами, в том числе? Хватит ли у него опыта, знаний и умений для руководства клубом?

– Не слишком, – Зорин делает паузу, концентрируя на себе внимание присутствующих, – идея создания «Красного Знамени» принадлежит именно Шелестову. Я лишь одобрил и поддержал её. А что касается наличия опыта и умений....

Наставник на секунду задумывается.

– Мы вчера с Лешей несколько часов говорили о дальнейшей деятельности и развитии клуба. Разговор, сразу скажу, был непростой. Шелестов сумел меня удивить. У него все продумано и обосновано, вплоть до самых мелких деталей. Не все им сказанное, вызывает мое безоговорочное одобрение, хотя мысли и идеи у Леши очень правильные и хорошие. Лично я думаю, что он справится. Есть возражения?

Ребята молчат.

– Тогда предлагаю послушать меня, и сделать выводы самостоятельно, нужно вам это или нет. Никого насильно держать в клубе мы не будем. Решение оставаться в нем или уходить, пусть каждый из вас принимает самостоятельно.

– Сейчас мы с Алексеем расскажем Вам, что и как планируем сделать, – продолжает сэнсей, – Сначала хочу пояснить, для чего мы создаем военно-патриотический клуб. Выскажу свои мысли. «Красное Знамя» – наша возможность сделать что-то для людей и общества, в котором мы живем. Давайте проверим, на что мы способны. Докажем себе и окружающим, что мы можем изменить свою жизнь к лучшему,

приобрести новые знания и умения, стать одной сплоченной командой успешно решающей даже самые сложные задачи.

Почему для этого нужно объединяться? Возможности одного человека ограничены. Одиночка даже с самыми благими намерениями мало что может.

Помните знаменитый рассказ о прутиках и вениках? Для забывших, изложу его кратко. Перед смертью, отец попросил своих сыновей сломать большой толстый веник. Ни один из них не смог этого сделать. Но развязав веник и взяв по одному тонкому пруту, каждый из братьев с легкостью поломал его об колено. Став одной командой, вместе мы можем сделать очень многое.

– Прежде всего, для молодежи – сегодняшних школьников и студентов, – добавляю я, – которые, как правильно заметил Игорь Семенович на показательном выступлении, завтра будут определять жизнь страны.

– Ребята подготовятся к службе в армии, научатся рукопашному бою, станут ответственными и дисциплинированными людьми, – подхватывает Зорин, – Девушки смогут оказывать первую помощь, получают навыки самообороны. Вместе мы будем участвовать в жизни города, и делать её лучше и интереснее.

– Перед нашим клубом будут стоять два вида задач: стратегические и организационно-бытовые. С каких начнем? – уточняет наставник.

– Игорь Семенович, давайте со стратегических, – басит Мальцев, – интересно послушать.

– Хорошо. Первая задача – массовость. Необходимо привлечь в свои ряды как можно больше молодежи. Как это сделать? Очень просто. Находим художников, рисуем красивые плакаты с призывами вступать в ВПК «Красное Знамя». Предлагаем походы, обучение рукопашному бою и обращению с оружием, боевую военную подготовку. Развешиваем их по школам, техникумам и другим учебным заведениям. Организовываем каждую субботу показательные выступления в «Звезде» или клубе и приглашаем желающих посетить и посмотреть.

– Опять полосу препятствий преодолевать? – интересуется Потапенко.

– Зачем? – пожимаю плечами, вступая в диалог, – достаточно провести показательное выступление в зале. Продемонстрировать несколько эффектных приемов, разбить пару кирпичей, показать обезоруживание противника и работу с макетом АК в рукопашном бою. Думаю, многим школьникам и студентам будет это интересно.

– Думаешь, это сработает? – в глазах Миркина загорается огонек

интереса.

– В нашем городке, не считая «Звезды», один большой спорткомплекс и несколько секций, разбросанных по городу. Гребля, бокс, шахматы, борьба, гимнастика, легкая атлетика. А тут предлагается что-то новое, яркое и необычное. Представь, выходят на татами мощные парни в камуфляже, резко бросают друг дуга, наносят эффектные удары, показывают, как работать ножом или прикладом автомата. Уверен, после такой демонстрации, желающие пойдут потоком.

– Как работать с молодежью, агитировать и привлекать её в свои ряды, тема для отдельного разговора, – вмешивается Семенович, – когда обсудим все основные моменты, выберем человека, ответственного за это направление, и я дам ему подробные инструкции. Нам нужно сделать это движение массовым и популярным в городе. Это, как я уже говорил, первая стратегическая задача.

– Зачем нам столько народу? – на лице Волобуева отражается искреннее недоумение.

– Прежде всего, чтобы стать ощутимой силой в масштабах хотя бы одного города. Вместе мы сможем сделать много хорошего для своей страны. И с нашим голосом и мнением будут считаться. Партия и правительство старается воспитывать патриотизм в своих гражданах, готовить их к защите Родины. Именно эту задачу мы и будем помогать им решать.

«Тем более что этот вопрос может стать „ребром“ через каких-то тринадцать лет», – мысленно заканчиваю фразу наставника.

– Хорошо, это понятно, – вступает в разговор Вероника, – а другие стратегические задачи?

– Борьба с уголовной романтикой. Не секрет, что среди большого количества подростков она достаточно распространена. Некоторые достаточно неплохие ребята под впечатлением и влиянием старших «авторитетов» идут на преступления и попадают за решетку. Результат – сломанные судьбы, озлобленные на жизнь уголовники, новые жертвы воровства, грабежей и других правонарушений. Что предлагается сделать? Прежде всего, навести порядок в школах и других учебных заведениях. Избиения и издевательства над слабыми, отбирание мелочи у школьников должны прекратиться. Сделать это очень просто, при каждом учебном заведении организовывается отряд «Красного Знамени», который будет пресекать подобные явления. В случае, возникновения сложной ситуации, чреватой большой разборкой, от этого отряда, отправляются гонцы к другим школам, учебным заведениям и в наш штаб. То же можно сделать,

если подобные случаи происходят во дворах и других местах. Сявок надо давить, чтобы они не распространяли свое гнилое влияние на окружающих.

– Кого-то могут на нож посадить, – Мальцев серьезно смотрит на тренера, – там же и отпетые совсем есть.

– Мы постараемся этого не допустить, – спокойно отвечает Семенович, но в его глазах на миг мелькает тревожное выражение. Именно это опасение и послужило предметом ожесточенных споров. Мне стоило немалых трудов убедить наставника в нужности и необходимости подобных действий.

– Это тема отдельного предметного разговора, – продолжает Зорин, – К нему мы еще вернемся. Замечу только, что решать проблему мы будем, сотрудничая с равнодушными сотрудниками милиции, поэтому риск есть, но он не такой уж и большой. Имеются определенные мысли, как красиво решать эту проблему, но об этом, повторяю, поговорим позже. С серьезными бандитами мы связываться пока не будем, а дворовую гопоту погоняем.

Второй момент. Нужно заняться детьми из трудных семей, которые находятся под влиянием шпаны, но не являются полностью «пропащими». Их нужно тащить в клуб, организовывать досуг, увлекать нашими идеями, и всячески извлекать из уголовной среды. Для этого необходимо установить контакты с детской комнатой милиции и получить информацию о тех пацанах и девчонках, которые еще имеют шанс исправиться. Спасем хоть нескольких из них от преступного будущего – уже принесем пользу стране.

– Третья стратегическая задача – ветераны и память о ВОВ. Да у нас в стране ветераны почитаемы. К ним прислушиваются, их уважают. Но у многих стариков, родные разъехались, и они ощущают себя одинокими, и особо никому не нужными. Некоторым нужна определенная помощь, которую они стесняются или не хотят просить. Этим необходимо тоже заниматься. Стариков можно привлекать как наставников «трудных» пацанов, носить лекарства и продукты, если им это трудно. Организовывать для них праздники в клубе, дарить подарки. Пусть они чувствуют, что им благодарны, о них заботятся. Этим направлением у нас тоже будет заниматься отдельный человек.

Что касается памяти. Мы будем согласовывать с райкомом комсомола походы по местам боевой славы. Будем искать павших и оставшихся неизвестными солдат, восстанавливать их данные, передавать эти сведения родственникам и предавать их широкой огласке.

Также в нашем клубе и в других местах, будут регулярно проводиться

памятные мероприятия, посвященные Великой Отечественной Войне с привлечением ветеранов, историков и военных, на которые мы постараемся привлечь как можно больше народу. Этой деятельностью у нас также будет заниматься определенный человек.

Четвертая стратегическая задача – агитация. К ней мы вернемся позднее. Она требует отдельного вдумчивого и подробного разговора. При этом нужно отойти от определенных догм и штампов. На данный момент я считаю, мы не готовы к обсуждению этой темы. Когда назначим ответственного за это направление, с ним переговорит Алексей и расскажет, что и как делать.

На сегодня это все стратегические задачи. С предлагаемой структурой организации и другими моментами вас ознакомит Шелестов.

Сэнсей переводит дух. Длинный монолог его немного измотал. Зорин высказал далеко не все, что мы будем делать и заниматься. О многом даже он не догадывается. Но всякому знанию – свое время.

– Что касается организационных задач, – продолжаю я, – Сначала уточним структуру нашего клуба. Руководитель ВПК «Красная Знамя» – Игорь Семенович Зорин. Его слово имеет силу приказа. Обсуждению и обжалованию не подлежит. Возражения или замечания у кого-то есть?

– Нет, конечно, – машет рукой Мальцев, – какие могут быть возражения? Семеныча мы знаем и уважаем. Давай дальше.

– Напоминаю, Шелестов, является моим заместителем. Со всеми необходимыми полномочиями, – Зорин обводит строгим взглядом нашу группу, – в мое отсутствие, он принимает все решения и отдает команды. Слушайте его внимательно, и отнеситесь к сказанному Алексеем максимально серьезно. Продолжай Леша.

Смотрю на ребят. Что-то беззлобно бурчит про себя Серега, но в целом реакция удовлетворительная.

– Мне и Игорю Семеновичу подчиняются пять комиссаров. Мы планируем, что ими станете вы. Каждый из вас курирует отдельную группу, отвечая за её физическую подготовку, проводя тренировки, организовывая и планируя мероприятия, которые будут разрабатываться Советом «Красного Знамени». О нем я расскажу дальше. У комиссара должно быть в наличии несколько заместителей. Это руководители отрядов в школах, техникумах и других организациях и учебных заведениях. Территориально мы поделим город на пять районов, которые распределим между вами. Каждый комиссар будет отвечать за деятельность «Красного Знамени» на своей территории. В его отсутствие главным назначается один из заместителей.

– Игорь, ты что-то хотел спросить? – движением руки Зорин прерывает меня, поворачиваясь к тянущему руку Волобуеву.

– Игорь Семенович, – тезка наставника немного смущен, но собравшись с духом, решительно выпаливает, – а когда мы на все это найдем время? Ведь у всех нас работа, учеба, тренировки, опять же. А сделать, судя по всему, предстоит немало.

– Все продумано. На начальном этапе действительно придется поработать. А потом основная часть нагрузки будет распределена между вашими заместителями – начальниками отрядов. Вам надо будет осуществлять общее руководство. Далее, ежедневно обязательно присутствие в штабе лишь одного дежурного комиссара. Остальные всегда могут отпроситься или заняться своими делами. Конечно, три раза в неделю надо будет проводить тренировки со своими подопечными. Также потребуется активно участвовать в работе клуба. Но время для отдыха и личных дел у вас будет. И напоминаю, все полностью на добровольной основе. Если кто-то не хочет тратить на это время и вступать в клуб, никаких проблем. Никто никого не заставляет.

– Тогда понятно, – Волобуев усаживается на место, – у меня больше вопросов нет.

– Идем дальше. Ежедневное техническое руководство клубом осуществляется мною и Шелестовым, – продолжает Зорин, – но для принятия важных стратегических решений и длительного планирования дальнейших действий создается Малый Совет. В него входим я, Шелестов и вы. Очень важные решения мы принимаем коллегиально. Если необходимо, проводится голосование, и вердикт выносится большинством.

В некоторых экстраординарных случаях собираем Большой Совет. Кроме нас он будет состоять из заместителей комиссаров и некоторых активистов. Такое собрание организовывается в случае необходимости обсудить важное решение более в широком кругу.

Вот собственно и основная информация по организационной структуре. Подробности и различные нюансы можно обсудить потом.

– Извини, Алексей, что опять встрял, – наставник чуть улыбается мне уголками губ, – продолжай знакомить ребят с организационными задачами.

– Теперь о бытовых проблемах, – я широким жестом обвожу рукой комнату, – необходимо привести в порядок эти помещения. Сделать самое минимальное. Вымыть их от пыли, покрасить стены. Я готов потратить на это время. В пятницу после уроков, приду сюда и буду работать. Кто сможет, пусть присоединяется. Если есть возможности помочь краской и малярными кистями, тоже буду благодарен.

– Какие вопросы? – грохочет бас Мальцева, – надо, значит надо. Сделаем. Я присоединяюсь.

– Я тоже приду, – Вероника поворачивается к остальным ребятам, – а вы парни?

Буду обязательно, – откликается Потапенко, – после занятий сразу сюда.

– В пятницу я часа в четыре освобожусь. Раньше с завода не отпустят, – вздыхает Миркин, – заскочу домой, перекушу и прибегу.

– Я не смогу, – качает головой Волобуев, – невесту провожаю. Она к себе в деревню уезжает, а мне нужно вечером её на автобус посадить. Но когда её отправлю, готов работать.

– Кстати, у предков осталось несколько банок белой краски и кисти еще с прошлого ремонта, – оживляется Серега, – Леха, я могу за тобой заехать на своей «копейке», заскочим ко мне и перевезем их сюда.

– А деньги за краску и кисти? Неудобно у Тамары Федоровны просто так забирать.

– Какие деньги? Чего ты выдумываешь?! – кипятится Мальцев, – Свои люди, сочтемся. Они у нас уже давно валяются, никому на хрен не нужны. Мать только рада будет их отдать.

– Значит с краской вопрос решен, – подвожу итог, – остается только мебель, но нам райком комсомола пообещал помочь.

– Кстати, по этому поводу позвоню завтра Молодцову. Хорошо, что напомнил, – задумчиво отмечает наставник.

– Теперь давайте разберемся, кто чем занимается, – продолжаю я, – предлагаю Веронику Подольскую, назначить ответственной за привлечение молодежи в наш клуб и агитационные мероприятия. Она – девушка умная, инициативная и целеустремленная. Уверен, с этим Вероника справится, тем более что Игорь Семенович и я будем ей помогать и подсказывать. Кто за, поднимите руки. Отлично. Принято единогласно...

* * *

Пятница 29 сентября 1978-ого года.

Нина Алексеевна вдохновенно рассказывает о жизни Александра Блока. Завуч умеет заговорить своим сильным голосом и увлеченностью. Сразу чувствуется, что она любит свой предмет и «живет» им. Во время её выразительных монологов всегда стоит тишина, и даже обычный шелест переворачиваемых страничек тетрадок звучит громом в замершем классе.

Многие ученики, заслушавшись учительницу, даже не сразу реагируют на переливчатую трель звонка, сообщающего о конце урока.

Но сегодня я не поддаюсь магии её обаяния и искренним чувствам, слышным в каждом слове взволнованного рассказа о судьбе поэта. Все мои мысли занимает черный силуэт воплощенного зла, уже нависшего над моей Родиной. Орлиный профиль, холодный внимательный взгляд из-под очков, большие лобные залысины, прилизанные седые волосы, холеное лицо с тонкими чертами, – так выглядит главный архитектор и тайный идеолог развала СССР, приведший к власти своего протеже агента «Пятнистого» – всемогущий шеф КГБ Юрий Владимирович Андропов.

Проснувшийся во мне дар, позволяет ясно видеть сложившуюся картину и истинных виновников развала страны. В руках этого злого гения – самая могущественная спецслужба Советского Союза – КГБ, почти полмиллиона сотрудников, 200 тысяч офицеров, осуществляющих охрану руководителей СССР, оперативно-розыскную деятельность, внешнюю разведку и контрразведку, борьбу с «внутренними врагами»: инакомыслящими. КГБ словно мафиозный спрут опутал своими незримыми щупальцами всю страну, курируя даже вопросы, связанные с обороноспособностью, социально-экономической деятельностью, внешней политикой, одной рукой показательно выкорчевывая «антисоветизм», а другой тайно возвращая молодых либералов-реформаторов во ВНИИСИ и МИПСА, которые уже сегодня занимаются вопросами «реформирования» СССР. Именно из этих «молодых ученых» вылезли внук известного писателя и рыжий верзила, ставшие флагманами «капитализации» и передела собственности после развала Союза.

Все слои советского общества пронизаны «стукачами», регулярно строчащими свои доносы кураторам. Любое собрание диссидентов, заводских коллективов, молодежных неформальных движений находится под пристальным присмотром тайных агентов «плаща и кинжала», бдительно следящими за идеологической правильностью каждого брошенного слова. Только один маленький повод или решение раздавить неудобного человека, и громадный механизм самой могущественной спецслужбы приходит в движение, перемалывая людские жизни, судьбы и стирая неуютную личность в труху, уничтожая даже память о ней.

Андропов и его единомышленники – страшный противник. Они яростно, с бешеной энергией рвутся к власти, не гнушаясь ничем для достижения своей цели. Люди для них – просто фигуры на шахматной доске, которые можно смахнуть одним движением руки.

Уже умер странной смертью в 1976-ом году Андрей Антонович Гречко

– боевой офицер, министр обороны, стоящий в оппозиции к Андропову, расчищая дорогу союзнику Андропова – Устинову. За пару месяцев до моего появления в 1978-ом году ушел из жизни от «сердечного приступа» самый молодой член Политбюро – Федор Давыдович Кулаков, освобождая место Горбачеву.

На очереди Машеров, Киселев, Суслов, Брежнев, Цвигун – люди, мешавшие «серому кардиналу» «Перестройки» прийти к верховной власти к стране. С дискредитацией Романова и воцарением «Пятнистого» на советском троне начнется развал страны.

Смогу ли я даже со своим даром «видеть» людей, прошлое и будущее, противостоять Андропову и КГБ? Разум вопиет, что ничем хорошим это не кончится. Шансов развернуть Колесо Истории в обратном направлении нет, а я просто погибну, лишив себя шанса на подаренную вторую жизнь.

Но спокойно жить, зная о грядущих испытаниях, и развале страны я не смогу. Совесть и офицерская честь не позволят. Они будут терзать меня каждый день, раскаленным прутон вонзаясь в сердце. И поэтому я не сверну с выбранного пути. Даже сдвинутый маленький камешек может вызвать большую лавину, а использованный крохотный шанс – привести к победе.

– Шелестов! Ты в каких облаках мыслями витаешь? – насмешливый голос Нины Алексеевны отрывает меня от раздумий.

Завуч стоит недалеко от меня, рассматривая с непонятным прищуром мою физиономию.

Я вскакиваю с места. Отъезжающий назад стул с противным треском стучается деревянной спинкой об заднюю парту.

– Ничего подобного. Я вас внимательно слушаю, – смущенное выражение лица выдает меня.

– Да?! Тогда ты хорошо маскируешься, – ядовитый сарказм сочится из каждого слова завуча, – повтори, о чем я только что рассказывала.

Александр Блок был ярким представителем «символизма», литературного декадентского течения, популярного в конце 19-ого – начале 20-ого века, – послушно повторяю я, – оно опиралось на мистицизм, веру в другой идеальный мир. Это было отражено во всех его произведениях, подчеркивающих душевное смятение поэта, его осмысление наступающего кризиса.

Блока я знал, любил, а перед уроком даже внимательно прочел главу «Русской советской литературы 10 класса», посвященной великому поэту. Поэтому подсознательно фиксируя обрывки речи Нины Алексеевны, сумел грамотно и подробно ответить.

– Верно, – завуч удивлена, но старается сохранить каменное выражение лица, – можешь, когда захочешь. Садись.

Через пять минут, нетерпеливо верещит школьный звонок, напоминая о конце урока. Складываю учебники. Вместе с Ваней и Пашей выхожу на улицу. К нам пристраивается Николаенко с Дашей. Амосов торопливо дергает меня за плечо.

– Леш, ну что мы сегодня идем в ваш клуб?

– В наш клуб Паша, – поправляю его, – конечно, идем.

– Во сколько встречаемся? – деловито уточняет Аня, прислушивающаяся к нашему разговору.

– Подходите туда часам к четырем. Игорь Семенович уже откроет помещения, а я приеду с кистями и краской, – предлагаю им.

О планируемом ремонте в помещении клуба я рассказал ребятам еще перед первым уроком. Аня, Иван и Паша сразу же вызвались помочь. ЖЭК на Петрозаводской они хорошо знали, поэтому найти клуб, находящийся в соседнем подъезде должны были без проблем.

– Ребята давайте встретимся у ЖЭКа без пяти четыре, а там уже и Леха подъедет, – предлагает Волков. Николаенко и Амосов согласно кивают.

– Я могу и немного задержаться, – предупреждаю одноклассников, – ко мне товарищ заедет на машине. Краску и кисти у него брать будем.

– Кисти я тоже принесу, – встревает в разговор Амосов, – у меня они дома валяются.

– Отлично. Тогда давайте сделаем так. Вы меня не ждите. Заходите в клуб, переодевайтесь, Игорь Семенович вас уже знает, скажете, если что, со мной договорились, и пришли помогать наводить порядок. А как я подскочу, так и начнем.

Одноклассники что-то рассказывают, возбужденно машет руками Амосов, а на меня опять накатывает ощущение нереальности происходящего. Три подростка и две девушки с комсомольскими значками идут по залитой солнцем мостовой и весело болтают, размахивая сумками с учебниками. После чадающего черным дымом здания парламента, моей гибели в «прошлой» жизни, это кажется светлым сном о детстве, который вот-вот прервется, и я снова вернусь в суровую реальность, доживая последние мгновения, и чувствуя, как с каждой каплей крови последние искорки жизни покидают истерзанное пулями тело.

– Здравствуйте Тамара Федоровна, – здороваюсь я.
– Здравствуй Лешенька, – миловидная женщина средних лет с доброй улыбкой смотрит на меня.

– Мам, мы за красками и кистями приехали. Помнишь, я говорил? – вклинивается в разговор Мальцев.

– Да помню я сынок, помню, – устало вздыхает мать Сереги, усаживаясь на стул, – иди в сарае возьми. Там четыре банки стоят возле лопат и граблей. А кисти – рядом, в отдельном ведре.

– Да знаю я мам, – басит Сережа, – пошли Леха.

– А гостя зачем за собой тащишь? Там и одному дел на две минуты. Иди сам, а я тут с Лешей поговорю, – предлагает Тамара Федоровна.

Сергея согласно кивает, и моментально исчезает. Только входная дверь гулко хлопает за ним.

– Может быть чаю? – спрашивает мама Мальцева.

Она пытается привстать, но опять обессилено опускается на стул. На лице женщины мелькает гримаса боли, и рука непроизвольно обхватывает живот.

– Что с вами Тамара Федоровна? – обеспокоенно смотрю на маму Сережи.

– Ничего, такое уже бывало. Съела наверно что-то не то на дне рождения у свекрови, вот и живот уже третий день побаливает, – бормочет она, – пройдет все со временем.

Я смотрю на неё, и замечаю расширенные от боли, слезящиеся глаза, склеры, изборожденные кровавыми прожилками, капельки пота, выступившие на лбу, мертвенное бледное лицо.

Очередное озарение ярким взрывом заполняет мозг, заставляя прикрывать глаза от нарисованной в сознании картины.

– Тамара Федоровна вас ведь уже трое суток тошнит и температура повышенная. Нельзя так относиться к своему здоровью, – обеспокоенно смотрю на неё.

Женщина поднимает на меня глаза.

– Откуда ты знаешь? – изумленно бормочет она.

– Лех, поехали, я уже все загрузил в машину, – на пороге возникает Серега.

– Сережа, ты дурак? – спокойно интересуюсь у товарища.

– Чего дурак? – здоровенный Мальцев растерян.

– Какие нахрен краски и кисти?! – мой голос дрожит от ярости, – У тебя мать от перитонита погибает. Уже трое суток мучается. Почему врачей не вызвал?

– Так это, она говорила, что скушала что-то не то, само пройдет, – мямлит Серега, – такое уже раньше было.

– Нет Сережа, ты точно дурак, – делаю вывод, – мало ли кто, что тебе говорит. Пойми, со здоровьем не шутят. Это чревато. У твоей матери перитонит. Операцию надо делать в ближайшие часы, иначе может быть поздно.

– Леша, ну что ты фантазируешь? – Тамара Федоровна морщится от боли, но продолжает строго смотреть на меня, – Откуда ты знаешь, что это перитонит? Я же сказала, съела что-то не то. Не в первый раз уже такое. И поэтому врачей вызывать Сережке я запретила, нечего их попусту гонять.

– Извините Тамара Федоровна, мы с вами потом на эту тему поговорим, а сейчас вам надо собираться, – я отворачиваюсь от женщины и хватаю Серегу за плечи.

– Мальцев, если мы сейчас не отвезем твою маму в больницу, все может плохо закончиться, – хорошенько встряхиваю его, – просто поверь мне. Это нужно сделать немедленно. Слышишь?!

Мгновение Сережа смотрит мне в глаза, и резко поворачивается к матери.

– Так мам одевайся, мы едим в пятую больницу, она тут недалеко, – командует он.

– Не выдумывай, – пытается возмутиться Тамара Федоровна, – ты чего, Лешкиным фантазиям веришь?

– Верю, – Серега тверд как скала, – даже если это и не перитонит, тебе все равно провериться нужно. Леха прав, а я дурак, что пошел у тебя на поводу. Короче, ма, одевайся, поехали.

Тамара Федоровна, недовольно фыркнув, уходит в другую комнату переодеваться, а Мальцев бежит открывать ворота. Через несколько минут мы уже выезжаем из его частного дома. Закрыв вход, Серега прыгает в свою «копейку». «Жигуленок» резво несется по улицам, сопровождаемый удивленными взглядами прохожих. Слава богу, машин на дороге мало и неприятностей удастся избежать. Через десять минут «копейка» тормозит возле пятой больницы.

Тамаре Федоровне становится хуже, и мы с Мальцевым подхватываем её под руки. Врачи реагируют быстро. После нескольких уточняющих вопросов, девушка из регистратуры называет номер кабинета, куда мы приводим побелевшую от нового приступа боли женщину. Врач выгоняет нас наружу. Некоторое время из кабинета слышатся неразборчивые голоса. Затем в дверь заходит парочка санитаров. Через минуту они уже увозят Тамару Федоровну на носилках.

Доктор выходит в коридор, и приглашает Серегу войти. Я остаюсь ждать его в коридоре.

Через пять минут взволнованный Мальцев выходит из кабинета.

– Ну что Серега как дела? – обеспокоено смотрю на товарища.

– Ты был прав Леха. Нужно было давно мать в больницу везти, – голос парня подрагивает от эмоций, – очень похоже на перитонит. Врач сказал: имеется характерное вздутие живота. Но точно станет ясно после рентгена и анализов крови. Если диагноз подтвердится, будут делать операцию прямо сейчас.

Молчим.

– Если с ней что-нибудь случится, я, я... – Мальцев замолкает, глотая воздух. Его лицо перекашивает страдальческая гримаса, – я никогда себе не прощу.

– Все будет нормально Серег, – кладу руку на каменное плечо товарища, – мы привезли её вовремя.

– Ладно, – с усилием выдавливаю из себя парень, – маме все равно сейчас будут делать анализы. Я тебя отвезу в клуб, а потом вернусь. Краску и кисти заодно заберешь.

– Сереж, ты уверен? По-моему ты сейчас не в том состоянии, чтобы управлять машиной. Я вообще сейчас могу с тобой остаться. Мало ли что.

– Я в порядке, – выдыхает Серега, – привезу тебя, и приеду сюда. И не спорь, хорошо? Я сам отлично справлюсь.

Внимательно смотрю на него. Похоже, Сереже сейчас нужно побыть здесь одному.

– Ладно, поехали, – вздыхаю, – но помни, если будет нужна любая помощь, можешь на меня рассчитывать.

– Я знаю Леха, – громадная лапа стискивает мое предплечье, – спасибо.

– Батю хоть предупредишь?

Отец Сереги – Владимир Иванович работает вахтовым методом на Севере. Трудится золотодобытчиком на каком-то прииске. Его по несколько месяцев не бывает дома. Зато когда приезжает, отрывается на полную катушку. Первые несколько дней веселое застолье с родственниками и друзьями, потом увозит жену на недельку на юг или «окультуриться» в Москву. Доходы ему позволяют жить «на широкую ногу», тем более, как признавался Владимир Иванович, в Сибири ему тратить деньги просто не на что.

– После операции, – басит Мальцев, – раньше все равно не успею. Да и пока дозвонюсь в контору, пока его найдут, уже много времени пройдет.

– Понятно. Поехали тогда?

Мы выходим на улицу. После спертого больничного воздуха, наполненного резкими запахами лекарств, дышится особенно свободно. Серега вставляет ключ в дверцу верного «жигуленка», и через минуту мы уже мчимся к клубу.

Гляжу на часы. Пять минут пятого. Вполне успеваю. «Копейка» притормаживает около входа в клуб. Выпрыгиваю из машины, придерживая рукой сумку со сменной одеждой. Мальцев быстро выгружает из багажника краску, хлопает меня по спине в ответ на пожелание удачи и газует, срывая машину с места.

– Чего это, он так резко? – вышедший из подъезда Потапенко недоуменно смотрит на быстро удаляющийся автомобиль.

– Мать у Сереги заболела. Он её отвез в больницу, – лаконично отвечаю Вове, – завез меня и поехал обратно.

– Тамара Федоровна? – Вова встревожено смотрит на меня, – что у неё такое?

– Перитонит. Сегодня будут делать операцию.

– Надо будет туда поехать завтра. Может лекарства какие нужны? – беспокоится Потапенко, – я же Тамару Федоровну с рождения знаю. Не чужой человек все-таки.

– Пока не лезь. Увидишь Сережу, сам с ним поговоришь обо всем, а сейчас лучше помоги занести это в клуб, – подхватываю банку с краской и ведро с кистями.

Вова забирает остальные три емкости. В клубе уже все в сборе. Вероника, Аня, Миркин, Пашка, Ваня переодеты в сменную одежду. Девушки убрали волосы под платки, парни вотрузили на головы треуголки, сделанные из старых газет. С трудом сдерживаю улыбку, уж больно забавно они выглядят в этом прикиде.

– Семенович, открыл зал и уехал. У него сейчас тренировка с самбистами, на область готовятся. Вечером заедет посмотреть как у нас дела, и клуб закрыть, – деловито сообщает Миркин.

– Понятно, – обвожу взглядом присутствующих, – вы хоть уже познакомились?

Амосов, Волков и Николаенко кивают.

– А как же, – улыбается Вова, – мировые ребята.

– Тогда давайте начнем «ремонтные работы».

Подольская деловито распределяет кисти, ведра и краску. Остаток – две банки отправляются в угол тренировочного зала.

Я и Ваня берем на себя кабинет. Вероника и Потапенко отправляются в

помещение с турниками и шведской стенкой. Миркин устраивается в раздевалке. Аня и Паша деловито перетаскивают ведра с кистями в большой зал с борцовским ковром.

Работа спорится. Стены с облупившейся краской, начинают сверкать яркой белизной, радуя глаз и поднимая настроение. Периодически народ заходит в раздевалку – перевести дух и глотнуть колодезной водички и пластиковой пятилитровой канистры, которую вместе с парочкой стаканов предусмотрительно притащил хозяйственный Потапенко.

Через полчаса краска из ведерка заканчивается. Забегаю в большой зал, где Аня красит стену, и замираю, боясь шелохнуться. Открывшаяся передо мной картина потрясает своим великолепием. Подающий из окна сноп света ярким лучом пронзает темное пространство подвала, рассеивая полумрак, и окружая стройную фигуру девушки белоснежным сиянием. Потревоженные энергичными движениями руки с кистью, плавающие в воздухе пылинки устаивают хоровод, кружась вокруг подсвеченных золотистыми лучами солнца ярко-алых губ, упрямо падающей на изумрудные глаза длинной челки, аккуратного чуть вздернутого носика. В эти мгновения моя соседка по парте похожа на ангела, каким-то чудом возникшего среди простых смертных. Даже белые точки краски на старой клетчатой рубашке, придают девушке какое-то неземное очарование.

Николаенко что-то чувствует. Её рука с кистью останавливается. Одноклассница поворачивается ко мне. Я не успеваю стереть с лица выражение восторга. Секунду мы смотрим в глаза друг другу, затем Аня смущенно отводит глаза. Краска заливает её лицо. Сначала покрываются нежным румянцем щеки, затем начинают гореть маленькие ушки, освобожденные от упрямой под платок копны черных волос.

– Леша, ты что-то хотел? – чуть грубовато спрашивает она, смотря в сторону.

– А? Да вот у меня краска закончилась, – с трудом отрываюсь от созерцания девушки, подхожу к банкам в углу и подхватываю одну из них.

– И кстати, где Амосов, он же вроде с тобой должен работать? – спрашиваю я.

– Отошел Паша на минутку. По очень личному делу, – уголки губ Ани раздвигаются в легкой улыбке.

– Понятно, ладо пойду я, надо стены докрасить, – смущенно бормочу и удаляюсь, держа банку подмышкой.

Усиленно орудую кистью. Рядом сосредоточенно сопит Ваня.

Перед глазами стоит стройная фигурка девушки в ореоле яркого

солнечного света.

«Стоп Шелестов, не увлекайся, она же еще совсем ребенок, школьница» – судорожно бьется в сознании паническая мысль. Работаю еще быстрее и ожесточеннее, стараясь избавиться навязчивого видения, и не сразу обращаю внимание, как тишина помещения нарушается энергичным стуком тяжелых ботинок.

– Леха, – в кабинет врывается счастливый Мальцев. Меня отрывают от пола и трясут в объятьях. Белые капли, веером летят на расстеленную на полу газету, но здоровяк не обращает на них внимание.

Из комнат выбегают привлеченные шумом, перемазанные краской ребята.

– Опускай обратно, черт здоровый, я же тебя сейчас заляпаю, – бормочу смущенно, глядя в счастливые глаза Сереги.

– Лешка, я тебе теперь по гроб жизни обязан, – басит верзила, поставив меня обратно, – ты был прав на все сто. У мамы выявили перитонит. Еще бы на час позже привезли и все. Никто не мог бы помочь. А сейчас операцию уже сделали. Врач говорит, что все будет нормально. Спасибо брат, я даже не знаю, как тебя благодарить.

– Ну и слава богу, – мое лицо расплывается в улыбке, – главное, что с Тamarой Федоровной все хорошо.

* * *

Суббота 30 сентября 1978-ого года.

Металлический стук колес убаюкивает. Перед окном поезда проносятся одинокие деревья, столбы электропередач, опутанные проводами, поляны, усеянные пожелтевшей пожухлой желтоватой травой. Сидящая напротив меня женщина нянчится с двухлетним ребенком. Рядом с ней бодрый старичок, деловито водрузив очки на переносицу и сощурившись, читает передовицу «Правды».

Я еду к деду. Мой дар опять проявил себя. Вчера, когда мы до блеска вымывали пол и красили стены зала, я, обессилено растянувшись на деревянной скамейке, задремал. Видения, показывающие всю масштабность будущей катастрофы, огненным всполохом ворвались в сознание, выжигая мозг. Умершие от голода пенсионеры, кровавая вакханалия на улицах Москвы 1993-его года, бездомные собаки, лижущие человеческую кровь на улицах Грозного, нищие дети с пробирающим до дрожи пронзительным голодным взглядом. События, факты и цифры опять

прокручиваются в моем сознании яркими картинками, обжигая сердце ледяным холодом.

Сквозь полусон слышу обеспокоенный голос Мальцева «Леха с тобой все в порядке», ощущаю, как меня трясет крепкая рука, возвращая в реальность.

– Да Серег, все нормально, – выдыхаю я, открывая глаза. Вижу взволнованные лица ребят склонившиеся надо мною.

– Ты уверен? Ты же весь мокрый, абсолютно весь, – Потапенко щупает мою одежду.

Провожу рукой по взмокшему лбу. Подношу ладонь к глазам. Прозрачная лужица пота, разбивается на струйки. Юркие капли, бегут по предплечью и летят на пол. Футболка и штаны влажные, как будто я попал под дождь.

– Все нормально ребят, просто прикорнул, и кошмар приснился, – мой голос еще хрипловат от пережитого.

– Ничего себе кошмар, – кипятится Вова, но Мальцев сжимает его плечо своей лапой, обрывая монолог.

– Ладно, мы пока закончим прибираться, а ты переодевайся, – говорит Игорь.

Парни и Вероника и Аня выходят из раздевалки, бросая на меня обеспокоенные взгляды.

Но мне уже не до них. Последние пазлы плана складываются в стройную общую картину. Все становится на свои места. Я понимаю: у меня совсем нет времени. Ждать до каникул нельзя. Встречаться с дедом нужно немедленно.

Все остальное происходит как в тумане. Переодеваюсь, прощаюсь с ребятами и иду домой. Сообщаю родителям, что хочу съездить на выходные к деду. Отвечаю на недоуменные вопросы. Да, желаю провести стариков. Ужасно соскучился, и вообще считайте это моей блажью. После получаса споров родители сдаются.

Вместе с папой звоним старикам. Дед и бабка тоже растеряны, и одновременно обрадованы возможностью увидеть любимого внука. Отметаю осторожные предложения дождаться каникул, сообщаю, что хочу их увидеть как можно скорее. Договариваемся, что утром мы с отцом поедem на вокзал. Отец посадит меня на подходящий поезд или электричку, а потом отзвонится деду, чтобы встретили.

И вот я сижу в купе поезда, идущего в Москву. Грохочут колеса, за окном мелькают пейзажи, а я погружаюсь в собственные мысли.

Необходимо искать контакты с Машеровым и Романовым и другими

честными и порядочными людьми в руководстве СССР. Только у них есть рычаги власти, дающие шанс изменить будущее и предотвратить грядущий развал Союза, умело подготавливаемый кукловодами на Западе и предателями внутри страны.

Сам я этого сделать не смогу. Нет никаких возможностей и шансов достучаться «наверх». Меня зафиксируют и уберут еще на подходах, при малейших попытках дойти до Романова или Машерова. Их гебешная охрана не дремлет. Андропову сразу станет известно о моих попытках. А уничтожить или арестовать и выжать меня «досуха» для него не представляет никакой сложности. А как источник информации я для ЮВА бесценен. Поэтому даже не буду пробовать лезть к «небожителям» самостоятельно.

А с помощью деда – уважаемого в армейских кругах генерал-лейтенанта, можно попытаться. Тем более что он хорошо знает Петра Ивановича Ивашутина – начальника ГРУ и даже дружит с ним. И у меня имеются веские аргументы заставить Константина Николаевича поверить своему внуку. Немного волнуюсь, как он воспримет мои откровения, все-таки дед уже не молод, войну прошел. Может с инфарктом свалиться или попробовать придушить меня в запале. Те сведения, которые я собираюсь на него вывалить, не каждая здоровая психика выдержит.

Металлический грохот, сменяется пронзительным шипением. Поезд замедляет ход. Появляется длинный ряд зданий и увенчанная высоким шпилем ступенчатая башня Казанского вокзала. Подхватываю сумку, вежливо пропускаю попутчиков, и выхожу из купе. В проходе уже толкается народ с угловатыми чемоданами и набитыми вещами баулами.

Наконец, вместе с ворчливыми бабками с огромными сумками, галдящей молодежью, степенными семейными парами, колхозниками в кургуzych серых пиджаках я продвигаюсь к выходу. Подаю пожилой женщине старый потертый коричневый чемодан, перевязанный лохматой серой веревкой и, спустившись на железную ступеньку, спрыгиваю на асфальт.

Оглядываю платформу. Мой взгляд скользит по потоку людей, в поисках деда.

– Лешка! – в сознание врывается знакомый до боли родной голос.

Поворачиваюсь вправо. Метрах в пяти от меня, быстро идет к вагону подтянутый мужчина лет 65-ти в темно-сером плаще, накинутом на черный костюм. Благородная седина серебрится на висках, в чуть выцветших голубых глазах сверкают веселые искорки, широкая улыбка преобразует волевое и суровое лицо, превращая старого боевого офицера в деда,

встречающего любимого внука.

– Деда, – горячая волна любви, нежной пеленой обволакивает душу. В пересохшем от волнения горле, набухает ком, мешающий свободно дышать.

Константин Николаевич снова жив, бодр и подтянут. А ведь в октябре 1991-ого года, я провожал его в последний путь, долго смотря в серое, похожее на маску оплывшее лицо и не мог поверить, что его уже нет. И что я больше никогда не увижу его теплые внимательные глаза, и не услышу энергичное «Здравствуй внук».

Утыкаюсь в лацканы его пиджака, пряча повлажневшие глаза. Обнимаю родного человека, жадно вдыхая знакомые еле заметные нотки сандала и бергамота «Шипра».

– Леша ты чего? – дед растроган и одновременно удивлен моей реакцией. Обычно я веду себя намного сдержаннее. Но тут не удержался. Да и кто бы из нормальных людей остался на моем месте равнодушным?

– Ничего, деда, ничего. Не обращай внимания, – бормочу я, продолжая сжимать его в объятьях.

– Внук с тобой точно все нормально? – дед пристально и вместе с тем чуточку обескуражено смотрит на меня.

– Да, – вздыхаю и отстраняюсь от Константина Николаевича.

– Тогда поехали, – командует дед, – Алина Евгеньевна уже заждалась.

– Так мне и сказала, – ухмыляется он, – отдала приказ доставить к ней внука немедленно. Она там уже блины печет, отбивные жарит, салатики режет. Мария ей помогает. Так что уедешь ты от килограмма на два потяжелевшим. Твоя бабушка не успокоится, пока все не съешь.

Мои губы невольно расплзаются в ответной улыбке. Да бабуля у меня такая. Вечно ей кажется, что я оголодал на родительских харчах, и худой как узник Бухенвальда.

Подтягиваю сумку на плече и шагаю за дедом. Генерал-лейтенант, несмотря на возраст, бодр и энергичен. Мне приходится ускорять шаг, чтобы успевать за его быстрой пружинистой походкой.

– Как там папка? – интересуется дед.

– Служит, – вздыхаю я, – постоянно, то по командировкам, то в части пропадает. Недавно у него, правда, неприятности были.

– Какие неприятности? – улыбка пропадает с лица генерала. Он прихватывает меня за локоть и тормозит, разворачивая к себе. Жесткий, пронизывающий насквозь взгляд буравит меня. Мне даже на секунду становится не по себе.

– Да родители мне ничего докладывают. Но я краем уха слышал, что

анонимку на него написали. Как на антисоветчика, критикующего власть и товарища Брежнева.

Стальное выражение исчезает из глаз деда. На секунду в них мелькает растерянность.

– Сашка?! Антисоветчик? Ерунда какая-то... – медленно произносит генерал. Он шокирован.

– Деда, ты не беспокойся. Все уже вроде разъяснилось. Отца полностью оправдали. И даже автора анонимки вроде нашли, – начинаю частить я, не дай бог, старик разволнуется, еще сердце прихватит, – сейчас у него все в порядке.

– Слава богу, – дед вытирает ладонью вспотевший лоб, – но все равно, почему же Сашка мне ничего не сказал? Вот паршивец. Ну ничего, приедем, я ему позвоню, пистон вставлю.

– А может не надо? – тихонько прошу деда, – а то потом пистон мне вставят. За то, что тебе рассказал.

– Не переживай, – ухмыляется Константин Николаевич, – я с твоим папкой воспитательную беседу проведу. Ишь чего удумал, секреты у него от отца родного. Быстро ему мозги на место верну.

Мы выходим на площадь, и направляемся к знакомой Волге «ГАЗ-24», сверкающей черной лакированной краской.

Крепкий и коренастый старшина делает попытку выйти из машины, но дед тормозит его предупреждающим движением ладони. Он садится рядом с водителем, а я с комфортом устраиваюсь на широком заднем сиденье машины.

– Привет Виктор, – протягиваю руку старшине.

Водитель широко улыбается.

– Здравствуй Алексей, – мою ладонь обхватывает здоровенная мозолистая лапа.

Виктор возит деда уже добрый десяток лет, и давно уже стал почти членом генеральской семьи. Он был моим первым учителем рукопашного боя, всегда терпеливо выслушивал мой детский лепет, давал советы, учил подтягиваться на турнике, а когда к генералу приезжали на дачу однополчане-ветераны, забирал меня с собой на рыбалку.

– Давай к нам домой, – командует дед. Старшина кивает, поворачивает ключ в замке зажигания. Машина оживает, мелко трясется, заводясь, и медленно трогается с места.

– Дед, насколько я помню, по дороге имеется гастроном и цветочный магазин. Тормознем там? Я быстро.

– Не терпится папкины деньги потратить? Хочешь бабку цветами и

сладким порадовать? – ухмыляется Константин Николаевич, – Это правильно. Женщин нужно баловать комплиментами и маленькими подарками, тогда они расцветают. Ради такого дела остановимся, но только одна нога там, а другая здесь.

– Договорились, – клятвенно прижимаю руку к груди, – я мигом.

* * *

1-ого октября 1978-ого года. Воскресенье.

Мы с дедом сидим в лесу, на поваленных бревнах. Осеннее солнце лениво пробивается сквозь нависшие гроздьями серые тучи, холодный ветерок вздымает стайки желтых листьев и затихает, обессилено швыряя их на землю. Деревья угрожающе встопорщились черными голыми ветками.

Вчерашнее застолье удалось на славу. Дома у деда я был расцелован и затискан обрадованной бабушкой, а потом усажен за стол, заставленный разнообразными блюдами в гостиную. Домашние пирожки с мясом, блины с творогом, большая салатница с оливье, нарезанные на тонкие ломти помидоры и огурцы, дымящаяся гора картошки пюре с водруженным на середину громадным куском плавящегося сливочного масла, растекающимся аппетитным желтым озером. Присутствовали нарезка из колбаски, сыра, ветчины и других деликатесов, отбивные с поджаристой темно-золотистой корочкой, ярко-красные ломтики семги и множество других продуктов и блюд. Глаза просто разбегались от яств и деликатесов, расставленных на столе.

Бдительная бабуля следила, чтобы моя тарелка не пустела, заботливо подкладывая новые порции любимому внуку. Из стола с набитым как барабан животом, оставив нетронутым большой ломоть шоколадного торта, я буквально выполз только девятом часу вечера.

Тереблю подобранной веточкой темно-серые угольки давно потухшего костра, не решаясь начать разговор. За пазухой у меня лежит тетрадка, которую вчера, когда все улеглись спать, скрупулезно заполнял фактами и цифрами.

Уже куплены билеты на поезд, и через шесть часов поеду обратно к родителям. Разговаривать дома у Константина Николаевича, я не хотел. Дед живет в большой белой высотке на Котельнической набережной, увенчанной длинным шпилем с пятиконечной звездой, и ставшей символом величественной архитектуры сталинского времени. Из окон его громадной пятикомнатной квартиры открываются потрясающие виды на Москву-реку

и Кремль. Весь подъезд и пространство между этажами украшены лепниной и барельефами. Ходили слухи, что строили этот шедевр архитектуры заключенные, а первыми жильцами этого роскошного дома были руководители НКВД. И даже сейчас здесь проживают высокопоставленные работники органов, важные армейские чины и сливки «партийной номенклатуры». Естественно, общаться в подобном здании о важных вопросах, тем более учитывая ранг деда, было неправильно. Может, перестраховываюсь излишне, но береженого бог бережет.

Пришлось просить Константина Николаевича проехаться со мной в Матвеевский лес, чтобы подышать свежим воздухом и пообщаться. За что ценю деда, так это за умение быстро принимать необходимые решения. На недоуменный вопрос, а почему нельзя поговорить в квартире, мне достаточно было посмотреть на него умоляющими глазами и признаться, что «очень надо». Бабуля немного обиделась, и начала ворчать «что это за секреты такие», а дед, отделавшись коротким «раз надо, пошли», сразу же встал и начал собираться. В воскресенье у Виктора был выходной. Генералу пришлось вызывать такси, и через час мы уже гуляли среди лип, берез, вязов и сосен с упоением вдыхая прохладный лесной воздух.

– Так о чем ты со мной хотел пообщаться? – Константин Николаевич, прищурившись, с интересом смотрит на меня.

– Дед, ты только не волнуйся, ладно? Тема очень серьезная, – обеспокоенно смотрю на него.

– Когда ты так говоришь, я уже волноваться начинаю, – ворчит генерал-лейтенант, – давай излагай, не томи душу.

В мозгу мелькает яркая искорка, предвеля очередное «озарение», накатывающее ослепительным взрывом. События из жизни деда всплывают в сознании, выстраиваясь стройными рядами фактов. Теперь я «вижу» Константина Николаевича насквозь, и даже знаю о некоторых страницах его биографии, которые он предпочитает не рассказывать.

– Дед, только не смейся, но я тебе сейчас скажу очень странную вещь, – говорю, смотря ему прямо в глаза.

Константин Николаевич собирается, в его глазах мелькает тень беспокойства.

– Я вижу прошлое и будущее, – собравшись духом, выпаливаю ему прямо в лицо.

Дед оглушительно хохочет, хлопая себя ладонями по бедрам. Еще пару секунд назад каменное напряженное лицо расслабляется, а губы расплываются в безумной широкой ухмылке, показывая белоснежные зубы.

– Ну Лешка, ну шутник, уморил паразит, – сквозь смех стонет

Константин Николаевич, вытирая подушечками пальцев выступившие в краешках глаз прозрачные капельки, – а я уже думал, что-то серьезное...

Я терпеливо жду, пока дед перестанет ржать.

– Все? Успокоился? – дождавшись утвердительного кивка, продолжаю, – хочешь, сейчас о твоём прошлом расскажу, о котором мало кто знает.

– Давай попробуй, я тебя слушаю, – дед преувеличено серьезно подпирает ладонью щеку, демонстрируя повышенное внимание. В его глазах по-прежнему плещется смех.

– В 28-ого июля 1942-году вышел знаменитый приказ Иосифа Виссарионовича Сталина?227 известный под названием «ни шагу назад». Помнишь?

– Конечно, – кивает дед.

– 15 августа 1942-ого года, когда вы отступали под ударом немцев в районе станицы Сиротинская под Сталинградом, ты расстрелял паникера – девятнадцатилетнего деревенского веснушчатого пацана, утверждавшего, что война немцам проиграна, и призывавшего бросать оружие и разбегаться. Помнишь? Ошалевшие синие глаза этого парня, понявшего, что его сейчас убьют, когда строй солдат поднял винтовки, ты запомнил на всю жизнь. Парня звали Иван Миронов. И эту сцену ты снова и снова переживаешь в своих снах. Он очень напоминал тебе двоюродного брата Бориса, убитого в первые дни войны. Ты не мог поступить иначе, и взял эту вину на себя.

Молчание. Сейчас ошалевшие глаза у бравого генерал-лейтенанта. Даже челюсть изумленно отвисла. Дед по-настоящему потрясен.

– Откуда ты знаешь? Я об этом никому не говорил. И бойцы по просьбе командира, его односельчанина, молчали, чтобы не позорить родителей, – бормочет Константин Николаевич, отводя глаза.

– А еще дед, могу рассказать о твоей военно-полевой жене – старшем лейтенанте медицинской службы Татьяне Строговой. Как она выхаживала тебя после тяжелых ранений, как вы забирались в землянке, проводили ночь на сеновале, могу даже форму её родинки ниже ключицы описать или шрамик от осколка чуть выше поясицы, чтобы ты в мои способности поверил.

– Хватит, – рывкает генерал, вскидывая ладонь перед моим лицом, – ты что-то уж совсем разошелся. Помолчи, дай мне подумать.

Дед мертвенно бледен, его руки суетливо разглаживают брюки, тербят ткань куртки, в глазах светится растерянность.

– Чертовщина какая-то, – наконец braveй генерал-лейтенант обретает

дар речи, и озадаченно трет ладонью лоб, – знать ты этого точно не мог. О моем романе были осведомлены единицы. Подозревали, догадывались, да, но утверждать никто бы не взялся. Да и про расстрел тоже. Осталось два человека в живых, я с ними редко общаюсь, и на эту тему мы никогда не разговариваем. Рассказал бы кто, никогда бы не поверил.

– А хочешь дед, расскажу, о чем Татьяна шептала тебе на сеновале? Что старший лейтенант рассказывала про своего отца, брата и других родственников? Она ведь потомственной дворянкой была, и фамилия её настоящая не Строгова. Сказать какая? Булатова. А как она тебя раненого волокла на себе пять километров в грязи, и ты просил её оставить себя и уходить?

– Я же сказал, хватит! – рычит генерал, – допустим, я тебе верю. Черт подери, уж такого ты знать никак не мог. Что дальше?

– А дальше успокойся, вдохни и выдохни. Очень тебя прошу, постарайся не нервничать, то, что я тебе скажу, может сильно шокировать. Я не хочу, чтобы у тебя схватило сердце. Поэтому попытайся, пожалуйста, сохранить спокойствие.

– Я спокоен. Говори, – тревожное предчувствие черной тенью мелькает в глазах генерала, – о сердце моем не беспокойся. Я, конечно, уже в возрасте, но оно меня пока не подводило.

– В конце декабря 1991-ого года Советский Союз прекратит свое существование. Страна будет разрушена в результате заговора партийной элиты, КГБ и их приспешников, под руководством Михаила Сергеевича Горбачева, ставшего первым и последним президентом СССР.

– Ты что несешь щенок?! – лицо Константина Николаевича наливается кровью, – Да как ты смеешь...

Меня хватают еще крепкие руки деда. Правая – за шиворот, левая сжимается мертвой хваткой на отвороте куртки. Генерал-лейтенант с силой встряхивает меня как тряпку.

– Ты можешь даже дать мне в морду, если тебе станет легче, – хриплю, держась за крепкие запястья, – но лучше выслушай.

– Хорошо, – с усилием выдавливает дед. Его кулаки медленно разжимаются, опуская ткань одежды.

И я начинаю рассказывать генерал-лейтенанту все, что происходило на моих глазах, дополняя события жизни, фактами, узванными из видений. Как Андропов рвался к власти и тащил в Политбюро Горбачева, как уничтожались конкуренты и соперники ЮВА, мешающие ему стать генсеком ЦК КПСС. Я знакомлю деда с «планом Реставрация», разработанным зловещим шефом КГБ. Через два года после моей гибели в

Белом Доме, первое упоминание о похожем проекте, названном «Голгофа», появится в газете «Совершенно Секретно», в результате «откровений» бывшего генерала КГБ Михаила Любимова. Статья имела эффект разорвавшейся бомбы, и вызвала нешуточный ажиотаж. Как потом признался бывший начальник третьего отдела ПГУ КГБ, его рассказ являлся сатирой. На самом деле высокопоставленный сотрудник органов, имел доступ к секретной информации, умел анализировать и сопоставлять факты. Результатом его долгих размышлений, и стала статья-мистификация о плане «Голгофа», приправленная изрядной долей стеба и фарса. Но Любимов не знал главного. Его пытливый ум КГБ-шника смог нащупать краешек самой зловещей тайны ЮВА и КГБ – «Плана Реставрация», невольно выдав некоторые его положения в форме художественной сатиры.

За красивыми словесами Андропова об «обществе, которое мы не знаем», «повышения производительности труда», «борьбой с тунеядцами и прогульщиками», скрывалось банальное предательство. ЮВА был искусно маскирующимся убежденным противником советской власти и СССР, его единомышленники желали стать настоящими хозяевами страны и её материальных активов. Результатов своего «труда» всемогущий шеф КГБ не увидел. Через пятнадцать месяцев после избрания на пост генсека КПСС он умер. Но протее Андропова Горбачев, став руководителем государства после смерти Черненко, объявил «Перестройку» в 1985-ом, запуская реализацию «Плана Р» в активную фазу.

В стране с подачи «главного реформатора», начала нагнетаться атмосфера ненависти к «партократам» и КПСС, критиковалась «уравниловка социализма», шла активная антисоветская пропаганда, щедро сдобренная сюжетами и художественными фильмами с криминалом. Умелые дирижеры КГБ в спайке с заокеанскими коллегами, провоцировали накрывающие общество волны истерии к «преступлениям коммунизма», искусно мешая правду с порциями лжи.

Фильмы «Интердевочка», «Маленькая Вера», «Гений» успешно работали на переформатирование сознания, прививая советским людям новые стандарты западной морали – возможность продавать свое тело, погоню за наживой и желание разбогатеть любыми, даже преступными способами. Одновременно демонстрировалась красивая витрина роскошной западной жизни, вызывая зависть и восхищение. Грязные каморки нищих, бомжи, спящие на тротуарах и кланчащие мелочь, наркомания и уличная преступность благоразумно оставались за кадром. Напоказ выставлялся успешный быт «золотого миллиарда», сверкающая яркая красота европейских и американских мегаполисов.

Некогда жители самой «читающей в мире страны» стремительно превращались в дебилов. На яркий свет выползали многочисленные маги, колдуны и экстрасенсы, делающие деньги на суевериях и ужасе над сверхъестественными явлениями. Именно в конце 80-ых годов режиссеры управляемого хаоса впервые испытали методики агрессивного воздействия на аудиторию посредством телевидения. Даже образованные люди, поддавшись всеобщей истерии, со стеклянным взглядом и пеной изо рта рассказывали о чудесах массового исцеления на сеансах Чумака и Кашпиоровского. Они регулярно ставили перед телевизорами банки с водой, чтобы «великие экстрасенсы», маячащие на экране, заряжали жидкость «целебной энергией».

В республиках с подачи отечественных и зарубежных кукловодов расцветал национализм, в Москве и Ленинграде устраивали шествия бородатые мужики в черных рубахах, обещающие устроить «Варфоломеевскую ночь» лицам определенной национальности и «инородцам».

В Союзе появилось множество кооператоров, использующих дыры в законодательстве СССР, и делающих на этом сумасшедшие деньги. Большинство из них было не тружениками, создающими продукцию своими руками, организаторскими талантами и предпринимательским гением, а легализовавшимися спекулянтами, «теневиками» и валютчиками. Как грибы в городах росли качалки и секции единоборств, ставшие «альма-матер» многих преступных группировок, разросшихся впоследствии до международных преступных сообществ. К моменту распада СССР общество уже было подготовлено. Комсомольцы создавали банки, вчерашние партократы гневно обличали КПСС, известные режиссеры, артисты, музыканты и другие представители «творческой интеллигенции», обласканные советской системой, становились самыми яркими её критиками и ненавистниками.

Я перевожу дух.

Константин Николаевич ошеломленно молчит. Тяжелая тишина нависает над нами, изредка разбавляемая шелестом вздымаемых ветром листьев.

– Дед, – трогаю его за рукав, – с тобой все в порядке?

– Да, – глухо произносит генерал-лейтенант, – давай дальше.

Я продолжаю знакомить его с последующими событиями. Рассказываю ему про Афганистан, появление Ельцина, его противостояние с Горбачевым, крах ГКЧП и приход «царя Бориса» к власти.

Дед внимательно слушает о дикой инфляции, закрытии заводов,

многомесячных невыплатах зарплат, замороженных вкладах на сберкнижках, пенсионерах, роющихся в мусорных баках, приватизации и темнеет лицом. Когда дохожу до расстрела Белого дома и войны в Чечне, на его стиснутых челюстях набухают желваки, а расширенные зрачки сверкают искренней злостью.

Замолкаю. Несколько секунд над полянкой стоит тишина. Генерал-лейтенант осмысливает мой рассказ.

– Ах ты ж, – красный от гнева дед с силой бьет кулаком по бревну, и выдает такую матерную тираду, что меня пробирает до костей.

Мне удивительно слышать от Константина Николаевича забористые ругательства из лексикона портовых грузчиков. Раньше в моем присутствии генерал себе ничего подобного не позволял. Теперь я понимаю, насколько он потрясен.

– Слушай внук, а это не может быть ложной информацией? – безнадежно интересуется дед, – ну привиделось тебе что-то не то?

– Нет, все так и будет, если мы не сможем этому помешать, – спокойно отвечаю, глядя ему в лицо.

– Да откуда ты это можешь знать? – взрывается Константин Николаевич.

– Просто знаю. Тебе придется мне поверить, – делаю многозначительную паузу, – или не поверить. Выбор за тобой.

Мгновение генерал-лейтенант смотрит мне в глаза, а потом отводит взгляд.

– Ладно, считай, что я тебе верю, – в подрагивающем голосе деда слышится невероятная усталость, – такого придумать, да еще с такими подробностями семнадцатилетний мальчишка точно не может. И что ты предлагаешь?

– Дед, нам нужна поддержка на самом верху. Прежде всего, надо выходить на Григория Васильевича Романова и Петра Мироновича Машерова. Это порядочные люди во власти. Они могут стать нашими единомышленниками.

– Ты вообще представляешь что говоришь? – брови генерал-лейтенанта изумленно взлетают, – прорваться к ним трудно, там тройное кольцо из стукачей и ГБ-шников. Но допустим, я нахожу возможность встретиться с ними. Если как следует поразмыслить, технически эту задачу можно решить. Но после такого рассказа они сразу же санитаров вызовут, и меня в психушку упрячут. И будут абсолютно правы. Потому что, поверить в это в здравом уме невозможно. Если бы ты мне тут не рассказал о том, что знать никак не мог, то и я бы сам тебя послал далеко.

– Я это понимаю. Вот теперь мы подходим к самому главному, – назидательно поднимаю палец вверх, – доказательствам. Я знаю, как их убедить.

– И как же? – иронически интересуется дед.

Вытягиваю из кармана куртки сложенную вдвое тетрадку, разворачиваю и протягиваю генералу, – возьми.

– Что это? – Константин Николаевич нахмурившись, открывает первый лист.

– Неоспоримое подтверждение моих слов, – торжественно заявляю я, – здесь по дням расписаны все мировые события, которые произойдут в октябре 1978-ого года.

Дед лезет во внутренний карман пиджака, достает футляр, вытаскивает из него очки и, водрузив их на переносицу, сосредоточенно читает вслух мои заметки.

– Второе октября. Участники конференции Лейбористской партии голосуют против политики ограничения роста заработной платы, проводимой лейбористским правительством. Четвертого октября. В столице Ливана Бейруте опять начнутся военные действия. Погибнет около 500 человек. Пятое октября. Правительство Швеции терпит поражение при голосовании о вопросе атомной энергии, и в полном составе уходит в отставку.

Тетрадка захлопывается. Константин Николаевич поднимает ошеломленный взгляд на меня.

– Если все это подтвердится, – голос деда внезапно хрипнет, – ты хоть понимаешь, какую ценность ты представляешь для разведок и правительств всего мира? Человек способный спрогнозировать будущие события в экономике и политике – сокровище для любой страны похлеще пещеры Алладина. Представляешь, что могут сделать, и на что пойдут, чтобы получить такой источник информации? Тебя могут всю жизнь держать в каком-то бункере, а при необходимости, если сочтут целесообразным, зачистят всех нас, как носителей опасных сведений стратегического характера. Причем не только КГБ, но и любая другая спецслужба, обладающая достаточной влиятельностью и ресурсами.

– Понимаю, – спокойно встречаю взгляд генерала, – и полностью осознаю все возможные последствия и опасность, которой подвергаю себя и вас. Но я хочу спасти страну. Держать в себе все это и ничего не предпринимать, не могу. Поэтому и обратился к тебе.

– Правильно сделал, – одобряет Константин Николаевич, – твою тетрадку я сожгу, чтобы не светить под черк. А сведения перепишу сам на

машинке.

– Дед, я помню, ты дружишь с Петром Ивановичем? – вопросительно смотрю на генерала.

– Ивашутиным? – уточняет Константин Николаевич.

Утвердительно киваю.

– Можно обратиться к нему, если ты, конечно, уверен в Петре Ивановиче. Нам нужны его возможности и ресурсы.

– Мне надо поразмыслить, как следует, – дед задумчиво почесывает подбородок, – любая ошибка может оказаться для нас первой и последней. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Да.

– И ты пока не ничего не предпринимай. Сиди на заднице ровно, и жди от меня новостей. Договорились?

– Договорились, – обреченно вздыхаю.

– Ну вот и хорошо, – генерал хлопает рукой по колену, закрепляя наш договор, и поднимается, – А, кстати, что ты там вместе с Зориным за военно-патриотический клуб организовал? Мне Сашка об этом что-то рассказывал. Для чего? Это имеет какое-то отношение к твоим, гм, видениям?

– Имеет деда, самое прямое, – подтверждаю я, – знаешь, в своих видениях я видел, как все происходило в мельчайших подробностях. 17 марта 1991-ого года советские люди проголосовали за сохранение СССР на референдуме. ГКЧП тоже многие поддержали на местах, надеясь, что он наведет порядок. Но они были разобщены, не умели и не могли бороться за свои права, и не представляли, что их ожидает в будущем. Противная сторона, наоборот, была прекрасно организована, собрана и грамотно управлялась. Поэтому она и победила. Вот я и хочу заняться подготовкой общества снизу, дать ему определенный импульс, понимание и решительность как действовать в подобных ситуациях, и где искать единомышленников. Хотя бы на уровне военно-патриотических клубов, как основы для самоорганизации. А молодежь – самая активная часть общества. И с ней нужно грамотно работать, шаг за шагом формируя правильные ценности и идеологию. Кто будет владеть умами большей части молодежи, тот уже наполовину победил. Но это отдельный разговор, я итак тебя слишком нагрузил.

– Леша, – дед пристально смотрит на меня, – а ты ли вообще это? Мне уже бред какой-то в голову лезет. Ты же был обычным пацаном, умным, правда, и любящим книги, но вполне нормальным, как и многие другие дети. А сейчас излагаешь как зрелый мужик с многолетним стажем

руководящей партийной деятельности. И вообще, откуда у тебя вдруг взялся этот дар?

– Так дед, давай по порядку, – набираю в грудь воздух, – извини, но я тебе всего сейчас не расскажу. Слишком сказочно все будет звучать. Давай так сделаем, ты обдумаешь полученную информацию, увидишь, как начнут сбываться написанные мною события, а потом мы еще вернемся к этому разговору. Просто так будет лучше, и для тебя, и для меня. Получишь парочку убедительных доказательств, что все мною написанное, сбывается, и тебе будет легче воспринять остальное.

А по поводу появления дара, честно скажу, не знаю. Недели три назад как током ударило на уроке истории. Это было похоже на то, как будто кто-то открыл запертые шлюзы, и хлынул поток знаний о будущем. Голова кружилась, я чувствовал себя, как в нокдауне. Даже кровь из носа на уроке пошла, и учитель отправил к врачу. После этого, я просто вижу будущее лет на двадцать-двадцать пять вперед. А еще могу посмотреть на человека, и увидеть всю его подноготную. И одновременно пришло знание, что нужно делать, чтобы избежать развала страны. Вот и все, что могу тебе ответить. Понимаю, звучит фантастично, но это правда.

– И что нужно делать? – Константин Николаевич иронично поднимает бровь.

– Дед, давай об этом потом. Многое, что я скажу о советской системе и КПСС, тебе не понравится. Страна больна, и её надо лечить. Я тебя итак сегодня сильно загрузил. Может пока достаточно? Тем более, мне ехать уже надо скоро.

– Да уж загрузил, по самые гланды, – вздыхает генерал, и озабоченно смотрит на часы, – ладно, давай уже закругляться. Два часа до поезда осталось. А нам еще обратно нужно заехать.

* * *

2 октября 1978-ого года. Понедельник.

Чуть теплые лучи осеннего солнца лениво глядят лицо. Прохладный ветерок налетает порывами, теребя воротник куртки и затихая. Смотрю на черный циферблат «Командирских» со светло-салатовыми в дневном свете фосфорными делениями. Без пяти четыре. Ровно в 16.00 должен появиться завербованный мною информатор. У меня будет с ним важный разговор. События начинают развиваться в требуемом направлении, и никаких неожиданных сюрпризов мне не нужно. Поэтому я позвонил ему, сразу же

придя со школы. Комок, к счастью, оказался дома. Судя по голосу, его не очень радовала перспектива нашей встречи, но отказаться стукач не посмел.

Недалеко от черного входа продовольственного магазина змеится извилистая тропинка, убегая по склону вниз к небольшой рощице возле заброшенного пустыря. Там я и предложил встретиться своему «тайному агенту». Место пустынное и безлюдное, идеально подходящее для разговора.

О том, что Комок способен взбрыкнуть, и попробовать от меня избавиться, я не переживал. Слишком уж он труслив и боится моих неведомых «компаньонов», знающих о нем все. Поэтому стукач будет послушен, и исправно носить мне «в клюве» информацию. Хотя сильно расслабляться и беспечно поворачиваться к нему спиной я не собираюсь.

Вдали появляется черный силуэт. Он приближается, и через пару минут я уже различаю угрюмое лицо Комка. Занятый своими невеселыми мыслями сывка меня не замечает.

– Комок, сюда иди, – машу ему рукой.

Гопник непроизвольно вздрагивает, поворачивает голову. В его глазах мелькает узнавание, а потом и страх. Через минуту он уже подходит ко мне.

– Привет, – протягивает руку сывка.

Игнорирую его жест. Пристально гляжу ему прямо в зрачки. При контактах с осведомителем, как учил меня приятель опер еще в той «старой» жизни, стукача надо морально ломать, чтобы он постоянно чувствовал, кто здесь главный. Это азбука любой вербовки и последующих контактов.

Комок не выдерживает моего взгляда, и отводит глаза.

– Какие новости? Как там товарищ старший лейтенант поживает? Что-то обо мне спрашивал?

– Ничего особенного, просил держать в курсе, если какие-то новости про тебя будут, и Бык с Трофимом задумают отомстить.

– А, кстати, как они там? Что эти жертвы абортотворцев говорят? – уточняю я.

– Лечатся, – на лице Комка появляется кривая ухмылка, – грозятся с тобой разобраться. Но пока никаких шагов не предпринимают. Куда им. Бык со сломанной ключицей, Трофим – с перебитым запястьем. Еще месяц-полтора все срастаться будет. Из зоны откинулся Шпиль-старший. Вот он очень интересуется, кто это парней так отмудохал. Но пока Бык и Трофим молчат как партизаны. Мямлят что-то о неизвестных, напавших на них около гаражей. Только со мной делятся своими планами.

– Понятно. Слушай Комок, как тебя хоть зовут?

– Вася, – в голосе стукача чувствуется растерянность.

– Так вот Вася, мы сейчас создаем военно-патриотический клуб. Будем наводить порядок в школах и не только. Это, скорее всего, вызовет недовольство твоих дружков и знакомых. Поэтому, если кто-либо будет планировать «поквитаться» со мной или с кем-то из клуба, я хочу об этом узнать сразу же.

– А как я тебя найду? – уточняет Комок, – в твоей школе мне светится нельзя. Вычислят мигом.

– Нам уже проводят параллельный телефон с ЖЭКом. После обеда на нем всегда будет сидеть дежурный. Я тебе на днях звякну, оставлю номер, и можешь смело на него звонить. Надеюсь, понимаешь, что лучше это делать с автомата, и чтобы поблизости никого из твоих дружков не было?

– Понимаю, – насупленное лицо стукача очень выразительно.

Попросишь передать Шелестову, что его ищет Коля. Теперь о порядке назначения встреч. Работаем по схеме «плюс сутки и три часа». Это значит, если ты говоришь, что ждешь меня завтра в час, то я прихожу на место сегодня в четыре вечера. Для встречи у нас с тобой будут три точки. Запоминай обозначения – «встретиться на нашей остановке», это возле черного хода химчистки, рядом с нашей школой. Там как раз тихо, и люди редко ходят. Знаешь это место?

– Знаю. Отчего же не знать, – бурчит Вася, – всю жизнь на этом районе живу.

– Отлично. Вторая точка, вот эта. Достаточно сказать «жду в беседке», чтобы я понял, о чем идет речь. Третья – для срочных вызовов, если прийти на две предыдущие не получается. Достаточно сказать – «зайду к тебе», чтобы я пришел на нее. Запоминай, дом 20, Мясоедовская, второй подъезд. Заходишь, и ждешь меня на площадке между 4 и 5 этажом. Все понял?

Комок кивает.

– Повтори.

– Звоню по телефону в твой клуб, представляюсь Колей, – уныло бубнит гопник, – назначаю встречу по системе «плюс сутки и три часа». «Увидимся на остановке» – встречаемся возле химчистки, говорю «в беседке», прихожу сюда. Третья точка, Мясоедовская, 20, второй подъезд. Говорю, что зайду к тебе, и жду между 4–5 этажом.

– Молодец, – довольно хвалю своего «тайного агента», – смотри, не забудь и не перепутай.

– Память у меня хорошая, – в глазах Комка на долю секунды мелькает ненависть, – я все запомню.

В тихом голосе стукача, явственно слышу нотки угрозы.

Хватаю его рукой за воротник пальто и притягиваю к себе. Вася вяло сопротивляется.

– Слушай ты, не забывайся. Твоя жизнь и здоровье в моих руках, – буравлю его зрачки бешеным взглядом, – стоит пацанам только узнать о твоём стукачестве ментам, тебя сразу на нож поставят. Напоминаю, если со мной что-то, не дай бог, случится, все дерьмо, что ты пытаешься скрыть, сразу же всплывет. И тебе конец, в любом случае. Так, что молись, чтобы я был цел и невредим.

– Да понял я, – сипит Комок, – пусти.

Медленно разжимаю кулаки. Вася разглаживает ладонями куртку, искоса кидая на меня угрюмые взгляды.

– Ладно, – примирительно говорю стукачу, – проехали.

Комок молчит с недовольным видом.

«Кнут» он уже ощутил, теперь пора показать «пряник».

– Да, кстати, – запускаю руку в карман и вынимаю «трешку», – это тебе аванс, на пиво.

Вкладываю купюру в ладонь гопника. Васино лицо оживает, рука цепко перехватывает деньги.

– Узнаешь что-то интересное и полезное, добавлю еще, – стимулирую стукача.

– Так бы и сразу сказал. Зачем сразу за грудки хватать? – уже без прежней злобы бормочет Комок, пряча деньги в карман.

– Главное, слушай что говорят, собирай информацию. Я в долгу не останусь, – повторно напоминаю гопнику.

– Да понял уже, не дурак, – ворчит сявка. Но довольное лицо его выдает. Все-таки деньги хорошая мотивация для таких типов.

– Тогда пока, я тебя на днях наберу, и телефон для связи оставляю.

Комок несколько секунд колеблется, его рука дергается ко мне для рукопожатия, но замирает на полпути и опускается.

– Пока, – бормочет он.

Наблюдаю за удаляющейся сутулой фигурой гопника. Одно дело сделано. Надеюсь, если сявки начнут возбухать, я узнаю об этом вовремя. Планов у меня много, споткнуться ни в коем случае нельзя. Впереди целая гора работы с клубом, и вторая встреча с дедом.

Мы договорились, что Константин Николаевич обдумает мой рассказ, убедится в реальности «предсказаний» в тетрадке, обмозгует дальнейшие действия, а в пятницу приедет к нам и заберет внука на выходные к себе на дачу. Там поговорим с товарищем генералом обо всем подробно в

спокойной обстановке. Сразу вываливать на деда все откровения и свой провал в «прошлом» я не захотел. Тут у молодого человека голова кругом пойдет, не говоря уже о психическом потрясении, а пожилой генерал-лейтенант может от волнений и инсульт заработать.

Смотрю на часы. 16:25. Мне уже пора на тренировку.

* * *

В зале «самбо» спорткомплекса «Звезда» все по-прежнему. Пыхтят в партере мужики в борцовках, отрабатывая болевые и удержания. Между ними с деловым видом проходится Семенович. Смотрю на часы. До окончания тренировки еще минут десять.

– Аникеев, быстрее шевелись, если будешь так двигаться, тебя возьмут на болевой, Петровский ты опять заснул? Может тебе подушку принести, чтобы лежать удобнее было? – раздается саркастичный голос наставника.

– Здравствуйте Игорь Семенович, – здороваюсь с тренером.

Зорин поворачивается ко мне. Губы наставника чуть расходятся в легкой улыбке.

– Привет Алексей, иди переодеваться. После тренировки поговорим.

Захожу в раздевалку. Через пару минут туда врываются Мальцев и Потапенко.

– Здорово Леха, – громадная лапища Сереги сжимает мою ладонь.

– Привет ребята, – обмениваюсь рукопожатием с ним и Потапенко, и опять поворачиваюсь к Мальцеву.

– Как там Тамара Федоровна?

– Идет на поправку, слава богу, все нормально в этом отношении, – широко улыбается Сережа, – пока в реанимации, но угрозы для жизни нет. Операция просто была сложной. Через пару дней переведут в отдельную палату. Спасибо тебе Леха, ты просто даже не представляешь....

– Понятно. Хочу её навестить. Завтра можно? – прерываю Серегу, не желая в очередной раз выслушивать поток благодарностей.

– Не, подожди пока, – машет рукой Мальцев, – мать просила, чтобы пока никто не приходил. Не хочет, чтобы её видели в таком состоянии. Я тебе сам скажу, когда будет можно.

– Хорошо.

В раздевалку заходят Миркин и Волобуев. После очередных приветствий выхожу в зал. Тренировка самбистов уже закончилась. Они собрались кучкой вокруг Семеновича, который им что-то эмоционально

рассказывает. Спокойно жду, пока сэнсей их отпустит. Когда мужики в насквозь промокших самбовках, негромко переговариваясь, потянулись в раздевалку, подхожу к наставнику.

– Игорь Семенович, можно сегодня тренировку в ускоренном темпе за час провести, а потом вместе с ребятами обсудить все вопросы по клубу? – уточняю у наставника.

Зорин минуту молча смотрит на меня.

– Хорошо, – наконец кивает он, – но только в виде исключения.

– Добрый вечер, – в зал забегают раскрасневшаяся Вероника.

– Привет, – улыбаюсь девушке.

– Добрый, – откликается Зорин.

Из раздевалки выходят ребята.

Начинается тренировка. Для меня она пролетает как одно мгновение. Бью комбинации, по содрогающейся от ударов груше, бросаю Веронику с разных положений, отрабатываю приемы в партере с Потапенко. Все делаю на автомате, мысленно прокручивая тему сегодняшнего разговора.

– На сегодня все, закончили, – врывается в мое сознание голос сэнсея.

Ребята поднимаются с борцовского ковра, поправляя кимоно и самбовки.

– Сейчас в душ, переодевайтесь и ко мне в тренерскую, есть разговор по поводу клуба, – заявляет наставник.

Через пять минут мокрые и освежившиеся после душа мы рассаживаемся на стульях в небольшой комнатке Семеновича.

– Следующая тренировка у нас пройдет в клубе. Алексей вот список всех записавшихся к нам в организацию, – Зорин протягивает мне несколько листков, – предупреди всех, чтобы приходили в среду в 17.00 в наш зал.

– Хорошо Игорь Семенович, – деловито сворачиваю тонкую стопку бумаги и прячу её в карман брюк.

– Первое занятие проведу я, но потом нужно будет назначить постоянного инструктора, занимающегося с этой группой. Кто возьмет это на себя?

– Да мы в принципе все готовы, договаривались уже, что каждый комиссар отвечает за подготовку и командует отдельным отрядом, – басит Мальцев, – поэтому кого вы назначите, тот и будет.

– Сереж, тогда ты и бери их себе, – предлагаю я, – занимаешься уже года три, опыт есть, как строить тренировки, имеешь представление, а Игорь Семенович, если что, всегда поможет и подскажет.

– Хорошо, – пожимает плечами здоровяк, – никаких проблем.

– Игорь Семенович, а что мы уже с вами заниматься не будем? – беспокоится Вероника, – я, например, очень хочу продолжить занятия в составе группы.

– Будем, – успокаивает её наставник, – в те же дни и тем же составом в «Звезде» как и раньше. Просто инструкторы, занимающиеся в клубе, придут в другой раз, да и я сам буду периодически проводить тренировки в «Красном Знамени», смотреть чему вы там учите и корректировать процесс. Так что Вероника ты можешь не переживать.

Девушка облегченно вздыхает.

– Далее, проводим часовую тренировку с новичками. Потом устроим общее собрание. Дальше, все изложит Шелестов.

– Сейчас предлагаю сосредоточиться на трех важных проблемах. Первая – привлечение новых членов в клуб, формирование отрядов. Вторая – наведение порядка в школе. Третья помощь ветеранам, привлечение трудных подростков и не только.

– И не только? – Волобуев удивленно поднимает брови, – поясни.

– Давай по порядку. Первую проблему мы уже обсуждали в прошлый раз. В принципе, здесь все обговорено. Отдельно по вопросам агитации мы сегодня поговорим с Вероникой.

Поворачиваюсь к девушке.

– Задержишься после нашего собрания?

Блондинка согласно кивает.

– Второй вопрос. Завтра пообщаюсь со своими одноклассниками. Будем следить за порядком в школе. Начнем с нашей, а потом введем эту практику и в других учебных заведениях. Нужно, чтобы в клубе у телефона днем и до вечера всегда находился дежурный при каких-либо экстренных ситуациях.

– Это мы сделаем, – подтверждает Зорин, – в среду встретимся с новыми членами клуба и распределим дежурства.

– Также в среду разработаем систему сбора и оповещений, если в каком-то учебном заведении возникнут проблемы с местной гопотой. Кстати, нужно установить контакты с милицией. У кого-то есть предложения?

– Это не проблема, – заявляет Вероника, – мы с папой дружим с одной семьей. Там трудовая династия: отец – майор милиции, а сын – лейтенант. Я с молодым пообщаюсь и приведу его в клуб.

– Тут есть один нюанс, – замечаю я, – милиция, как правило, не любит когда кто-то самовольно влазит в её сферу деятельности. Важно очень правильно подать эту инициативу. Что наша организация будет пресекать

драки и другие правонарушения. Мы никоим образом не берем на себя функции правоохранительных органов. Просто являясь сознательными комсомольцами, члены ВПК «Красного Знамени» будут следить за порядком в учебных учреждениях, и поддерживать его. Как равнодушные советские люди, которым не все равно, что происходит вокруг. Своеобразные дружинники, но только в школах и техникумах. И в некоторых случаях, если ситуация зайдет далеко, потребуется помощь сотрудников милиции. Поэтому и нам и нужна поддержка правоохранительных органов.

– Я поняла, – кивает девушка.

– Только про различные отряды, сборы и поддержку говорить не нужно. Просто, что мы будем следить за порядком в школах и все. Углубляться в подробности ни к чему, – продолжаю наставлять Веронику.

– Я еще пообщаюсь с комсомольцами, на эту тему. Константина Дмитриевича беспокоить не буду, а вот с Молодцовым обсужу все вопросы. Он как раз к нам и приставлен для помощи и координации действий, – добавляет Зорин.

– Отлично, кстати, нам будут нужны еще адреса «трудных» ребят, – в моем сознании сразу вспыхивает лицо старшего лейтенанта Омельченко.

А ведь он вырос в неблагополучной семье. Родители – алкоголики. Отец даже сидел по молодости. Именно ненависть к той обстановке, пьяным дебошам, пьяницам и уголовникам, окружающих родителей, и привела парня в ряды милиции.

– Пожалуй, на эту тему я тоже с кое-кем поговорю, – задумчиво добавляю, прокручивая в мыслях общение со старлеем.

– Еще вопрос. Кого назначим руководить нашей первой группой? На данный момент у нас имеется 28 десятиклассников записавшихся в наш клуб. Девятнадцать парней и девять девушек. В среду они уже будут здесь. Ваши предложения?

– Пусть Мальцев с ними работает. Он дольше всех у меня тренируется, и я думаю, должен справиться. Сережа, ты как, возьмешь эту группу на себя? – уточняет Зорин.

– Возьму, конечно, Игорь Семенович. Никаких проблем, – немного смущенно басит Серега.

– У меня есть еще одно предложение, которое я хочу обсудить с вами, – перехватываю внимание присутствующих на себя – на выезде из нашего города, недалеко от военной части находится детский дом. Там живут сироты и дети, по каким-то причинам оставшиеся без родителей. Мальчишки и девочки от 7 до 16 лет. Государство заботится о них, но

этого недостаточно. Думаю, нашей организации надо взять шефство над этим детским домом. Старшим предложим вступить в клуб, приезжать тренироваться, проводить у нас время, разумеется, с разрешения воспитателей. Малышам особенно нужны поддержка, участие и душевное тепло. Предлагаю, чтобы их взяли под свою опеку имеющие такую возможность наши комсомольцы. Тут нам особенно могут помочь девушки. За желающими в качестве воспитанника будут закреплены малыши из детдома. Считаю, этот момент тоже надо обсудить на собрании. Хочу внести еще одно предложение. У каждого из нас остались старые игрушки, неиспользованная детская одежда. Предлагаю в среду принести её сюда, и кинуть клич среди наших новых участников. Соберем одежду и игрушки, скинемся, закупим сладостей для малышей, и приедем к ним с визитом. Разумеется, Игорь Семенович должен предварительно обсудить этот момент с директором детдома. Есть замечания, предложения или возражения по сказанному?

– У меня есть вопрос, – Потапенко смотрит на меня серьезным взглядом, – Это правильно, конечно, но как наше общение с подшефными будет происходить на практике? Целыми днями нянчиться мы с ними не сможем. Все-таки у нас работа, учеба и другие дела, клуб, тренировки опять же.

– А никто и не говорит, что нужно заниматься ими каждый день с утра и до вечера. Приехать несколько раз в месяц, сводить к себе домой в гости, привезти какой-то небольшой подарок, пообщаться, узнать как дела, прогуляться в парке – думаю, выделить немного времени на это может каждый из нас. Это мы растем в нормальных семьях с папами и мамами, обуты, одеты и накормлены. А детдомовцы лишены всего этого. И неужели мы не можем уделить им немного своего времени, помочь, поддержать и поделиться хоть маленькой частичкой своего благополучия и душевного тепла? Пусть малыши знают, что они не одиноки в этом мире, и у них есть названные «старшие братья» и «сестры», к которым всегда можно обратиться за помощью и советом.

– Полностью поддерживаю Алексея, – вступает в разговор сэнсей, – если мы взялись за дело, давайте не искать оправдания, а использовать имеющиеся возможности что-то сделать для страны и людей. Помогать детдомовцам – хорошее предложение.

– Так и я не против. Просто уточнил некоторые моменты, – смущенно бормочет Вова.

– Значит возражений, предложений и замечаний больше нет? – уточняет наставник.

– Да их и быть не может, – рокошет Мальцев, – правильно ребята?

Парни согласно кивают. Вероника сверкает довольной улыбкой.

– Решено, – хлопает ладонью по столу Зорин, – Леша твоё предложение принимается. В среду выносим этот вопрос на общее собрание.

– Подведем итоги, – резюмирует наставник, – в среду в 17.00 – общая тренировка в клубе. Затем небольшое собрание. Рассматриваем два основных вопроса – наведение порядка в школах, шефство над детским домом и помощь его воспитанникам.

– Три вопроса Игорь Семенович, – поправляю наставника, – еще и агитация, работа с молодежью и привлечение новых людей в клуб. Но это мы сейчас с Вероникой отдельно обсудим, чтобы не забивать головы остальным.

– Хорошо, – соглашается сэнсей, – тогда на сегодня всё. Всего доброго. Вероника остается, как и договаривались.

Скрипят отодвигаемые стулья. Ребята, поочередно обмениваясь рукопожатиями со мной и Семеновичем, выходят из тренерской. Девушка продолжает сидеть. Её глаза заинтересованно блестят.

– Игорь Семенович можно я начну? – интересуюсь у наставника и, увидев утвердительный кивок, продолжаю, – Вероника ты у нас отвечаешь за агитацию. Это очень важное направление работы нашего клуба и мы отдали его тебе, поскольку верим, ты нас не подведешь.

– Сделаю все что могу, – лаконично отвечает блондинка.

– Сейчас перед тобой стоит серьезная задача – привлечь молодежь в наш клуб. Как можно больше людей. Мы хотим сделать нашу организацию массовой. Как этого добиться, понимаешь?

– Ну, объявления, приглашения расклеить, – немного неуверенно начинает она и замолкает.

– Правильно, – соглашаюсь я, – поясню подробнее. Тебе нужно грамотно решить два вопроса. Первый донести информацию до как можно большей массы народа. Как это можно сделать?

– Я же говорила расклеить объявления, – окрепшим голосом отвечает девушка.

– Так. Только не объявления, а красочные плакаты с рисунками и емким, красивым, завлекательным текстом. Твоя задача – максимально эффективно донести информацию о ВПК «Красное Знамя», чтобы о нем узнало как можно больше народу. Поэтому плакаты должны быть развешаны не на остановках и подъездах, – от этого эффект не такой уж и большой, а во всех учебных заведениях, начиная от школ и заканчивая

техникумами, училищами и ВУЗах.

Для этого, тебе нужно подобрать двух-трех помощников, которые будут этим заниматься. При желании все эти плакаты можно развесить в течение трех, максимум, четырех дней. Лучше всего, чтобы ребята, которые будут это делать, жили в разных районах и крепили наши приглашения на досках объявлений в находящихся недалеко ВУЗах, школах и других учебных заведениях.

Начнешь с ребятами из нашей школы, а потом подберешь себе еще кого-нибудь из новеньких.

– Хорошо, – соглашается Вероника, – Игорь Семенович, а у вас листика и ручки нет? Я бы конспектировала некоторые моменты.

– Есть, конечно, – наставник открывает ящик в столе, и выкладывает на столешницу пару белых листов и ручку.

– Спасибо, – признательно говорит девушка и сразу же начинает делать пометки.

– Теперь о содержании плакатов. Они должны быть красиво оформлены, можно с ярким рисунком, привлекающим внимание, текст лаконичный, но вместе с тем и заинтриговывающий, емкий и краткий.

– А как я это все сделаю? Рисовать я не умею. Такие тексты никогда не составляла, – Вероника чуть растеряно смотрит на меня.

– С текстом проблем не будет. Общие правила как он делается, Алексей изложил. Если что, мы поможем, вместе его напишем, – вмешивается Зорин.

– По поводу художников. К нам в клуб записалась Настя Цуркану, – добавляю я, – она отлично рисует. Её работы на конкурсах детского творчества и выставках постоянно участвуют. Уверен, Настя с удовольствием поучаствует в оформлении плакатов. Вместе с ней поговорим. Кроме того, я еще одноклассников знаю, которые прилично рисуют. Так что это не вопрос.

– Теперь поговорим о правилах агитации, как тебе нужно работать с людьми, – продолжаю свой спич, – прежде всего тебе необходимо расположить к себе проходящих людей. Как это сделать? Человеку должно быть комфортно и приятно с тобой общаться. Постоянно улыбайся, у тебя, кстати, очень красивая улыбка.

– Спасибо, – девушка чуть покраснела, но продолжает внимательно слушать меня.

– Не за что. Правду говорить легко и приятно, – отмахиваюсь я, – идем дальше. Каждый, повторяю, каждый пришедший к нам в клуб записываться, должен чувствовать повышенное внимание и уважение к

своей персоне. Угощай чаем, расспрашивай его о жизненной позиции, спрашивай советы, завлекая в разговор, и всячески демонстрируй свое расположение. Рассказывай ему о нас, наших тренировках по рукопашному бою, планируемых походах, грандиозных планах, желании навести порядок, поддержать ветеранов и сирот. Молодежь должна чувствовать, что им предлагается интересная альтернатива обычной скучной жизни в районном городке. Они смогут заняться настоящим делом в составе сплоченной и увлеченной команды, желающей принести пользу обществу. Ты должна заинтриговать, зажечь в них интерес к нашему клубу и желание вступить в ВПК «Красное Знамя». Мы еще об этом поговорим, и обсудим методы диалога, но общая суть тебе ясна?

– Ясна, – кивает блондинка, – буду делать все что смогу, но не уверена, что у меня сразу все хорошо получится.

– Мы же будем помогать и подсказывать, говорили уже, – наставник строго смотрит на девушку, – и вообще, странно это слышать от тебя Вероника, ты у нас всегда была боевой и уверенной в себе.

– Да я и сейчас уверена, – Подольская спокойно встречает его взгляд, – просто опыта нет, поэтому думаю, могут быть ошибки и проблемы вначале.

– Вот это другой разговор, – одобрительно замечает сэнсей, – что касается ошибок, не беспокойся, все их совершают. Но мы с Лешей будем тебя консультировать, поправлять, подсказывать, чтобы этого не произошло.

– Идем дальше, – продолжаю я, – чтобы, как говорится, показывать «товар лицом», тебе будут нужны не просто голословные утверждения и рассказы о том, как у нас тут все замечательно, но и нечто более существенное. Необходимо найти фотографа, снять тренировки наших ребят, как они преодолевают полосу препятствий, снимать самые разные мероприятия из жизни нашего военно-патриотического клуба. Все должно быть сделано очень красиво и очень привлекательно для посторонних глаз. Это нужно для достижения двух целей – агитационной и представительской.

Людям, которые приходят к нам записываться, можно демонстрировать альбомы с такими фотографиями в качестве дополнительного аргумента, чтобы они посмотрели сами, чем мы занимаемся. А когда будет приезжать начальство из ВЛКСМ или райкома партии мы им тоже покажем нашу организацию в красивом виде, даже в виде иллюстрации нашей работы и достижений. Снимать на фото нужно все, как мы тренируемся, общаемся с ветеранами, помогаем детдомовцам. Разумеется, это не значит, что надо фиксировать каждый такой момент.

Перебарщивать тоже не нужно. Но запечатлеть пусть парой-тройкой снимков направления нашей работы необходимо.

– Но фотографу нужно же платить? И опять же пленка, негативы это все денег стоит – уточняет Вероника.

– Попробуем найти кого-то из членов клуба. Если понадобится, привлечем профессионала для особенно важных фото, но это будет разовая акция. И вообще за это не беспокойся, на такое мы деньги найдем. Давай поговорим о другом. Агитация – это не только набор людей в нашу организацию, но и постоянная последовательная работа с коллективом. Я скоро притащу в клуб проектор, можно очень интересные мероприятия организовать....

3 октября 1978 года. Вторник.

Наступающий вечер укутывал Семеновку чернильной мглой. Очертания домов расплывались мрачными черными тенями, над которыми нависли громадные стволы деревьев, похожие на воскресших зловещих колдунов, злобно тянущих свои крючковые лапы к жилищам людей. На этом фоне одинокая фигурка, спрятавшаяся за толстой темно-рыжей сосной, была незаметна. Она стояла на этом месте уже сорок минут, не решаясь зайти в темнеющий на опушке дом. Еще раз воровато осмотревшись по сторонам, женщина вздохнула и, набравшись решимости, побежала к забору, туда где виднелись зеленоватые металлические створки ворот. Подойдя к воротам, она несколько мгновений напряженно прислушивалась, а потом аккуратно вставила ключ и медленно, стараясь не клацать замком, повернула его пару раз. Приоткрываемая дверь чуть скрипнула, протестуя против вторжения, и незваная гостья на мгновение замерла, в любой момент готовая убежать. Вокруг все было по-прежнему тихо, и женщина успокоилась. Чуть приоткрыв дверь, она секунд десять пристально всматривалась в чернеющую мглу двора, затем проскользнула вовнутрь.

В дом она не пошла, а метнулась к небольшому сарайчику, находившемуся на другой стороне двора. В единственном окне строения замелькал бойкий лучик фонарика....

Участкового разбудил собачий лай и громкий стук. Кто-то долбил рукою по забору. Бесновался Полкан, яростно рыча и обгавкивая непрошенного гостя. Только натянутая железная цепь заставляла встающую на дыбы собаку отпрыгивать обратно.

– Кого еще там черти принесли? – сонно протянула жена.

– Лежи, я сам пойду, посмотрю, – буркнул еще толком не проснувшийся капитан Солонин. Он снял с плеча руку супруги, сел на

кровати. Надев форменные брюки, натянув через голову свитер и засунув ноги в тапки, участковый вышел из дома.

– Что за жизнь, даже поспать нормально не дают, сволочи, – угрюмо бубнил он.

Милиционер прикрикнул на заходившуюся в лае собаку, и подошел к калитке.

– Чего надо? – грубо спросил он.

– Михалыч, это Иван, открывай, это очень важно.

– И чего тебе Ванька по ночам не спится? – злобно пробормотал Солоницин, откидывая защелку.

В калитку ввалился коренастый мужик в телогрейке. От него шел густой запах алкоголя. Капитан поморщился и отодвинулся.

– Ну чего тебе на ночь понадобилось? Учти, если по пьяни херней маешься, я тебя прямо сейчас на пятнадцать суток оформлю, – хмуро посмотрел на него милиционер.

– Михайлыч, помнишь, вы искали Петренко и Надьку? Сюда еще и милиционеры с автоматами приезжали. Ты мне еще говорил, что они преступники опасные, и просил, если что-то узнаю и увижу, сразу к тебе бежать, – возбужденно затараторил мужик.

Капитан напрягся.

– Помню, и что?

– А то, что сейчас в доме у Петренко, Надька шурует. Я от кума с Авдеевки шел, посидели там хорошо, Петька две бутылки на стол поставил, огурчики соленные...

– Это все замечательно, – грубо прервал пьяные воспоминания страж порядка, – ближе к делу давай.

– Так я и того, – колхозник громко икнул, – даю ближе к делу. Возвращаюсь, значит, я от кума, иду по лесу, никого не трогаю. Смотрю, Надька у калитки дома мнетя, затем вставила ключ и шмыгнула во двор. Сейчас там копается, чего-то ищет.

– Понятно, – капитан подобрался, – значит так, сейчас смотаюсь к себе на участок, захвачу оружие, и идем туда. Попробую её взять, если еще не убежала. Стой здесь и никуда не уходи. Я сейчас буду.

Милиционер энергично взбежал на крыльцо, залетел в гостиную и, покопавшись в карманах, нащупал связку ключей, удовлетворенно хмыкнул и положил её обратно. Затем накинул на себя форменный китель.

Заскочив в спальню, он потряс за плечо жену.

– Ну чего тебе? – сонным голосом простонала женщина.

– Оленька немедленно звони дежурному в райодел. Пусть группу

высылает. В доме Петренко сейчас Надька шастает, может, и полковник где-то неподалеку отшивается. Сейчас я попробую её взять.

Сонный туман в глазах супруги моментально исчез, уступая тревоге.

– Куда ты собрался? Тебе, что больше всех надо? – зашипела она, – А если там этот вояка? Он может быть вооружен. Что мне тогда одной с Санькой делать, если тебя убьют?

– Надо, Оленька, надо. Это моя работа. Звони в райотдел, не медли, а я пошел, – милиционер аккуратно скинул руку женщины, вцепившуюся в отворот кителя, и быстро вышел из спальни, заскочил в комнату рядом, бросил взгляд на сладко спящего белобрысого мальчишку лет пяти, и выбежал из дома...

Разбросанные поленья дров вперемешку с комьями земли чернеют в полумраке сарая. Дрожащие руки женщины, покрытые серой пылью и пятнами грязи, разворачивают громадный кулек.

Она залазит туда ладонью, и достает горсть сверкающих тусклым желтым цветом цепочек и колечек. Женщина радостно вскрикивает, не в силах сдержать эмоций, подбирает отложенный в сторону фонарик, светит вовнутрь кулька. Широкая улыбка расплывается на её усталом лице. Она откладывает кулек в сторону, идет в угол сарая, откуда выносит широкий брезентовый пояс, расстегивает опоясывающую его змейку, и начинает складировать туда драгоценности. Через несколько минут последнее колечко исчезает в его внутренностях.

Женщина застегивает потолстевший пояс на талии, и быстро встает. Оттряхивает пыль с длинной юбки, приводит себя в порядок, накидывает куртку и, подхватив фонарик, шагает к выходу.

За забором, её прихватывает за локоть крепкая рука.

– Привет Надежда. Давно не виделись. Тебе придется пройти со мной, – раздается насмешливый голос участкового.

Женщина на секунду обмякает, затем в её глазах вспыхивает ярость. Когти с алым маникюром впиваются в лицо милиционера, стремясь добраться до глаз. Участковый отшатывается, закрываясь ладонями, а Надежда бежит прочь со всех ног. Перед её лицом мелькают темные стволы деревьев, оглушительно трещат под ногами сухие ветки.

– Стой дура. Стой, стрелять буду, – раздается зычный крик милиционера сзади.

Но женщина только прибавляет ход. От ужаса и шока она ничего не соображает и в панике выскакивает на дорогу. В последнее мгновение жизни в сознании Надежды отпечатываются слепящие фары летящего на неё грузовика. В лобовом стекле виднеется перекошенное от ужаса лицо

водителя, противно визжат тормоза, но уже поздно. От удара женщину отбрасывает на добрый десяток метров, и она замирает бесформенной кляксой на тротуаре. Под телом начинает расплзаться темная лужица крови.

Подбежавшему капитану хватает одного взгляда, чтобы убедиться в летальном исходе.

Он виртуозно матерится. Дверь КАМАЗА, после резкого торможения, застывшего неподалеку, открывается. Из машины выпрыгивает пожилой мужик с посеревшим от шока лицом. Руки водителя трясутся как у припадочного.

– Да что же это такое, а? Да как же так? Сама ведь под колеса выскочила, – бормочет он.

– Иди, посиди у себя в машине, сейчас группа приедет, натопчешь еще тут, – командует капитан.

Солонин садится на корточки перед остывающим трупом, автоматически достает пачку «Беломоркнала», засовывает в губы папиросу, но спохватившись, убирает её.

– Твою же мать, – вырывается у милиционера. От стволов деревьев на обочине дороги отделяется темная фигура. Мужик в телогрейке, опасливо оглядываясь по сторонам, подходит к участковому.

– Серега рви на всех парах к Ольке, – командует страж порядка, продолжая смотреть на убитую женщину, – Пусть опять звонит в райотдел. Труп тут у нас. Только перед этим обязательно скажи, что со мной все в порядке. Надька под машину попала. Пусть кого-то из экспертов и фотографа захватят.

– Ага, я мухой, – откликается мужик и исчезает в черной мгле леса.

Капитан задумчиво трогает кровавые полосы на лице, и кривится. На пальцах остаются красные разводы.

– Мля, – опять повторяет он.

* * *

5 октября 1978-ого года. Четверг.

Холодное осеннее солнце пускает лучики в стекло «копейки», заставляя лениво жмуриться. Впереди пылит темно-синий 408-ой «москвич» наставника. Наша делегация едет в детский дом с двумя ящиками одежды и игрушек, собранных членами нашего клуба. Слева от меня, сосредоточенно всматриваясь в дорогу, сидит Серега Мальцев, возложив ладони на руль. На

заднем сиденье расположились Ваня, Вероника и Аня. Наш главный «агитатор» серьезно отнеслась к моим рекомендациям и позаботилась о возможности фотосъемки. На её шее покачивается черный кожаный футляр с фотоаппаратом ФЭД 5В, одолженный у отца, а на плече болтается небольшая сумочка.

В машине наставника маячащей спереди, кроме сэнсея находятся Потапенко, Волобуев и Миркин. Я посчитал, что всем комиссарам «Красного Знамени» нужно поучаствовать в поездке в детдом и сумел настоять на этом. Впрочем, ребята особо не сопротивлялись.

Первая тренировка в клубе прошла отлично. Горящие азартом глаза, раскрасневшиеся лица новичков говорили сами за себя. Даже девушки с бешеной энергией отрабатывали приемы, которые им показывали наставник и Мальцев. Затем было собрание. Наши инициативы о наведении порядка в школах и помощи детдомовцам были приняты на «ура». Более того, решили даже скинуться, кто сколько сможет на конфеты малышам детдомовцам. В результате у нас на следующий день оказалось на руках 13 рублей 85 копеек «общественных» денег. Большую часть взносов сделали Зорин и комиссары.

Первые игрушки комиссары «Красного Знамени» принесли еще в среду. А сегодня после уроков, два больших ящика, которые Серега достал из недр своего сарая и заблаговременно притащил в клуб, были полностью забиты солдатиками, машинками, самолетиками, плюшевыми мишками, зайцами и другими подарками для малышей. Отдельно лежал большой тюк с поношенной детской одеждой.

Зорин уже предварительно ездил в детдом и разговаривал с директором – Ириной Анатольевной. Она была приятно удивлена нашей инициативой, и сразу же согласилась принять нас с подарками в любое удобное время с двух дня до восьми вечера.

Набрав кучу игрушек, решили сразу двинуться в детдом, не откладывая поездку в долгий ящик. По дороге вместе с наставником зашли в универсам и купили на выделенные деньги коллективом деньги большой кулек леденцов, по килограмму «белочек», «каракум», «красного мака», «мишку косолапого» и несколько упаковок вафлей.

Занятый своими мыслями, не замечаю, как мы уже приехали. Наши машины останавливаются перед высоким забором, за которым скрывается здание детского дома. Зорин выпрыгивает из машины и подходит к воротам. Открывает небольшую дверь и исчезает внутри. Через минуту хмурый дед в затасканном свитере с вылезающими нитями разводит ворота в стороны. Мы заезжаем на территорию детдома.

Выходим из машин. Стайка ребятишек, увлеченно пинавшая футбольный мяч, останавливается и с любопытством глазеет на нас.

– Подождите здесь. Я пока к директору схожу, она скажет, что куда нести, – распоряжается Зорин, взбегаёт на ступеньки подъезда и, открыв входную дверь, исчезает внутри.

Я оглядываюсь вокруг. Чуть облезлая скульптура пионера, ухоженные лужайки, качели, турники и небольшие деревянные скамеечки. Мой взгляд натывается на маленькую фигурку, одиноко сидящую на лавочке. Головка с белоснежными бантиками грустно опущена вниз. Сердце непроизвольно сжимается от такой картины.

Подхожу к машине, открываю дверь, и засовываю в кулек с конфетами свою пятерню, а затем рассовываю их по карманам куртки.

– Ребята я на пару минут отойду. Если что, зовите.

Решительно шагаю к малышке. При моем приближении девочка лет семи поднимает голову. Она одета в серую потертую курточку и стоптанные туфельки, но белоснежные банты сияют чистотой, а золотистые волосы ухожены и вымыты.

Громадные голубые глазища девочки серьезно смотрят на меня. Присаживаюсь на корточки напротив неё.

– Привет, красавица – здороваюсь с малышкой.

– Привет, – чуть запнувшись, отвечает она, – я не красавица.

– Почему? – интересуюсь у крохи, – А кто же ты?

Она продолжает глядеть на меня. Лицо малышки становится сердитым.

– Просто девочка и все, – крошка забавно надувает губки, и, видя мое недоумение, поясняет: – Маленькая я еще.

– Понятно, – я решаю не продолжать полемику, – Ты чего тут одна сидишь?

Девчушка вздыхает совсем по-взрослому. Затем снова изучает меня взглядом, раздумывая, стоит ли отвечать.

– Маму жду, – наконец признается она, – она обязательно заберет меня домой. Вот только узнает, где я живу, так сразу и приедет. Она ведь меня найдет и увезет отсюда, правда?

Девочка с надеждой смотрит на меня. В глазах цвета неба плещется страдание и наивная вера в добрую маму, которая вот-вот приедет и увезет ребенка в родной дом.

Появившийся ком в горле, перекрывает дыхание. Усилием воли, сглатываю, загоняя его куда-то внутрь.

– Правда, – мой голос звучит хрипловато, от нахлынувших эмоций, – мама тебя не оставит.

Несколько мгновений молчим. Только ветер ласково теребит золотистые локоны малышки.

– Вот и я так думаю, – признается девчушка, – не может такого быть, чтобы она про меня забыла.

– Плохо тебе жить в детдоме? Обижают? – интересуюсь я.

– Плохо, – признается малявка, опустив глаза, – нет, воспитатели тут хорошие. И директор Ирина Анатольевна нас любит. Но вот мальчишки и девчонки постарше постоянно дразнятся, дерутся, иногда могут компот или печенье в столовой отобрать. А Олька говорит, что мы вообще никому не нужны.

– Как это никому не нужны? – возмущаюсь я, – Врет все твоя Олька. Брешет как сивый мерин. И, кстати, ты воспитателям сказала, что у тебя еду отбирают?

– Нет, – голос малышки еле слышен, – нельзя этого делать. Таня один раз пожаловалась, так её после отбоя Клизма и Сорока избили. У неё кровь из носа шла, и все тело в синяках было.

А кто такие Клизма и Сорока? – интересуюсь спокойно, но в груди холодеет от ярости.

– Старшие девочки, – отвечает кроха, – Им уже по шестнадцать исполнилось. Они у нас главные. Ужас, какие злые. Мы их все боимся.

– Понятно, – протягиваю я, – как тебя хоть зовут?

– Маша. А тебя?

– Алексей. Послушай меня Маша. Скоро все у вас изменится. И больше тебя дразнить и обижать никто не будет. Давай сделаем так, ты скажешь своим одноклассникам, что тебя нашел старший брат, и теперь будет приезжать к тебе постоянно, а я после своих дел, зайду к тебе в комнату и пообщаюсь с ними. Договорились?

– А так можно? – малявка с надеждой смотрит на меня.

– Можно Маша, даже нужно. Я буду к тебе периодически приезжать с гостинцами, и если ты захочешь, стану настоящим старшим братом. Давно мечтал, чтобы у меня была маленькая сестренка, такая как ты, – улыбаюсь я.

– Спасибо, – тихо говорит малышка и, опустив глаза, громко шмыгает носом. Её глазки опять влажнеют. Ребенок с трудом сдерживается, чтобы не разрыдаться.

– Подожди. Вот это тебе первые гостинцы от меня, – достаю из карманов и сую в маленькие ладошки горсти конфет, – я сейчас вернусь, только никуда не уходи.

Иду обратно, сопровождаемый взглядами малышки и ребят. Зорин еще

сидит у директора.

– Серега открой багажник, – прошу Мальцева. Сережа смотрит на меня, хочет что-то спросить, но передумывает, и молча выполняет мою просьбу. Среди горы игрушек в ящике мои глаза сразу находят искомое – громадного желтого зайца. Хватаю его за длинное ухо, и вытаскиваю наружу.

Возвращаюсь обратно. Девчушка при виде зайца даже замирает, боясь шелохнуться. В её глазах светится изумление.

– Это...это, мне? – наконец произносит она.

– Конечно. Это твой новый друг, заяц Ванька. Теперь тебе больше не будет так одиноко. Он всегда составит тебе компанию, даже когда я не смогу заехать, – отвечаю малышке.

– Спасибо, спасибо, – как заведенная повторяет малявка. Она крепко прижимает игрушку к себе, из голубых глаз катятся прозрачные слезинки, падая на пушистую желтую ткань.

– Шелестов, ты там долго?

Поворачиваюсь.

Сэнсей уже стоит возле машины и машет мне рукой. Ребята выгружают ящики с игрушками, тюки с одеждой и кульки со сладостями.

– Одну секунду Игорь Семенович, – кричу в ответ.

Осторожно глажу всхлипывающую малышку по голове.

– Не плачь солнышко, я к тебе еще сегодня приду. Как тебя найти?

Малышка отрывает свою мордашку от зайца. Глаза ребенка покраснели, а на кукольном личике видны две прозрачные дорожки. Девочка аккуратно вытирает их ладошками.

– У нашей группы спальня на втором этаже – двадцать шестая комната, – сообщает она, – я еще немного тут посижу, а потом туда пойду.

– А фамилия у тебя какая? – интересуюсь я.

– Светлова.

– Ладно Маш, я пойду. Забегу к тебе позже, как договорились.

– Хорошо, – вздыхает кроха, – я буду ждать.

Бегу к своим товарищам. Потапенко и Мальцев подхватили один ящик с игрушками, Волобуев и Миркин держат другой, Ваня взвалил на спину большой тюк с одеждой, девушки держат кульки со сладостями.

– Ну что пошли? – командует сэнсей.

Я выхожу вперед, отталкиваю входную дверь и, зайдя в помещение, придерживаю её руками, пока ребята заносят игрушки и одежду. Ребята, покряхтывая и неуклюже топчась в коридоре, заносят ящики в здание, Зорин идет спереди, указывая дорогу. Кабинет директора находится на

первом этаже, недалеко от входа. Там нас уже ждут. Мужчина средних лет с усталыми добрыми глазами и молодая девушка помогают нам поставить ящики на пол. Из-за стола приподнимается полная женщина лет сорока пяти и решительно подходит к нам. Зорин, улыбаясь, стоит в стороне.

– Здравствуйте товарищи комсомольцы, – женщина обменивается рукопожатиями с нами, – я, как вы уже, наверно, догадались директор детдома. Меня зовут Ирина Анатольевна.

– Это, – машет она рукой в сторону мужчины и девушки, – наши воспитатели Марат Альбертович и Елена Станиславовна.

Здороваемся с ними. По очереди представляемся, называя свои имена. Ирина Анатольевна властно показывает рукой на стулья, выстроившиеся ровной линией, возле её громадного стола:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Скрипят по паркету ножки отодвигаемых стульев. Неторопливо рассаживаемся, смотря на директора.

– Прежде всего, товарищи комсомольцы, хочу поблагодарить ваш клуб «Красное Знамя» за оказанную помощь, – торжественно и официально начинает директор, – государство делает все необходимое, чтобы обеспечить нашим детям нормальную жизнь, но любая дополнительная поддержка тоже необходима. Одежда и игрушки нам очень нужны. Спасибо Вам большое.

Я хотела собрать торжественную линейку, но Игорь Семенович меня отговорил. Он предложил, чтобы вы поговорили с воспитанниками в неформальной обстановке и я согласилась, – продолжает свою речь Ирина Анатольевна, – сейчас я проведу небольшую экскурсию по нашему детдому, а потом воспитатели соберут всех ребят в нашей столовой. Там мы устроим чаепитие с вашими сладостями, и вы сможете с ними пообщаться. Ящики с подарками тоже туда перенесем, вручите их малышам. Марат Альбертович сейчас возьмет несколько ребят и займется этим.

Воспитатель солидно кивает.

– Не нужно, – останавливает Зорин, – мы привезли, мы и перетащим. Посмотрите, какие богатыри со мною приехали. Для них это пять минут дел. Сережа, Вова, Игорь и Леша быстро справятся и подождут нас там. Сделаете ребята? Марат Альбертович вам покажет, куда нести.

«Богатыри» улыбаются.

– Запросто, – басит Мальцев, – говно вопрос.

– Сергей, – укоризненно смотрит на него наставник, – ты же не в казарме находишься. Подбери выражения.

– Извините, – первый раз вижу, как Серега густо краснеет, – случайно

вырвалось.

– Ирина Анатольевна, а можно сейчас фотографироваться с вами, а потом с вашими воспитанниками в столовой? – вступает в разговор Вероника.

Молодец девушка. На ходу подметки рвет. Скоро станет настоящим профессиональным агитатором нашего клуба.

– Можно, – улыбается директор, – давайте все вместе вот здесь станем, возле ваших подарков.

Зорин становится вместе с Ириной Анатольевной мною и воспитателями. Ребята присаживаются на корточки рядом с ними. Вероника командует, кому где сидеть. Она располагает их так, чтобы были видны ящики с игрушками.

Девушка достает из сумочки фотовспышку «Кристалл», подключает её к розетке в углу, и нацеливает на нас фотоаппарат.

– Внимание, сейчас отсюда вылетит птичка, – весело звучит голос Вероники. На лицах ребят и преподавателей появляются улыбки.

Резко сверкает фотовспышка. Через несколько секунд чуть сменив ракурс, девушка делает еще один снимок.

– А теперь товарищи, пойдете, покажу вам, как мы живем, – Ирина Анатольевна энергичным шагом направляется к выходу. Мы послушно следуем за ней. В кабинете остается Марат Альбертович и четверо «богатырей» примеривающихся к ящикам.

На первом этаже расположены учебные классы для детдомовцев. Светлые просторные помещения, много цветов на подоконниках, детские рисунки, на стенах портреты писателей, ученых, и, конечно же, куда же без них, трех основоположников марксизма-ленинизма. Вымытые до блеска окна кокетливо прикрыты прозрачными шторами. Чувствуется Ирина Анатольевна старается создать своим воспитанникам уют, следит за порядком и чистотой. Хотя мой опытный взгляд периодически замечает полузатертые ругательные слова на стареньких партах, местами потрепанные обои и пятна на потемневшем от времени паркете.

– Здесь у нас мастерские, – директор выводит нас в отдельное крыло первого этажа и распахивает железную дверь, предлагая пройти.

– В этом помещении девочки учатся шить, – добавляет Елена Станиславовна, пропуская нас в большой зал, где стоят несколько швейных машинок, – из нашего детдома они уже выпускаются опытными швеями, и уже могут начинать работать на фабриках.

– А тут ребята осваивают слесарное и токарное дело, – ведет нас в большой зал напротив директор, – с ними занимается отличный

преподаватель Максим Иванович. Он всю жизнь токарем проработал на МАЗе, сюда к внучке приехал, когда на пенсию вышел, я его убедила пойти к нам преподавателем труда. Учит он отлично, если наши парни захотят дальше идти по этим профессиям, любое ПТУ их с руками оторвет.

Стройные ряды станков, оснащенные верстаками рабочие места, аккуратно сложенные инструменты – хотя оборудование старое и кое-где уже слезла краска, но все поддерживается в идеальном порядке.

Потом мы поднимаемся на второй этаж. Нам показывают спальни воспитанников. Дети окидывают нас любопытными взглядами. Среди малышни вижу Машу в обнимку с длинноухим Ванькой, подмигиваю ей, девочка счастливо улыбается мне в ответ, прижимая к груди зайца. Обычные железные кровати с матрасами, застеленные простынями и простенькие тумбочки возле каждой из них. Бедно, но чисто. Большой зал на втором этаже используется для досуга воспитанников. В одном углу можно посмотреть телевизор или сделать уроки, выбрав подходящий столик, в другом создана зона для малышей, там много солдатиков, машинок, конструкторов, тряпичных кукол и других игрушек. К сожалению, все в ужасном состоянии. Многие машины без колес, куклы с оторванными ногами и руками, дырявые мишки, из которых сыпется поролон.

Девушка-воспитатель, стоящая рядом, замечает мой взгляд.

– Да с игрушками у нас беда, – вздыхает Елена Станиславовна, – мы стараемся починить, что можем, к сожалению, не всегда до этого доходят руки. И тут ваши подарки придутся очень кстати.

Затем мы, вместе с толпой детдомовцев, которых воспитатели выводят из комнат, перемещаемся в просторное помещение столовой. Столы уже накрыты белыми скатертями, на темно-бордовых пластиковых подносах стоят стаканы с чаем, от которых вздымаются вверх струйки пара, рядом уже расставлены небольшие пиалы с нашими конфетами и вафлями. Надо отдать должное работникам столовой, сладости распределены равномерно и присутствуют на каждом столе.

Воспитатели рассаживают шумящую толпу детей и подростков по стульям.

– Минутку внимания, – голос директора заставляет детдомовцев замереть, – к нам сегодня приехали гости, комсомольцы из военно-патриотического клуба «Красное Знамя». Они решили взять шефство над нашим детским домом и привезли для вас сладости, одежду и подарки. Конфетами вы можете угоститься прямо сейчас, после вручения малышам подарков, одежду распределим позднее. Её раздачей будет заниматься

Елена Станиславовна и наш завхоз Николай Иванович. Они разберутся кому, что нужно и подходит по размерам.

Ирина Анатольевна разливается соловьем, рассыпаясь в благодарностях к нам. А я рассматриваю воспитанников. Малыши с нетерпением поглядывают на конфеты, ожидая, когда торжественная часть закончится, и им можно будет попробовать лакомства. Реакция подростков другая. Одни слушают с интересом, и разглядывают нас. В глазах других мелькает откровенная неприязнь. Особенно меня интересует небольшая группа девчонок и пацанов лет 16–17, расположившаяся у окна. Наглые рожи, развязные позы, пренебрежительные усмешки. Пересекаюсь взглядами с одним из этой компании. В его глазах светится плохо скрываемая ненависть. Верхняя губа чуть приподнята в злобном оскале. Интересный экземпляр. Живое подтверждение теории доктора Ломброзо. Низкий лоб, маленькие, глубоко посаженные глазки, выдающаяся верхняя челюсть. Очень похож на первобытного человека. Заметив мой интерес, «неандерталец» поспешно отводит глаза в сторону.

Директор тем временем передает слово Зорину. Сэнсей приглашает детдомовцев посетить с воспитателями наши воскресные показательные выступления в клубе, обещая достойно встретить всех желающих.

Ирина Анатольевна, улыбаясь, поддерживает его предложение.

Наступает время раздачи подарков малышам. Дети толпятся возле Вани, Ани и Вероники, которые с удовольствием, вручают им игрушки. Шум, гам, радостные вскрики и хлопанье в ладоши. Елена Станиславовна и Марат Альбертович тоже участвуют в процессе, выстраивая детишек в очередь, пресекая толкотню, суматоху и споры из-за презентов. Смотрю за повизгивающими и весело прыгающими малышами и думаю, как же мало таким детям нужно для счастья. Немного внимания и заботы и ребенок просто светится от радости, получая простой подарок.

После этого, торжественная часть заканчивается, и директор предлагает нам, присоединиться к чаепитию. Директор и Зорин усаживаются с малышами. Мальцев с товарищами тоже расходятся по разным концам зала.

– Куда пойдем? – толкает под локоть Иван. Аня тоже вопросительно смотрит на меня.

– А вот к тем индейцам, – указываю взглядом на наглую компанию. Пацаны и девчонки всю трескают конфеты, выгребая их из пиалы горстями.

– А чего ты их назвал индейцами? – недоумевает Ваня.

– Потому что дикие и злые.

Подходим и рассаживаемся на стульях. Краем глаза, замечаю, как Елена Станиславовна, весело болтающая с Зориным, прерывается, увидев, к кому мы сели и что-то шепчет на ухо директору.

– Привет всей честной компании, – здороваюсь я.

– Чего надо? – крепкий белобрысый парень угрюмо смотрит на меня. Остальная компашка, четыре девушки и три пацана нахально ухмыляются.

– Тебя разговаривать нормально учили? – начинает кипятиться Ваня, но я останавливаю его движением руки.

– А почему так невежливо? – интересуюсь, – Ты всегда так с гостями общаешься?

– Я никого в гости не звал, – бурчит он, – чего надо?

– Поговорить хочу.

– Ну так говори.

– По вашей реакции на нас у меня сложилось впечатление, что мы когда-то вас сильно обидели. В чем дело?

– Ни в чем.

– Вы чего к нам приколупались? – истерично заводится худая девчонка в цветастом платице, – идите вон к мезлюге, им в уши дуйте.

– Сорока, подожди, – белобрысый жестом останавливает разбушевавшуюся соседку, – пусть скажет, чего ему надо.

С интересом рассматриваю девчонку. Так вот ты какая Сорока, отбирающая у малышей конфеты и избивающая «стукачей».

– Вообще-то я с вами хотел познакомиться, – спокойно отвечаю белобрысому, – Игорь Семенович уже предложил всем желающим посетить наш клуб. Я тоже хочу пригласить вас в воскресенье. Там будет интересно. Будет показательное выступление, покажем приемы самообороны, ударную технику.

– Приемчики ваши, – белобрысый презрительно кривит губы, – да я и без них...

Парень прерывается и замолкает, насмешливо смотря на меня.

– Что ты без них? – смотрю на него, – Раз уже начал, договаривай.

– Да я и без этих ваших приемчиков, тебя уложу запросто, – ухмыляется он.

– Вот и отлично, в воскресенье проверим. Я специально Игоря Семеновича попрошу, чтобы дал такую возможность, – улыбаюсь ему в ответ, – если не струсишь, придешь и надерешь мне зад, то обещаю больше к вам не приставать.

– Я струшу? С тобой? – белобрысый насмешливо смотрит на меня, – да я тебя одной левой. Только после этого, больше к нам не приближайся.

– Договорились. Проведем спортивный поединок по рукопашному бою. Если ты выиграешь, буду обходить тебя и твою компашку десятой дорогой. Если выигрываю я, станешь членом нашего клуба, и будешь у нас тренироваться. По рукам?

– А рукопашный бой, это что? – в глазах белобрысого мелькает сомнение.

– Поединок на борцовском ковре в перчатках. Нельзя бить по мужским причиндалам, суставам, затылку, кусаться, выдавливать глаза. Можно бороться, наносить любые удары руками и ногами. Ну что по рукам?

Протягиваю ему ладонь. Парень, поколебавшись несколько секунд, жмет мне руку.

– По рукам, – бурчит он.

Елена Станиславовна, периодически бросающая на нас встревоженные взгляды, решительно встает со стула и идет к нам.

– Я вижу, вы уже познакомились с Семой и его друзьями, – резюмирует воспитатель, подходя ко мне, – надеюсь, они вели себя прилично и не хамили?

– Все в порядке, – успокаиваю девушку, – наоборот, нормально поговорили. Вот ребята даже обещали к нам в воскресенье в клуб прийти.

– Ну ладно, – Елена Станиславовна обводит компанию многозначительным взглядом, – помните, это наши гости, и держите себя в рамках.

Воспитательница уходит обратно.

– Ладно, ждем вас в воскресенье в клубе, – поднимаюсь со стула, – там и продолжим разговор.

Белобрысый, нехотя, кивает. Ваня и Аня тоже встают. «Неандерталец» до этого исподлобья следивший за мной, цапает пятерней за локоть девушки.

– Они пусть идут, а ты сладкая останься, может я тебе кое-чего интересное покажу, – противная рожа расплывается в похабной улыбке.

– Пусти, – дергается девушка, но «пещерный человек» держит её крепко. Рукой торможу дернувшегося вперед Ваню. Только разборки нам здесь не хватало.

– Бидон, не трогай девку, – хмуро бросает белобрысый. Отморозок не обращает на него внимания, пожирая взглядом побледневшую Аню. Блондин начинает с угрожающим видом подниматься со стула, но моя ладонь уже сжимается на безымянном пальце «неандертальца». Короткое движение кистью, и палец уroda взят на излом. Усиливаю нажим, демонстрируя намерение сломать.

– Ааа, ооо, пусти, – стонет пещерный человек, наклоняясь ко мне, и пытаюсь смягчить давление. Локоть Ани давно оставлен в покое, теперь отморозка интересуется только сохранность пальца.

Украдкой оглядываюсь по сторонам. Пока никто ничего не заметил. Зорин оживленно болтает с директором и воспитателями.

– Больше лапы свои тянуть не будешь? – спрашиваю у отморозка.

– Не буду, пусти, – шипит он, кривясь от боли.

– Проси у девушки прощения.

– Не нужны мне его извинения, – пытается влезть в разговор Аня, но я останавливаю её взглядом.

«Пещерный человек» оскаливается в злобной гримасе, но молчит. Усиливаю нажим, кажется, еще чуть-чуть и сломаю палец.

– Прости меня, я больше так не буду, – стонет урод.

Отпускаю многострадальный палец «на волю». Отморозок баюкает его в своей ладони, прожигая меня ненавидящим взглядом.

– Ладно, жду вас в воскресенье. Пошли ребята, – поворачиваюсь к одноклассникам.

– Леш, ты ему палец не повредил? – обеспокоенно спрашивает Николаенко, когда мы отходим от этой компании, – может, не нужно было так жестоко?

– Такие как он другого языка не понимают, к сожалению, – поясняю однокласснице, – на них действует только сила и готовность её применить.

– Ладно, пойдемте я вас со своей новой сестричкой познакомлю, – разыскиваю глазами Машу и, увидев знакомые белые бантики в другом конце зала, решительно направляюсь к ним, увлекая за собой друзей.

Малышка замечает меня. Её лицо вспыхивает искренней радостью. Широкая счастливая улыбка малышки заразительна, и мои губы тоже расползаются в стороны.

– Ребята познакомьтесь с Машей, моей новой сестренкой. А это Аня и Иван мои одноклассники, – представляю их друг другу.

Удивленные и вопросительные взгляды друзей скрещиваются на мне, но я абсолютно невозмутим.

– Очень приятно, – кроха немного смущается и опускает глазки, став еще обаятельней. Ребята рассаживаются за столом, напротив Марии и еще двух малышей с любопытством рассматривающих нас. Черненькая, юркая как ртуть девочка, на секунду замирает, смотря на нас. Вторая малышка, шатенка с волосами цвета спелого каштана, более основательная и степенная, держится с подчеркнутым достоинством, подсознательно копируя директрису детдома.

– Маш, ты бы хоть своих подружек представила, – обращаюсь к «новоиспеченной» сестричке.

– Это Валя, – девочка показывает ладошкой на черненькую кареглазую брюнеточку в синем платьице. Подружка кивает. Оранжевые бантики, колыхаются на её головке.

– А это Оля, – поворачивается она в другую сторону. Шатенка бойко рассматривает нас. В её голубых глазках мелькает непонятное выражение. С интересом гляжу на девчушку. Так вот ты какая Оля «Мы никому не нужны».

– Ну вот и познакомились, – приветливо смотрю на подружек, – как вам конфеты понравились?

– Очень, – застенчиво признается Валя, – я вообще «каракум» очень, очень люблю. Так бы ела бы его и ела.

– А я «мишку косолапого» обожаю, – признается Маша, – он такой вкусненький.

Девочка с каштановыми волосами молчит.

– А ты Оля? – спрашивает её Николаенко, – Неужели тебе ничего не понравилось?

– А мне все равно, – немного помолчав, отвечает малышка, с вызовом глядя на Аню.

Глаза подружек расширяются от изумления.

«Как все равно? Это же невероятно вкусные конфеты. Ты чего?» – читается на их личиках.

– Понятно, теперь мы будем знать, каких гостинцев вам принести в следующий раз. Маше – «мишку косолапого», Вале – «каракум», а Ольге – тоже каких-нибудь сладостей. Правда, ребята? – смотрю на одноклассников.

Волков улыбаясь, кивает.

– Не надо, – вдруг высказывается Оля.

– Чего, не надо? – не понимает Ваня.

– Сладостей мне не надо. Им, – указывает она на подружек, – носите, а я обойдусь.

– И чего же ты колючая такая? – интересуюсь у девочки.

Оля поджимает губки, и резко отворачивается от меня, уставившись в окно. Не хочешь отвечать? Ну и не надо. Мне Маша все расскажет.

Тем временем встреча подходит к концу. Сэнсей и директор детдома с учителями поднимаются.

– Шелестов, – окликает меня Зорин, – всё, собираемся.

– Маш, проводи меня, – прошу малявку. Она послушно встает,

прижимая к груди зайца.

– Вы ребят идите, а я чуть позже подойду, мне нужно с Машей пообщаться, – обращаюсь к одноклассникам.

Ручеек детворы, сопровождающий воспитателей и Зорина с комиссарами, тянется на улицу.

Выходим во двор. Отвожу девочку в сторону.

– Леша, а ты ко мне не зайдешь? – спрашивает малышка.

– Сейчас уже нет, – отвечаю я, – мы ведь и в столовой прекрасно пообщались. Но я обязательно к тебе буквально на днях заеду. И все эти проблемы решу, как обещал. Тебя больше никто обижать не будет. Просто мне еще нужно прикинуть, как это все сделать правильно, чтобы никто никаких претензий к тебе не имел.

– Понимаю, – вздыхает девчушка, – а ты точно приедешь?

– Точно, точно, выше нос красавица, – шутливо щелкаю малышку по носику, и она несмело улыбается, – как же я могу свою новую сестренку бросить?

– Слушай, у меня есть к тебе несколько вопросов. Чего это Олька такая злобная?

– А её уже два раза в детдом обратно возвращали, – кроха забавно хмурится, – Она старше меня на полтора года, но успела уже побывать в других семьях. Олька хорошая, просто это на неё все плохо повлияло. Один раз попала к приемным родителям в село, где её работать заставляли, били и не кормили толком. Вот она и сбежала обратно сюда. Лучше говорит, я здесь буду, чем на этих уродах пахать. Это еще в другом доме ребенка было, перед отправкой сюда. Этим людям слуга был нужен, только чтобы по дому батрачить. Олька рассказывала, что ей даже ни разу доброго слова не сказали, только работай и жри какие-то отбросы.

Второй раз, её какая-то богатая тетечка удочерила. Два месяца там прожила. Кормили хорошо, но Оля говорит, что чувствовала себя игрушкой. Одевали в нарядные платьица, хвастались перед гостями и соседями, заставляли петь песенки и читать стишки. Сюсюкались как с младенцем. Фальшиво все было. Олька и взбунтовалась. Нагрубила «мамочке», а та её обратно привезла. Визжала на весь детдом, «вы меня обманули, это не воспитанная девочка, а хамка и грубиянка, заберите её обратно, видеть её не хочу». Так Ирина Анатольевна матом эту тетеньку послала, а Ольку приняла обратно. Больше она никуда идти не хочет и вообще, стала какая-то злая.

– Понятно, – вздыхаю я, – Маш, а что за белобрысый вместе с Сорокой сидел? Крепкий такой паренек лет 17-ти.

– Это Гордей, – выдает моя новая «сестренка», – Семен Гордеев. Он среди старших самый главный. Нас не обижает. Наоборот, Вальке вон замок на сандалии починил, когда он сломался. Он постоянно с Сорокой, Клизмой и Бидоном ходит. Они у нас всем заправляют. Сема пацанам говорит, что надо быть «правильным босяком и жить по понятиям».

«Еще один приверженец блатной романтики. Ну ничего, попробуем эту дурь из головы выбить, тем более, что парнишка, как мне кажется, не безнадежный» – проносится в голове. Вспоминаю «пещерного человека» и назревает следующий вопрос.

– Маш, а о Бидоне, что скажешь? – спрашиваю кроху.

– Бидоне? – переспрашивает малышка, – , а это Толик Гудыма.

Девчушка замолкает.

– Ну говори, что же ты, – подталкиваю её.

– Я его очень боюсь, – признается кроха, опустив глазки, – он страшный, просто ужас.

– И чем же он тебя так пугает? – улыбаюсь я.

– Только ты никому не говори. Обещаешь? – девочка с мольбой смотрит на меня.

– Маш, ты либо мне доверяешь, либо нет, решай сама. В любом случае, я тебя не подставлю, – отвечаю «сестричке», – и то, что именно ты мне что-то рассказала, никто не узнает. Но я хочу знать, что собой представляет этот тип.

Малышка осторожно оглядывается по сторонам.

– Давай я тебе на ушко все расскажу, – громким шепотом предлагает девочка.

– Хорошо, – присаживаюсь на корточки рядом с ней.

– Мне кажется он больной, – голос крохи еле слышен, – он постоянно задирает юбки всем девочкам, даже самым маленьким. А некоторым даже пытается залезть в трусики.

Мои руки невольно сжимаются в кулаки. Вот урод!

– И к тебе тоже лез?

– И ко мне, – вздыхает кроха, – но я просто убежала.

– А еще он очень любит убивать и мучить животных, – сообщает Маша, – однажды приносил к нам в комнату отрезанную голову щенка, чтобы попугать. Мы тогда все плакали и несколько ночей спать не могли. А Гордей его за это сильно избил, когда узнал. Особенно Бидон обожает жечь кошек и собак. Девочки видели, как он ловил кисок в мешок, а потом, обливал их бензином и поджигал. Котики кричали, а Толик смеялся. А год назад Иннокентий Иванович, это сторож наш, сделал ему замечание. Так

Бидон его подсобку подпалить попробовал. Хорошо, что его Елена Станиславовна вовремя засекла, она тогда дежурила ночью. Скандал был страшный. Директор даже хотела его в милицию сдать, но пожалела. Говорят, он плакал и на колени становился, чтобы его в колонию не отправляли.

«Понятно. Садист, извращенец и пироман. Полный набор. И я этому уроду еще палец чуть не сломал. И что теперь с этим существом делать? А ведь какие-то меры принимать придется», – задумываюсь я.

– Шелестов, давай скорее, мы уже уезжаем, – кричит мне наставник.

– Машуль мне пора ехать. У тебя память хорошая? – спрашиваю у девчушки.

– Ага, – кивает крошка, – я стихи почти с первого раза запоминаю.

– Отлично, вот мой телефон, – диктую ей номер, – Запомнила?

Да, – Маша забавно морщит лобик, запечатлевая в памяти цифры.

– Отлично, повтори.

Девочка послушно проговаривает номер.

– Тебе позвонить есть откуда?

– Да, – успокаивает меня малышка, – я всегда могу дежурного преподавателя попросить и в подсобке у сторожа телефон есть.

– Если я буду срочно нужен, всегда звони. Я на выходные уеду по делам, а в начале следующей недели опять к тебе приеду. Трубку могут взять мои родители, так ты и прямо и говори, «это Маша из детдома, позовите Лешу». Я их предупрежу. Договорились?

Мария кивает.

– Ну тогда до встречи, – широко развожу руки, – пока сестренка.

Девочка доверчиво прижимается ко мне, обнимая мою шею свободной рукой, с другой стороны лимонно-желтый «Ванька» тычется плюшевой мордой в щеку.

– До встречи, – шепчет мне в ухо взволнованный детский голосок, – я буду тебя ждать.

* * *

6 октября 1978-ого года. Пятница.

Вставляю ключ в узкую щель замка. Послушно клацает механизм, открывая дверь. Захожу в прихожую, бросаю сумку в коридоре, начинаю расшнуровывать ботинки. В большой комнате стихает разговор, слышу тихие звуки шагов. Из гостиной выходит раскрасневшаяся мама в красивом

синем платье.

– Сына, а у нас гости, – радостно сообщает она.

– Да я уже понял, – отвечаю ей, – Виктор приехал?

– Угадал, – улыбающийся старшина выходит из-за маминых плеч, и протягивает мне свою ручищу, – привет.

– Здравствуйте, – обмениваюсь с ним рукопожатием, моя ладонь на секунду исчезает в громадной лапе Виктора.

– Ладно, чего вы там столпились? – на пороге комнаты появляется отец, – сейчас Лешка разденется, помоеет руки и к нам за стол сядет. Там и наговоритесь с ним.

– Так я же вам еще не успел сказать товарищ полковник, – хлопает себя по лбу старшина, – я же не только гостинцы привез, товарищ генерал приказал, чтобы Лешу сразу после школы к нему на дачу везли. Так что, посидеть как следует не получится, он перекусит, и мы поедем.

– Что за дела? – батя озадаченно глядит на меня, – чего это дед тебя вдруг к себе тащит? Вроде же недавно был у него.

– Пап, мы в прошлый раз так и договорились. Дед ворчал, мол, только приехал и уже уезжает, даже не пообщались толком. Вот и решили, что в пятницу он меня к себе на дачу заберет, – мои глаза лучатся неподдельной искренностью.

– А чего же нас не предупредил?

– Извини, виноват, – просительно складываю ладони домиком, мое лицо выражает искреннее раскаяние – замотался. Школа, клуб, тренировки, вот и забыл в суматохе тебе рассказать.

– Ладно, – отец смущенно отводит взгляд, – только не понятно, к нам он уже месяца четыре не заезжал, а приглашает одного внука.

– Так он же знает, что ты человек занятый, – пожимаю плечами, – жене даже иногда внимание не можешь уделить. Все по командировкам ездешь.

– Вот именно, – мама подбочивается, и толкает отца локтем, – вот за что я Константина Николаевича люблю, так это за его проницательность. Он, даже будучи в Москве, все знает, видит и понимает. Когда мы с тобой последний раз куда-то ходили? Года два назад? Я так и состарюсь, не выходя из этой квартиры.

Забавно видеть, как краснеет папино лицо.

– Чего стал на пороге? – бурчит он, – иди уже руки мой, и садись за стол. Не будем терять время, вам еще туда часа три добираться.

За столом пока я набиваю желудок салатом из помидоров и огурцов, жареной картошкой с мясом, родители общаются с Виктором. Старшина рассказывает отцу о жизни в Москве, отвечает на вопросы, как там

поживает дед, и все ли у него в порядке со здоровьем. Мама заботливо накладывает мне на тарелку колбасы, хлеба и котлет.

Торопливо дожевываю последнюю порцию салата на тарелке и встаю.

– Поехали, я уже готов, – сообщаю старшине.

– Быстро ты справился, – усмехается водитель и тоже поднимается, – Спасибо вам Александр Константинович и Анастасия Дмитриевна за прием, все было очень вкусно, но нам пора уезжать.

– Подождите, – мама молнией летит к шкафу с одеждой в прихожей, – я сейчас Леше футболку и сменное белье приготовлю. И флягу с водой пусть с собою возьмет. Мало ли, вдруг в дороге пить захочется.

– Ты надолго? – интересуется отец.

– Мне в воскресенье днем надо быть в клубе, – информирую предка, – субботу проведу с дедом и утром приеду.

– Да вы не волнуйтесь Александр Константинович, – басит старшина, – я его и привезу обратно. Мы с товарищем генералом уже обо всем договорились.

Через несколько минут я уже сижу в знакомой черной «Волге», вольготно раскинувшись на широком заднем сиденье. Мимо проносятся частные дома и высотные здания, черные стволы деревьев с пожелтевшей листвой, легковые автомобили и грузовые машины, фигурки жителей идущих по своим делам. Затем жилые строения сменяются безлюдной асфальтовой полосой трассы. Накопившаяся моральная и физическая усталость дает о себе знать. Наблюдая за изменяющейся панорамой из окна, я незаметно впадаю в дрему, а потом проваливаюсь в глубокий сон.

– Просыпайся Лешка, мы уже приехали, – громкий голос Виктора, врывается в мое сознание.

Приходится с трудом разлепить глаза. Мы уже свернули с Можайского шоссе на Жаворонки, и едем по 1-ой Советской улице. Поворачиваем к небольшому скоплению одноэтажных зданий, пролетаем остановку, и выезжаем из застройки. Недалеко от живописного озера за забором виднеются знакомые очертания двухэтажной генеральской дачи.

«Волга» тормозит перед железными серыми воротами.

– Иди к деду, – поворачивается ко мне улыбающийся Виктор, – он уже тебя дождался. Калитка не заперта. А я пока ворота открою, и машину загоню.

Небольшая дверка открывается с громким протяжным скрипом. Аккуратно закрываю её за собой.

– Лешка, – доносится голос откуда-то сверху. Поднимаю глаза. На большой веранде, примыкающей ко второму этажу, стоит дед и приветливо

машет мне рукой, – заходи, я сейчас спущусь и тебя встречу.

Через пару минут мы с дедом сидим на кухне. Черная «Волга» стоит во дворе, старшину отпускают навестить знакомую, проживающую в Жаворонках.

Товарищ генерал смотрится совсем по-домашнему в ярко-синем спортивном костюме «Динамо» с двумя белоснежными полосками, тянущимися от рукавов к плечам.

С опаской берусь за кольцо ручки металлического подстаканника, украшенного изящными узорами, делаю глоток, вливая в себя янтарно-красную жидкость свежесваренного чая. По телу разливается приятное тепло.

Дед с улыбкой наблюдает за мной.

Ну как тебе чай? – интересуется он.

– Потрясающий, – отвечаю, прислушиваясь к своим ощущениям, – что-то я раньше у тебя такой не пробовал. Где ты его взял?

– Это цейлонский, настоящий, – сообщает дед, – мне его привез товарищ – военный атташе в одной арабской стране.

– Понятно, – я с удовольствием вдыхаю изысканный аромат благородного напитка.

– Как там папка? – в глазах деда мелькает лукавая хитринка, – Не интересовался, с какой это стати я забрал тебя на дачу?

Интересовался, конечно, – осторожно дую на горячий напиток, – но я ему все по полочкам разложил. Сказал, что товарищ генерал был огорчен, что мало пообщался с любимым внуком, и поэтому договорились, провести вместе выходные на твоей даче через неделю.

– Понятно, – улыбается Константин Николаевич, – ну а вообще, у него все в порядке?

– Вроде, да. Служба, семья, никаких особых проблем. Вот только мама недовольна, его постоянными командировками.

– Женщины, – пренебрежительно машет рукой дед, – они все такие. Им нужно чтобы мужики постоянно под боком были.

Благоразумно молчу. Эту тему я точно развивать не буду.

Константин Николаевич одним глотком допивает остатки чая, и аккуратно ставит на стол пустой стакан.

– Ладно, давай перейдем к делу. Пока все написанное в твоей тетрадке подтверждается вплоть до мельчайших деталей. Честно говоря, никогда ни в какую чертовщину не верил, но сейчас даже не знаю что сказать. Ты даже позавчерашнюю бойню в Бейруте умудрился предсказать с более-менее точным количеством жертв. У меня просто нет слов. Такое ощущение,

словно это какой-то кошмарный сон, не имеющий отношения к реальности. Хотя это все лирика. У меня есть мысли как нам действовать дальше. Но сперва я хочу получить ответ на несколько вопросов.

– Спрашивай, – я немного напрягаюсь, и сюрприз не заставляет себя ждать.

– В прошлую встречу, ты заявил: «то, что я скажу про партию и советскую систему, тебе не понравится». Интересно тебя послушать. Давай выскажись. Мы с тобой не чужие люди, поэтому можешь не стесняться.

Ну и память у генерала. Даже мои слова точно процитировал.

– Дед, ну неужели ты сам не видишь, что происходит? – вздыхаю.

– Давай тогда по порядку. Про КПСС. Посмотри, во что она превратилась. Сейчас партийный аппарат стал прибежищем для карьеристов и приспособленцев. Нет, есть, конечно, нормальные люди в райкомах и обкомах, но их мало. На смену пламенным революционерам и сталинским строителям, превратившим отсталую аграрную страну в индустриальную державу, пришли невзрачные серые чиновники и бюрократы. Обрати внимание, как они работают с людьми. Для них важнее не содержание, а форма.

– Поясни, – в голосе деда слышны злые нотки.

– Да что тут пояснять? Посмотри, как проходит любое партийное собрание, съезды КПСС, куча пафосных цифр, рапорты о великих достижениях, свершениях и планах на очередную Пятилетку. Не цепляет абсолютно. Для всех сидящих в зале, это превратилось в некий обязательный ритуал почти религиозного характера. Это как обряд, который нужно выполнять хоть раз в год. Обо всех этих докладах, цифрах и прочих свершениях, абсолютное большинство сразу же забывает, выйдя из зала. Работа с населением такая же, оттарабанить на собрании какие-то агитки под зевки откровенно скучающих людей, и поставить себе очередную галочку «выполнено». Но свято место пусто не бывает. Не можете работать с людьми, заряжать их идеями, давать четкие и ясные цели, показывать свои преимущества? Значит, это сделает ваш противник. Пусть не сейчас, а спустя годы он помашет перед их носом яркой привлекательной оберткой капитализма, завалит потоком ложной информации, сумеет сделать «белое черным», а все достоинства превратит в недостатки.

В отличие от своего предшественника ВКПБ, сегодняшняя КПСС не умеет и не хочет работать с народом. Но самое страшное, что они даже не желают этому учиться, видеть и исправлять ошибки, совершенствовать свое управление. И в этом очень большая вина руководства партии.

– А с этого места, подробнее, – генерал пристально смотрит на меня.

– Да «забронзовели» они в своих креслах, срослись с ними и дальше своего носа не видят, – с досадой говорю я, – Пойми дед, у каждого времени имеются свои вызовы, которым должно соответствовать государство. Мы сумели выжить и победить в пламени Гражданской и Отечественной войны, потому что действовали в точном соответствии с духом и требованиями того времени. В 1917-ом большевики смогли быстро взять власть и выжить в кровавой гражданской войне. Они сделали все необходимое, чтобы победить. Предложили большинству привлекательную идею будущего, активно работали с населением, проводили мобилизацию, осуществляли продразверстку, создали действенную и эффективную вертикаль власти, которая могла быстро принимать все необходимые решения. И в результате победили, выиграв не только у «белых», но и отразив интервенцию самых могущественных иностранных держав. Против них был весь капиталистический мир, но коммунисты выстояли.

К Великой Отечественной войне СССР подошел уже относительно подготовленным. Иосиф Виссарионович Сталин сумел сделать невозможное, за два десятилетия превратить аграрную отсталую страну в мощную индустриальную державу с развитой промышленностью. Эту «войну моторов» мы выиграли, благодаря Сталину и партии, сумев дать советским людям сверхмотивацию и все средства для Победы. И коммунисты, в своем большинстве, были образцом для подражания. Они шли первыми, поднимая солдат в атаку, погибая, но не отступая на самых напряженных участках фронта.

– Да, это так и было, – глаза генерала заволакивает дымка воспоминаний, – и к чему ты это все сейчас говоришь?

– К тому дед, что сейчас тоже война. Да она «холодная», но это не значит, что нужно расслабиться. Сегодня у нас идет сражение технологических укладов и идеологий, и эту войну мы бездарно проигрываем по вине руководства.

Оно погрязло в интригах, склоках, грызне за власть и при этом теряет не только связь с народом, но и с существующей реальностью. Смотри сам, экономика государства все усложняется. Появляются новые заводы, фабрики, комбинаты. Эффективно управлять такой машиной, своевременно анализировать имеющуюся информацию, и получать ясную картину происходящего становится труднее. При этом все новое, перспективное, способное решить эти проблемы отторгается. Еще в 50-ых годах фронтовик, инженер-полковник Китов, возглавлявший в то время Вычислительный Центр Министерства Обороны¹, задумался об

автоматизации управления с использованием ЭВМ. В 59-ом году, он написал письмо Хрущеву с предложением создать единую в СССР сеть вычислительных центров. Китов небезосновательно верил, что собрав и систематизировав необходимые данные со всей страны, можно создать универсальную прогрессивную систему управления экономикой.

– Подожди, – перебивает меня дед, – я Анатолия Ивановича знаю лично. Очень дельный специалист, гений. Но он сам виноват, слишком много возмущался имеющимся положением дел, вот и докритиковался.

– Вот именно, – назидательно выставляю палец, – даже конструктивная критика вызывает отторжение у этих консерваторов и ретроградов из Политбюро. Они все новое, непривычное и любые замечания даже по делу воспринимают в штыки. Поэтому и являются сегодня главным тормозом развития страны.

– Ну ты это..., не очень то расходишь, – ворчит генерал, – все таки они заслуженные люди. Леонид Ильич сам воевал, имеет ранение. Многие члены Политбюро тоже были на фронтах, восстанавливали страну.

– Да я же не спорю, – примирительно поднимаю ладони, – Брежнев – очень хороший человек и многие из Политбюро, фронтовики, по сути, неплохие люди. Но хороший человек – это не профессия. Можно быть замечательной личностью, отличным отцом, добрым и приятным парнем, но при этом привести страну к катастрофе, своей ограниченностью и неспособностью видеть перспективы развития. Вот того же Китова лишили должности, выгнали из партии, а ровно через десять лет в 1969-ом году США реализовали этот проект у себя. Под руководством Министерства Обороны была создана система «Арпанет». Через тридцать лет она станет прообразом Всемирной Паутины, опутавшей мир своими сетями. Информационные технологии, основанные на алгоритмах ЭВМ, будут стремительно развиваться, становясь значительной частью мировой экономики. Запад начнет зарабатывать на них десятки миллиардов долларов. А мы могли быть первыми, и эту возможность, извини, просрали, а ученого, на десять лет опередившего американцев, уволили и подвергли репрессиям.

Другой пример – «ОГАС» разработанный последователем Китова – академиком Института Кибернетики Глушковым. Он давал возможность произвести полную информатизацию всех технологических и экономических процессов. Это позволило бы оперативно получать актуальные сведения, и на их основе принимать обдуманные и проработанные решения. Также в ОГАС входила АСПР – автоматическая система плановых расчетов, позволяющая работать с показателями,

разрабатывать варианты развития народного хозяйства, и контролировать их исполнение.

К сожалению, полностью проект был отклонен ГОСПЛАНОМ по причине экономической нецелесообразности. Травлю Глушкова устроили экономисты Либерман, Бирман, Белкин, поднявшие дикий вой о «20-ти миллиардах рублей, которые предлагается потратить на сомнительное дело».

– Да я что-то слышал об этом, – осторожно говорит дед, – но вроде бы все не окончательно закрыли.

– Ага, – с сарказмом подхватываю я, – по указанию правительства Косыгина, Глушков сосредоточился на «системах нижнего уровня». На Львовской ГРЭС свои разработки внедряет. Это как мыло с шилом сравнивать. Ничего от первоначальной идеи не осталось.

На секунду останавливаюсь, переводя дух.

Генерал молча смотрит на меня, ожидая продолжения.

– Ладно, идем дальше, – мысленно подыскиваю подходящие варианты, – вот тебе еще один пример. В 1961-ом году в Ленинграде создали проект и возвели индивидуальный дом площадью почти 50 м² из армированного пластика с толщиной 14 сантиметров. По теплоизоляции он соответствовал кладке в четыре кирпича. С кухней, комнатой и санузелом. Себестоимость этого проекта составила 850 рублей, то есть в четыре раза меньше, чем у аналогичной однокомнатной квартиры с такой же площадью. Планировалось строить такие дома на окраинах больших городов. Это была отличная возможность решить жилищную проблему, обеспечить доступной жилплощадью молодых специалистов, создать новые поселки для желающих. Тем более, что смотрелись такие дома очень необычно и привлекательно. Но после смещения Хрущева было принято решение не поддерживать «жилищный индивидуализм», и свернуть проект.

Можно вспомнить и про разработки ВНИИТЭ, которые забраковывались по различным причинам, часто надуманным, например, очень удобное для пассажиров и водителей «перспективное такси». В результате в соревновании технологий мы проигрываем. Про электронику, одежду я уже не говорю. Все качественно, надежно, но безобразно на вид.

– Хорошо, я тебя понял. Что у нас плохо, по твоему мнению, ты рассказал. Остается еще один важный вопрос: Что делать?

– Я, конечно, не экономист, – задумываюсь на несколько секунд, формулируя и выстраивая аргументы, – но кое-что могу уже сейчас сказать. Необходимо перестраивать экономику, делать её более гибкой и разносторонней. Прежде всего, вернуть сталинские артели. Они составят

конкуренцию государственным предприятиям. Также очень важно, позволить людям официально зарабатывать любимым делом или используя имеющиеся умения и навыки.

– И как ты это видишь? – дед с интересом смотрит на меня.

– Это должно быть что-то вроде патентов на индивидуальную трудовую деятельность. Умеет человек, допустим, шить одежду, делать какие-то сувениры, мастерить мебель, покупает себе такой патент, платит небольшой налог от дохода и занимается своим делом.

– Буржуев предлагаешь новых вырастить? – криво ухмыляется генерал.

– Ты неправ. Буржуи, как ты их назвал, это эксплуататоры труда рабочих. Если говорить очень грубо, они посредники, присваивающие себе разницу между себестоимостью произведенной продукции и её конечной ценой. А я говорю о тружениках, которые будут заниматься производством товаров и услуг сами, без найма наемной рабочей силы. Максимум, могут близких родственников привлечь, не больше. А вот спекулянтов и прочих посредников, желающих заработать на перепродажах уже готовых товаров, быть не должно. Такое надо безжалостно пресекать, в том числе и жестокими наказаниями.

– И что нам это даст? – похоже, деду хочется дальше послушать мои соображения.

– Первое, – загибаю мизинец, – борьба с дефицитом. Появятся десятки, а то и сотни тысяч людей занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. Они будут производить продукцию, оказывать услуги, пользующиеся спросом. Индивидуальные хозяйства будут насыщать рынок недорогим мясом, яйцами, овощами и другими продуктами. Главное, разработать для них всех единые, простые и обоснованные правила. Второе. В бюджет пойдут деньги. Все эти люди будут покупать патенты на определенный срок, платить налоги. Это же касается и сталинских артелей, ставших при Иосифе Виссарионовиче одним из столпов советской экономики. Для информации: на момент смерти Сталина было сто четырнадцать тысяч таких предприятий, работавших в ювелирной, пищевой, металлургической промышленности и множестве других сфер. В артелях насчитывалось более двух миллионов работников. Они производили до 40 % мебели, более трети всего советского трикотажа и почти все игрушки для детей, не говоря уже о сотнях наименований других потребительских товаров. Продуманная политика Сталина, разработанная единая система наценок, правил деятельности позволила им приносить пользу своей стране, и насытить

рынок необходимой продукцией.

Третье, у людей появится возможность работать на себя, улучшить свое материальное положение, получать официально доход от своих умений. Это тоже будет благоприятно влиять на общество.

Но это еще не все. Необходимо дать ученым, инженерам, техническим специалистам новые яркие цели. Здесь можно часами говорить о разных аспектах такой политики, поэтому остановлюсь лишь на самых важных моментах. Объявить программу «технологического прорыва». Но она должна быть поддержана не только словами, но и делами. Многих старцев-академиков, досиживающих свой срок в НИИ и других учреждениях и враждебно встречающих новые прогрессивные инновации своих коллег надо гнать на почетную пенсию. На смену им должны прийти относительно молодые, умные, энергичные руководители, умеющие увидеть перспективы новых научных разработок и открытий. Полезные разработки ученых-рационализаторов, изобретателей должны всесторонне поддерживаться, а им необходимо создать все условия для продуктивной работы и комфортной жизни, включая большие зарплаты, оснащенные самым современным оборудованием лаборатории, хорошие выплаты за разработки и полезные усовершенствования. Сейчас мы обладаем большим промышленным и научным потенциалом для технологического рывка. Сотни тысяч современных заводов, комбинатов и фабрик способны реализовать самые разнообразные производственные задачи, и мозгов у нас тоже хватает, необходимо только выделить молодых, перспективных, одаренных зажечь их энтузиазмом, дать им новые задачи и обеспечить комфортные условия. В будущем, которое мелькало в моих видениях, многие тысячи талантливых химиков, физиков, конструкторов, инженеров оказались невостребованными и уехали в Европу и США, где их ум был оценен по достоинству. И еще один момент, среди молодых ученых разных капиталистических стран сильны симпатии к СССР. Надо отслеживать их разработки, и переманивать к себе наиболее перспективных специалистов, обеспечивая им великолепные условия. Не нужно жалеть денег и других материальных благ, речь идет о нашем будущем. СССР может себе это позволить. Пусть не всех, но многих мы в обновленный Союз перетянем. Тогда у нас есть шансы, если и не победить в сражении за будущее, то, по крайней мере, не проиграть «холодную войну», и создать для людей обновленный привлекательный образ государства.

– Складно говоришь, – дед сидит довольный, видимо мои пылкие аргументы нашли отклик в его душе, – но вот такая заковыка. Для технологического рывка потребуются новые лаборатории, модернизация

производственных мощностей, большое количество ЭВМ, испытания, высокие зарплаты сотрудникам. В масштабах всей страны, это даже не миллионы, а десятки миллиардов. Где такие деньги взять?

– Дед, в СССР такие деньги найти более чем реально. Достаточно нашему руководству страны разумно подойти к этому вопросу. Например, отказаться от финансирования компартий в капиталистических странах, например в США. Хватит давать деньги этим дармоедам, которые сидят на наших грантах, и просто разворовывают финансовые средства по своим карманам, имитируя деятельность. Они не обладают ни властью, ни влиянием, ни возможностями, что-то сделать для Союза, и принести нам какую-то пользу. А денег на поддержку таких «псевдолевых» только в США и Европе тратится огромное количество, сотни миллионов долларов. Зачем, когда у нас в стране много внутренних проблем и задач, требующих скорейшего решения?

Идем дальше. Мы поддерживаем в Африке некоторые страны, выбравшие «социалистический путь развития». А ведь, по сути, за небольшим исключением, там во главе обычные диктаторы, которые подгрести себе все ресурсы и получили помощь и поддержку от СССР. Им просто удобно прикрываться «социализмом», для реализации своих амбиций и получения неограниченной власти. Мы поддерживаем их финансами, технологиями, военными специалистами, получается «за просто так», во имя расплывчатых глобальных интересов, братской помощи и «расширения влияния СССР». Необходим более прагматичный подход. Африка – это настоящий кладёз полезных ископаемых. Там имеется нефть, золото, бриллианты, нефть, газ. Многие местные царьки должны нам десятки, а иногда и сотни миллионов долларов. Так пусть отдают нашим предприятиям эти месторождения в концессии на определенных условиях. Частично, в счет долга, можно экспортировать из этих стран фрукты, какао, чай, хлопок, сорго, кукурузу, пшеницу, рис, мясо крупного рогатого скота, перерабатывать все это, и реализовывать через торговую сеть.

Замолкаю, переводя дыхание и собираясь с мыслями.

– Продолжай, я тебя внимательно слушаю, – подбадривает дед.

– Еще нужно менять подход к сельскому хозяйству. У нас слабая и нерационально выстроенная инфраструктура по переработке продукции. Мало хранилищ для урожая, плохие дороги в деревнях, недостаток запчастей и ремонтных служб. В результате, засеянные площади не всегда полностью убираются, плохо хранится собранный урожай. О потерях сельхозпродукции при перевозке я уже не говорю, они просто кошмарны и

достигают 30–40 процентов. На пути от поля до потребителя мы теряем треть овощей, 20 процентов зерна, 40 картофеля. Ежегодно пропадают тысячи тонн мяса.

Вдумайся в эти цифры дед! 30–40 процентов в среднем! А сколько урожая теряется при несвоевременной уборке и безграмотном хранении? При этом у нас периодически наступают продовольственные кризисы, и приходится закупать у капиталистов от 20-ти до 40-ка миллионов тонн зерновых культур. Не говоря уже о том, что в легкой и пищевой промышленности не хватает сырья из-за такого идиотского подхода. Нужно проводить реформы в сельском хозяйстве. Найти опытного и грамотного специалиста на должность министра, способного решить эти проблемы. Перейти к иной модели переработки. Установить в сельской местности колбасные цеха, организовать производство сыра, решить вопросы хранения продукции. И деревни будут возрождаться, в них появятся квалифицированные специалисты, занимающиеся производственными процессами, и потери намного снизятся. Реализовав все это, мы сможем даже полностью отказаться от импорта, насытив свой рынок качественной и недорогой продукцией. Сэкономим валюту, и заработаем солидные деньги для страны.

Таким образом, мы и найдем необходимые деньги для программы «индустриальный рывок».

– Хорошо, что еще нужно изменить в стране, на твой взгляд? – дед пристально смотрит на меня.

– Прежде всего сделать идеологию более гибкой и отвечающей сегодняшним реалиям, убрать замшелые догмы, которые мешают людям жить. Я уже тебе приводил пример, как из-за кучки дураков, решивших не поощрять «жилищный индивидуализм», был загублен проект недорогих, качественных и красивых домов, которыми можно было обеспечить миллионы людей, годами стоящих в очередях на квартиры. Наоборот, надо пропагандировать, что советский народ достоин всего самого лучшего, и воплощать это на практике.

– Говоришь все правильно, но поменьше такими словами бросайся, «дураки», «ретрограды», – недовольно бурчит Константин Николаевич, – можешь получить серьезные неприятности на свою голову. Я, конечно, тебя не сдам, но вот если кто-то посторонний услышит...

– Да понимаю я все, – досадливо говорю я, – но как подумаешь, сколько они прекрасных возможностей упустили, сколько вреда стране нанесли, пусть не специально, так ругательства сами вырываются.

Делаю секундную паузу, и спрашиваю:

– Я продолжу?

Дед кивает.

– Советским людям также надо дать условия для насыщенной и интересной жизни. Например, максимально упростить простым гражданам путешествия по соцстранам, и поощрять это стремление. Пусть они побывают на Кубе, посетят Варшаву и Прагу, съездят во Вьетнам. И в странах соцлагеря будет развиваться туристическая отрасль, и общество позитивно воспримет эти перемены.

Много еще чего можно сделать для нашего государства и людей. После того, как у меня начались видения, я постоянно думал об этом. Спорт, культурный досуг, воспитание молодежи. Просто если я сейчас начну говорить об этом, мы просидим до утра.

– Это хорошо, что ты понимаешь, что нужно делать, – задумчиво говорит генерал, – но давай вернемся к нашим «баранам». Список событий, которые произойдут в ближайшее время, ты мне передал. Что-то еще интересное предложить можешь?

– Конечно дед, я уже об этом думал. Ручка и бумага у тебя здесь найдется?

Найдется, – кивает Константин Николаевич.

– Отлично. Я здесь проведу всю субботу. Вот завтра и подкину тебе еще интересную информацию.

Какую такую информацию? – в глазах деда зажигается огонек интереса.

– Напишу список предателей в КГБ и ГРУ, так называемых «агентов влияния», помогавших в будущем разваливать страну, в том числе и в руководстве страны, возглавивших процесс уничтожения СССР. Изложу все, что узнал, благодаря видениям.

– А невинные не страдают? – задумчиво спрашивает генерал, – Вдруг, ты в чем-то ошибешься? Или видение было ложное? С такими обвинениями шутить нельзя, речь идет о судьбах и жизнях людей.

– Исключено, – я тверд и уверен в себе, – и вообще никого не заставляю верить мне голословно. Например, информацию, по предателям можно проверить, и если она правдива, принять своевременные меры. Это и станет критерием, по которому можно понять, стоит мне доверять или нет.

– Хорошо, – Константин Николаевич задумывается, – Бумагу и ручку я тебе выдам. Только ты не только о предателях напиши, но и все то, что мне говорил о переустройстве страны. Можешь не растекаться мыслью по древу, напиши кратко, в виде тезисов.

– Так и сделаю.

– Ладно, – генерал буравит меня взглядом, – Мысли у тебя интересные, все, что нужно, изложишь на бумаге. Вроде обо всем договорились. А теперь скажи-ка мне....

Дед делает паузу. Улыбка сходит с его лица, уступая каменному выражению и стальному блеску в глазах.

– Кто ты такой, черт тебя подери? – рычит он, – только не надо говорить мне очевидное. Да я вижу, перед собой внука, но елки-палки, по поведению и уровню мышления ты точно не подросток. Твой тон, рассуждения и манера держаться, характерны для матерого и уверенного мужика с опытом работы на больших должностях, но никак не для подростка. У многих руководителей республиканского и даже союзного уровня нет такого понимания проблем государства и способов их решения. Еще в нашу первую встречу, твоя манера держаться и уровень мышления заставили меня задуматься. Я хотел дать тебе высказаться, спровоцировать на диалог, послушать аргументы и мысли, чтобы понять с кем я общаюсь. Послушал. Считаю, что обычный пацан, даже с такими внезапно появившимися сверхъестественными способностями не может так моментально измениться за короткое время. Не может, и точка. Повторяю вопрос: кто ты такой, и куда дел моего внука?

– Дед, я... – немного ошарашенный таким напором, начинаю объяснения, но предостерегающее движение ладонью, заставляет меня умолкнуть.

– Помолчи, я еще не все сказал, – генерал сурово смотрит на меня, и уже готовые сорваться слова застревают в моем горле, – перед тем как что-то объяснять, хорошо подумай. От того что и как ты сейчас ответишь, будет зависеть все. Если я почувствую фальшь, то о доверии и, соответственно, последующих совместных действиях не может быть и речи. Вот теперь я тебя готов тебя выслушать.

– Хорошо, – вздыхаю, – тем более я и сам собирался об этом поговорить. Если ты помнишь, я тебе еще в лесу предложил, переварить полученные сведения, убедиться в правдивости моих прогнозов, а потом я тебе расскажу остальное.

– Помню, – насторожился дед, – Продолжай.

– Тогда товарищ генерал разрешите представиться, повторно, – пристально смотрю в глаза Константину Николаевичу, – Шелестов Алексей Александрович, 31 год, армейское звание – капитан. Служил в составе пятой гвардейской дивизии, базировавшейся в ТуркВО. В 1985-ом году был переведен в 12-ый мотострелковый полк, ранее находившийся в

Прибалтийском военном округе, впоследствии приданный дивизии, и попал в Афганистан, где наши войска исполняли свой интернациональный долг. Воевал там с духами до 1989-ого года.

Брови деда вопросительно взлетают вверх. Товарищ генерал ошарашен.

– 31 год? Воевал в Афганистане? 1989-ый год? Что за бред ты несешь? – бормочет он.

И я начинаю рассказывать Константину Николаевичу свою историю. Когда дохожу до обороны Белого Дома, расстрелянного снайпером ветерана и убитой девушки, лицо генерала становится мертвенно бледным.

– Дед с тобой все в порядке? – обеспокоенно смотрю на Константина Николаевича.

– Да, продолжай, – шипит он сквозь стиснутые зубы. Похоже, старика как следует проняло.

Дохожу до своей гибели в Белом Доме. Увлеченный рассказом о переносе сознания и своем первом видении на уроке истории, не сразу замечаю состояние деда. А оно плохое. У генерала уже начинают синеть губы. Он обессилено откидывается на стул, пробуя дрожащей рукой расстегнуть змейку на кофте спортивного костюма.

– Дед, ты чего? Тебе очень плохо? – вырывается из меня. Но тело уже начинает действовать «на автомате».

Подскакиваю к старику, и одним движением приспускаю замок вниз. Константин Николаевич с трудом выпрямляется, держась за сердце.

– В спальне тумбочка у кровати, там в ящике валидол, принеси, – хрипит он.

Бегу в указанную комнату, рывком открываю ящик, сгребаю к себе лекарства, быстро нахожу пачку с белыми крупными таблетками, и выдавливаю одну из них на ладонь. Молнией несусь обратно, и вручаю лекарство деду.

Спустя пару минут Константину Николаевичу становится легче. Землистый оттенок исчезает, лицо снова оживает, приобретая естественный цвет.

– Все нормально, – тихо говорит он, заметив мой тревожный взгляд, – мне уже лучше.

В воздухе нависает тяжелая тишина.

Смотрю на деда, ожидая продолжения.

– То, что ты рассказал, похоже на какой-то кошмарный сон, – шумно выдохнув, признается Константин Николаевич.

Дед на секунду замолкает, его рука задумчиво тербит змейку

спортивного костюма на груди.

– Но я тебе верю, – продолжает он, – и мы, черт подери, – кулак генерала с силой бьет по столу, заставляя блюда и стаканы, звенеть и подпрыгивать, – дадим бой этой сволочи.

* * *

7 октября 1978-ого года. Суббота.

«Олег Данилович Калугин. В настоящее время является генерал-майором КГБ, начальником управления „К“ (внешняя контрразведка) ПГУ. Был завербован в результате совместной операции ЦРУ-ФБР во время обучения в Колумбийском Университете по программе Фонда Фулбрайта, вместе с Александром Яковлевым, ставшим одним из самых законспирированных „агентов влияния“ американских спецслужб.

Агент „Кук“, привлеченный Калугиным как раскаявшийся невозвращенец, желающий искупить свою вину перед СССР, был подставой американских спецслужб. Такой „подарок“ КГБ, в виде ученого, разрабатывавшего секретное твердое топливо в корпорации „Тиокол“, должен был придать новый импульс карьере предателя в ПГУ.

На его совести убийство двойного агента Ларка (Николай Артамонов), который мог разоблачить Калугина, как секретного сотрудника ЦРУ, раскрытие сотен сотрудников зарубежных резидентур КГБ, передача множества ценнейших материалов и информации советских спецслужб, имеющих стратегическое значение, слив американцам чехословацкого разведчика Кехера в 1984-ом году».

Жирная синяя точка в конце предложения чуть размазывается, и я откладываю ручку в сторону, разминая затекшие пальцы, испачканные пятнышками чернил. Дед, чтобы мне не мешать, с утра ушел на рыбалку, предварительно вручив ручку и пачку белых листов.

Калугин, Чернов, Поляков, Гордиевский, Пигузов, Бохан, Дуглас, Левченко, Григорян, Резун, Светлов, Шеймов и многие другие. Некоторые из них уже работают на западные спецслужбы, другие еще станут изменниками в недалеком будущем. За каждым из них тянется черный кровавый след предательства: погибшие и поломанные судьбы работавших на нашу страну людей, украденная стратегическая информация, многомиллионный экономический ущерб, и негативные политические последствия.

Среди этих приспособленцев почти не было идеологических

противников СССР. Мотивами измены у большинства служила банальная алчность, жажда красивой жизни на Западе, желание скрыть от коллег свои грязные делишки, которыми их шантажировали западные спецслужбы.

Как жуки-короеды эта нечисть подтачивала государство изнутри, нанося ему немалый вред.

Отдельный раздел я посвятил «архитекторам» будущей «Перестройки», детально расписав роль и участие в развале страны каждого из них.

Горбачев, Шеварнадзе, Яковлев, Ельцин – бывшие пламенные коммунисты, руководители Политбюро и государства, они целенаправленно вели её к будущей катастрофе. Беспринципные карьеристы с легкостью отрекшиеся от левой идеологии, позволившей им взобраться на вершину государства, развалившие страну и спровоцировавшие кровавый хаос 90-ых. «Подвигам» каждого из них тоже уделил внимание в своей тетрадке.

Для придания дополнительного веса своей информации я кратко расписал будущие попытки угона самолетов в 1978-1979-ых годах. Список открывался 15-ым октября этого года, когда АН-24 на маршруте Симферополь-Одесса захватил бандит с пистолетом Марголина и заканчивался перестрелкой 14-ого сентября 79-ого, убийством в ИЛ-18 одного из членов конвоя, рядового Даньченко, потребовавшего лететь в США.

Теперь нужно скрепить листы. Слава богу, у деда на даче валялся тяжелый дырокол, который я предусмотрительно приготовил. Беру в руки, похожее на дверную ручку прямоугольное устройство. Резким нажатием пробиваю две дырки сверху листов и перевязываю их лентой, спрятав информацию за пустой бумажной обложкой. Отдельной стопкой креплю и откладываю в сторону свои рацпредложения по реформам в СССР.

За этим занятием и застает меня веселый дед, вернувшийся с рыбалки.

– Закончил писанину? – интересуется он.

– Ага, уже минут пять.

– Ты смотри, даже перевязал их. Молодец, – улыбается генерал, – Дай-ка посмотреть.

Протягиваю стопку Константину Николаевичу.

Дед, прищурившись, сосредоточенно вчитывается в текст. Улыбка пропадает с его лица, как будто кто-то невидимый стер её ластиком. Секунда и передо мной стоит совсем другой человек. Добродушный пенсионер моментально преобразается в сильного волевого бойца, готового к смертельной схватке. Стиснутые челюсти, стальной блеск в

глазах, неестественно прямая осанка выдают его напряжение.

Пробежав глазами по тексту и закрыв последнюю страницу, генерал поднимает тяжелый взгляд на меня.

– Ты помнишь, я тебе говорил, что нас всех могут зачистить, если узнают про твои способности? – спрашивает дед.

Дождавшись моего кивка, генерал продолжает, – Это информация – настоящая бомба. Если она взорвется, дерьмом накроет всех по самые гланды, и страну, и партию, и людей. Так вот, если это, – потряхивает он рукописью, – попадет не в те руки, то жить нам останется считанные часы. И под замес может попасть вся наша семья. Твой отец и мать, бабушка и многие другие.

– Я это понимаю, – смотрю деду в глаза, – Зачем ты повторяешься?

– Я хочу, – старик даже порозовел от волнения, – чтобы ты осознавал всю ответственность и последствия наших шагов. Поэтому говорил тогда, повторяю снова, и буду тебе напоминать это в будущем. Одна ошибка и все – мы подставим не только себя, но и всех своих близких.

Поэтому, – дед набирает ртом воздух, как перед глубоким нырком, – Никогда. Никому. Ни слова, ни полнамека об этом. Будь предельно осторожен и внимателен. Взвешивай любое свое слово и каждый поступок. Не дай бог, только возникнет подозрение, что ты обладаешь какими-то стратегическими сведениями, и можешь что-то сделать с системой. Растопчут и не заметят. Это понятно.

– Понятно, – со вздохом подтверждаю я, – буду очень аккуратен и осторожен. Обещаю тебе.

Тяжелое молчание повисло в воздухе. Солнечные лучики, игриво прыгающие по столу, исчезли, и темный полумрак сгустился в комнате, заставляя стены угрожающе нависнуть над нами.

– Но это не значит, что я буду сидеть, сложа руки, пока ты будешь искать выходы на Машерова и Романова, – предупреждаю генерала, – помнишь, знаменитое выражение Марка Аврелия, переделанное масонами ордена «Кадоша»? «Делай, что должен, и будь что будет».

– Нет, нет, я никуда не полезу и никому ничего рассказывать не буду. Во всяком случае, то, что изложил сейчас в тетради, – предупреждающе вскидываю руку, видя, что генерал уже готов взорваться, – просто я уже начал многое делать на своем, местном уровне. Зачем, я тебе уже рассказывал. «Невозможно жить в обществе, и быть свободным от него». Это еще Владимир Ильич говорил. Поэтому я и начинаю с самого малого, своего городка.

– Массоны, цитаты, – ворчит Константин Николаевич, – больно ты

умный, как я вижу. Книжный червь, какой-то.

– Дедуль книги – источник знаний, – шутливоставляю вверх палец, ухмыляясь генералу, – А еще это возможность получить новую полезную информацию, обогатить свой лексикон, развить мышление и воображение. И если ты помнишь, я всегда много читал. И не только художественные книги, а еще и публицистику, историческую, военную и научную литературу. Поэтому воспринимай меня таким, какой я есть – въедливым и немного пафосным занудой.

– Ремня бы тебе по заднице дать пафосному зануде, чтобы не сильно умничал перед дедом. Тоже мне товарищ политрук, – сурово начинает генерал, но встретившись со мною взглядом, не удерживается, и его губы начинают медленно расползаться в широкой улыбке.

– Понадобится дед, и политруком буду, и агитатором, и сыном полка, – в моих глазах играет лукавая искорка, – если потребуется или Родина прикажет.

– Ладно, уже, разошелся профессор, – бурчит генерал, – я тебя понял, «Vincere aut mori», «победить или умереть».

Заметив удивление в моих глазах, дед ухмыляется, – Что не ожидал? Не один ты латынь знаешь.

– Ладно, – продолжает Константин Николаевич, – помни, что ты обещал. Если с тобой что-то случится, наши шансы изменить историю к лучшему резко уменьшаются. Об отце с матерью и мне с бабкой уже не говорю. И вообще учти, что я уже, знаешь ли, уже не молод. Могу и представиться в любой момент.

– Дед прекрати, тебе еще жить и жить, – возмущенно начинаю я, но старик обрывает мою речь, властным взмахом руки.

– Ты все уяснил? – суровые глаза генерала пронизывают меня насквозь.

– Да, – медленно киваю, – Безрассудно на рожон лезть и язык распускать не буду. Не волнуйся. Я все контролирую.

– Хотелось бы верить, – беззлобно ворчит Константин Николаевич.

– Не переживай дед, я тебя не подведу. Слишком многое поставлено на карту, – пристально смотрю в глаза генералу. Наши взгляды скрещиваются словно два клинка.

Константин Николаевич медленно кивает. На мое плечо опускается крепкая рука деда.

– Считай, что ты меня убедил.

8 октября 1978 года. Воскресенье.

– Ну как понравилось выступление наших бойцов? – гремит голос сенсея, отражаясь от стен зала гулким эхом. Мальцев картинно замирает в стойке с поднятыми вверх кулаками. Зеленый маскхалат красиво облегает атлетический торс.

Разбросанные в стороны Миркин, Потапенко, Волобуев правдоподобно изображают трупы. Полежав несколько секунд в живописных позах, ребята встают и подбирают макеты ножей и автомата Калашникова.

Зал взрывается бурным аплодисментами. Азартно хлопают в ладоши детдомовцы, бурно рукоплещет пришедшая из рабочих общежитий, заводов и ВУЗов молодежь, прочитавшая наши приглашения. Улыбается уголками губ Елена Станиславовна, прибывшая с большой толпой детдомовцев. Недалеко от неё, развязно привалившись к стенке, стоят белобрысый с Бидоном и остальная гоп-компания. По мелькающей в их глазах секундной растерянности и изумленным рожам, вижу: они впечатлены. Но через мгновение на лица гопников и их боевых подруг снова возвращаются кривые презрительные ухмылки.

«Ну ничего, через минуту я надолго сотру эти выражения с ваших морд», – злорадно думаю я.

Сейчас в зале не протолкнуться. Все пространство возле ковра забито людьми. Первые ряды сидят на заранее расставленных скамейках, последние стоят, заполняя пространство до самых стенок. Внимательно смотрю на окружающих. Равнодушных нет. Всех переполняют эмоции. Горящие восторгом глаза, раскрасневшиеся довольные лица. Вижу Ваню, Пашу и Аню, стоящих вместе с Тимуром Мансуровым, Смирновым и другими одноклассниками рядом с входом.

У самого ковра сверкает вспышкой фотоаппарата Вероника. Поймав мой взгляд, блондинка задорно вскидывает вперед руку с выставленным вверх большим пальцем. Еле заметно киваю в ответ.

Среди оживленно галдящих детдомовских малышей, сидящих прямо перед татами, мелькают знакомые бантики. Отыскиваю взглядом Машу. Кроха улыбается мне, сверкая маленькими белыми зубками, и машет рукой. Подмигиваю ей в ответ. Рядом с ней примостились на скамейку Валя и Оля. Брюнеточка с любопытством вертит головой, разглядывая присутствующих, Ольга сидит со скучающим лицом.

– А теперь, – гремит голос сенсей, – желающие могут проверить себя и поспарринговать с самым младшим по возрасту нашим бойцом – Алексеем Шелестовым, учеником 10-ого класса.

Мокрые от пота бойцы покидают ковер. Иду, аккуратно раздвигая присутствующих, прямо в центр татами. Возникает ощущение, что заботливо наглаженное и накрахмаленное мамой белоснежное кимоно скрипит при каждом движении. На моих руках боксерские перчатки, немного усовершенствованные умельцами-знакомыми Игоря Семеновича. Они чуть обрезаны в конце и имеют отверстия для пальцев, чтобы позволить бойцам полноценно применять захваты в борьбе.

Ого. На татами выходят сразу трое парней. Один под два метра ростом, костлявый, но широкоплечий, второй – крепенький такой боровичок, с мощной налитой силой фигурой, третий – ростом с меня, сухощавый, но сухой и жилистый.

– Минуточку, – поднимаю я руку в перчатке, – с удовольствием сражусь с вами всеми. Но я еще раньше обещал бой своему знакомому. Первым будет он.

Отыскиваю взглядом Гордея. Он уже протискивается сквозь возбужденно галдящую толпу. Что-то не вижу в глазах белобрысого особой радости от возможности избить наглеца. Злоба чувствуется, это видно, а уверенность в победе – нет. Парень выходит на борцовский ковер, нервно сжимая кулаки. Изумленная Елена Станиславовна привстает со своего места, набирает воздух, чтобы что-то сказать, но передумывает, и на секунду замерев, обессилено падает на скамейку.

– Первый бой Алексей проведет с Семеном Гордеевым, а потом с любым из вас. Ребята договорились об этом заранее. Это вопрос принципа, – объясняет наставник недовольно гудящему залу.

– Тебе переодеться надо? – обращается он к белобрысому.

– Нет, – шипит он через сцепленные зубы, – мне и так удобно.

– Как скажешь, – Зорин подает ему такие же перчатки, как и у меня. Гордей неловко натягивает их на руки. Сенсей деловито затягивает толстые боксерские шнурки, и завязывает их на запястьях.

Семен становится напротив меня, изобразив что-то похожее на боксерскую стойку. Наставник взмахом руки отправляет его в противоположный угол. Я тоже отхожу подальше.

– Готовы? – спрашивает сенсей.

Киваю, внутренне собравшись. Резко выдыхаю, и концентрируюсь на поединке.

– Да, – рычит блондин.

– Бой, – Зорин резко машет рукой, и отпрыгивает в сторону. Белобрысый несется ко мне на всех парах. Большой замах кулаком, видный каждому опытному бойцу. Подныриваю под правую, продолжая движение. Семена немного заносит вперед. Передо мной маячит его затылок, в который я легонько тюкаю перчаткой. Смех в зале.

Семен разворачивается ко мне с разъяренным лицом. Пытается пнуть меня ногой. Ловлю голень сгибом локтя, делаю шаг в сторону, приближаясь к противнику и разворачивая его. Резко подсекаю подъемом стопы опорную ногу. Семен с грохотом опрокидывается на ковер, раскинув руки. Имитирую удар правой в голову, и отпрыгиваю назад.

Белобрысый быстро вскакивает.

– Может хватит? – холодно интересуюсь у него.

– Нет, не хватит, – Семен в бешенстве, глаза метают молнии. Но урок парень усвоил, теперь он, выставив кулаки, приближается ко мне намного осторожнее.

Тычок в лицо левой, блокирую подставкой перчатки. Ухожу вбок от правой, ваясь вперед на его тело, моя нога, обвивается вокруг его нижней конечности, руки обхватывают тело противника, вынуждая его опрокинуться навзничь назад.

Стандартный зацеп из самбо, отработанный мною до автоматизма на сотнях тренировок. Падаем на ковер. Быстро смещаюсь в сторону, меняя положение. Семен переворачивается набок, пытаюсь уйти от меня. Привстаю, захватывая руками его запястье и предплечье, поворачиваюсь на 180 градусов, мягко валюсь назад, сплетая ноги и беря его руку на излом. Стоит чуть сильнее надавить, увеличить угол, и перелом гарантирован.

– Сдавайся Гордей, ты проиграл, – тихо шиплю ему.

– Нет, – стонет блондин, поворачивая ко мне искаженное от боли лицо. По его лбу ползет крупная капля пота.

– Все, закончили. Я сказал, конец боя, – врывается в сознание голос Зорина. С неохотой отпускаю руку соперника. Гордеев пытается кинуться на меня, но сильные руки сенсея с легкостью оттаскивают его назад.

– Семен, перестань, – кричит Ирина Анатольевна.

Белобрысый обмякает в объятьях Игоря Семеновича.

Через секунду тренер объявляет о результате поединка, вскидывая вверх мою руку вверх.

Снимаю перчатки, подхожу к блондину, и протягиваю ладонь. Секунду поколебавшись, он неохотно обменивается со мною рукопожатием.

– Ты хорошо бился. Молодец, – хвалю его, и Гордей немного успокаивается, – Но шансов у тебя никаких не было. Вообще. Просто я с

малых лет занимаюсь, и тренер у меня лучший в городе. Хочешь научиться так драться?

– Да! – глаза белобрысого оживают.

– Научишься. Пари ты проиграл, теперь вступишь в клуб, и будем вместе тренироваться.

– Когда можно начать? – Семену явно не терпится.

– Не торопись, – предупреждающе вскидываю вверх ладонь, – сперва надо поговорить обо всем серьезно. У нас есть определенные принципы и требования, которые должен соблюдать каждый член клуба. Попозже вернемся к этому вопросу. Хорошо?

– Хорошо, – вздыхает Гордей.

– Тогда иди к своим, а мне нужно с остальными разобраться.

Следующим был длинный. Парень раньше явно занимался боксом. Постоянно тыкал джебом, пытаясь держать меня на дистанции и «готовя» прямой правой. Но это ему не помогло. Разобравшись в тактике соперника, высоко поднял предплечья к голове, пошел в клинч, рывком зашел за руку. Оказавшись сзади, соединил ладони замком на его теле, подсел, рывком оторвал от земли и бросил противника прогибом. Затем перевернул его на спину, заставив завалиться на себя, скрестил ноги на животе противника, закрепляя позицию, и заставил сдаться удушающим.

С боровичком бой вышел скоротечный, но интересный. Этот невысокий паренек оказался неплохим борцухой. Быстро сблизился со мной, надавил корпусом вперед, заставив меня сопротивляться, резко дернул за руку, уложив мое тело на спину, и попытался провести мельницу. Пришлось уже в полете захватить локтем его подмышку, увлекая за собой, и аккуратно приземлившись на ковер, перекинуть его через себя, продолжая движение, зафиксировать положение сверху, и взять руку на излом болевым.

Последнего соперника я эффектно расстрелял ударами рук и ног на дистанции. Особенно не вкладывался, чтобы не нанести большого ущерба, постоянно перемещаясь и работая на быстроту.

Противник ничего не мог со мной поделать, и после пары минут наглядной демонстрации моего преимущества Зорин остановил бой.

Зал взорвался неистовыми аплодисментами. Детдомовцы, присутствующие парни и девушки возбужденно хлопают, сверкая счастливыми лицами, а я чувствую себя настоящим триумфатором. Что-то кричат Иван, трясет руками, собранными в замок Пашка, вздергивает кулак вверх Мансур. Теперь понимаю, какие чувства испытывали гладиаторы, слыша восторженные крики толпы в Колизее. Я тону в лучистых зеленых

глазах улыбающейся Ани, скандировании одноклассников «мо-ло-дец», воплях и восклицаниях впечатленных зрителей.

С торжествующим криком ко мне летит маленькая молния с большими белоснежными бантиками. Опускаюсь, принимаю с протянутыми руками «сестренку», и высоко поднимаю вверх, визжащую от восторга малышку. Сам не замечая, как оказываюсь в кольце смеющихся, хлопающих меня по плечам и спине людей. Ухмыляется Мальцев, показывает большой палец Вова Потапенко, обнимает за плечи Игорь Миркин.

Среди всеобщего торжества и ликования, чувствую чей-то пронзающий насквозь ненавидящий взгляд. Чуть поворачиваюсь и встречаюсь с глазами Бидона, привалившегося к стенке. Отморозок кривит губы и отворачивается в сторону.

«Ничего, скоро я обязательно тобой займусь сволочь», – мысленно даю себе обещание.

– Шелестов, все нормально? – встревожено спрашивает Зорин, – у тебя такое выражение лица стало.

– Да, – я поворачиваюсь к сенсею, – просто вспомнил кое-что. Ничего серьезного.

* * *

Когда толпа довольная увиденным зрелищем расходилась, я отозвал в сторону Николаенко.

– Ань, хочу тебя попросить об одной услуге, – смущенно смотрю в большие зеленые глаза, – ты можешь взять шефство над Олей? Помнишь, мы подсаживались к малявкам в детдоме, там еще такая надутая девочка была, которой «ничего не надо».

– Помню, – одноклассница кивает, – а почему шефство над Олей и именно я?

– Понимаешь, – на секунду задумываюсь, как лучше сформулировать свои мысли, – это очень несчастный ребенок с искаленной душой. Два раза её удочеряли и возвращали обратно в детдом. Ты можешь представить, что пережила девочка? Теперь она уверена, что никому не нужна, и вся жизнь перед ней представляется в черных красках. И Маше на мозги постоянно капает, заражает пессимизмом.

– Так ты что хочешь, обезопасить Машу от брюзжания? – в зеленых глазах светится огонек сарказма.

– Да причем тут это? – досада явственно слышится в моем голосе, –

просто желаю, чтобы у Оли появился какой-то лучик надежды в жизни, умная и заботливая старшая сестра, которая всегда поможет, подскажет и выслушает. Мы же уже договорились, что возьмем каждый подшефного из малышей и будем им помогать, как можем. Просто Ань я тебе верю. Ты сможешь вытащить малышку из депрессии и безнадёги, показать, что в жизни бывают и белые полосы, и хорошие люди. Она уже никому не доверяет, и живет как злобный волчонок, а ты сможешь ей снова стать человеком.

– Ладно, я попытаюсь, – Аня смотрит на меня с непонятным выражением лица, – но там же еще есть и третья подружка. Мы будем Оле и Маше уделять время, а как же она?

– Никто не уйдет обделенным, – небрежно машу рукой, – Вальке я тоже кого-то найду. С нашей агитаторшей Вероникой поговорю или с Иваном. Все будет нормально...

* * *

10–15 октября 1978 года.

Дела в клубе шли полным ходом. Вероника сумела все отлично организовать. Теперь холлы всех ВУЗов, техникумов, ПТУ, заводских проходных украшали красочные плакаты с призывами посетить наш клуб и вливаться в его стройные ряды. Над их составлением пришлось потрудиться. Лаконичные короткие предложения, яркие призывы, красивые изображения суровых воинов с оружием, нарисованные Настей Цуркану, приглашения заниматься рукопашным боем, освоить специальную подготовку военных, научиться защищаться, сделали свое дело. Возможность увлекательных походов, активное участие в жизни города, помощь ветеранам – это тоже привлекло большое количество молодежи, которым наскучил серый быт провинции. Спортивные секции, кружки все было для них привычным и вызывающим зевоту у многих. А тут появляется что-то яркое, красивое, необычное – интересная организация с элементами армейской подготовки и дисциплины, делающая из парней и девочек, подготовленных бойцов. Мощные парни в камуфляже демонстрируют на показательных выступлениях приемы рукопашного боя, мастерство владения ножами и оружием, с легкостью преодолевают препятствия и заграждения. Естественно, все это вызвало ажиотаж.

Тем более, мы открыто предлагали нашим новым членам ВПК

«Красное Знамя» активно приглашать к нам соседей, знакомых, приятелей из числа молодежи. Наш главный агитатор Вероника собрала себе небольшую команду из школ, техникумов, ПТУ, заводов, которые после грамотной обработки и знакомства с методами пропаганды, (пришлось мне посидеть с ними несколько часов, излагая сведения, полученные в результате «озарений» и видений будущего), несли нашу «рекламу» в массы, привлекая новых членов в наши ряды. Четыре парня и три девчонки, получили красивые фотографии с наших выступлений, сделанные Вероникой, постоянно рассказывали окружающим о мероприятиях и делах нашего клуба. Правда, подробно проинструктированные мною и блондинкой агитаторы делали это максимально ненавязчиво и аккуратно, чтобы не вызвать невольного отторжения у подруг, приятелей и однокашников. Каждый пришедший заполнял подробную анкету, где указывал адрес проживания, описывал увлечения, желания и черты своего характера, сдавал пару фотографий для личного дела. Анкета отправлялась в штаб, занимая место в кабинете сенсея, среди многих десятков себе подобных.

Затем назначался двухмесячный испытательный срок, по прохождении которого, человек становился полноценным членом ВПК «Красное Знамя», после принесения торжественной клятвы, которую мы разработали на основе военной присяги СССР.

Главный тезис, который мы старались привить новичкам – «не будь равнодушным, делай все возможное для города, общества и страны, ведь именно от каждого из нас зависит, какой наша Родина будет завтра». И это нам удавалось. Люди слушали нас. Многие были изначально настроены скептически, сидели с саркастическими ухмылками. Но доброжелательное отношение, атмосфера товарищества, наши аргументы и реальные дела, которыми мы только начинали заниматься, постепенно заставляли их прислушиваться к нашим словам, и растапливали лед недоверия.

На следующий день после показательного выступления я, Вероника и Зорин два часа поили Гордея чаем с печеньем и беседовали, объясняя принципы, на которых собирались строить ВПК «Красное Знамя». Разумеется, воспитанный на блатной романтике подросток не мог сразу же кардинально измениться. Но зерно сомнений и пищу для размышлений мы ему дали. И под конец душевного разговора, Семен даже немного отмяк.

Провожая парня, я рассказал ему о проделках Бидона и попросил сделать так, чтобы этот отморозок не приставал к маленьким девочкам, и не убивал животных. Побагровевший от ярости белобрысый сквозь зубы пообещал, что он займется этим вопросом, и лично объяснит извращенцу и

садисту его неправоту.

Тем временем, численность участников «Красного Знамени» росла как на дрожжах. За неделю в клуб записалось около 500 человек молодежи. Это было очень внушительное количество для нашего городка. Пришлось Веронике и Зорину разговаривать с начальником спортивного комплекса «Звезда», чтобы переместить часть тренировочных групп туда. Их активно поддержал мой отец и Подольский согласился. Теперь у ВПК «Красное Знамя» было два зала для тренировок – в помещении клуба, где остался наш штаб и в «Звезде». Занятия с новичками вели Мальцев, Волобуев, Потапенко, пришлось и мне подключаться. Даже загруженная агитационными делами Вероника тоже взяла отдельную небольшую группу из девушек и ребят младшего школьного возраста. Со всех участников «Знамени», кроме детдомовцев и детей из трудных семей, собирались взносы от 20-30-ти копеек и до рубля и выше, на текущие расходы: помощь ветеранам и малышам, оставшимся без родителей, приобретение спортивного инвентаря для тренировок и другие нужды ВПК «Красного Знамени». Занималась сбором средств наш главный агитатор Вероника со своими добровольными помощниками.

Не забывал я и о новой «сестренке». Заезжал в детдом, привозил ей и подружкам гостинцы, пару раз, с разрешения директора, брал Машу с собой погулять по парку и посидеть в кафе. Кстати, на одной из таких встреч, хихикающая малявка рассказала, что у Бидона появился огромный фингал под глазом и теперь он обходит малышей десятой дорогой, не рискуя даже приближаться к ним. Похоже, беседа Гордея с отморозком получилась на редкость убедительной.

Иногда компанию мне составляла Аня вместе с Олей и Ваня с Валецким. Волков вообще был удивительно добрым и ответственным парнем. Несмотря на загруженность тренировками по гребле и в клубе, он сразу же согласился взять шефство над Валецким.

Тамару Федоровну тем временем перевели в общую палату. Её состояние улучшилось, и она уже могла принимать гостей. Узнав об этом, я вместе с Мальцевым заехал к ней, предварительно посетив базар и приобретя у крикливых торговцев налитые спелым соком красные яблоки и ярко-оранжевые мандарины. Мама Сергея просто «засияла» как теплое летнее солнце, увидев меня. Смущенный искренними объятиями, поцелуем и пылкими благодарностями, «спаситель» позорно сбежал через пять минут, бормоча извинения, ссылаясь на занятость и обещая обязательно заехать попозже.

Несмотря на загруженность делами, пару раз удалось встретиться со

Светой. Первый раз я приехал к ней в общежитие с Серегой Мальцевым, узнавшем о прошлом инциденте с местной шпаной и вызвавшимся меня сопровождать. Моему товарищу сразу же пришлось по вкусу соседка Светы по комнате – рыжая фигуристая Алена. Подруге шатенки тоже понравился высокий широкоплечий Мальцев, и гулять по парку мы отправились уже вчетвером. Я наслаждался каждым мгновением свидания, шутя и болтая о всяких пустяках и с удовольствием слушая залиvistый заразительный смех своей подруги. Мы гуляли, обнявшись под звездами, светящимися теплым синеватым светом сквозь ветки деревьев, мечтали о будущем и, дурачась, танцевали, шурша засохшей листвой, под громкую музыку, доносившуюся из кафе напротив. Все-таки в брежневском времени были собственная романтика и очарование. И юные девушки в большинстве своем являлись наивными и искренними созданиями, ждущими настоящей любви...

А тем временем работа в клубе набирала обороты, налаживались первые контакты с милицией. Вероника, как и обещала, привела не только своего знакомого лейтенанта, но и его папу майора. После чаепития и доверительной беседы в кабинете у Зорина, экскурсии по клубу, знакомства с нашими делами и тренировочным процессом, каменные лица милиционеров заметно расслабились. Вячеслав и его отец Олег Борисович пообещали помогать и содействовать во многих наших начинаниях, а лейтенант, впечатленный эффективными приемами рукопашного боя, напросился на тренировки, пообещав привести и нескольких своих друзей – молодых оперов.

Я, в свою очередь, нанес визит Омельченко, отыскав его в «родном» РОВД. Максим Иванович встретил меня настороженно. Но когда я изложил свою просьбу, смягчился, поглядывая на меня с невольным уважением. Старший лейтенант, сам выросший в «проблемной» семье, воспринял мою просьбу помочь с получением списка трудных детей, чтобы взять над ними шефство и вырвать из цепких лап улицы, с большим энтузиазмом. Он пообещал поговорить с инспектором по делам несовершеннолетним, и всячески содействовать этой инициативе. Расстались мы с Омельченко почти друзьями.

Не забывал я и о физической подготовке. С первых дней «попадания» в свое прошлое, активно загружал свое тело серьезными нагрузками, пытаясь улучшить общую выносливость и силовые показатели. Пять раз в неделю, я вставал в 6 утра, вытаскивал на спортивную площадку возле дома две потертые папины 16-килограммовые гири, и проводил небольшую, но жесткую тренировку. Жимы, подбрасывания и кручение снарядов вокруг тела, рывки, чередовались с подтягиваниями и другими

упражнениями на брусках и турниках. Работал по принципу «круговой тренировки», переходя от одного упражнения и снаряда к другому с минимальным отдыхом. Именно так готовились борцы олимпийского уровня и другие атлеты, для которых была очень важна силовая выносливость, а не «дутые» мышцы быстро устающих культуристов, в конце 80 – начале 90-ых рекламировавшихся во всех спортивных газетах и журналах.

Три раза в неделю, после интенсивного получасового утреннего тренинга, я бежал кросс от пяти до семи километров по пересеченной местности пустыря, находящегося недалеко от дома. Перепрыгивая на ходу поваленные деревья, кучки земли, ямки и другие препятствия, я готовил свое тело к привычным в прошлой жизни марш-броскам. Сначала бегал налегке, а потом надевал на спину рюкзак с книгами, постепенно увеличивая нагрузку. Но на этом не останавливался, и еще больше усложнял задачу. Всю дистанцию кросса проходил в рваном темпе, резко увеличивая скорость на коротких участках, а потом сбрасывая её. Я спинным мозгом чувствовал: такая подготовка в недалеком будущем может спасти мне жизнь.

Конечно, на свои «спецназовские» показатели выйти за короткий срок было невозможно. Но за месяц появились первые результаты. Тело налилось силой, начали прорисовываться сухие, перевитые жилами мышцы, предплечья обрели каменную твердость, а старые футболки и рубашки начали жать в плечах.

И конечно, первой это заметила мама.

– Растешь сына. Вон уже совсем большим и сильным стал, придется новые вещи покупать. Настоящий мужчина, – с легкой грустинкой вздохнула она, потрепав меня по волосам после очередной тренировки.

А жизнь шла своим чередом. Началось активное наведение порядка в школах. Через пару дней после моего показательного выступления произошел первый инцидент....

* * *

10 октября 1978 года. Вторник.

После алгебры, ко мне подлетел Пашка, таща за локоть смазливую черненькую девочку из 9-ого Б.

За её руку держится пацан помладше, по виду четвероклассник.

Ребенок судорожно всхлипывает, прижимая к лицу платок. Белоснежная ткань с голубыми узорами испачкана кровавыми разводами.

– Леха, в туалете на втором этаже Недельский, Лесенко и Поляков курят и младшеклассников шмонают, – взволнованно сообщил Амосов, – Танькин брат сопротивлялся, так они ему нос разбили.

– Сволочи, я им головы оторву, – шипит девятиклассница. Её глаза метают молнии. Ребенок сморкается, выбрасывая на платок очередные сгустки крови.

«Суки», – в глубине души поднимается и нарастает как снежный ком бешеная ярость, готовая в любой момент выплеснуться наружу. Я далеко не ангел, но ненавижу, когда подонки бьют маленьких и слабых.

– Так Паша, зови Мансура и Смирнова, а мы пока с Ваней пойдем с этими уродами поговорим.

– Давно пора, – кивает Волков. Его мрачный взгляд не сулит сивкам ничего хорошего.

– Вы тоже с нами, – предупреждаю брата и сестру, – Тань, как твоего братца зовут?

– Михаил, – с достоинством отвечает девочка.

– М-м-миша, – одновременно с сестрой подает голос ребенок, пытаясь сдержать очередное рыдание.

– Держи себя в руках Миша, – наклоняюсь к пострадавшему пацану, – Ты же мужчина. Сейчас мы пойдем и накажем твоих обидчиков. Ты готов их показать, и рассказать, как все было?

– Готов, – паренек затихает и исподлобья смотрит на меня. Забираю у него платок, аккуратно промокаю разбитый нос, убирая подсохшие красные разводы над губой. Кровь уже перестала течь. Платок сразу же отбирает и засовывает себе в карман сестренка.

– Вот и отлично. Пошли, – протягиваю пареньку ладонь.

Пашка убегает звать Мансура и Смирнова. Ребенок бодро шагает со мной по затертому паркету. С другой стороны его держит за руку насупленная Татьяна. Чуть позади нас идет Ваня с решительным выражением лица. Встречающиеся по дороге школьники с любопытством смотрят на нас. Спускаемся на второй этаж. Возле серой двери мужского туалета останавливаемся.

– Таня подожди нас здесь, – прошу девятиклассницу, – мы сами разберемся. Все будет нормально.

Девчонка хочет что-то сказать, открывает рот, но потом передумывает.

– Хорошо, – кивает она, – только я вот тут стоять буду и с места не сдвинусь, пока вы оттуда не выйдете.

Передаю руку ребенка Ване, вдыхаю, настраиваясь на боевой ритм, и резко рву закрытую дверь на себя. Разбухшая от времени и влаги древесина противно стонет, соприкасаясь с плиткой.

Быстрым шагом захожу в туалет. Грязный заплеванный пол со свежими сплюснутым окурками. Лесенко и Поляков с перекошенным испугом лицами вскакивают с подоконника. В их пальцах тлеют горящие огоньки сигарет. Стоящий ко мне спиной Недельский оборачивается, пряча руку с папиросой «Беломорканала» за спину.

– Шелестов? – вырывается у него. Лесенко и Поляков, узнав меня, расслабляются. На их лицах появляются наглые ухмылки.

Вперед выходит Ваня с Мишей.

– Ну-ка Михаил, расскажи, что тут происходило, – поворачиваюсь к малышу.

– Я в туалет зашел, а тут эти, – шмыгает носом ребенок, – курят.

Школьник замолкает. Под наглыми взглядами сявок он съеживается и опускает голову, рассматривая поцарапанную плитку на полу.

Поднимаю ладонью его подбородок:

– Миша не бойся, говори как есть, мы разберемся.

– Они спрашивают: «Деньги есть»? – хмуро бубнит парень, – а я им «нету».

Вот этот, – палец школьника утыкается в улыбающегося Недельского, – говорит, «не ври, выворачивай карманы мелкота». Я отказался.

Паренек замолчал.

– Продолжай Миша, не робей, – подбадривает его Ваня.

Ну он меня того, ударил, нос разбил, – на последней фразе голос ребенка дрогнул, – карманы вывернули, тридцать копеек забрали.

– Понятно, – мой голос холоден как лед.

– Ну и чего ты нам сделаешь? – улыбается Недельский, – В ментовку побежишь?

Дверь снова с протяжным скрежетом распаивается, и ухмылка с физиономии Антона пропадает. За моими плечами вырастают внушительные фигуры Мансурова и Смирнова. Сзади маячит веснушчатое лицо запыхавшегося Пашки, подпершего спиной захлопнувшуюся дверь.

– Нет. Не побегу, – усмехаюсь я, – Зачем? Сами вас воспитывать будем.

– Ты чего? – подает голос Лесенко, – Вообще, оборзел Шелестов? Смотри, и не таким рога отшибали.

Молчу. С этими уродами дебаты бессмысленны. Они понимают и уважают только силу.

Резко бью костяшками левой в солнечное сплетение Недельскому. Сявка охает, и сгибается пополам. Ладонью захватываю запястье Лесенко, и с силой сдергиваю его с подоконника. Он с грохотом шлепается на пол как лягушка, раскорячив в разные стороны руки и ноги, получает удар ногой по бедру от Волкова и трамбуется животом плитку. Быстро выдвинувшийся вперед Мансуров коротким левым боковым сшибает Полякова как кеглю.

Ударом ладони по затылку отправляю Антона на пол, к остальным сявкам.

– Ах ты сука, – стонет Недельский, но болезненный тычок ногой по почкам, заставляет его заткнуться.

– Бить детей и забирать у них деньги может только говно, – сообщаю скрюченному на полу Антона, – сейчас мы отправим тебя в родную среду.

Подхватываю сявку подмышку, поднимая его.

– Давайте Ваня и Серега подключайтесь, Мансур посмотри за этими, пусть лежат смирно, – команду я.

Боксер кивает, Смирнов и Волков послушно хватают Недельского.

Антон упирается, но мы волочим его к белому кружку параша.

Моя рука упирается в его затылок, заставляя голову нагибаться вниз, прямо в вонючее и запачканное коричневыми потеками очко.

– Не надо, пожалуйста, я больше не буду, – дрожащим голосом умоляет Недельский. И куда только подевалась его наглость и самодовольство?

– Отвечаешь за свои слова? – уточняю я, продолжая направлять его башку в загаженную ямку параша.

– Отвечаю, гадам буду, – хрипит Недельский, – я завязал. Пидаром буду, если еще кого-то трону.

– Ладно, поверю тебе на первый раз, отпустите его ребята.

Смирнов и Волков разжимают руки. Антона трясет мелкой дрожью. Его грудь ходит ходуном, с шумом вбирая в себя воздух.

– Давай обратно, – тычком, направляю его в соседнее помещение, к распростертым на полу дружкам.

Там картина все та же. Лесенко и Поляков глотают пыль, вытирая собою грязь. Между ними с видом надзирателя стоит Тимур. Дверь по-прежнему подбирает спиной Пашка. Рядом с ним привалился к стене Миша. В глазах ребенка светится нескрываемое удовольствие.

– Отдохнули? – интересуюсь я.

Сявки что-то неразборчиво мычат в ответ.

Можете встать, – милостиво разрешаю я.

Лесенко и Поляков медленно поднимаются и оттряхиваются, прожигая меня ненавидящими взглядами. Поляк щупает ладонью челюсть и кривится. Больно? А ты как думал?!

– Верните ребенку его деньги, – требую у сявок.

Недельский нехотя залазит в карман, и достает горку мелочи. Из кучки монет, выбираю двадцать и десять копеек.

– Держи Миш, – протягиваю ребенку монетки.

– Спасибо, – маленькая ладошка проворно хватает копейки.

– Остальные деньги тоже у малышей забрал? – интересуюсь у Антона.

– Нет, это мои. Родители на столовую давали, – бурчит он.

– Прячь их обратно. Нам чужого не надо.

– Теперь так уроды. Хором приносите извинения Мише. Затем наводите порядок в помещении. Все бычки – в мусорку. Если откажетесь, будем продолжать ваше воспитание мужскими методами, с поочередным маканием в парашу. Вопросы есть?

– А если мы на тебя директрисе пожалуемся? – злобно смотрит на меня Лесенко, – Не боишься?

– Нет, – спокойно отвечаю я, – во-первых, тогда к Нелли пойдут Миша и Таня и расскажут о том, как вы избиваете младшекласников, и отбираете у них деньги. Заодно и платочек с пятнами крови продемонстрируют.

Во-вторых, мне стало об этом известно, и я подошел и побеседовал с вами без рукоприкладства. Все здесь присутствующие подтвердят. Правда, ребята?

– Конечно, – Иван солидно кивает, – мы никого не били. Просто предупредили, что расскажем обо всем Нелли. А вы испугались, решили сами первыми к ней побежать, и наврать всякие гадости.

– Абсолютно верно, – поддерживает его Тимур, – кто вас трогал убогие? Клоуны дешевые! Если я бы хоть один раз в полную силу ударил, то в травматологию гарантированно отправил.

– А в-третьих, – назидательно поднимаю палец, – после этого мы соберем в школе и направим к директору всех школьников, кто пострадал от ваших художеств. А их немало наберется. Это мы сделаем и в том случае, если что-то подобное повторится. Скандал будет большой. Это я вам гарантирую. И поедете вы убудки в колонию для несовершеннолетних на несколько лет. Все поняли?

– Да поняли, мы поняли, – бурчит Антон. Поляков и Лесенко обреченно кивают.

– Вот и хорошо. Миша ждет ваших извинений.

– Прости, – с трудом выталкивает из себя слова Недельский, – мы

виноваты

- Извини, – Поляков опускает глаза.
- Мы были неправы, – тихо выдыхает Лесенко.
- Так, а теперь прибираем за собой, только быстро. Слышите, в дверь уже кто-то стучит.

* * *

16 октября 1978 года. Понедельник.

– Товарищ майор, вызывали? – в дверь кабинета заглянул крепыш лет сорока в сером костюме «мышинного света».

– Заходи Анофриев, – седовласый мужчина в тонких позолоченных очках поднял глаза, отрываясь от чтения лежащих перед ним бумаг, и скользнул по посетителю внимательным холодным взглядом, – Присаживайся.

Он воткнул палец в кнопку на основании зеленой сталинской лампы. Сияние, обволакивающее стол хозяина теплым золотистым ореолом, померкло. Хмурая, пасмурная погода, окрасившая окна помещения серой пеленой, погрузила комнату в полумрак, придавая портретам Дзержинского и Брежнева, находящимся по бокам от кресла хозяина кабинета, зловещую ауру.

Крепыш проскользнул вовнутрь, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Метнулся к массивному столу, примостился на краешке стула, преданно заглядывая начальнику в глаза.

– Слушаю вас Николай Петрович.

– Скажи-ка мне Павел Александрович, – начальник взял пальцами за дужки очков, секунду повертел их в руках и решительно положил на столешницу. Оправа глухо стукнула о деревянную поверхность, заставив крепыша невольно вздрогнуть.

– Что это у нас в городе за военно-патриотический клуб «Красное Знамя» появился? – вкрадчиво поинтересовался начальник горотдела КГБ майор Скворцов, – Он ведь должен по твоему ведомству проходить вроде бы. Ты же у нас начальник Пятого отдела.

– А кто вас собственно беспокоит товарищ майор? – подобрался Павел Александрович, – Или факты какие-то есть? Вроде все в порядке с ними. Никаких антисоветских действий не замечено, наоборот, правильно воспитывают молодежь, учат Родину защищать.

– Ваньку не валяй, – тяжелый кулак начальника с силой ударил по столу, заставив очки и бумаги подпрыгнуть, – говори по существу, по «Знамени» работа ведется или нет?

– Конечно, ведется товарищ майор, – вздохнул крепыш, – любые общественные объединения такого уровня мы обязаны держать под контролем.

– Докладывай обстановку, – потребовал начальник, – и не забудь изложить свои мысли и соображения. Кратко и по существу.

– Слушаюсь, – вздохнул капитан, – военно-патриотический клуб «Красное Знамя» открыт по инициативе Игоря Семеновича Зорина 1935-ого года рождения, военного пенсионера, в настоящий момент работающего тренером по самбо и рукопашному бою в спортивном центре «Звезда». Зорин – очень интересный персонаж. По некоторым данным работал в составе одного из отрядов спецназа ГРУ, находился во Вьетнаме и Анголе, официально, в качестве военного советника, неофициально, являлся инструктором и занимался обучением местных спецподразделений и возможно участвовал в боевых действиях. Кстати, в Анголе он был вместе с подполковником Шелестовым, отцом одного из учеников Зорина, которого он тренирует рукопашному бою.

– Очень много общих слов и мало конкретики, – поморщился майор.

– Так ведь для получения точной информации по Зорину, нужно запрос воякам отправлять, – развел руками капитан, – они очень неохотно делятся информацией по своим людям и спецоперациям. Там грифов секретности как блох у Барбоски, без команды с самого верха, могут и на хрен послать.

– Ты мне тут не выражайся, – Николай Петрович строго глянул на подчиненного, – продолжай. О Зорине хватит. Интересует все, что удалось узнать и накопать по «Красному Знамени» и его участникам.

– Клуб официально открылся 2 октября этого года. По просьбе райкома комсомола ЖЭК предварительно выделил ему подвальное помещение на Петроградской, 22. Ранее оно использовалась как секция классической борьбы. Потом тренер по семейным обстоятельствам переехал в другой город, и секция закрылась. Помещение с тех пор пустовало.

По моим данным в этом поспособствовал Константин Дмитриевич Морозов – секретарь райкома комсомола.

– Я знаю, кто такой Морозов, – оборвал его начальник, – Давай дальше.

– Зорин со своими воспитанниками за пару дней покрасили стены,

выгребли пыль и начали работать. Они стали привлекать молодежь показательными выступлениями с демонстрацией приемов восточных единоборств и рукопашного боя. Естественно, ажиотаж это вызвало огромный. Люди потекли туда рекой. Конечно, я запустил туда несколько сексотов, которые будут держать нас в курсе, что происходит в этом клубе. Однако есть кое-какие моменты, которые настораживают уже сейчас.

– Вот, – оживился Николай Петрович, – а с этого места давай поподробнее. Что там тебя настораживает?

– Во-первых, уровень организации мероприятий. Он невероятно высок. Возьмем хотя бы агитацию. Она очень грамотно выстроена. Постоянные показательные выступления по рукопашному бою на выходных, на которые приглашаются все желающие. Военная романтика, предложения получить спецподготовку: стать лучше, сильнее, научиться преодолевать препятствия. Зорин и его ученики знают, чем зацепить молодежь. Во всех ВУЗах, техникумах, ПТУ, школах на досках объявлений висят их объявления. Я даже записал текст парочки из них.

Капитан полез во внутренний карман пиджака, достал блокнот с черной кожаной обложкой и поплевав на пальцы, перелистнул несколько страничек.

– Вот, например, плакат с таким содержанием висел в химико-технологическом техникуме. Цитирую: «Военно-патриотический клуб „Красное Знамя“ приглашает всех желающих в свои ряды. Вместе с нами ты научишься эффективным приемам рукопашного боя, оказывать первую помощь, преодолевать полосу препятствий, получишь навыки, которые пригодятся в армии, станешь сильнее, быстрее и увереннее в себе. Мы ходим в походы, планируем устраивать спортивные праздники, семинары, выставки и многие другие мероприятия. Скучно не будет никому!

Мы участвуем, и будем активно участвовать в жизни города, помогать ветеранам войны, инвалидам и людям, нуждающимся в нашей поддержке. У нас ты сможешь найти единомышленников и использовать свои знания, силы и умения!

Ты не равнодушный человек и хочешь приносить пользу людям, своему городу и стране прямо сейчас?

Приходи к нам, и ты станешь частичкой нашей дружной и крепкой команды!»

Капитан замолк, смотря на начальника.

– Мда, грамотно написано, – поджал губы Скворцов, – и необычно. Такое впечатление, что над текстом работали профессионалы. Очень интересно.

– Вот и я о чем, – вдохновенно продолжил начальник Пятого отдела, – обратите внимание как выстроен текст. Четкие лозунги, ясные фразы. Одна конкретика и никакого размазывания манной каши по тарелке. Именно подобную информацию люди психологически воспринимают лучше всего. А вы еще и оформление плаката не видели. А оно очень красиво. Крепкие бойцы в камуфляже, суровые лица, широкие плечи, на фоне встающего солнца. Это просто завораживает. Плакат сразу притягивает к себе внимание, каждого заходящего в учебное заведение – цветной, красочный, выделяющийся на фоне других серых объявлений.

Или вот, висело в пединституте, – капитан пролистал пальцем еще несколько страниц, – «Желаешь стать сильным и уверенным в себе? Хочешь научиться эффективным приемам самозащиты? Ищешь единомышленников и друзей? Приходи к нам в ВПК „Красное Знамя“! Мы ищем людей, которые желают жить ярко, красиво и интересно, приносить пользу обществу, получать полезные знания и умения. Каждое воскресенье в нашем клубе проходят показательные выступления по рукопашному бою. Мы приглашаем всех желающих посетить их, и пообщаться с нами в дружеской обстановке. Если тебе близки наши цели и принципы, то мы будем рады видеть еще одного достойного человека в составе нашей команды».

– Грамотно и лаконично, – признал майор, – вот если я бы был студентом и такое прочитал, то точно туда пошел. Хотя бы из любопытства.

– Я тоже, – улыбнулся уголками губ крепыш, – красиво заманивают агитаторы хреновы.

– Я же просил без выражений, – поморщился Николай Петрович.

– Извините, само как-то вырвалось, – сконфужено признался капитан.

– Ладно. Проехали. Продолжай.

– В «Знамени» используется еще одна оригинальная технология агитации. Я называю её «круги на воде». Просто и очень эффективно. Зорин и его помощники просят каждого новичка, рассказывать о «Красном Знамени», и активно приглашать своих друзей и знакомых. В результате, охватывается все большая аудитория, информация о них широко расходуется по всем районам нашего города, а количество молодежи приходящей в клуб, постоянно растет. Были даже зафиксированы случаи работы профессионально проинструктированных агитаторов, демонстрирующих фотографии и другие рекламные материалы клуба. Причем делают все исключительно грамотно, ненавязчиво, в кругу своих компаний, когда возникает подходящая тема разговоров.

– Очень интересно, – задумчиво протянул майор, – масштабно

действуют.

– Во-вторых, у них идеально разработана структура организации. Город четко разбит на сектора, за каждый из них отвечает один из помощников Зорина, – комиссаров. Они курируют адресную помощь инвалидам и ветеранам, следят за порядком на добровольной основе.

Каждый новичок заполняет подробную анкету. В ней указывается его место проживания, увлечения, хобби, род занятий или работа, родственники и другая информация. Все это собирается и хранится. Всем новым членам «Знамени» назначается испытательный срок – два месяца, по истечении которого, они будут приняты в организацию после торжественной клятвы или, наоборот, исключены за неблаговидные поступки и ненадлежащее поведение.

Все комиссары тренируют рукопашному бою, каждый свою группу новичков. Организация работает с трудными детьми и подростками, приглашая их в клуб, прививая ответственность и дисциплину. Клуб шефствует над детдомом, помогает материально, собирает вещи для малышей и подростков, занимается их воспитанием.

В-третьих, «Красное Знамя» взялось за наведение порядка в школах и ВУЗах. Жесткой критике подвергается блатная романтика. Было даже несколько конфликтов. В 37-ой школе, например, некто Зуб с парочкой прихлебателей, отнимал завтраки и издевался над слабыми одноклассниками. Ребята из «Знамени» скрутили их и притащили к директору в помятом состоянии, – усмехнулся капитан, – после занятий была назначена разборка. На помощь к Зубу, пришло человек 8 местной шпаны. Они просто обалдели, когда были окружены толпой из полусотни молодых парней. Оказывается, в клубе развита своя система оповещения в случае нештатных ситуаций. Сразу же летят «гонцы» в разные школы, техникумы и штаб на Петроградской, 22, где сидит дежурный, и постоянно находится народ. У шпанюков отобрали кастет и нож, надавали подсрачников и отпустили. Но сперва вышел здоровенный детина, один из комиссаров – Сергей Мальцев, ростом под два метра и весом далеко за сотню килограмм, и предложил желающим выяснить отношения, провести спортивный бой с ним на татами. Таковых не нашлось.

– И что шпана? Оставит это без ответа? – в глазах майора заиграли веселые огоньки.

– Пока ничего не делают, хотя брызги словесного поноса летят во все стороны, и угрозы «разобраться» в их среде присутствуют, но все как-то неконкретно, одни, как они говорят «понты», – ухмыльнулся Ануфриев, – разрешите, я продолжу?

Николай Петрович едва заметно кивнул.

– Было еще несколько зафиксированных нами случаев. В двадцатом общежитии на Маяковского, члены клуба, утихомирили и связали пьяного работягу, избивающего жену и ребенка из-за бытового конфликта. Был вызван наряд милиции, возбуждено уголовное дело. Парням из «Знамени» вынесена устная благодарность. Или вот мне доложили, в пригородном автобусе маршрут 28, сидела пара приклатненных товарищей. Несколько парней из «Красного Знамени», предложили им уступить место беременной. В ответ – порция матов. В результате, хамы, при активной поддержке возмущенной общественности, были дружными усилиями выкинуты из автобуса.

– Прямо тимуровцы какие-то, – усмехнулся Николай Петрович, – а как вообще узнали, что ребята из «Красного Знамени»? У них что, это было крупными буквами на лбах написано?

– Просто мой человечек, был недалеко от парней. Слышал, как они тренировку в клубе обсуждали, – пояснил капитан.

– Хорошо, твое мнение по всему вышеизложенному, – майор впился глазами в подчиненного.

– Ну пока ничего плохого не вижу, – пожал плечами Анофриев, – ребята помогают ветеранам, инвалидам и детдомовцам, следят за порядком, воспитывают молодежь. Все нормально.

– Ты дурак или только прикидываешься? – лицо Николая Петровича начало наливаться кровью, – На наших глазах создается массовая организация с элементами военной и специальной подготовки своих членов. Сейчас в ней состоит полтысячи человек – молодых, энергичных и инициативных юношей и девушек. А будет еще больше. Они успешно собирают вокруг себя молодежь, влияют на умы, готовят послушных, крепких и подготовленных бойцов. Ты представляешь, если мы за чем-то не уследим? Схлестнутся они, например, с местной шпаной, и устроят массовое побоище. Это правда, прерогатива милиции, но и к нам будут вопросы, почему не уследили и не проконтролировали. Но это еще не самое страшное.

Ты знаешь настоящие цели «Красного Знамени»? Кто так профессионально и умело взялся за дело? Отставной вояка? Очень сомневаюсь. Его максимум бы хватило на создание небольшой секции-кружка. А здесь чувствуется размах и грамотный подход настоящих специалистов. Продумано все до мельчайшей детали. Чего хотят добиться, те, кто стоят за Зориным? Можешь ответить на эти вопросы?

Крепыш благоразумно промолчал.

– Вот то-то и оно, – майор помолчал, секунду остывая, – не дай бог, что-то мы упустим, может начаться такой звездопад, что вместе поедem в Сибирь к чукчам с антисоветизмом бороться, я – старшим, а ты младшим лейтенантом. Это еще в лучшем случае. Могут и с позором выгнать из органов и партии. Нам дали все возможности для работы, но и спрашивать в случае чего будут по полной.

– А может быть и по-другому, – хищно улыбнулся уголками губ Николай Петрович, – за хорошо проделанную работу и своевременное раскрытие провокации империалистов, решивших под прикрытием военно-патриотического клуба создать антисоветскую организацию, можем и на повышение пойти с переездом в столицу.

– Да ведь пока они ничего плохого не делают, наоборот, – попробовал возразить крепыш, но под злым взглядом начальника, отвел глаза.

– Ты мне тут адвокатом не работай, – широкая ладонь майора гулко хлопнула по полированной столешнице, – мне это «Красное Знамя» здесь не нужно в любом случае. Жили спокойно без этого клуба, и еще как-нибудь проживем без лишней суеты и нервотрепки. Лучше вот что послушай.

После небольшой паузы, убедившись, что капитан готов внимательно воспринимать информацию начальник продолжил:

– Ко мне приезжал Приходько. Думаю не нужно напоминать кто это такой?

– Не нужно, – согласился крепыш, – кто же не знает секретаря райкома партии.

– Так вот Николай Яковлевич очень обеспокоен. Дело в том, что Морозов помог в открытии «Красного Знамени» по его просьбе. А к Приходько предварительно позвонил подполковник Шелестов, и попросил посодействовать в этой полезной инициативе. Занималось бы там человек пятнадцать-двадцать, секретарь райкома бы даже не почесался. А такой размах работы «Знамени» его самого сильно встревожил. Пока ничего особенного, но он очень просил меня присматривать за этими ребятами, и в случае чего докладывать ему лично.

– Идем дальше, – майор ухмыльнулся, – получается, открытию клуба активно содействовал уже упомянутый тобой подполковник Александр Константинович Шелестов – личность в нашем городе известная и уважаемая. Его отец – генерал-лейтенант Константин Николаевич – очень большой человек в столице со связями на самом верху. А сын – Алексей Шелестов, ученик 10-А класса, несмотря на возраст, назначен заместителем Зорина в «Красном Знамени». Все бы ничего, но почти месяц

назад на товарища подполковника пришла анонимка, обвиняющая его в антисоветизме. Сигнал не подтвердился, хотя особисты в части много интересного накопили. И вопросы кое-какие появились. Теперь давай представим, в качестве предположения, что анонимка правдива. Ты понимаешь, какой клубок мы можем размотать, и какие перспективы перед нами открываются?

– Понимаю, – подобрался крепыш.

– Ну раз понимаешь, иди, работай. Только пока никаких особых действий не предпринимай. Собирай любую информацию на клуб, попробуй накопать компромата по максимуму, заставь своих человечков активно шевелиться. Съезди в «Знамя», пообщайся с Зориным и Шелестовым-младшим, предложи помощь и поддержку им в этом благом, – майор чуть усмехнулся уголками губ, – начинании. Завяжи с ними отношения. Попробуй подружиться, настолько, насколько это возможно. Зорин – матерый волчара, а вот мальчишку можно попробовать расколоть и завербовать. Это было бы отлично. Так что присмотришься к нему.

И еще раз повторяю, без моего приказа никаких провокаций и активных действий. Пока только сбор всей информации по максимуму. Своими человечками пользуйся, хотя они навряд ли что-то очень интересное расскажут. Лучше наладь агентурную работу среди ближайшего окружения Зорина и Шелестова. Думаю, ты и сам знаешь, что и как делать. Задача ясна?

– Ясна, товарищ майор.

– Тогда приступай к работе, – сухо произнес Николай Петрович, – я тебя больше не задерживаю.

ЭПИЛОГ

17 октября 1978 года. Среда.

Холодный ветер игриво тербит лацканы куртки, стараясь проникнуть под одежду, и резко затихает, притаившись. Сухие листья вместе с волной мутной пыли взмываются вверх, и плавно оседают на мостовую, замирая до следующего порыва. Нахмуренное темно-серое небо постепенно сменяется чернеющими сумерками наступающего вечера.

Стою на остановке, возле столба, нетерпеливо посматривая на черный циферблат «Командирских». Секундная лимонно-желтая стрелка активно скачет по делениям, отсчитывая мгновения.

– «21:15. Еще как минимум пять минут ждать» – отмечаю с небольшой досадой.

Сегодня вечером мы едем в колхоз «Заветы Ильича». Завтра там будет сороковая годовщина со дня его основания. Александр Николаевич – председатель колхоза, впечатленный новостями, приходящими из города о нашем клубе, попросил своего старого приятеля Зорина, рассказать о «Знамени». Выслушав сэнсея, он попросил его организовать выступления наших ребят на празднике. И Игорь Семенович согласился. Пришлось, конечно, побегать. Мне – отпрашиваться со школы, а остальным ребятам – с техникумов, институтов и заводов. Секретарша Подольского, получившая в подарок коробку конфет, напечатала нам несколько писем от имени Зорина с просьбой освободить нас от занятий и работы на один день для участия в годовщине. Пару раз пришлось даже для пущей убедительности организовать звонки с колхоза в учебные заведения. Александра Николаевича – председателя колхоза-миллионера знали и уважали в нашем городке. Поэтому отказать его просьбе, озвученной заместителем, просившем отпустить бойцов для «показательного выступления на празднике» не осмелился никто.

Как рассказал наставник, у главы колхоза имелся собственный интерес.

– Я хочу, чтобы молодежь после работы и школы фигней не страдала. Пусть лучше тренируются, занимаются делом, чем самогонку хлещут и морды друг другу на танцах бьют. А когда заработает спортклуб и отделение вашей организации, глядишь и больше ребят и девчат будут здесь оставаться, работать в родном колхозе, а не переться в город за

длинным рублем и приключениями на свою задницу. Нам самим специалисты хорошие нужны, – заявил Зорину председатель, когда они сидели вечером у него в кабинете, – так что давай Игорь Семенович, помогай, привози своих ребят, на праздник. Хорошо выступите, я вам, и помещение выделяю, и оборудую его, чтобы наша молодежь ума набиралась, была политически грамотной и спортивной, а не водяру глушила почем зря.

Улица незаметно погружается в вечерний сумрак, зажигаются фонари, рассеивая веселым желтым светом, подступающую тьму. Мимо меня проносится тарахтящий и стреляющий дымом «запорожец», пролетает юркая «шестерка», гремит кузовом, в котором сложены листы железа грузовик. Всматриваюсь в дорогу, но пока «копейки» Мальцева и «москвича» Зорина не вижу.

Мысли автоматически переключаются на прощание с дедом. При расставании Константин Николаевич сказал, что ему понадобится некоторое время, чтобы «подготовить почву», найти нужные контакты и начать действовать.

– Скоро только кошки родятся Леша, – усмехнулся он, провожая меня к машине, – поэтому все надо как следует взвесить и продумать. Любая ошибка может стать для нас фатальной. Так что пока как договорились сиди тихо, и жди от меня вестей. Я сам тебя найду, когда будут новости.

Чувствую: скоро он со мной свяжется. И события начнут набирать ход, закручиваясь в тугую спираль времени. Одно из двух: либо мясорубка Системы перемелет в фарш наши жизни, либо страна получит новый шанс выжить и расцвести.

Замечаю вдали быстро увеличивающийся синий «Москвич 408» наставника. За ним пытит, взметывая вверх клубы пыли, белая «копейка» Мальцева. Машины тормозят возле меня.

Прыгаю на заднее сиденье к Сереге.

– Привет Леха, – Мальцев ухмыляясь хлопает своей здоровенной лапой по моей ладони.

Обмениваюсь рукопожатиями с Потапенко и Волобуевым.

– Вероника и Игорь в машине с Игорем Семеновичем. Наставник еще Надю прихватил на праздник, – сообщает мне Сергей, двигая машину с места, – сейчас заедем в «Звезду», заберем макеты автоматов и ножей, и поедем в Павловку.

Мы заворачиваем к спорткомплексу. Перед входом машины останавливаются. Из темно-синего «москвича» выходят Зорин, Миркин и Вероника и беленькая девочка похожая на изящную куколку. Мы тоже

выбираемся из «копейки». Потапенко сильно хлопает дверью «жигуленка», вызывая недовольный взгляд Мальцева. Быстрым шагом идем к Зорину.

– Значит так, – Игорь Семенович, пожав мне руку, становится сух и деловит, – сейчас идем в зал, переносим в машины инвентарь, который я покажу. Вероника остаешься с Надей. Делаем все быстро без заминок и лишних разговоров. Нам еще в Павловке на ночлег обустраиваться. Вопросы есть? Тогда пошли.

За пять минут мы дружными усилиями перетаскали в багажники деревянные копии АК, резиновые ножи, палки и другие атрибуты для показательного выступления, заблаговременно подготовленные Зориным.

После загрузки попрыгали в машины и пустились в путь. Я устроился у окна, рассматривая мелькающие навстречу автомобили, проносящиеся мимо черные силуэты домов и деревьев, периодически освещаемые светом фар. Постепенно пейзажи за окном начали сливаться в одну сплошную темную полосу, расплываясь перед глазами, и я, незаметно для себя, впадаю в транс...

Серая Тень бесшумно крадется по пустынным коридорам. Побелевшие от напряжения пальцы крепко сжимают кухонный нож. За плечом покачивается большая брезентовая сумка с раздутыми от содержимого боками.

Перед дверью с надписью «Дежурный воспитатель» Тень останавливается. Сумка тихонько опускается на пол.

Рука в цыпках и царапинах решительно толкает белую деревянную поверхность, вторая с тускло блестящим в полумраке лезвием, прячется за спину. Дверь со зловещим протяжным скрипом, нехотя распаивается. Тень скользит вовнутрь.

– Что такое? – Марат Альбертович недоуменно поднимает голову и, увидев вошедшего, резко вскакивает. Стул отъезжает в сторону, с грохотом ударяясь об соседний стол.

– Гудыма, какого черта ты, после отбоя, бродишь по коридору? Почему не в постели? – шипит он.

Лезвие хищно втыкается в грудную клетку моментально побледневшего воспитателя, отпрыгивает назад и хлестким движением прочерчивает кровавую полосу на его горле. Марат Альбертович, хрипит, хватается за шею, забрызгивая окружающее пространство кровавыми каплями, падает на колени, и медленно валится лицом на пол. Вокруг него расплывается зловещее темно-красное пятно.

Тень спокойно достает платок, стирает кровавые потеки с лица, тщательно вытирает нож о пиджак дергающегося в агонии воспитателя, и

обшаривает его карманы. Толстая связка ключей, несколько купюр и мелочь, перекочевывают в карманы убийцы.

При выходе из кабинета Тень сталкивается с возвращающимся из туалета малышом. Изумленный ребенок замирает, вытаращив глаза. Убийца реагирует моментально. Сильная рука зажимает рот крохи, стальное жало впивается в левую часть груди жертвы, точно в сердце. Маленькое тельце обмякает в руках у душегуба. Тень аккуратно опускает его на потертый от времени паркет и продолжает двигаться дальше....

У двери спальни младшей группы она останавливается. В замок мягко входит ключ из связки, взятой у покойного воспитателя. Убийца аккуратно поворачивает его, стараясь не скрежетать механизмом и закрывая спящих детей в комнате.

Из сумки извлекается пластиковая белая канистра, заполненная бесцветной жидкостью. Тень деловито отвинчивает крышку, щедро разбрызгивает её вокруг, стараясь не попасть каплями на себя. Отбежав в сторону, убийца достает из сумки пару газет. В его руках появляются спички, фосфорная головка чиркает по коричневой терке, загораясь игривым желтым огоньком. Подожженные газеты летят на лужи жидкости, разбрызгивая искры, пепел и красные огоньки тлеющей бумаги. Алой стеной в коридоре взметается воющее пламя с треском пожирающее паркет и деревянное полотно двери. Сквозь пелену огня виднеется белый циферблат часов в коридоре. Секундная стрелочка продолжает весело бежать по делениям, а другие прочно застыли на своих позициях. 23:16 – это время печатывается в моем сознании.

– Леха, да что с тобой происходит?! Ты в порядке? – крепкая рука Потапенко трясет меня за плечо.

– Да, – озарение, «накрывшее» меня, медленно исчезает, оставляя в памяти изображение пылающего коридора. Теперь вся картина произошедшего мне видна. Надо спасти детдомовцев.

«Если со мной что-то случится, значит все было зря» – мелькает в мозгу предательская мыслишка и бесследно пропадает где-то в глубинах сознания.

«О чем я думаю?! Идиот!!!» – я просто киплю от злости на себя, – «Там могут сгореть заживо маленькие дети! Я сам добровольно взял на себя ответственность за них: сестренку Машу, её подружек Валю и Олю и многих других. Как я буду жить дальше, смотреть в глаза людям, если не смогу их спасти?»

Кидаю взгляд на «Командирские». 22:20. Время еще есть, но его уже мало.

– Серега, посигналь Игорю Семеновичу, и остановись, – хриплю севшим от волнения голосом, – мы возвращаемся обратно....

Конец первой книги